Восточный Сборникъ

Изданіе
Общества Русскихъ Оріенталистовъ.

Книга II.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

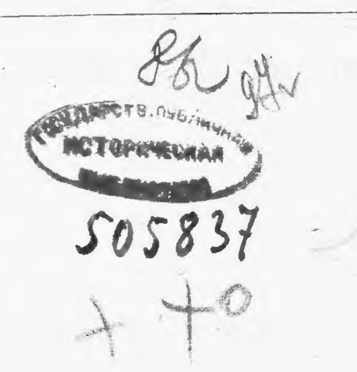
Восточный Сборникъ

Изданiе
Общества русскихъ орiенталистовъ.

Книга II.

Петроградъ.
1916.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типо-Литографія Н. I. Евстифѣева, Невскій 15 и Мѣщанская 20.
1916.

Турецкіе писатели о причинахъ упадка Турціи.

Въ предлагаемой статьѣ читатель не найдетъ разрѣшенія вопроса о причинахъ упадка Турціи съ точки зрѣнія европейской науки, ибо для подобнаго разрѣшенія этого вопроса еще не наступило время. Дѣло въ томъ, что теперь не сдѣлано почти ничего даже въ области предварительнаго изученія источниковъ турецкой исторіи, тѣмъ менѣе можно ожидать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на такіе сложные историческіе вопросы, какъ вопросъ о причинахъ паденія Османскаго государства. Поэтому мы ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ тѣхъ мнѣній, какія высказывались въ разное время писателями и государственными дѣятелями Турціи о причинахъ неустройствъ въ своемъ отечествѣ, начавшихся во второй половинѣ XVI в. и быстро достигшихъ до степени явленія, бросающагося въ глаза каждому. Подобная тема не нова для русскаго турковѣдѣнія. Родоначальникъ школы петроградскихъ оріенталистовъ О. И. Сенковскій въ свое время ознакомилъ русское общество съ однимъ изъ турецкихъ произведеній „объ упадкѣ Турціи“, переведя на русскій языкъ трактатъ Ресми-Ахмеда эфенди „Хулясэ-и и'тибаръ“ [1]). Проф. В Д. Смирновъ посвятилъ этому же вопросу свою магистерскую диссертацію [2]).

Проф. В. Д. Смирновъ остановился въ своемъ трудѣ на писателяхъ XVII в., но имъ упомянуты также и

---

[1]) Собраніе сочиненій Сенковскаго. СПБ. 1859, т. VI, стр. 234—343.

[2]) В. Д. Смирновъ: Кучибей Гомюрджинскій и другіе османскіе писатели XVII в. о причинахъ упадка Турціи“, СПБ. 1873.

болѣе раннія высказыванія турокъ о непорядкахъ въ Блистательной Портѣ. Историкъ первой половины XVI в. Рамазанъ-задэ приводитъ сѣтованія на неустройства въ имперіи Османа, которыя будто-бы были высказаны султаномъ Баязидомъ II (1481—1512). Везири султана неопытны и несвѣдущи въ дѣлѣ управленія. Они только хапаютъ взятки да подарки; по произволу вносятъ въ Порту небывалыя новшества; всѣ жалуются на ихъ несправедливости и утѣсненія. Да и какъ имъ слѣдить за порядкомъ въ государствѣ? „Одинъ—пьяница и сластолюбецъ: цѣлые дни и ночи проводитъ въ кутежахъ и развратѣ; другой—сребролюбецъ: продаетъ должности съ публичнаго торга; третій—непомѣрный охотникъ: никогда съ сѣдла не слѣзаетъ; все гоняется за дичью...“ [1]).

Неспособность и злоупотребленія должностныхъ лицъ вызывали оживленные толки въ турецкомъ обществѣ. Поэты откликались на нихъ то элегическими сѣтованіями на непорядки, то злыми и ѣдкими сатирами. Поэтъ конца XVI в. Нев'и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній писалъ:

Оставимъ пламя страстнаго стремленія, которое
горитъ въ моемъ тѣлѣ,
И огонь тоски, скрытый въ моемъ опустошенномъ сердцѣ;
Оставимъ то, что происходитъ съ тѣломъ, оставимъ удивленное сердце и душу!
Головы катятся, члены разстроены,—и это оставимъ!
Если лучшій изъ людей [2]) не проявитъ блеска
свѣта своего лица,
Этотъ міръ не придетъ въ порядокъ, а погибнетъ.
Всѣ теперь другъ противъ друга, все вращается
въ обратную сторону,—
Оставимъ вращеніе небеснаго свода и колеса
временъ!

[1]) „Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 3 и слѣд.
[2]) Т. е. пророкъ Мухаммедъ.

Когда лицо земли покрылось мракомъ взятокъ.
Чрезвычайно труднымъ стало упорядоченіе дѣлъ
вѣры.
Какой-нибудь проклятый расхвастается игрой въ
шахматы,
И дѣла нѣтъ до упадка вѣры и до притязаній
мужей!
Царство вѣры поручили толпѣ безвѣрныхъ.
А они, собравшись, устремилисъ къ разрушенію
зданія вѣры.
Дѣла поручили немногимъ юношамъ,—
Въ сторону привязанность къ мальчикамъ, въ
сторону стремленія старцевъ [1]).

آتش غیرت وجودم ایچره سوزان بریکا
نار حسرت قلب ویرانمه پنهان دریکا
تن کذ'ران بریکا حیران دل جان بریکا
باش غلطان بریکا اعضا پریشان بریکا
نوروجهك پرتوین صالمزسه تاخیرالبشر
منتظم اولماز بو عالم بر داخی کتدی کیدر
بر برینك ضدّیدر شمدی مخالف دور ایدر
چرخ کردون بریکا دولاب دوران بریکا
ظلمت رشوت ایله پر اولدی چون روی زمین
غایتیله مشکل اولدی انتظام امر دین
لعب شاه مات ایله بیك بیك لاف اورر بر لعین
ضعف ایمان بریکا دعوای مردان بریکا

---

[1]) На существованіе этого стихотворенія впервые обратилъ вниманіе В. Д Смирновъ („Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 7). Оно помѣщено въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній разныхъ турецкихъ поэтовъ, хранящемся въ И. Публичной Библіотекѣ за № 555. Страницы рукописи не пронумерованы: если считать всѣ листы рукописи, включая и первые, содержащіе какіе-то вычисленія, то стихотвореніе окажется на f. 18 r.

Такъ какъ стихотвореніе, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще не издано, то рѣшаюсь привести здѣсь текстъ его.

ملك دینی بر الای بی دینه تسلیم ایتدیلر
جمع اولوب بنیاد دینی هدمه ترکیم ایتدیلر
امر تدبیری بر از اوغلانه تسلیم ایتدیلر
میل صبیان بریکا مقصود پیران بریکا

Стихотвореніе Нев'и чрезвычайно интересно въ томъ отношеніи, что даетъ перечень тѣхъ темъ, которыя питали въ его время турецкую поэзію: страстное стремленіе, тоска въ разлукѣ съ любимымъ существомъ, изумленное (красотою) сердце и т. д. Нев'и приглашаетъ оставить эти темы и обратиться къ гражданскимъ мотивамъ.

Нев'и не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Гаммеръ перевелъ одно стихотвореніе, приписанное имъ Али-эфенди [1]), въ которомъ непорядки въ Османскомъ государствѣ описаны пространнѣе и гражданская скорбь выражена сильнѣе. Но еще энергичнѣе отражены горестныя чувства, волновавшія турецкихъ патріотовъ при видѣ неустройствъ и неурядицъ, въ сатирахъ. Писаніе сатиръ было далеко не безопаснымъ дѣломъ. Извѣстенъ фактъ казни поэта за сатиру на великаго везиря [2]). Оттого-то турецкіе сатирики пріурочивали опубликованіе своихъ произведеній къ моменту отставки бичуемаго ими сановника. „Синанъ-паша былъ трижды отрѣшаемъ отъ верховнаго везирства, и всякій разъ, какъ онъ получалъ отставку, поэты сочиняли на этотъ случай саркастическіе стишки-хронограммы или даже цѣлыя касыды, содержавшія въ себѣ описаніе его положенія, которыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ были въ обращеніи между простыми людьми и знатными, и всѣ старались переписывать эти стихотворенія“ [3]).

---

[1]) См. его „Geschichte der osmanischen Dichtkunst“ т. III, стр. 116. В. Д. Смирновъ выяснилъ, что стихотвореніе принадлежитъ не Али-эфенди, а нѣкоему Абди-челеби („Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 7 и слѣд.).

[2]) „Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 11—12.

[3]) В. Д. Смирновъ: „Очеркъ исторіи турецкой литературы“, въ „Всеобщ. ист. литературы“ Корша и Кирпичникова, стр. 68 по отд. отт.

Въ то же самое время разрушеніе государственнаго строя Турціи находило себѣ яркое отраженіе въ трудахъ турецкихъ историковъ. Въ эпоху уже упоминавшагося Рамазана-задэ жалобы на непорядки въ государствѣ. вродѣ находящихся въ его хроникѣ. сравнительно рѣдки, но къ концу XVI в. то элегическія. то негодущія отступленія отъ связнаго изложенія событій въ текстѣ хроникъ становятся чаще. Особенно много такихъ отступленій у Али-эфенди и у Мустафы Селяники [1]). Жалобы на печальное положеніе вещей выражались историками либо отъ своего лица, какъ, напримѣръ, видимъ это у Селяники при обсужденіи имъ вопроса объ увеличеніи государственныхъ расходовъ [2]), либо вкладывались въ уста историческихъ дѣятелей Турціи, какъ сдѣлалъ то упоминавшійся выше Рамазанъ-задэ [3]). Изъ этихъ отступленій отъ связнаго изложенія событій въ текстѣ хроникъ возникъ особый литературный жанръ. „Жалобы на обстоятельства времени“, сопровождаемыя болѣе или менѣе основательными соображеніями о причинахъ этихъ обстоятельствъ. весьма удручающихъ и печальныхъ, и проектами улучшеній государственной жизни—стали впослѣдствіи издаваться отдѣльно отъ текста хроникъ. Уже Али-эфенди написалъ трактатъ „Фусул-и халль у'акд ве усул-и харДж у накд“, въ которомъ излагается исторія 32 династій „съ цѣлью показать, какъ разрушаются государства“ [4]). Но этотъ трактатъ еще не относится ближайшимъ образомъ къ нашей темѣ, такъ какъ мало касается причинъ разстройства Османской имперіи. Занимающая насъ литература произведеній объ упадкѣ Турціи развилась позднѣе, въ XVII в. Среди авторовъ подобнаго рода произведеній одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Кучибею Гомюр-

[1]) В. Д. Смирновъ: „Очеркъ ист. тур. лит.“ стр. 67.

[2]) „Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 191. Причиной увеличенія расходовъ Селяники считаетъ измѣненіе и порчу старинныхъ обычаевъ Порты вслѣдствіе возрожденія стараго византійскаго стремленія къ блеску, роскоши и расточительности.

[3]) См. еще В. Д. Смирновъ: „Очеркъ ист. тур. лит.“ стр. 67.

[4]) „Очеркъ ист. тур. литер.“ стр. 72.

джинскому, сочиненіе котораго перевелъ и комментировалъ В. Д. Смирновъ. Послѣднее имѣетъ форму оффиціальнаго доклада султану, какъ и другіе современные ему трактаты. обсуждающіе тѣ же вопросы [1]).

Первой причиной упадка своей родины Кучибей, въ согласіи съ историческими теоріями своего вѣка, считаетъ бездѣятельность султановъ, которые въ первое время существованія своего государства вели, можно сказать, лагерную жизнь, проявляя кипучую дѣятельность по устройству своихъ владѣній. Но послѣ завоеванія Константинополя султаны почили на лаврахъ своихъ побѣдъ и тревогамъ дѣловой жизни все болѣе и болѣе предпочитали спокойную и пріятную жизнь внутри своихъ дворцовъ. Бездѣятельность главы государства вызвала переходъ власти въ руки придворной камарильи. Всѣ высшія должности замѣщались теперь по указанію придворныхъ. Развилась протекція, подкупъ, непотизмъ. Новые властители государства захватили въ свои руки не только право замѣщенія государственныхъ должностей, но и право назначенія и распредѣленія помѣстій служилому дворянству, отнявъ это право у провинціальныхъ правителей. Это лишеніе провинцій нѣкоторой доли самоуправленія повело къ различнаго рода злоупотребленіямъ и породило недовольство служилаго сословія.

Послѣдовавшее за всѣми этими неурядицами экономическое паденіе государства вызвало неаккуратную выдачу жалованья янычарскому корпусу, что было причиной частыхъ бунтовъ. Чтобы занять чѣмъ-нибудь недовольную солдатеску, почти каждый годъ совершались походы, но шли они вяло и были причиной новыхъ неустройствъ. „Вслѣдствіе налоговъ для ежегодной отправки и возвращенія войска, между поселянами и этимъ послѣднимъ возникла страшная вражда“, говоритъ Вейси [2]).

[1]) См. „Кучибей Гомюрджинскій“ стр. 33.
[2]) „Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 250.

Административныя неустройства и экономическія затрудненія заставили правительство Оттоманской Порты прибѣгнуть къ отдачѣ разныхъ отраслей государственнаго хозяйства на откупъ. Откупщиками были не природные турки, а вначалѣ иноплеменники турецкіе подданные, а затѣмъ и иностранцы—новое зло, слабо чувствовавшееся еще въ эпоху Кучибея, но давшее себя знать впослѣдствіи.

Литература о причинахъ упадка османскаго царства не заглохла и въ слѣдующемъ, т. е. XVIII столѣтіи. Мы не имѣемъ пока для XVIII в. такого изслѣдованія объ этой обличительной литературѣ, какое для XVII в. сдѣлалъ проф. В. Д. Смирновъ, и потому не знаемъ, насколько распространены были тогда трактаты, подобныя Кучибеевскому. Но что такіе трактаты тогда существовали, показываетъ сочиненіе Ресми-Ахмеда-эфенди, переведенное О. И. Сенковскимъ подъ заглавіемъ „Сокъ достопримѣчательнаго“. Авторъ этого рисале игралъ видную роль въ исторіи Турціи. Въ эпоху русско-турецкой войны 1769—76 г.г. онъ занималъ постъ помощника великаго везиря и былъ свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ неустройствъ и безпорядковъ въ организаціи арміи, которые и привели Турцію къ пораженію. Все это онъ описываетъ чрезвычайно ѣдко и остроумно. Главной причиной всѣхъ неурядицъ онъ считаетъ неспособность правящихъ лицъ, проистекающую отъ отсутствія у нихъ правильныхъ взглядовъ на задачи внутренняго управленія, и главнымъ образомъ, на цѣли внѣшней политики, а все это отъ того, что государственные мужи Турціи не имѣютъ историческаго образованія: „чтеніе исторіи не ихъ занятіе“, между тѣмъ, какъ тамъ они почерпнули бы не мало примѣровъ для своей дѣятельности. Османскіе турки пришли въ Малую Азію, а затѣмъ въ Европу, какъ завоеватели. Основавшись на развалинахъ Византійской имперіи, они предоставили населявшимъ ея народностямъ свободу самоуправленія, образовавъ изъ себя военный классъ, задачей котораго

было не только удержаніе завоеваній, но и продолженіе ихъ. При такомъ порядкѣ вещей понятно зарожденіе мнѣнія о томъ, что османское государство мечомъ добыто, и мечомъ только можетъ быть поддержано. Ресми-Ахмедъ-эфенди возстаетъ противъ этого взгляда. Въ своемъ трактатѣ онъ всѣми силами стремится доказать необходимость отказаться отъ этого устарѣвшаго принципа политики. Правда, „что народы во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ міра безпрестанно вели войны между собою". Да и въ Писаніи сказано: „Еслибъ Аллахъ не вооружилъ племенъ одни противъ другихъ, на землѣ не было бы толку", изъ чего слѣдуетъ, что „существованіе вселенной основано на взаимномъ истребленіи ея жителей".—„Но", продолжаетъ авторъ: „люди умные и опытные, твердо изучавшіе исторію, во всѣ вѣка знали также, что, въ то же время, благоденствіе и прочность государствъ зависятъ отъ умѣнья въ нужномъ случаѣ жить съ непріятелемъ въ мирѣ и дружескихъ отношеніяхъ. Эти люди не сомнѣвались, что брань сама по себѣ—дѣло дурное, и, предпочитая миръ войнѣ, всегда доставляли они правительствамъ, которымъ служили, и народу Божію, драгоцѣнныя выгоды покоя и безопасности".—„По завѣтамъ мудрецовъ", говоритъ Ресми-Ахмедъ въ другомъ мѣстѣ: „миръ есть вождѣленное состояніе и похвальное дѣло, и правительства, слѣдующія законамъ мудрости, не сходя съ благой дороги, всегда къ нему склонны и готовы". Ресми-Ахмедъ въ доказательство своихъ воззрѣній ссылается на апокриѳическое посланіе Аристотеля къ Александру Македонскому, „гдѣ излагается правило, что когда миръ возможенъ, то война неприлична и непозволительна".

Впрочемъ, личныя наблюденія автора убѣдительнѣе всякихъ трактатовъ. „Надобно видѣть", говоритъ онъ „что такое походъ и война, сколько въ это время несутъ потерь жители всѣхъ состояній, какъ сгоняется подъемный скотъ для арміи, какъ тащатъ тяжести и гибнутъ подъ ними лошади и верблюды, какъ пустѣютъ и разрушаются дома въ селахъ и городахъ!"

Остроумное произведенiе Ресми-Ахмеда-эфенди, по своему языку, до такой степени показалось страннымъ русской публикѣ, мало знакомой или лучше сказать вовсе не знакомой съ турецкой литературой, что на О. Сенковскаго взвели даже обвиненiе въ поддѣлкѣ. Однако В. В. Григорьевъ оправдалъ его отъ этого обвиненiя, подтвердивъ, какъ самое существованiе такого сочиненiя, такъ и вѣрность перевода его О. Сенковскимъ, а ввиду того, что во время возникшаго по этому вопросу спора явился интересъ къ самому Ахмеду-эфенди, то онъ и рѣшилъ перевести другое его сочиненiе: записку о посольствѣ его въ Пруссiю въ 1763/4 гг.“ [1]). Посвященная описанiю чужихъ странъ записка эта ничего не даетъ для нашей темы. Въ ней нѣтъ и намека на непорядки въ Турцiи, чужiе обычаи и нравы описываются съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ недоброжелательства. Такимъ образомъ, мы не можемъ установить взглядовъ Ресми-Ахмеда на внутреннюю политику. Въ то время еще слабо чувствовалась необходимость внутреннихъ реформъ. Все, повидимому, должно было остаться по старому, толька система внѣшней политики должна была измѣниться.

Но прошло не много времени послѣ Ресми-Ахмеда-эфенди, и новыя вѣянiя стали проникать въ Порту. Наиболѣе крупной реформой, знаменующей переходъ отъ старой Турцiи къ новой, было уничтоженiе янычарскаго корпуса. Недаромъ турецкiй историкъ прошлаго столѣтiя Джевдетъ-паша передъ разсказомъ объ уничтоженiи янычаръ дѣлаетъ критическiй обзоръ всей предшествующей исторiи Турцiи [2]). Констатируя упадокъ государственнаго строя Османской имперiи, начиная со второй половины XVI в., Джевдетъ-паша въ изложенiи причинъ упадка сходится съ Кучибеемъ. Государство держится на законѣ и войскѣ. Законы блюдутъ представители ученаго сословiя улемовъ. Войско же старой Турцiи состояло,

[1]) „Москвитянинъ“ за 1855 г. №№ 17 и 18.

[2]) См. ст. Barbier de Meynard'a въ „Nouveaux mélanges orientaux“, Paris, 1886 г.

главнымъ образомъ, изъ служилаго сословія сипаховъ, которые за пользованіе опредѣленными отъ государства помѣст ями являлись въ военное время въ войско съ извѣстнымъ числомъ всадниковъ.

Почти въ самомъ началѣ образованія Турецкой имперіи въ добавокъ къ всадникамъ-сипахамъ было образовано новое войско (ени чери), получившее въ Европѣ извѣстность подъ именемъ янычаръ. Янычары были пѣхотинцы, получавшіе жалованье отъ правительства. Они состояли изъ воспитанныхъ вь мусульманствѣ христіанскихъ мальчиковъ, набранныхъ среди христіанъ, подданныхъ Турціи. Впослѣдствіи порядокъ вербовки янычаръ былъ измѣненъ, въ янычары стали принимать всѣхъ безъ разбору и въ неограниченномъ количествѣ. Все это было причиной упадка дисциплины и потери боевыхъ достоинствъ. Янычарскій корпусъ обратился въ очагъ постоянныхъ волненій и мятежей, а съ другой стороны онъ не могъ уже больше противостоять европейскимъ войскамъ. Всѣ эти недостатки привели янычарскій корпусъ къ уничтоженію и замѣнѣ его по-европейски обученымъ войскомъ.

Вмѣстѣ съ янычарами были подвергнуты гоненію и тѣсно связанные съ ними дервиши ордена Бекташи. На особомъ совѣщаніи по ихъ дѣлу ихъ обвиняли въ ереси, въ умаленіи достоинства общепризнанныхъ святыхъ и въ неисполненіи религіозныхъ обязанностей. Бекташійцы выставляются османскими историками, какъ главные виновники паденія янычарскаго корпуса. Склонные къ шіизму, они еще въ XVI в. потрясли зданіе государства мятежомъ подъ предводительствомъ нѣкоего Календера [1]).

Едва ли всѣ эти обвиненія оставались безъ отвѣта со стороны обвиняемыхъ. Намъ пока неизвѣстна эта отповѣдная литература, но намекъ на ея существованіе можно

[1]) Хроника Джевдета-паши. Цитую по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ сборникѣ В. Д. Смирнова: „Образцовыя произведенія османской литературы", СПБ. 1903 г. стр. 158—159.

видѣть въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина „Стамбулъ гяуры нынче славятъ..." [1]).

Нововведенія вызывали протесты нетолько со стороны янычаръ и бекташійцевъ. Недовольство ими проникло въ болѣе широкіе круги. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ уничтоженія янычаръ султану Махмуду II пришлось на улицѣ въ присутствіи сочувствующей толпы народа выслушать упреки и брань за новшества отъ одного дервиша [2]).

Съ другой стороны въ одномъ стихотвореніи о крымской войнѣ говорится о томъ, что русскіе много разъ побѣждали турокъ, въ послѣднее же время начали одолѣвать турки, и это потому, что

Султанъ вселенной, Махмудъ Второй,
Уничтожилъ янычарскій очагъ,
А учредилъ обученное войско... [3])

Реформированье государственнаго строя Турціи не остановилось на одной замѣнѣ стараго войска европейски-обученнымъ. При этомъ всякій разъ, при проведеніи въ жизнь какой-либо реформы, преобразователямъ приходилось примирять ее съ мусульманской религіей. Въ наиболѣе общемъ видѣ отношеніе ислама къ прогрессу изображено въ извѣстномъ завѣщаніи Фуада-паши [4]). Въ немъ исламъ объявляется „сочетаніемъ всѣхъ истинныхъ началъ, допускающихъ усовершенствованіе міра и человѣчества". Мусульманская религія не противорѣчитъ про-

[1]) См. „Путешествіе въ Эрзерумъ", глава V: „Нововведенія, затѣваемыя султаномъ, не проникли еще въ Эрзерумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Эрзерумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-оглу"... И далѣе приводится упомянутое стихотвореніе.

[2]) G. Jacob: „Beiträge zur Kenntnis des Dervisch-Ordens der Bektaschis", Berlin, 1908. стр. 9.

[3]) В. Д. Смирновъ: „Турецкая цивилизація", Вѣстникъ Европы за 1876 г., сентябрь. стр. 25.

[4]) Существуетъ сомнѣніе въ авторствѣ Фуада-паши (Кучибей Гомюрджинскій, VI). Текстъ завѣшанія былъ помѣщенъ въ лондонской газетѣ турецкихъ эмигрантовъ „Хурріетъ". Я пользуюсь отрывкомъ, переведеннымъ въ статьѣ г. Щебальскаго въ „Русскомъ Вѣстн." 1870 г. янв. стр. 218.

грессу; наоборотъ: она болѣе всѣхъ религій согласна съ нимъ, ибо „всѣ прочія религіи прикованы къ принципамъ и доктринамъ, не терпящимъ ни малѣйшаго измѣненія и служащимъ преградой къ развитію человѣческаго ума; одинъ только исламъ, свободный отъ всякихъ таинственныхъ и непогрѣшимыхъ постановленій, доставляетъ возможность итти въ уровень со всѣмъ свѣтомъ“...[1]).

Такое рѣшеніе вопроса объ отношеніи ислама къ прогрессу остается у турокъ въ силѣ и до сихъ поръ. Тюджаръ-задэ Ибрагимъ Хильми въ своей книгѣ „Европеизація“ [2]) пишетъ о случайности связи европейской культуры съ христіанской религіей. Теперешняя европейская цивилизиція наслѣдница древнихъ цивилизацій Греціи и Рима. Греція и Римъ достигли высшей точки своего культурнаго развитія задолго до появленія христіанства. Христіанство же развилось уже въ эпоху угасанія старыхъ цивилизацій и ускорило ихъ паденіе.

Въ періодъ распространенія христіанства Европа была раздираема религіозными войнами, сопровождавшимися эксцесами, которые напоминали времена варварства. Лишь благодаря близкому соприкосновенію Европы съ арабской культурой въ эпоху крестовыхъ походовъ, для Европы явилась возможность культурнаго развитія. Культура арабовъ въ значительной степени выросла на идеяхъ эллинской культуры, которыя, такимъ образомъ, были проведены и въ Европу. Но въ то время, какъ европейцы „не удовольствовались однимъ только заимствованіемъ, но путемъ остроумнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій заимствованную обширную культуру довели до теперешней степени совершенства“, [3]) мусульмане изъ-за внѣшнихъ и внутрен-

[1]) Подробнѣе объ апологіи ислама въ турецкой литературѣ см. у Вл. Гордлевскаго. „Очерки по новой османской литературѣ“, Москва, 1912 г. стр. 80 и дал.

[2]) آوروپالیلاشمق Константинополь, 1332 годъ Хиджры. Приводимое здѣсь разсужденіе объ европейской культурѣ помѣщено на стр. 41 и далѣе.

[3]) Точно такія же мысли объ отношенія христіанства къ европейской культурѣ были высказаны Ибрагимсмъ Хильми въ другой его книгѣ: „Турція, проснись!“ которую онъ цитуетъ и въ „Европеизаціи“.

нихъ войнъ не пошли дальше, да и во время, остававшееся свободнымъ отъ войны, они не двигались впередъ по пути культурнаго прогресса, а были погружены въ азіатскую спячку. Вотъ этотъ застой, отсутствіе движенія и были причиной упадка всѣхъ мусульманскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Турціи.

Эта мысль объ отсутствіи прогрессивнаго движенія, о консервативности, какъ основной причинѣ паденія Турціи, была высказана еще раньше знаменитымъ Намыкъ-Кемаль-беемъ въ его сочиненіи „Сонъ“ [1]). Въ Турціи чрезвычайно распространена особая литературная форма,— форма разсказа о снахъ, въ которыхъ авторъ видитъ все то, что желаетъ сказать [2]). Въ такую же форму облечено и названное произведеніе Кемаль-бея. Онъ видитъ во снѣ громадную площадь, на которой собрался народъ. Къ собравшимся является Свобода въ видѣ прекрасной и величественной дѣвушки. Всѣ въ страхѣ падаютъ на землю. Свобода держитъ къ собравшимся пространную рѣчь, въ которой упрекаетъ ихъ въ безпечности и лѣни. Богъ даруетъ людямъ благоденствіе за труды, но турки труда избѣгаютъ. Изъ-за этого они въ рабствѣ и принуждены цѣловать попирающія ихъ ноги, но все-таки они не хотятъ отказаться отъ своей лѣни: они кусаютъ руку желающаго ихъ спасти отъ нея. Весь міръ стремится къ Каабѣ совершенствованія, но они и ногтями и зубами цѣпляются за свое мѣсто и не хотятъ видѣть, что все въ мірѣ движется впередъ. Они только и думаютъ о томъ, какъ бы сохранить свое положеніе. „Но если-бъ нужно было

[1]) « رؤيا ». Я пользуюсь татарскимъ переводомъ Зія Насирова, вышедшимъ въ 1907 г. въ Казани.

[2]) Ср. „Кучибей Гомюрджинскій“, стр. 18—19. Въ форму сна облечены и новѣйшіе политическіе памфлеты противъ Абдулъ-Гамида, о которыхъ см. работу Т. Менцеля въ „Der Islam“ за 1914 г. Heft 1. Въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми Т. Менцель снабдилъ свой переводъ памфлетовъ, спутаны, между прочимъ, два везиря, носившіе имя Синанъ-паши (стр. 6). Т. Менцель указываетъ на Синанъ-пашу конца XVI в., между тѣмъ какъ въ текстѣ подразумѣвается Синанъ-паша, жившій столѣтіемъ раньше, авторъ „Теззаруат-намэ“ (см. E. J. W. Gibb.: A history of ottoman poetry, т. II, стр. 25).

смотрѣть назадъ, а не впередъ, то Богъ поставилъ бы глаза на спинѣ“, восклицаетъ Свобода. Этотъ міръ—міръ прогресса. Отцы, которые не могутъ поднять своихъ дѣтей выше себя, не достойны уваженія. Въ своихъ упрекахъ Свобода высказываетъ мысль, что турки совершенно не способны къ движенію, такъ какъ они охвачены боязнью подвергнуться опасности на каждомъ шагу (стр. 15—16).

Эта мысль была впослѣдствіи развита современнымъ писателемъ Шихабъ-эдъ-Диномъ Сулейманомъ въ особой книгѣ. Книга эта вышла въ Константинополѣ въ прошломъ году еще до войны подъ заглавіемъ: „Боязнь риска у османцевъ„ [1]). Книга состоитъ изъ 16 статей, въ которыхъ описывается инертность турецкаго общества, страхъ турка передъ всякимъ новымъ шагомъ, не оставляющій его никогда, идетъ ли дѣло о воспитаніи и образованіи дѣтей, о государственной службѣ, наукѣ, религіи, литературѣ и т. д.

Съ такими настроеніями турокъ встрѣчается съ дѣтства. „Мы видимъ“, говоритъ Шихабъ-эдъ-Динъ: „счастье нашихъ дѣтей въ легкихъ и безотвѣтственныхъ занятіяхъ. Незамѣтно для самихъ себя, мы своимъ воспитаніемъ стараемся удалить ихъ отъ труда, могущаго ихъ утомить, но который и провелъ бы ихъ къ истинному счастью“ (стр. 4). Родители готовятъ дѣтей къ чиновничьей карьерѣ, т. е., труду легкому, обезпеченному, безотвѣтственному и механическому (стр. 5). У чиновника есть обозначенныя на бумагѣ обязанности, по исполненіи которыхъ онъ можетъ зѣвать и спать до конца присутствія. Стремленіе занять мѣсто чиновника такъ велико въ турецкомъ обществѣ, что подъ его вліяніемъ произошло чрезмѣрное увеличеніе должностей. Работу, которую могъ бы исполнить одинъ человѣкъ, поручаютъ четверымъ или пятерымъ

[1]) « عثمانلیلرده واهمهٔ مسؤلیت »

(стр. 5) [1]). Параллельно увеличенію должностей сокращается жалованье, но съ этимъ мирятся. Шихабъ-эдъ-Динъ Сулейманъ замѣчаетъ, что турокъ не охотно выдаетъ свою дочь за ремесленника, хотя бы тотъ зарабатывалъ по 20—30 лиръ въ мѣсяцъ, и не колеблется отдать ее за чиновника съ ничтожнымъ жалованьемъ (стр. 6). И главная тому причина—инертность, боязнь риска, связаннаго со всѣми личными предпріятіями. Государственная же служба обезпечиваетъ человѣка до конца жизни жалованньемъ и пенсіей, и послѣ его смерти государство продолжаетъ содержать его семью (стр. 7).

Къ такой тендеціи домашняго воспитанія присоблена и школа. Шихабъ-эдъ-Динъ Сулейманъ былъ преподавателемъ словесности въ одной изъ Константинопольскихъ гимназій. На урокахъ онъ часто говорилъ о необходимости упорнаго труда, совѣтовалъ не возлагать надеждъ на жалованье отъ правительства, а направить свою дѣятельность въ область торговли и промышленности. Одинъ изъ его товарищей предупредилъ его, что эта сторона его дѣятельности не нравится родителямъ учениковъ (стр. 5).

Въ спеціальной статьѣ о чиновничествѣ (стр. 31—36) нашъ авторъ называетъ его наслѣдственнымъ занятіемъ турокъ, доставшимся имъ по праву завоеванія. И дѣйствительно, основавшись на развалинахъ Византійской имперіи, турки, какъ уже сказано выше, предоставили почти полную автономію населявшимъ ее народностямъ – грекамъ, армянамъ, евреямъ и т. д. подъ управленіемъ ихъ духовныхъ главъ [2]). Самимъ же туркамъ, въ ихъ главной массѣ,

[1]) Тяготѣніе турокъ къ военнымъ и чиновничьимъ занятіямъ отмѣчено много разъ и европейцами. См., между прочимъ, Д. Розенъ: „Исторія Турціи отъ побѣды реформы въ 1826 г. до Парижскаго трактата“, СПБ. 1872 г. I, 143 и N. Jorga. „Geschichte des osmanischen Reiches“, Gotha, 1913, т. V, стр. 615. Увеличеніе штатовъ старое зло Турціи („Кучибей Гомюрджинскій“, 246). Наблюдавшіеся въ новое время случаи обратнаго явленія, совмѣщенія нѣсколькихъ должностей въ однѣхъ рукахъ (В. Д. Смирновъ: „Турецкая цивилизація“, Вѣстн. Евр. 1876, августъ, стр. 546), повидимому, фактъ случайный, объясняемый спеціальными условіями.

[2]) А. Убичини и П. де-Куртейль: „Современное состояніе Отоманской имперіи“ СПБ. 1877, стр. 163 и дал.

досталась роль надсмотрщиковъ, судей да сборщиковъ податей. Съ другой стороны, продолжавшаяся завоевательная политика, а по прекращенiи завоеванiй вызванная ими вражда сосѣднихъ государствъ—были причиной возникновенiя обширнаго военнаго класса.

И до сихъ поръ, по словамъ Тюджара-задэ Ибрагима Хильми („Европеизацiя", стр. 98), турецкiя матери и няни только и поютъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ: „Ты будешь офицеромъ, ты будешь пашой!" У названнаго писателя цѣлая глава посвящена необходимости реформированья общественнаго и экономическаго строя Турцiи (стр. 88—108). Онъ не видитъ толку въ разныхъ литературныхъ обществахъ, вродѣ „Тӱрк јурду" или „Халк оджагы". „Болѣе всего возвышаютъ нацiю экономическая дѣятельность и экономическiя общества. Поэтому намъ необходимо основывать экономическiя товарищества, въ особенности кооперативы и кассы взаимопомощи, говоритъ Ибрагимъ Хильми (стр. 103). Далѣе онъ рекомендуетъ учрежденiе различнаго рода банковъ, образованiе торговыхъ компанiй, проведенiе желѣзныхъ дорогъ и т. д. Но для всего этого нужны люди, а ихъ нѣтъ. „Счастье наше мы искали не въ наукѣ, не въ культурѣ, а только въ чиновничествѣ да въ военной службѣ", восклицаетъ нашъ авторъ (стр. 113).

Въ этомъ отношенiи весьма показательно то, что герой популярнаго романа „Приключенiя Али-бея" сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, по-европейски образованный юноша, по своему общественному положенiю—простой чиновникъ [1]). А до какой степени сильны въ турецкомъ обществѣ военныя традицiи видно изъ одного эпизода въ автобiографическомъ романѣ М. Наджи „Дѣтство Омара". Разсказывая о смерти своего отца, скромнаго лавочника, никогда никакого отношенiя не имѣв-

[1]) Содержанiе романа изложено у В. Д. Смирнова „Очеркъ ист. тур. лит.", стр. 108—115.

шаго ни къ чему военному, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Вдругъ онъ потребовалъ большой ножъ, висѣвшій у него надъ головой. Мать встала и подала ему. Придерживая лѣвой рукой ножны, отецъ съ большимъ усиліемъ вытащилъ ножъ правой рукой. А мы въ удивленіи смотрѣли, что-то будетъ дальше. Поднявъ ножъ вверхъ, онъ началъ вертѣть его во всѣ стороны. „Я хотѣлъ пасть шехидомъ (въ битвѣ съ невѣрными)“, сказалъ онъ. [1]).

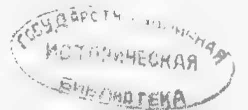
Такимъ образомъ, съ самаго начала существованія Турціи главная масса турокъ уходила въ составъ военнаго и чиновничьего класса. Это повлекло за собой слабое развитіе промышленности и торговли, что и отразилось на характерѣ турокъ, лишенномъ предпріимчивости и иниціативы. Послѣ младотурецкаго переворота въ Турціи была образована „Лига частной иниціативы и децентрализаціи“, не имѣвшая, правда, большого вліянія. Интересно отмѣтить, что основатель лиги принцъ Сабахъ-эдъ-Динъ— сам человѣкъ слабовольный, и, слѣдовательно, на себѣ испытавшій всѣ неудобства основного недостатка турецкой психики [2]).

Эти особенности характера турецкаго народа наложили на турецкую политику печать неустойчивости. По словамъ Шихабъ-эдъ-Дина Сулеймана политика Османскаго государства часто мѣнялась подъ вліяніемъ или простыхъ мятежей, или каприза вліятельныхъ лицъ (стр. 26—27). Порицая подобнаго рода политику, нашъ авторъ приходитъ даже къ выводу о необходимости не спѣшить съ отмѣной плохихъ законовъ, хотя бы негодность ихъ и была очевидна. „Хотя исправленіе ошибокъ и большое достоинство, но только не въ изданіи и примѣненіи законовъ“, говоритъ онъ (стр. 29).

Непостоянство государственной политики создаетъ настроеніе неувѣренности въ каждой личности. Каждый

[1]) См. „Восточный сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго“, Москва, 1914, стр. 342.

[2]) Характеристику Сабахъ-эдъ-Дина и его дѣятельности см. у А. Н. Мандельштама: „Младотурецкая держава“. Москва, 1915 г.; въ частности стр. 10—11.

сознаетъ ненормальность настоящаго положенія вещей, но никто ничего не говоритъ: не намъ, дескать, исправлять міръ (стр. 28). „Истина“!.. восклицаетъ Шихабъ-эдъ-Динъ Сулейманъ: „существованіе ея у насъ, въ нашихъ странахъ кажется удивительнымъ. Какъ только это слово попало въ османскіе лексиконы? Невозможно понять... Развѣ только какъ противоположность лицемѣрію... Если бы понадобилось указать такихъ жителей земли, у которыхъ всегда въ разладѣ слова и поступки, я не задумываясь. указалъ бы на насъ. Да, это—мы подъ вліяніемъ каждаго встрѣчнаго вѣтра, подъ вліяніемъ каждой встрѣчной силы мѣняемъ нашъ языкъ, образъ дѣйствій и мысли“ (стр. 43—44).

На этомъ мы остановимся. Въ обзорѣ тѣхъ взглядовъ объ упадкѣ Турціи, которыя были высказаны турецкими писателями и государственными людьми, мы обращали вниманіе лишь на наиболѣе выдающіяся произведенія и притомъ на такія, въ которыхъ обсуждались коренныя причины общаго паденія Османскаго государства. Здѣсь оставлены безъ разсмотрѣнія сочиненія объ отдѣльныхъ несчастныхъ эпизодахъ въ исторіи Турціи. Для насъ въ настоящее время наибольшій интересъ представляютъ книги Намыкъ-Кемаля, Тюджара-за-дэ Ибрагима Хильми. Шихабъ-эдъ-Дина Сулеймана, содержаніе которыхъ мы изложили.

Можно было бы увеличить число книгъ, въ которыхъ излагаются подобныя же идеи. Есть книги и противоположнаго направленія. Абдулъ-Гамидъ не щадилъ денегъ на поддержку писателей, защищавшихъ его политику. Имъ былъ прельщенъ и такой уважаемый въ Турціи писатель, какъ Ахмедъ Мидхатъ [1]). Но подробное разсмотрѣніе литературы объ упадкѣ Турціи не можетъ быть задачей журнальной статьи. Изслѣдованіе этого рода литературы въ одномъ только XVII в. составило предметъ

[1]) „Der Islam“, 1913 г. Heft 1, стр. 21.

цѣлой диссертаціи. Еще болѣе времени и труда потребовало бы изученіе этой литературы въ двухъ слѣдующихъ вѣкахъ. Намъ хотѣлось лишь въ общихъ чертахъ ознакомить русское общество съ той характеристикой турецкаго народа, какую даютъ ему турецкіе писатели, въ томъ числѣ и такой авторитетный писатель, какъ Намыкъ-Кемаль-бей.

Особенности турецкой психики, отмѣчаемыя турецкими писателями, даютъ возможность до нѣкоторой степени понять причину того исключительнаго вліянія, какое пріобрѣли въ Турціи нѣмцы. Инертность и пассивность турецкаго общества создаетъ для ихъ дѣятельности благопріятную почву. Играя въ руку нѣсколькимъ честолюбцамъ, въ родѣ Энверъ-паши и др., нуждающихся въ ихъ помощи, они сумѣли укрѣпиться среди народа, чуждаго имъ и по языку, и по племени, и по культурѣ. Теперь они поддерживаютъ свое положеніе силой и обманомъ. Къ пріемамъ послѣдней категоріи относится распространеніе слуховъ о принятіи Вильгельмомъ ислама [1]). Въ газетахъ недавно сообщалось, что то же самое нѣмцы дѣлаютъ и въ Персіи, присовокупляя при этомъ, что сами германцы—выходцы изъ Кермана [2]). Эти пріемы не новы для нѣмецкой политики. Къ нимъ они прибѣгали еще въ XVIII в. Тогда еще Фридрихъ II, поставленный въ затруднительное положеніе коалиціей трехъ европейскихъ державъ, задумалъ заключить союзъ съ Турціей. Имъ было отправлено посольство къ султану. Отвѣтное посольство султана къ Фридриху II правилъ уже упоминавшійся Ресми-Ахмедъ-эфенди. Его записка о посольствѣ, помѣщенная въ трудѣ государственнаго исторіографа Турціи Васыфа-эфенди, переведена на русскій языкъ В. В. Григорьевымъ въ „Москвитянинѣ“ за 1855 г. (№№ 17—18). Говоря о Пруссіи, Ресми-Ахмедъ-эфенди, между прочимъ, пишетъ: „Жители, будучи лютеранами, не соблюдаютъ

---

1) А. Н. Мандельштамъ: „Младотурецкая держава“, стр. 64—65.

2) „Биржевыя Вѣдомости“ за 25 окт. 1915 г. (веч. вып.).

никакихъ религіозныхъ обязанностей, но въ церквахъ своихъ образовъ не держатъ, хвалятся единобожіемъ и къ католикамъ питаютъ непріязнь; посланничества Магометова не отрицаютъ, и не почитаютъ стыдомъ говорить, что современемъ сдѣлаются мусульманами“ [1]). Переводъ этого мѣста В. В. Григорьевъ сопровождаетъ примѣчаніемъ:

„При религіозномъ индеферентизмѣ, которымъ отличался Фридрихъ II и его дворъ, очень можетъ быть, что находились люди, которые говорили турецкому посланнику такой вздоръ“. Но мы, свидѣтели послѣднихъ событій, не можемъ въ подобныхъ заявленіяхъ Ресми-Ахмеду-эфенди видѣть случайную болтовню безотвѣтственныхъ лицъ. Въ этомъ можно усмотрѣть проявленіе политической системы, тѣмъ болѣе, что съ подобнаго рода идеями султанскій посланникъ встрѣчался не разъ. Вѣдь внушили же ему мысль о томъ, что прусскій король одѣваетъ своихъ солдатъ въ мундиры изъ зеленаго сукна „по расположенію къ мусульманамъ“, вызывая этимъ недовольство своихъ сосѣдей, опасающихся перехода его въ исламъ [2]).

П. Фалевъ.

P. S. 1. Когда настоящая статья была уже окончена В. Ѳ. Минорскій обратилъ мое вниманіе на ст. Вл. Гордлевскаго (въ Русск. Вѣд. 7 Марта за 1915 г.), въ которой излагается распространенное въ турецкомъ народѣ повѣрье о томъ, что туркамъ въ концѣ концовъ придется уйти изъ Европы. Это произойдетъ изъ-за того, что перестанутъ исполняться правила вѣры.

P. S. 2. Мысли Ресми-Ахмеда-эфенди – не единичны; онѣ отражаютъ дѣйствительныя тенденціи турецкой политики того времени, наблюдавшіяся, въ слабой правда, формѣ, еще въ началѣ XVIII в. Посланникъ Петра В. Пєтръ Толстой писалъ слѣдующее объ иностранной политикѣ Турціи: „Съ посторонними государствы въ политическихъ поступкахъ обходятся гордо, обаче глаголютъ другие, и отъ древнихъ познавается описаній, что при прежнемъ обыкновеніи своемъ начинаютъ поступати ласковее и къ доброй политикѣ начинаютъ поступати ближе, обаче древнюю на христіянъ злобу и мерзостную гордость въ сердцахъ своихъ глубоко вкорененну имѣютъ и въ скорыхъ лѣтехъ добро исполероватися не могутъ, понеже природа влечетъ ихъ къ варварскимъ обыкновеннымъ поступкамъ, еже злобствовати на християнъ“. Извѣстія Таврич. Уч. Арх. коммисіи, № 51, стр. 57. Съ другой стороны нѣкоторыя преобразованія и нововведенія проникли въ Турцію еще до XIX в. (напр. книгопечатаніе), но они, повидимому, только терпѣлись. Лишь въ XIX в. преобразованіе османскаго царства приняло планомѣрный характеръ и получило теоретическое обоснованіе.

1) Стр. 116.
2) Стр. 127—128.

Обозрѣніе экономическаго состоянія Оттоманской Имперіи съ 1908 г. до 1914 г.

Экономическое состояніе Турецкой Имперіи и въ данное время представляетъ крайне интересную картину, изъ которой легко можно судить о ея настоящемъ политическомъ положеніи *). Вотъ почему я полагалъ бы крайне своевременнымъ обратить вниманіе на финансовую политику Оттоманской Имперіи, первый періодъ которой, т. е. до учрежденія „Dette Publique Ottomane“ (декретъ 28 Мухаррема 1299 г.) 8/20 декабря 1881 г. отличается полнымъ хаосомъ. Всѣ доходы были распредѣлены между различными вѣдомствами и даже частными лицами и обществами, а то, что попадало, въ такъ называемое, турецкое министерство финансовъ, то представлялось предметомъ грабежа для Султана и его сановниковъ. Попытка въ 1839 году (рескриптъ Гюльханэ) реформировать финансы закончилась полной неудачей. Второй періодъ является достойнымъ послѣдствіемъ перваго. Турецкіе финансы запутались до такой степени, что Имперія была близка къ полному банкротству. При этомъ неудачная война 1877 г., а также болѣзненная страсть Турецкаго Правительства ко всевозможнаго рода займамъ еще болѣе ухудшила положеніе дѣла.

Чтобы выйти изъ критическаго момента Оттоманское Правительство согласилось съ болью въ сердцѣ на учрежденіе 1881 года „Dette Publique“, состоящаго изъ пред-

*) Статья эта была прислана для напечатанія въ Маѣ мѣсяцѣ 1914 г., но вслѣдствіе задержанія выхода въ свѣтъ № 2 „Сборника“ предлагается лишь нынѣ вниманію читателей. *Редакція.*

ставителей наиболѣе заинтересованныхъ державъ, какъ Францiя, Германiя, Англiя и Австрiя. Учрежденiе это, будучи совершенно самостоятельнымъ, взяло въ свои руки уплату государственныхъ долговъ, контролируя въ то же самое время поступленiе всѣхъ доходовъ провинцiй, отданныхъ Правительствомъ на погашенiе займовъ. Какъ бы дорого и не обходилось Турцiи содержанiе „Dette Publique" (а именно около 870 тысячъ турецкихъ лиръ ежегодно), тѣмъ не менѣе нельзя не признать громадныхъ услугъ, оказанныхъ этимъ учрежденiемъ турецкой Имперiи, спасенной отъ всѣхъ непрiятныхъ послѣдствiй государственнаго банкротства. Третiй перiодъ и наиболѣе интересный начинается съ 1908 года, т. е. со времени объявленiя конституцiи. Младотурецкое правительство сознало всю важность финансовой реформы, а потому сразу обратило самое серьезное вниманiе на наиболѣе важную сторону государственнаго организма.

Министерство Финансовъ было совершенно реорганизовано. Впервые былъ составленъ бюджетъ по европейскому образцу, причемъ были сокращены значительно оклады высшихъ сановниковъ и увеличены для низшихъ чиновъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

ДОЛЖНОСТИ.	До реформы. тур. лиръ **).	Послѣ реформы. тур. лиръ.
Цивильный листъ Султана	533.042	292.880
„ „ Султанскаго дома . .	369.067	200.760
Великiй Визирь.	9.180	3.600
Шейх-уль-исламъ*	6.673	2.400
Предсѣдатель Государственнаго Совѣта	4.860	1.200
Морской Министръ	5.400	1.800

*) высшее духовное лицо.

**) тур. лира=22,80 фр.=около 8 р. 60 к.

ДОЛЖНОСТИ.	До реформы тур. лиръ.	Послѣ реформы тур. лиръ.
Министръ Юстиціи	5.520	1 800
„ Внутреннихъ Дѣлъ	4.320	1.800
„ Иностранныхъ „	4.260	1.800
„ Финансовъ	3.000	1.800
„ Военный	3.000	1.800
Послы	до 4.650	4.320

Штаты чиновниковъ были сокращены и доведены до 70.000 человѣкъ съ годовымъ жалованьемъ отъ 1 т. лиръ до 10 лиръ. 6.600—отъ 10 до 25 л. 1150—отъ 25 до 50 л. 231—отъ 50 до 75 л., 29 — отъ 75 до 100 л., и 69 отъ 100 л. и больше. Изъ изложеннаго можно заключить, что младотурецкое правительство искренно желало спасти разваливающуюся Турцію и поставить ее на путь прогресса. Но увы! Это имъ не удалось, ибо они оказались по началу хорошими экономистами и до нельзя неспособными государственными дѣятелями. Управленіе ихъ положительно разорило страну, а потому при такихъ условіяхъ, конечно, не было возможности довести до должной высоты финансовую сторону Османской Имперіи. Живши долгое время въ изгнаніи въ Европѣ, младотурки совершенно не знали своего разношерстнаго народа, а потому и неудивительно, что они, захвативши власть въ свои руки, дали сразу фатальныя ошибки. Я остановлюсь здѣсь только на тѣхъ. которыя имѣли пагубное значеніе для экономическаго состоянія страны. Я далекъ отъ мысли упрекать младотурокъ въ отпаденіи отъ Турціи—Босніи, Герцоговины, Болгаріи, Триполи, Македоніи, острововъ. такъ какъ всѣ эти событіи были уже давно предрѣшены

и конфирмованы друзьями младотурокъ Германскимъ Правительствомъ, но въ то же время я не сомнѣваюсь, что сами младотурки своимъ безобразнымъ управленіемъ и шовинизмомъ ускорили всѣ эти событія, въ особенности, послѣднія.

Стремленія Комитета пріобщить совершенно неподготовленныя и полудикія народности сразу къ французской культурѣ вызвали ненависть къ нему народа, результатомъ чего были безконечные возстанія то въ Албаніи, то въ Аравіи, то въ Курдистанѣ. Постоянная мобилизація тяжелымъ камнемъ легла на бюджетъ и въ то же время привела въ упадокъ земледѣльчество и промышленность въ самыхъ доходныхъ вилайетахъ Анатоліи и Македоніи.

Вторая крупная и совершенно непонятная ошибка— это почти безсмысленное увлеченіе „бойкотами", несмотря на то, что каждый простой крестьянинъ замѣчаетъ и чувствуетъ, какъ послѣ каждаго бойкота дорожаетъ жизнь и бѣднѣетъ и безъ того нищее населеніе. Бойкоты процвѣтаютъ до настоящаго времени и приняли форму какой-то хронической болѣзни. Мусульмане бойкотируютъ христіанъ, греки болгаръ и сербовъ, турки — армянъ и т. д. Почти всѣ бойкоты создавались совершенно не изъ патріотическихъ цѣлей, а чисто на почвѣ самаго низкаго корыстнаго чувства. Такъ, напримѣръ, въ Салоникахъ въ 1910 г. евреи пользуясь, поддержкой младотурецкой партіи, бойкотомъ рѣшили уничтожить своихъ конкуррентовъ грековъ. Правительство не только не принимало никакихъ мѣръ, но даже поддерживало это движеніе, совершенно забывая, что бойкотъ не игрушка, и къ нему должно прибѣгать съ такою же осторожностью, какъ къ объявленію войны. Результатомъ такого управленія получались въ турецкихъ финансахъ постоянные и прогрессирующіе дефициты, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

въ тур. лирахъ = 22,80 фр. = 8 р. 60 к.

1909—1910.			1910—1911.			1911—1912.		
Доходъ.	Расходъ.	Дефи-цитъ.	Доходъ.	Расходъ.	Дефи-цитъ.	Доходъ.	Расходъ.	Дефи-цитъ.
25.078.962	30.539.545	5.460.583	26.962.030	34.450.630	6.488.600	27.755.742	35.314.999	7.559.257

Причемъ въ 1909 и 1910 гг. оказалася экстраординарный доходъ въ 5.325.000 т. л., состоящій: 1) изъ „индемните“, упалченнаго Австріей за Боснію и Герцоговину 2.500.000 т. л., 2) имущества, захваченнаго въ Ильдызъ Кіоскѣ*) на 1.600.000 т. л., 3) проданныхъ земель, принадлежащихъ Абдулъ Хамиду за 925.000 т. л., 4) продажа старыхъ пушекъ за 300.000 т. п. Экстраординарные же расходы выразились:

1909—1910 г.	1910—1911 г.	1911—1912 г.
5.311.638 л.	2.696.062 л.	2.696.062 л.

Эти расходы, какъ и большая часть дефицита. были вызваны увеличеніемъ арміи и всѣхъ военныхъ матеріаловъ, что ускорило трагическую развязку, а также усмиреніемъ постоянныхъ бунтовъ, вызванныхъ дурнымъ и неумѣлымъ управленіемъ. Если сравнить теперь бюджетъ дореформенный, когда турецкіе финансы находились въ хаотическомъ состояніи, то можно будетъ понять, какъ легко конституціонное правительство могло бы поднять экономическое состояніе Турціи, если бы оно сохранило, хотя временно умѣренный способъ управленія, не вызывая неудовольствія своего народа и сосѣдей. Дѣйствительно, обычные доходы до реформы не превышали сумму 26.000.000 л., но зато и не было большихъ дефицитовъ, а напротивъ, бывали года, когда доходъ превы-

*) Дворецъ Абдулъ Хамида.

шалъ расходы, какъ напримѣръ 1863—1864 г. доходы выразились въ 346.198.000 франковъ, а расходы — 327.194.000. ф.

Удивительнѣе всего то, что даже безспорно благодѣтельныя мѣры, принятыя молодымъ правительствомъ, сыграли фатальную роль для страны и ея финансовъ. Такъ напримѣръ, правительство отобрало отъ Султанской фамиліи колоссальное количество незаконно захваченныхъ земель, полныхъ минеральнымъ богатствомъ и обратило ихъ въ достояніе государства. Большая часть этихъ земель была безвозвратно потеряна послѣ триполійской и македонской войнъ, тогда какъ будь эти земли частной собственностью Султана, онъ получилъ бы весьма крупный выкупъ. Отмѣна различныхъ матеріальныхъ привиллегій (privillegium odiosum) различныхъ беевъ, шейховъ и т. д. повлекла за собою возстанія и, наконецъ, введеніе общей воинской повинности, дезорганизовало армію, что отчасти и послужило причиной позорныхъ пораженій, а также нанесло чувствительный ударъ турецкимъ финансамъ; (такъ напримѣръ, въ 1906—1907 г.г. воинской подати христіанами было внесено 2.070.246 т. л.).

Конечно при такихъ условіяхъ экономическое состояніе Турціи все болѣе и болѣе падало.

Въ настоящее время Турецкое Правительство старается всѣхъ увѣрить, что отпавшія провинціи послужатъ къ упроченію матеріальнаго богатства Турціи, ибо онѣ будто бы служили постояннымъ тормазомъ для экономическаго процвѣтанія Османской Имперіи. Эта иллюзія ни на чемъ не основана. Напротивъ мнѣ извѣстно, что Македонія и острова—самыя богатыя мѣстности, населенныя христіанами, которые славятся своимъ трудолюбіемъ и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе продуктивные рабочіе, чѣмъ турецкіе мусульмане. Дѣйствительно, несмотря на то, что отошедшія отъ турокъ провинціи, со времени паденія Абдулъ Хамида служили очагомъ всевозможныхъ революцій, военныхъ дѣйствій и четническихъ движеній, тѣмъ

не менѣе онѣ въ 1909 и 1910 г.г. дали слѣдующій доходъ турецкой казнѣ:

Прямые налоги въ турецкихъ лирахъ:

Провинціи, потерянныя Турціей.	Поземельный налогъ.	Патентовый налогъ.	Десятинный налогъ.	Агнамъ **).	Военный выкупъ.	Дорожный налогъ.
Салоники *) . . . . (около 35.450 кв. килом.)	141.079	22.884	346.149	174.635	45.670	50.835
Коссово . . . (около 24.000 кв. килом.)	64.156	8.251	356.775	75.104	31.636	18.020
Монастырь . . . . . (около 27.000 кв. килом.)	73.639	6.607	687.667	89.258	21.303	21.249
Янина . . . . (около 18.250 кв. килом.)	42.677	4.808	106.002	66.562	8.583	14.958
Скутари . . . . . (около 11.700 кв. килом.)	9.869	6.086	25.332	6.597	2.197	2.434
Архипелагъ.	40.134	4.860	46.043	13.450	9.497	6.215
Триполи	9.176	838	16.370	4.700	8.372	—
Итого. . .	380.730	54.334	1.584 338	430.306	127.258	113.711

Если принять во вниманіе, что косвенные и другіе налоги, не считая Триполи, дали приблизительно такую же сумму, то весь доходъ казны выразится приблизи-

*) Поверхность всѣхъ владѣній Оттоманской Имперіи съ ея африканскими владѣніями до 1913 г. равнялась 2.925.000 кв. килом.

**) Налогъ съ овецъ.

тельно около пяти милліоновъ турецкихъ лиръ, что составляетъ пятую часть всего дохода Османской Имперіи за 1909/1910 г.г.

* * *

До половины 19-го столѣтія, Турція съ грѣхомъ пополамъ балансировала свой приходъ съ расходами. 1854-ый годъ можетъ считаться роковымъ годомъ для Османской Имперіи, ибо въ этотъ годъ къ своему несчастью она познала всю сладость внѣшнихъ займовъ и въ особенности возможность уклоняться отъ уплаты долговыхъ обязательствъ. Съ этого года Турція оказалась уже подъ европейскимъ вліяніемъ, которое переходило часто во вмѣшательство въ внутреннія дѣла Турціи и которое, очевидно, положитъ начало полнаго ея раздѣла.

Такимъ образомъ въ 1854 г. былъ заключенъ первый заемъ въ Англіи на 75.000.000 франковъ. Съ этого момента Турецкое Правительство ни о чемъ другомъ не думало, какъ объ изысканіи гдѣ нибудь денегъ, совершенно не сознавая, что оно этимъ губитъ Имперію и приближаетъ ее къ краю гибели. Черезъ двадцать лѣтъ внѣшній долгъ Турціи выразился въ ровной цифрѣ въ 230.000.000 турецкихъ лиръ, съ ежегоднымъ погашеніемъ въ 13.000.000 тур. лиръ, тогда какъ весь доходъ по бюджету колебался около 25.000.000 т. л. Положеніе крайне тяжелое обратилось прямо въ безвыходное. На берлинскомъ Конгрессѣ державы предложили Турецкому Правительству учредить иностранную финансовую комиссію, отъ которой Турція отказалась, находя это неподходящимъ для суверенитета Султана. Тщетно Турція искала выхода изъ заколдованнаго круга громадныхъ внѣшнихъ долговъ, и наконецъ принуждена была примириться и принять предложеніе державъ, дабы избѣжать полнаго банкротства и всѣхъ его послѣдствій. Такимъ образомъ, декретомъ 28 Мухаррема 1299 г. (т. е. 8/20 Декабря 1881 г.) была учреждена финансовая комиссія подъ названіемъ „Dette Publique

Ottomane". Въ административный Совѣтъ этого учрежденія вошли на равныхъ правахъ семь делегатовъ по одному отъ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Турціи и отъ Оттоманскаго Банка. Делегаты назначаются на 5 лѣтъ. Dette Publique въ цѣляхъ погашенія долговъ вступилъ въ полное завѣдываніе слѣдующими доходами Турціи:

1) Дань, уплачиваемую Болгаріей.

2) Поступленія отъ Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи въ счетъ уплаты части государственнаго оттоманскаго долга за отошедшія къ нимъ территоріи.

3) Оброкъ (redevance) Восточной Румеліи.

4) Оброкъ (redevance) Острова Кипра.

5) Доходы съ тумбеки.

6) Доходы отъ шелка, соли, марокъ, охоты и спирта.

7) Доходы, получаемые отъ Общества „Regie" за эксплоатацію табачной монополіи.

8) Три процента дохода съ таможни, которые были повышены съ 8% до 11.

9) Доходы съ „темету" (патентовый налогъ).

Ниже-приведенная таблица наглядно представляетъ насколько учрежденіе „Dette Publique" оказало благодѣтельное вліяніе на турецкіе финансы.

Таблица консолидированнаго оттоманскаго долга къ 1/14 Сентабря 1910 г. въ турецкихъ лирахъ.

Категорія займовъ.	Номинальный капиталъ.	Погашеніе.	Капиталъ амортизированный къ 1/14 Сентября 1910 г.	Капиталъ амортизированный съ Іюля 1908 г.	Капиталъ въ обращеніи къ 1/14 Сент. 1910 г.
	I. Внѣшніе займы до учрежденія „Dette Publique Ottomane".				
Долгъ 4% объединенный (Convertie et unifiée)	42.275.772	1.887.375	2.633.598	1.053.844	39.642.174
Оттоманскій выигрышный (lots turcs)	15.632.548	270.000	3.732.287	503.981	11.900.261
Заемъ 1855 г.	5.500.000	167.869	1.303.280	—	4.196.720
	63.408.320	2.325.244	7.669.165	1.557.825	55.739.155

Категорія займовъ.	Номинальный капиталъ.	Погашеніе.	Капиталъ амортизированный къ 1/14 Сентября 1910 г.	Капиталъ амортизированный съ Іюля 1908 г.	Капиталъ въ обращеніи къ 1/14 Сент. 1910 г.
	II. Внѣшніе займы, заключенные послѣ учрежденія „Dette Publique".				
Заемъ 1890 г. (osmanyé).	4.999.500	249.975	1.564.200	265.100	3.435.300
„ 1891 г. (defence loan)	6.948.612	308.686	777.700	114.400	6.170.912
„ 1893 „ (Tombac) . .	1.000.010	50.000	349.700	46.750	750.310
„ 1894 „ (Tribut d'Egypte)	9.033.574	362.174	926.838	145.574	8.106.736
„ 1894 г.	1.760.000	76.560	142.010	22.550	1.617.990
„ 1896 „ . .	3.272.720	180.000	320.100	89.100	2.952.620
„ 1902 „ (Douanes). . .	8.600.020	390.000	396.220	144.430	8.203.800
„ 1903 „ (Pêcheries) .	2.640.000	118.800	114.114	41.866	2.525.886
„ 1903 (Багдадскій I серія).	2.376.000	97.120	18.744	8.954	2.357.256
„ 1904 г.	2.750.000	123.750	65.670	42.460	2.684.330
„ 1905 „ (équipements militaires).	2.640.000	118.800	102.630	54.736	2.537.370
„ 1901—1905 г.г. . .	5.306.664	238.800	158.070	99.770	5.148.954
	51.327.100	2.314.665	4.835.996	675.690	46.491.104
	III. Внѣшніе займы отъ 1908 г. до 1/14 Сентября 1910 г. т., е. со времени объявленія конституціи.				
Заемъ 1908 г.	4.711.124	212.000	27.038	27.038	4.684.086
„ 1909 „	7.000.004	350.000	40.920	40.920	6.959.084
Багдадскій заемъ серія II	4.752.000	200.000	8.470	8.470	4.743.530
Итого .	16.463.128	762.000	76.428	76.428	16.386.700
Всего . .	131.198.548	5.401.909	12.531.589	2.709.943	118.616.959

Къ этому необходимо прибавить 19.000.000 тур. л., составляющихъ dette flottante, сдѣланный до 1908 г., а также послѣдній заемъ 1910 г. въ 7.004.000 т. л.; такимъ образомъ весь долгъ къ 1911 году равняется 157.208.548 т. л., изъ коихъ было погашено лишь 12.581.589 т. л.

Казалось бы, что при такомъ печальномъ экономическомъ положеніи Турецкому Правительству слѣдовало

временно совершенно покинуть воинственные замыслы, а обратить все вниманiе на экономическое улучшенiе страны. На самомъ же дѣлѣ со времени сверженiя Абдулъ Хамида въ Турцiи лишь только и былъ разговоръ о какихъ то безсмысленныхъ реваншахъ, члены младо-турецкаго комитета разъѣзжали по всей имперiи, проповѣдуя воинственныя идеи и призывая къ священной войнѣ, тратилась громадная сумма на распространенiе панисламизма, въ особенности въ Россiи, шовинизмъ дошелъ до своего апогея, результатомъ чего положенiе христiанъ сдѣлалось почти невыносимымъ. Теченiе это отразилось также и на бюджетѣ.

Бюджетъ 1910—1911 года.

Расходы на армiю и флотъ.	13.412.244	— 37,5%
Dette flottante	8.374.480	— 23,5%
Всѣ остальные расходы .	13.907.059	— 39%
	35.693.783 т. л.	100%

Къ первой цифрѣ нужно прибавить громадную сумму, составленную изъ принудительно-добровольныхъ пожертвованiй на флотъ. Въ 1909 и 1910 г. военный бюджетъ выразился въ суммѣ 13.634.594 т. л.; весь же доходъ страны въ 25.078.962 т. л.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго урокъ прошлаго не только не принесъ никакого положительнаго результата, а напротивъ развратилъ окончательно новое конституцiонное правительство, которое сразу обнаружило еще бóльшую способность къ совершенiю внѣшнихъ займовъ, для достиженiя чего оно не останавливалось ни передъ какими средствами. Едва только освободится какая нибудь заложенная въ видѣ гарантiи доходная статья, такъ немедленно она вновь закладывается. Такъ, напримѣръ, оставленныя Россiей въ счетъ Болгарскаго долга Турцiи 40 погашенiй военной

контрибуціи въ суммѣ 350 тыс. т. л. ежегодно и обезпеченныхъ частью доходовъ Коніи, Костамуни, Сиваса. Аданы, Ангоры повлекло за собою заключеніе въ 1909 г. займа, въ 7.000.004 т. л. Въ настоящее время почти не осталось ни одной живой статьи дохода, которая не была бы заложена иностранцамъ. Конституціонное правительство въ погонѣ за деньгами стало распродавать европейцамъ земли, до чего не дошелъ даже Абдулъ Хамидъ. Азіатская Турція официально уже распредѣлена на сферы европейскаго вліянія. Мало того, Правительство, дабы получить авансы, возобновляетъ и вновь заключаетъ совершенно невыгодныя для Турціи различныя предпріятія, концессіи и т. д.

Финансовая политика правительства наилучшимъ образомъ можетъ быть охарактеризована словами одного изъ самыхъ видныхъ его представителей. а именно, Джавидъ Бея, который будучи Министромъ Торговли. заявилъ въ Салоникахъ: „Мы нуждаемся въ иностранномъ капиталѣ для окончанія работъ. Мы возьмемъ деньги тамъ, гдѣ намъ дадутъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ и на этотъ предметъ у насъ не можетъ быть никакого колебанія. Отечество капитала не та страна, откуда онъ происходитъ, а та, куда онъ направляется. Говорятъ. будто бы мы относимся враждебно къ иностранному капиталу, но это неправда. Кто дастъ себѣ трудъ разсмотрѣть политику, „Union et Progrès“ за четыре послѣдніе года, тотъ увидитъ, что мы нисколько не враждебны иностранному капиталу“ (La Gazette Financière 1912 г. стр. 243).

Мы уже видѣли картину оттоманскихъ долговъ до 1911 г., продолжимъ ее, чтобы понять, какого опыта нужно было тому же Джавидъ бею, нынѣшнему Министру Финансовъ, чтобы придти къ самому простому выводу, къ каковому онъ пришелъ только теперь, заявивъ въ Парламентѣ при обсужденіи бюджета 1914 г.: „Мы должны использовать уроки перенесенныхъ нами несчастій и мы не должны болѣе обращаться къ иностранцамъ, если хотимъ жить.

Необходимо, чтобы отнынѣ внѣшніе займы для покрытія дефицита перешли бы въ область исторіи. Иностранный рынокъ долженъ быть для насъ открытъ лишь для проведенія реформы для поднятія экономическаго состоянія страны". Этими словами Министръ ясно показалъ, для какихъ цѣлей Правительство прибѣгало раньше къ займамъ.

Внѣшнія займы въ 1911 г.

	номин. капиталъ.	ежегодное погашеніе.
4% 1911 г. Первая часть	7.040.000 т. л.	352.000 т. л.
4% Жел. дор. Сома-Пандерма	1.712.304 "	71.354 "
4% Жел. дор. Ходейда-Санаа	1.000.000 "	40.987 "
Багдадъ III серія	5.236.000 "	220.000 "
Дороги	2.500.000 "	125.000 "
4% 1911 г. Таможни II ч.	3.960.000 "	198.000 "

Такимъ образомъ проценты и погашенія въ 1911 г. составили 6.409.250 т. л. Всего же со времени объявленія конституціи было погашено 5.082.309 т. л.

Въ 1912 г. былъ сдѣланъ заемъ 4% въ 10.000.000 т. л., километрической же гарантіи до 1913 г. было дано на сумму 1.848.031 т. л.

Что же касается теперь долга неконсолидированнаго (non consolidée), то онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (съ 1911 г.):

I. *Облигаціи* (bons de Trésor).

Дредноутъ Решадіе	1.108.250	т. л.
Національному и Салоникскому банкамъ	1.650.000	"
Оттоманскому Банку	3.122.367	"
	374.000	"
Облигаціи 6%	1.500.000	"
Облигаціи 5%	4.400.000	"
Итого	12.154.617	т. л.

II. *Авансы.*

Анатолiйская ж. д.	908.000	т. л.
Багдадская ж. д.	133.000	„
Администрацiя маяковъ	653.469	„
Французскiй Банкъ	693.000	„
Табачная монополiя (Régie)	1.665.000	„
Оттоманскiй Банкъ	2.150.000	„
Нѣмецкiй Банкъ	2.878.310	„
Банкъ публичнаго оттоманскаго долга „Dette Publique ottomane“	1.360.000	„
Другiе	750.000	„
Итого	11.190.779	т. л.

III. 19.000.000 т. л. dette flottante до 1908 г.

Совершенно безполезно затянутая Турцiей война съ Италiей и вызванная затѣмъ Балканская война довели экономическое положенiе страны до состоянiя, весьма близкаго къ полному краху. Жалованье чиновникамъ не было уплачено мѣсяцевъ по 6, движенiе войскъ разоряло мѣстности, гдѣ они проходили, поставщики обыкновенно не получали денегъ, и къ тому же была произведена, за исключенiемъ весьма отдаленныхъ провинцiй, самая жестокая реквизицiя, во время коей пострадали также и иностранные подданные. Военныя власти отбирали положительно все пригодное такъ или иначе къ войнѣ, до кнута включительно. Нѣтъ почти ни одного живущаго *) въ Османской Имперiи, который не имѣлъ бы денежныхъ претензiй къ правительству начиная отъ 10 т. л. до нѣсколько десятковъ тысячъ. Опредѣлить этотъ долгъ невозможно даже приблизительно. При такомъ положенiи вещей весьма неудивительно, что турецкая казна осталась совершенно безъ денегъ. Это чуть ли не единственный

*) За исключенiемъ нищихъ и жителей весьма отдаленныхъ провинцiй.

случай, когда дѣйствительно необходимо было обратиться къ внѣшнему займу. Ловкій Министръ Финансовъ Джавидъ Бей былъ командированъ во Францію, гдѣ послѣ долгихъ усилій въ 1914 г. заключилъ наконецъ большой 5% заемъ въ 35.200.000 т. л. на условіяхъ, весьма тяжелыхъ для Турціи. Заемъ этотъ расчитали на 45 лѣтъ. Въ казну уже поступило;

5 Мая 1914 г.	35.000.000	франковъ.
18 Мая „	150.000.000	„
5 Іюня „	100.000.000	„
6 Іюля „	70.000.000	„
Итого .	355.000.000	франковъ.

Изъ этой суммы, согласно заявленію Министра Финансовъ, нужно высчитать 45.000.000 фр., составляющихъ расходы на марки и на напечатаніе. Изъ остальной суммы Правительство официціально обѣщало произвести слѣдующія уплаты:

Облигаціи Оттоманскаго Банка выпускъ Мая 1912г.	27.300.000	фр.
Того же Національнаго Банка выпускъ Февраля 1912 г.	35.500.000	„
Того же Оттоманскаго Банка выпускъ Іюня 1912 г.	26.500.000	„
Авансъ „Entreprise de Routes“	30.000.000	„
Тоже	20.000.000	„
Первый семестръ помянутаго займа 1914 г.	15.833.333	„
Облигаціи Оттоманскаго Банка выпускъ августъ 1912 г.	17.825.000	„
Остальные авансы	44.125.000	„
Итого . .	217.083.000	фр.

Кромѣ того изъ первой части займа Правительство обязалось уплатить авансъ нѣмецкаго банка (Consortium des Banques Allemandes), т. е. 2.845.310 т. л., а также авансъ анатолійской ж. д въ 200.000 т. л. Остается еще громадная масса долговъ, которые необходимо будетъ спѣшно удовлетворить, какъ напр. за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье чиновникамъ, считая по 28.600.000 фрн. ежемѣсячно, многочисленныя поставки правительству, реквизиціи и т. д. Въ общемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ первая часть займа, такъ и вторая будутъ недостаточны для уплаты всѣхъ срочныхъ обязательствъ, что, впрочемъ, предвидитъ и самъ Министръ Финансовъ, указавъ въ Парламентѣ, что онъ уже изобрѣлъ способъ нахожденія новыхъ гарантій для предполагаемаго внѣшняго займа въ 50 мил. т. л.

Характерная черта Турецкаго Министерства Финансовъ строить офиціальные отчеты на принципахъ самообмана ярко обрисовалась въ только что утвержденномъ Парламентомъ бюджетѣ 1914 г.: доходъ показанъ въ 31.921.163 т. л. т., е. повышеніе сравнительно съ нормальнымъ годомъ, какъ напр. 1911, на 4.165.421 т. л. и это именно послѣ двухъ неудачныхъ войнъ, потери самыхъ лучшихъ провинцій и пріостановки земледѣльчества, которое является главной статьей дохода въ Турціи. Что же касается расходовъ, то они выразились въ суммѣ 34 007.618 т. л., т. е. понизились на 1.207.381 т. л. сравнительно съ 1911 годомъ. Такая странность легко объяснится, если принять во вниманіе, что въ томъ же засѣданіи Парламента Министръ Финансовъ провелъ мало замѣтный 10-ый параграфъ: „остатки долговъ, заключенныхъ за послѣдніе 8 мѣсяцевъ 1908 г. будутъ уплачены дополнительными кредитами“. Джавидъ Бею, конечно, прекрасно извѣстно, въ какой суммѣ выразится дополнительный кредитъ, и во что обратится тогда дефицитъ 1914 г.

Въ виду указанной способности турецкаго министерства финансовъ весьма трудно опредѣлить всю сумму

задолженности Оттоманской Имперіи. Во всякомъ случаѣ, можно себѣ составить довольно точную картину долговъ изъ разсмотрѣнія суммъ, предназначенныхъ для „Dette Publique“, то есть для уплаты лишь только одного консолидированнаго долга, не считая dette flottante. A. Heidborn въ „Finances ottomanes“ опредѣляетъ консолидированный долгъ до 1911 г. въ 138.202.548 т. л., на погашеніе и уплату процентовъ коего Правительство ассигновало по бюджету Dette Publique 8 374.480 т. л., въ 1911 и 1912 г.—10.705.519 т. л., въ 1914/1915 г.г. въ только что утвержденномъ Парламентомъ бюджетѣ фигурируетъ уже цифра 15.030.728 т. л. При этомъ, конечно, нужно принять во вниманіе, что Турецкое Министерство Финансовъ никогда изъ принципа не уплатитъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ.

Настоящее обозрѣніе финансовъ Оттоманской Имперіи несомнѣнно должно привести къ весьма пессимистическимъ выводамъ относительно экономическаго состоянія Турціи, отъ котораго исключительно зависитъ ея политическая самостоятельность.

Является вопросъ, можетъ ли Оттоманская Имперія существовать, имѣя вышеуказанный пассивъ. Конечно можетъ, но при условіи, которое Турецкое Правительство не сможетъ и не пожелаетъ исполнить, а именно: забыть всѣ свои воинственныя затѣи и отказаться временно совершенно отъ желанія играть какую нибудь политическую роль. Это было бы легко сдѣлать послѣ 1908 г., не поступаясь даже своимъ самолюбіемъ, а теперь это лишь возможно при очень тяжелыхъ условіяхъ. Напомнимъ здѣсь, что задолженность Османской имперіи въ 237.138.819 т. л. повлекла за собою учрежденіе 1881 г. Dette Publique Ottomane, который принялъ на себя 219.938.559 т. л. и уплатилъ къ 1911 г. 156.530.239 т. л. При такой удивительной быстротѣ погашенія долговъ, мирно настроенное правительство могло бы спасти по крайней мѣрѣ Азіатскую Турцію. Въ противномъ случаѣ страна полумѣсяца

въ самомъ непродолжительномъ времени окажется въ вѣчномъ безлуніи и вотъ по какимъ причинамъ: 1) признавая, что Турція страна непочатыхъ богатствъ, нельзя не признать съ другой стороны полную неспособность оттомановъ къ быстрому культурно-экономическому развитію. Однимъ изъ доказательствъ этого служитъ то обстоятельство, что во всѣхъ бюджетахъ прямой налогъ ровно въ два раза превышаетъ косвенный и ввозъ въ Турцію значительно выше вывоза, такъ напримѣръ, въ 1910/1911 г.г. ввозъ въ Турцію исчисляется 939,08 мил. франковъ, а вывозъ изъ Турціи 558,70 мил. франковъ. Раздача концессій и различныхъ предпріятій иностранцамъ создаетъ лишь временный притокъ денегъ, въ видѣ авансовъ, которые лишь увеличиваютъ задолженность и въ то же время проводитъ каналъ въ Европу, по которому затѣмъ уплываетъ богатство имперіи. Дѣйствительно, A. Heidborn даетъ слѣдующія цифры доходовъ со всѣхъ иностранныхъ компаній въ Турціи за 1908/909 г.г.

Желѣзныя дороги	13.906	т. л.
Порты и набережныя	1.950	„
Вода	600	„
Трамваи	372	„
Газъ и электричество	768	„

Доходы, эти, конечно значительно прогрессируютъ ежегодно, но они всегда будутъ представлять изъ себя ничтожество сравнительно съ тѣми капиталами, которые уходятъ за границу. 2) Бюджетъ доходовъ государства ежегодно увеличивается, но это увеличеніе на самомъ дѣлѣ нисколько не показываетъ улучшенія экономическаго положенія, а зависитъ отъ а) правильнаго контроля, который былъ введенъ младотурками и слѣдовательно суммы, расплывавшіяся по карманамъ, стали поступать въ казну, б) отъ увеличенія пошлинъ и налоговъ какъ, напримѣръ, въ прошломъ году они были увеличены сразу на 100%% и в) отъ различныхъ экстраординарныхъ поступленій, какъ

напримѣръ, „индемните“ за отобраніе нѣкоторыхъ провинцій, продажи Абдулъ-Хамидовскихъ богатствъ и т. д., однимъ словомъ изъ доходовъ довольно печальнаго происхожденія. 3) Безсмысленное увлеченіе бойкотами и преслѣдованіе христіанъ можетъ окончиться скоро катастрофой. Правительство не можетъ понять простой вещи, что бойкотъ противъ грековъ турецко-подданныхъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю страны, разорятъ не грековъ и не Грецію, а Турцію. Въ своемъ увлеченіи турки совершенно забыли, что Константинополь и Смирна не входятъ въ составъ греческаго королевства и наконецъ. 4) увеличеніе на 100%% налоговъ и жестокое выбиваніе копѣйки съ населенія, лишившагося рабочихъ рукъ, лошадей, подводъ и т. д. во время двухлѣтней войны является лишнимъ толчкомъ къ полному развалу. При такихъ условіяхъ существованіе государства совершенно немыслимо. Конечно, Правительство еще не лишено всѣхъ рессурсовъ, и оно можетъ найти много средствъ для увеличенія налоговъ, хотя бы вплоть до введенія уже отмѣненнаго „ресми-арусъ“*). Въ крайнемъ случаѣ остается еще распродажа государственнаго имущества или таинственные ремонты, какъ, напримѣръ, въ настоящее время уже годъ подъ видомъ ремонта закрыта для всѣхъ богатѣйшая государственная сокровищница. Но это все такія мѣры, которыя не предусмотрѣны ни въ какой „политической экономіи“. Въ виду этого не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ данное время Турція не только горитъ, но и сама себя поджигаетъ, на что должны обратить серьезное вниманія ея сосѣди и принять мѣры противъ распространенія огня въ ихъ предѣлахъ.

---

*) Droit de fiancée, по которому мусульманки-дѣвицы уплачивали 60 аспръ, женщины—30 аспръ, не мусульманки—уплачивали половину. Налогъ этотъ былъ отмѣненъ султаномъ Махмудомъ въ 1830 г.

При настоящемъ воинственномъ настроенiи Правительства, подобное экономическое состоянiе страны можетъ бросить его на путь всевозможныхъ авантюръ, что, конечно, будетъ использовано нашими врагами.

В. Гаджемуковъ.

ИСТОЧНИКИ.

1. Отчеты Оттоманскаго Парламента.
2. Офицiальные отчеты Оттоманскаго Банка.
3. Офицiальные отчеты Оттоманскаго Министерства Финансовъ.

Древности Маку.

Путевыя замѣтки.

Посвящается Памяти Е. И. Чирикова,
перваго русскаго изслѣдователя Зап. Персіи въ 1849-52 г.г.

Нельзя пожаловаться на недостатокъ вниманія ученыхъ и путешественниковъ къ древностямъ собственной Персіи: многія изъ нихъ превосходно изучены, по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ сдѣланы даже попытки „археологической съемки“ [1]); однако, богатства древней страны неисчерпаемы, и чтобы не затеряться въ нихъ или дважды не повторять той же работы,—что всегда бываетъ такъ досадно,—было бы полезно имѣть краткое перечисленіе сохранившихся памятниковъ старины въ предѣлахъ отдѣльныхъ округовъ. Выполненіе этой задачи подъ силу лишь цѣлой организаціи, вродѣ Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, но подготовительныя работы должны были бы взять на себя всѣ „сознательные“ путешественники, забрасываемые судьбой въ удаленные уголки Ирана.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, я попытаюсь въ настоящей замѣткѣ представить списокъ древностей Маку, которыя я лично, хотя бы и мелькомъ, видѣлъ во время путешествій 1905 [2]) и 1914 г.г. Къ этому побуждаетъ меня и слѣдующее утвержденіе, на которое я натолкнулся въ недавно изданномъ археологическомъ трудѣ: „въ той части Макинскаго ханства, которую мнѣ

---

[1]) См. труды французской Mission scientifique en Perse, во главѣ которой долгое время стоялъ г. de Morgan.

[2]) См. мою работу „Поѣздка въ Макинское ханство въ октябрѣ 1905 г.“, изд. Минист. Ин. Дѣлъ, 1909 г.

удалось осмотрѣть,—говоритъ его авторъ [1])—... не только слѣдовъ Ванской культуры, но и вообще какихъ либо археологическихъ памятниковъ, заслуживающихъ вниманія и изученія, нѣтъ". Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что съ мнѣніемъ этимъ никакъ нельзя согласиться.

Древнѣйшимъ культурнымъ государствомъ, возникшимъ по сосѣдству Маку и, вѣроятно, захватывавшимъ его территорію, было царство Урарту, иначе ванское или халдское [2]), существовавшее отъ половины IX до начала VI в. до Р. X.

1. Весьма отличительной чертой ванской (халдской) культуры являются помѣщенія, высѣченныя въ скалахъ [3]) и служившія, по нѣкоторымъ признакамъ, скорѣе для живыхъ людей, чѣмъ для погребенія покойниковъ [4]). Едва ли не самой восточной постройкой такого рода [5]) считались помѣщенія надъ крѣпостью города Баязида, впервые обслѣдованныя проф. Ивановскимъ. Мнѣ, однако, удалось найти такія комнаты въ скалахъ въ двухъ мѣстахъ на западномъ берегу Урмійскаго озера (выше дер. Шаабанъ на р. Барандузъ и у разв. Исмаил-ханъ-каласы на р. Назлучай). Третью подобную же камеру я видѣлъ около деревни Сенгеръ на дорогѣ изъ Баязида (черезъ дер. Базырганъ) въ гор. Маку. Подробное описаніе этихъ выдолбленныхъ камеръ будетъ помѣщено мною въ другой работѣ, касающейся памятниковъ древнѣйшей эпохи въ районѣ

---

[1]) А. А. Ивановскій, По Закавказью въ 1893—4 и 6 гг., Матер. по археол. Кавказа, вып. VI, 1911, стр. 68. Авторъ посѣтилъ часть ханства отъ Аваджика до г. Маку и проѣхалъ дорогой изъ Маку въ Россію.

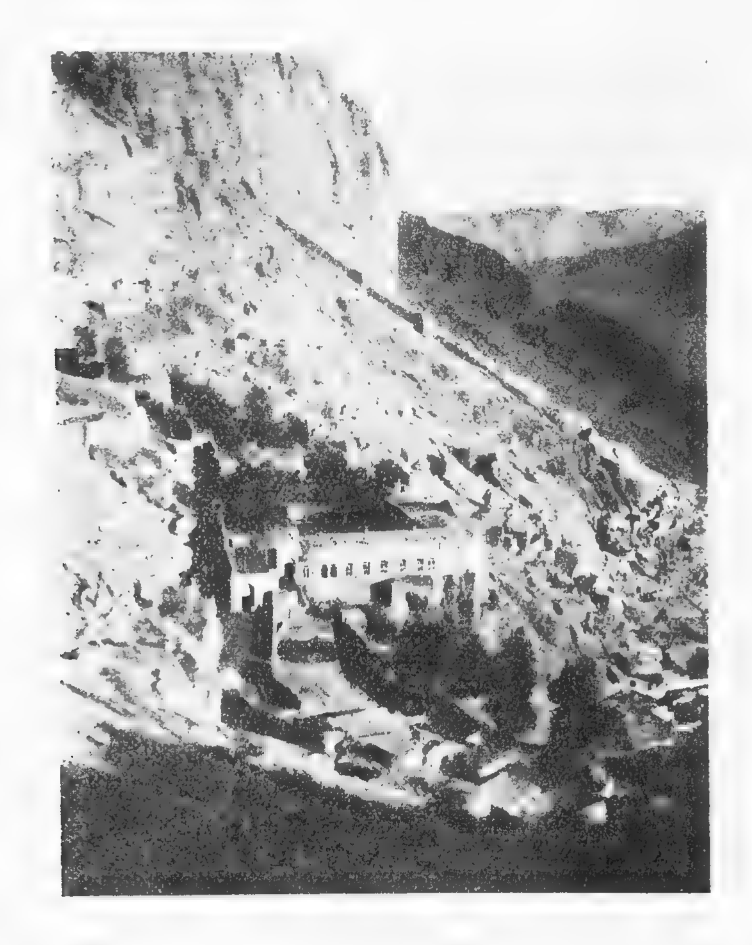
[2]) По имени народа называвшаго себя халдами. Ванъ (Біайна или Тушпа) былъ ихъ столицей. Урарту названіе ассирійское, соотвѣтствующее библейскому народу Араратъ.

[3]) Lehmann-Haupt, Mater. zur älteren Geschichte Armeniens, Abhand. Gesell Wiss. zu Göttingen, 1907, томъ IX, стр. 120.

[4]) Послѣднюю цѣль явно преслѣдовали персидскія (ахеменидскія) гробницы въ скалахъ, отличавшіяся и особымъ стилемъ (колонны и т. д.).

[5]) Исключая нѣкоторые памятники Салмаса.

Урмійскаго озера [1]), здѣсь же я могу ограничиться замѣчаніемъ, что, если подобныя сооруженія считать характерными для халдовъ или для современной имъ эпохи, то вновь открытыя комнаты,—въ томъ числѣ и макинская,—важны, какъ доказательства распространенія даннаго явленія культуры далѣе на востокъ, нежели это до сихъ поръ предполагалось.

1. Уголокъ г. Маку.

2. Много разъ, преимущественно у западно-европейскихъ путешественниковъ начала прошлаго вѣка описывалось удивительное расположеніе города Маку на лѣвомъ берегу рѣки Зенгимаръ, которая прорывается здѣсь сквозь узкое ущелье, состоящее изъ корридора отвѣсныхъ скалъ [2]).

---

[1]) Она появится въ ближайшемъ выпускѣ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.
[2]) Ущелье идетъ въ направленіи съ запада на востокъ.

Надъ откосомъ вдоль бурнаго потока вытянулись красивые каменные ханскіе дома и глинобитныя жилища простыхъ смертныхъ (см. рис. 1). Выше города видны остатки крѣпости, о которой рѣчь будетъ ниже, а надъ нею сейчасъ же поднимаются совершенно перпендикулярныя скалы, изборожденныя лишь трещинами и щелями. Саженъ 25—30 вверхъ по этой стѣнѣ расположена знаменитая Макинская „пещера", а затѣмъ скала вдругъ выдается впередъ и

2. Скала надъ Маку.

въ видѣ колоссальнаго козырька нависаетъ надъ городомъ на громадной высотѣ [1]). Впечатлѣніе особенно сильно, когда стоишь выше крѣпости: только тогда чувствуешь. сколько милліоновъ пудовъ, повисшихъ въ воздухѣ по капризу природы. грозитъ сокрушить жалкихъ пигмеевъ,

[1]) На новой русской картѣ абсолютная высота скалы надъ Маку дана около 900 саж., а уровень рѣки, версты 3—4 ниже города, равенъ 550 саж. Въ какихъ размѣрахъ ни исчислить паденіе русла рѣки на указанномъ протяженіи, относительная высота макинской скалы должна превышать 100 саженъ.

пріютившихся внизу. Полукругомъ, въ видѣ амфитеатра, раскинулся городъ, а надъ нимъ остановилось черное зловѣщее тѣневое пятно, лишь въ немногіе часы дня разсѣивающееся передъ лучами солнца (см. рис. 2); высоко вверху подъ гигантскимъ навѣсомъ рѣютъ у своихъ гнѣздъ голуби, мирно живущіе въ разсѣлинахъ, а выше впереди видно голубое небо, по которому плывутъ облака, другой разъ стелющіяся по самой спинѣ навѣса [1]).

Какъ ни стремились прежніе путешественники побывать въ легендарной пещерѣ [2]), имъ не удавалось превозмочь противодѣйствія подозрительныхъ хановъ, которые, сперва, будто бы, хранили въ ней свою казну, а затѣмъ превратили ее въ тюрьму—„макинскую Сибирь", по выраженію мѣстныхъ жителей. Первымъ европейцемъ, проникшимъ наверхъ, былъ А. А. Ивановскій, изложившій свои впечатлѣнія въ крайне бѣглой газетной замѣткѣ [3]). По словамъ его, наверху оказался карнизъ длиною 40—50 саж. и шириною отъ 1 арш. до 2 саж. „На уступѣ въ 3—4 мѣстахъ выдолблены въ стѣнѣ, повидимому, искусственно углубленія, нѣчто вродѣ маленькихъ пещерокъ". Другихъ подробностей, съ сожалѣнію, не приведено. Въ 1905 г. я пытался повторить подъемъ моего счастливаго предшественника, но неудачно. Г. Ивановскаго поднимали на веревкѣ узники, заключенные въ

[1]) Онъ защищаетъ верхъ города отъ дождя и снѣга, зато при землетрясеніяхъ именно этотъ верхній кварталъ больше всего подвергается опасности отъ паденія камней. Чириковъ разсказываетъ, что подобнымъ обваломъ была раздавлена мать Али хана макинскаго. Наверху же, во дворѣ дома одного изъ хановъ выходитъ прекрасный источникъ; о немъ упоминалъ и Клавихо. Эта вода имѣла большое значеніе для обороны Маку въ прежнія времена

[2]) Ritter, Erdkunde, IX, 919—922. Flandin, бывшій въ Маку въ 1840 г., подробно описываетъ городъ, но ни пол-слова не упоминаетъ о пещерѣ, Relation du voyage etc., I, 1851, стр. 120. Ген. Лихутинъ, Русскіе въ Аз. Турціи въ 1854—5 гг. Спб., 1863, 244—50, разсказываетъ лишь о встрѣчахъ съ правителями Аваджика (Халифе-кули-ханъ) и Маку (Али-ханъ): авторъ не ѣздилъ далѣе пограничной дер. Базырганъ. Ханыковъ былъ въ Маку, но не оставилъ его описанія.

[3]) Русскія Вѣдомости", 1897, №№ 314, 323 и 335—„Въ Макинскомъ ханствѣ"; о пещерѣ см. № 335.

пещерѣ; при мнѣ же тюрьма была уничтожена [1]), и лишь ловкіе горцы-пастухи могли взбираться по скалѣ, опираясь на ея щели и неровности. Два такихъ подростка пытались поднять меня, подвязавъ веревкой подъ руки. На высотѣ саженъ десяти мнѣ надо было присѣсть на корточки на крошечномъ уступѣ, гдѣ едва умѣщались мои ноги, затѣмъ ухватиться руками за эту подножку и, повиснувъ на ней, спустить ноги на ниже находившуюся трещину, по которой, будто бы, обезпеченъ былъ дальнѣйшій подъемъ ползкомъ до пещеры. Я, однако, имѣлъ неосторожность оглянуться на городъ и почувствовалъ такое головокруженіе и невѣрность въ ногахъ, что съ большими затрудненіями долженъ былъ сползти обратно.

По словамъ макинцевъ надъ карнизомъ есть какіе то знаки, хотя снизу въ бинокль ихъ и нельзя было разсмотрѣть [2]). Подробное и окончательное изслѣдованіе этого вопроса необходимо. Интересно происхожденіе пещеръ, „искусственный“ характеръ которыхъ допускаетъ и г. Ивановскій; не относятся ли и онѣ къ разряду халдскихъ каменныхъ камеръ, вродѣ сенгерской?

Карнизъ у „пещеръ“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подправленъ хорошо видными и снизу деревянными балками, и, по словамъ мѣстныхъ жителей, этотъ помостъ нѣкогда шелъ на той же высотѣ вдоль всего полукруга скалы и выводилъ на спину описаннаго выше гигантскаго „козырька“. Надо сказать, что скала въ тылу Маку имѣетъ вполнѣ доступное пониженіе. Мнѣ приходилось видѣть, какъ макинцы, накосивши на ней сѣна, сбрасывали за-

[1]) Какъ говорятъ, послѣ побѣга изъ нея курдовъ, свившихъ длинную веревку изъ полотна, которое имъ доставили, запекши въ хлѣбъ, ихъ жены, ежедневно приносившія пищу. Вообще на скалѣ была лишь тонкая бичева, при помощи которой втягивалась наверхъ въ случаѣ надобности (подъемъ г. Ивановскаго) болѣе толстая веревка.

[2]) Ritter, IX, 919. О надписяхъ внутри „пещеръ“ сообщалъ Фрезеръ. Полков. Monteith (J. R. Geogr. Soc., III, 1833, 49) предполагалъ, что издали ему удалось увидать на скалѣ греческую или римскую надпись (?!). Мнѣ лично кажется, что наверху могутъ быть армянскія надписи.

тѣмъ охапки его, падавшія съ навѣса въ самую середину города. Въ старыя времена такимъ же образомъ ханы казнили преступниковъ; въ послѣдній разъ со скалы были сброшены курды — убійцы Исхакъ-паша-хана, дяди нынѣшняго Сердара.

Нынѣшнее ханство составляло округъ Артазъ въ извѣстной древне-армянской провинціи Васпураканъ.

По свидѣтельству Моисея Хоренскаго, (II, 34 и 52), Артазъ, называвшійся ранѣе Шаваршаканъ [1]), получилъ свое новое имя отъ родины плѣнныхъ алановъ, поселенныхъ царемъ Арташесомъ въ нынѣшнемъ Маку [2]). Старое названіе округа, повидимому, произошло отъ удѣльныхъ князей изъ рода Арцруни, среди котораго было обычно имя Шаваршъ (Ксерксъ = ново-перс. Сіявушъ). Что касается до упомянутой родины аланъ, то древняя армянская географія, приписываемая Хоренскому, называетъ ее Ардозъ — въ районѣ разселенія аланъ-тагауровъ (нынѣшнихъ осетинъ-дигорцевъ). Новѣйшіе ученые полагаютъ, однако, что Артазъ, какъ названіе, значительно старше эпохи армянскихъ аршакидовъ и можетъ сопоставляться съ мѣстностью Арзата (иначе Азара или Арксата), которая упоминается вблизи Аракса уже у Страбона, писавшаго въ началѣ I в. по Р. Х., когда лишь впервые появились аршакиды въ Арменіи [3]). Извѣстно, что поселившіеся впослѣдствіи къ сѣверу отъ Аракса князья Аматуни, жили прежде также въ Артазѣ, что отра-

---

[1]) Въ „сказаніи о св. Ѳаддеѣ и Варѳоломеѣ“, перев. Н. Эмина, (Сочиненія изд. Лазар. Инстит., II, 1897, стр. 113—42) говорится: „св. апостолъ (Ѳаддей)... поспѣшилъ прибыть въ землю армянскую къ царю Санатруку, въ области Артазской, въ *селеніи* Шаваршанъ, въ царскихъ своихъ (читай: его?!) палатахъ: здѣсь было лѣтнее мѣстопребываніе армянскихъ царей“.

[2]) Интересно отмѣтить пестроту населенія Артаза, отразивщуюся въ преданіяхъ о поселеніи здѣсь потомковъ маровъ Аждахака (иранцевъ), рода Аматуни, пришедшаго „изъ восточныхъ странъ арійскихъ“, и, наконецъ, алановъ.

[3]) См. Marquart, Eranšahr, 1901, стр. 4—5, 177.

зилось и на названіи макинскаго епископства [1]). Наконецъ, Маку извѣстно. какъ мѣсто [2]) мученичества апостола Ѳаддея и т. д.

Макинская рѣка Зенгимаръ называлась по армянски Тыгмутъ, т. е. „грязная, тинистая“ [3]), и я могу добавить, что въ ю. з. углу долины Чалдыранъ (Кара-эйни), откуда выходитъ одинъ истокъ рѣки, имѣются до сихъ поръ 3 мусульманскихъ селенія, носящихъ то же, нѣсколько искаженное, названіе: Верхній, Средній и Нижній Тыгнытъ. Ниже города Маку по лѣвому берегу Зенгимаръ расположены: деревня Эриндъ [4]), отождествляемая съ древнимъ Егиндомъ (Елиндъ), а верстахъ въ 6 къ с.-в. отъ послѣдняго дер. Хасынъ, соотвѣтствующая древнему Ацюну [5]). Безъ сомнѣнія. возможно отождествить еще множество старыхъ названій въ Маку, гдѣ вообще слышится рядъ непривычныхъ именъ: Штодъ, Чорсъ, Шотъ, Хокъ, Морсъ (гора), Пэрахудыкъ (турецк. ?), Кяджотъ (не курд. ли Га-джутъ— „пара воловъ“?) и т. п.

Естественно, такимъ образомъ, богатство Маку памятниками, имѣющими отношеніе къ армянской исторіи или культурѣ.

---

[1]) Адонцъ, цит. соч. 304, 321, епархія: Аматунеац-танъ; интересно предположеніе объ иранской (мидійской) этимологіи имени а-мат-уни, тамъ же стр. 419. Хоренскій (II, 57) передаетъ, что Аматуни (иначе Мануеанъ) еврейскаго происхожденія.

[2]) Легенда (Хоренскій II, 74) пріурочила къ нему и мѣсто зачатія Григорія Просвѣтителя, родители котораго во время бѣгства изъ Персіи, будто бы, остановились здѣсь.

[3]) Hübschmann, Die altarmen. Ortsnamen, 1904, 7.

[4]) Собственно на лѣвомъ притокѣ Зенгимаръ: рѣкѣ Сары-су, вытекающей на турецкой территоріи изъ озера Балыкъ-гöль къ западу отъ Баязида. Верховья этой рѣки (въ предѣлахъ нынѣшней Турціи) составляли древне-армянскій округъ Когъ (въ провинціи Айраратъ), въ которомъ находилась крѣпость Даронкъ, нынѣшній Баязидъ. См. Н. Г. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана стр. 306.

[5]) Адонцъ, цит. соч. 316. Авторъ, очевидно, руководствуясь неточной терминологіей доступныхъ ему картъ, называетъ Зенгимаръ рѣкою Ак-чай, но послѣднее названіеноситъ лѣвый притокъ Котуръ-чая, вытекающій съ южнаго фаса горъ, ограничивающихъ съ юга округъ Чалдыранъ, и затѣмъ направляющійся на дер. Каразіядинъ (окр. Чай-паре). Котур-чай и Зенгимаръ самостоятельно впадаютъ въ Араксъ: первый—у Дерешама, а второй много выше у дер. Арапларъ.

1. На первомъ мѣстѣ надо назвать, конечно, знаменитый монастырь св. Ѳаддея (Татевосъ-Аракелъ; у мусульманъ Кара-килиса), который лежитъ въ макинскомъ округѣ Бебеджикъ, занимающемъ въ ханствѣ центральное положеніе къ западу отъ горъ Соккаръ. Монастырь распоположенъ на одномъ изъ восточныхъ истоковъ р. Зенгимаръ. Я посѣтилъ его въ 1905 г., но, къ сожалѣнію, замѣтки мои, занесенныя въ дневникъ, не находятся у меня подъ рукой [1]).

Храмъ въ нынѣшнемъ его величественномъ видѣ (см. рис. 3) существуетъ, по указанію мѣстнаго архимандрита, съ XV в.; Saint Martin [2]) относитъ постройку его къ 1247 г., но, конечно, преданіе говоритъ, что первоначальное зданіе, впослѣдствіи лишь перестроенное, было воздвигнуто въ первые вѣка христіанства [3]). Монастырь пользуется большимъ уваженіемъ у мусульманъ; я видѣлъ, какъ мои спутники прикладывались къ евангелію, раскрытому на аналоѣ. Самъ макинскій сердаръ во время наѣздовъ въ Кара-килиса изъ близлежащей лѣтней резиденціи [4]) зво-

---

[1]) Эминъ („Сказ. о св. Ѳаддеѣ и т. д.") говоритъ, что въ монастырѣ „хранится правая рука св. апостола, обдѣланная въ серебро". Если память мнѣ не измѣняетъ, то теперь показываютъ просто серебряное изображеніе руки. Мнѣ передавали, что фотографіи монастыря имѣются въ одномъ армянскомъ изданіи, но большихъ подробностей мнѣ не удалось получить.

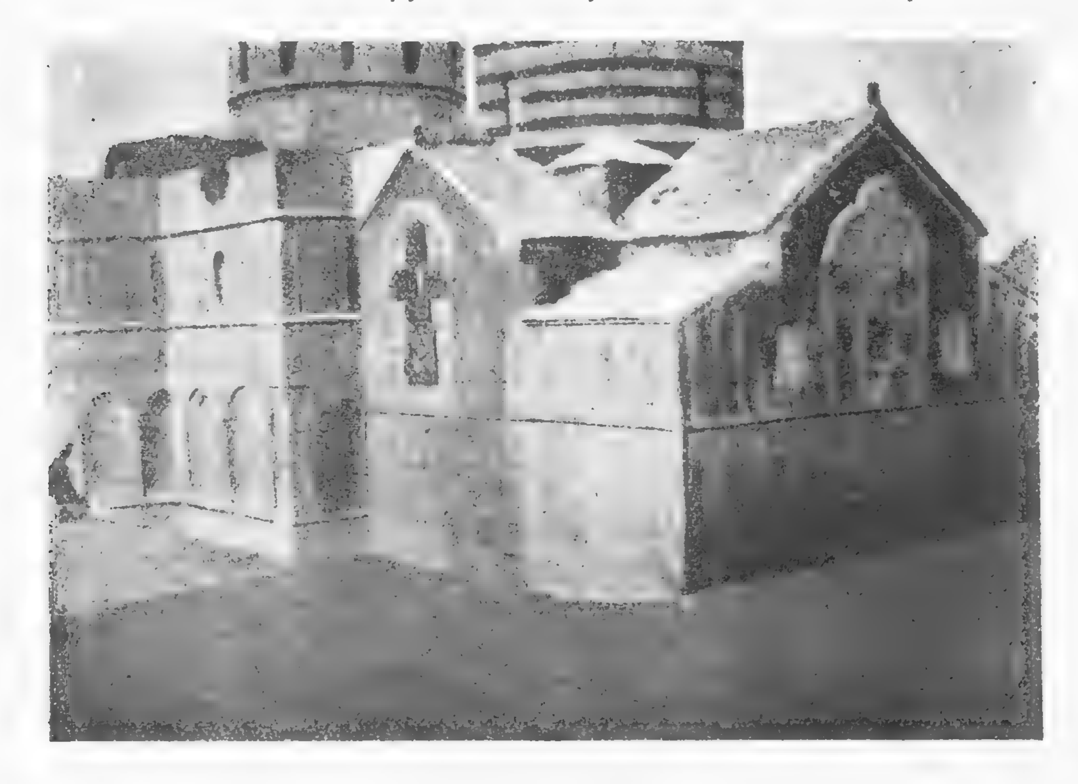
[2]) Mémoires sur l'Arménie, 1818—9, II, стр. 463—безъ указанія источника.

[3]) Въ 1914 г. мнѣ пришлось посѣтить другой знаменитый монастырь св. Варѳоломея (Дейръ) въ Альбакѣ, подробно описанный съ внѣшней стороны въ книгѣ W. Bachmann, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913, стр. 23—28. На мой вопросъ о датѣ постройки храма, священникъ отвѣчалъ, что онъ воздвигнутъ „еще до Р. Х.", желая, очевидно, сказать, что онъ стоитъ на мѣстѣ храма огня. Объ этомъ монастырѣ ср. еще Чириковъ, Путевой журналъ, 1875, стр. 480-2. Обстановка храма поражаетъ своей бѣдностью. Мощи святого, вправленныя въ крестъ, безъ всякаго благолѣпія хранятся въ сундукѣ, украшенномъ портретами героевъ турецкой революціи. На верхнемъ барельефѣ надъ дверями храма св. Варѳоломей изображенъ держащимъ въ рукахъ чью-то голову. Не есть ли это кожа съ лица святого? По мѣстному преданію, царь Санатрукъ приказалъ именно снять съ Варѳоломея кожу, хотя въ житіи святого, переведенномъ Эминымъ (Сочиненія, II, стр. 141) объ этомъ нѣтъ упоминанія.

[4]) Она лежитъ на перевалѣ изъ Маку въ Бебеджикъ и носитъ знаменательное названіе Кара-хачъ („Черный крестъ"). На картахъ ошибочно Кара—агачъ.

нилъ въ колоколъ и приказывалъ рѣзать барановъ („курбани“—жертва) въ честь святого.

Кругомъ монастыря разбросаны развалины различныхъ построекъ и кладбища. На холмѣ верстахъ въ 1½ къ ю.-в. отъ храма у самой дороги стоитъ бѣдная часовня изъ простыхъ камней на извести. Видомъ она напоминаетъ обычный мусульманскій зіяретъ, четырехъугольный и съ небольшимъ круглымъ куполомъ, но, по преданію,

3. Соборъ Св. Ѳаддея.

стоитъ надъ мѣстомъ кончины царевны Сандухтъ, замученной ея отцомъ, царемъ Санатрукомъ, за переходъ въ христіанство [1]).

2. Другой армянскій монастырь св. Стефана (Сурп-Степаносъ; у мусульманъ Даніял-пейгамберъ, т. е. „Даніилъ пророкъ“) находится на территоріи отчасти подвластной сердару, но лежитъ за предѣлами собственно

[1]) Хоренскій (II, 34) упоминаетъ о кончинѣ Сандухтъ „близь дороги“. Мощи ея и апостола Ѳаддея были затѣмъ перенесены на „Каменистую крутизну“.

макинскаго ханства на правомъ берегу Аракса [2]) версты 3 ниже впаденія Котур-чая. Въ 1905 г. мнѣ пришлось посѣтить его во время армяно-татарской усобицы, когда вся обширная ограда монастыря было набита бѣженцами изъ Нахичеванскаго уѣзда и сосѣдняго персидскаго селенія Дарашамъ, населеннаго армянами.

Изъ отдѣльныхъ старинныхъ церквей въ предѣлахъ макинскаго ханства я видѣлъ слѣдующія:

4. Часовня Марьямъ-нене.

3. Въ заросшей деревьями и очень крутой балкѣ надъ дворцомъ сердара въ деревнѣ Бахчаджикъ есть развалины церкви изъ тесанаго камня.

4. Въ Бебеджикѣ у самаго входа Зенгимаръ въ глубокую и непроходимую щель, по которой рѣка выбѣгаетъ на макинскую долину (выше города Маку), находятся раз-

[2]) Среди холмовъ въ верстѣ отъ рѣки.

валины часовни изъ тесанаго камня, извѣстной у мусульманъ подъ названіемъ Марьямъ-нене т. е. „Матерь Марія“ (см. рис. 4).

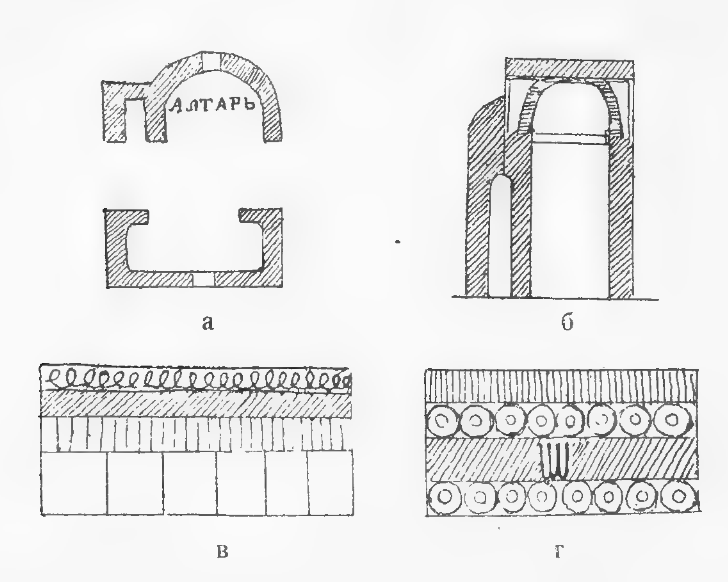
5. Въ сосѣднемъ съ Маку маленькомъ Аваджикскомъ округѣ въ главной деревнѣ Келиса-кенди („церковная деревня“) развалины прекраснаго обширнаго храма (тесанаго камня) служатъ теперь складомъ ханскаго сѣна. Изъ Аваджика, откуда еще не такъ давно въ монастырь св. Ѳаддея притекали богатые подарки (рѣзныя двери и т. д.), въ настоящее время всѣ армяне переселились въ другія мѣста, главнымъ образомъ въ наше Закавказье.

6. Изъ Маку на перевалъ между Большимъ и Малымъ Араратомъ путь идетъ на пограничное урочище Ярымъ-Кая [1]), откуда въ гору вверхъ по дикому склону начинается тяжелая тропа. Ничтожные иногда изсякающіе роднички имѣются лишь въ мѣстностяхъ Козлу, Салепъ и Сарынджъ, и около нихъ ютятся жалкія курдскія кочевья. Дорога отъ Ярымъ-кая поднимается вначалѣ, имѣя справа желтые отроги горъ Аю-бегъ, а слѣва колоссальныя кучи мелкихъ, обожженныхъ вулканическими процессами, камней, лежащихъ точно груды чернаго щебня. Рѣзкая грань между обѣими сторонами прямо поразительна, тѣмъ болѣе, что тропа идетъ какъ разъ по ней вдоль небольшихъ лощинокъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга каменистыми грядками. Черезъ 1 ч. 20 мин. дорога выходитъ на болѣе широкую поперечную долину Козлы, гдѣ видны остатки садовъ и источникъ. Въ 15 минутахъ выше, въ сухомъ боковомъ ущельѣ, лежатъ развалины селенія, другая группа деревьевъ и остатки весьма изящной небольшой церкви (см. рис. 5) изъ отлично обдѣланнаго камня. Старый пастухъ-курдъ [2]) объяснилъ намъ, что лишь недавно затерялся языкъ ея колокола (било?). Вотъ планъ

[1]) Къ востоку отъ одноименнаго болота, поросшаго камышемъ.

[2]) Онъ бойко говорилъ по-русски и рекомендовался, какъ „промотавшійся“ торговецъ изъ Баку.

церкви, осмотрѣнной нами въ октябрѣ 1914 г., и нѣкоторыя детали орнамента стѣнъ:

а—горизонтальное сѣченіе 4×5½ саж.; *б*—вертикальное сѣченіе; *в* и *г*—орнаменты.

7. Осенью 1905 г. мнѣ случилось быть въ мѣстности Дамбатъ, являющейся крайнимъ сѣверо-западомъ макинскаго ханства. Урочище лежитъ съ ю. в. стороны Малаго Арарата и представляетъ собою довольно широкую долину (вверху 4—6 верстъ), очень каменистую и безплодную, и понижающуюся на сѣверъ къ русско-персидской пограничной рѣкѣ Кара-су [1]). Съ сѣвера Дамбатъ прикрытъ Малымъ Араратомъ (около 1900 саж.), съ запада его защищаетъ хребетъ, тянущійся къ югу [2]) отъ перевала между Большимъ и Малымъ Араратомъ, съ юга и востока его охватываютъ высоты, отдѣляющія его отъ бассейновъ макинскихъ рѣкъ Сары-су и Зенгимаръ. Верхняя часть Дамбата лежитъ на высотѣ около 600 саженъ [3]) и постепенно спускается до уровня Кара-су (около 400 саж.).

[1]) Кара-су притокъ Аракса. Дамбатъ впадаетъ въ него верстъ на 7 южнѣе русскаго поста Бураланъ.

[2]) Вершина Бичаре, старая воронка кратера Карны-ярыхъ (по курдски Гиризыг-деръ) и т. д.

[3]) Саженъ 300 ниже окружающихъ высотъ. Урочище Козлы, упоминавшееся выше, приходится съ ю.-з. Домбата, и отдѣлено отъ него горою Аю-бегъ.

Вся долина, внизу переходящая въ ущелье, тянется верстъ на двадцать. Нижняя часть Дамбата и сосѣднія мѣстности праваго берега Аракса привлекаютъ своимъ умѣреннымъ климатомъ кочевыхъ курдовъ, спускающихся туда

5. Церковь въ Козлу.

на зимовья. Верхнюю часть Дамбата занимаетъ круглый годъ племя Саканъ, по характеру жизни напоминающее настоящихъ троглодитовъ. Почва кругомъ Араратовъ вул-

каническаго происхожденія. Въ лавѣ при остываніи, очевидно, образовывались ходы воздуха. отъ которыхъ и получилось множество длинныхъ и узкихъ пещеръ, которыя теперь служатъ жилищемъ саканъ [1]). Подземные ходы сложны и извилисты; курды разсказывали, что однажды рядомъ съ ними перезимовалъ въ спячкѣ медвѣдь, и они узнали объ этомъ лишь весной, когда онъ вышелъ изъ того же корридора. Воды на Дамбатѣ нѣтъ; ближайшій

6. Развалины Дамбата.

источникъ (Шорикъ) лежитъ верстахъ въ 4, и къ нему ходятъ рѣдко. Люди питаются молокомъ, а стада овецъ на подножномъ корму по нѣскольку мѣсяцевъ не нуждаются въ водопоѣ. Необычныя ли условія жизни, или близость браковъ являются условіями яркаго вырожденія саканъ; среди нихъ не рѣдки удивительныя уродства— встрѣчаются какія то рыбьи физіономіи; у одного изъ главарей отъ рожденія не было зубовъ и т. д.

[1]) Отсюда народная этимологія Дам-бат, по-турецки (азерб.): „домъ, провались!".

У Дамбатскихъ пещеръ и расположены развалины большого города (см. рис. 6 и 7), отъ котораго видны правильные ряды бывшихъ фундаментовъ, отдѣльные тесаные камни (рис. 8) и линія водопровода, доставлявшаго изъ подъ Арарата воду тающихъ снѣговъ. Надписей на поверхности земли я никакихъ не замѣтилъ, и курды о нихъ ничего не могли сообщить.

7 Развалины Дамбата.

Макинскіе армяне, знающіе о существованіи развалинъ, называли ихъ именемъ Аршакаванъ, очевидно, имѣя въ виду преданіе, изложенное у Моисея Хоренскаго (III, 27), а именно, что такъ называлось „убѣжище для преступниковъ", построенное Аршакомъ „за горою Масисъ" (т. е. Араратъ) и разрушенное затѣмъ возмущенными нахарарами (князьями), которые избили всѣхъ жителей, кромѣ младенцевъ; послѣднихъ успѣлъ спасти Нерсесъ Великій, приказавшій снести ихъ въ корзинахъ въ одно мѣсто и приставившій къ нимъ кормилицъ. „Впослѣдствіи мѣсто

это росло и образовало изъ себя небольшой городокъ, названный . . . . Уорткъ", т. е. корзина изъ виноградныхъ лозъ [1]).

Болѣе интересна, однако, другая легенда Хоренскаго (I, 30), не только отражающая этнографическія воспоминанія, но и прямо называющая Дамбатъ.

Побѣдивши мидянина Аждахака (перс. „драконъ"), Тигранъ поселилъ „его первую жену, Ануйшъ, и многихъ дѣвъ отъ его сѣмени вмѣстѣ съ юношами и множествомъ другихъ

8. Развалины Дамбата.

плѣнныхъ—числомъ болѣе 10.000— . . . за восточнымъ хребтомъ великой горы до предѣловъ Гогхтна, т. е. въ *Тамбатѣ*, Оскіогхѣ, Дажгуйнкѣ" и т. д. Сама Ануйшъ помѣщена была въ безопасномъ мѣстѣ, „откуда тянутся (остатки) обрушившагося обвала съ великой горы, что случилось, какъ говорятъ, отъ великаго землетрясенія".

[1]) Переводъ Н. О. Эмина., примѣч. 402.

Потомки Аждахака, въ виду своего происхожденія, получили названіе вишапазункъ (вишапъ—по-армянски „драконъ").

Въ дальнѣйшемъ Хоренскій (II, 49) вновь упоминаетъ о „потомкахъ Аждахака, занимающихъ все (пространство) у подошвы Масиса", говоря о любви царицы Сатеникъ (бывшей аланской принцессы) къ одному изъ этихъ „мидянъ" (см. Эминъ, стр. 226).

Есть, повидимому, основанія предположить, что Дамбатъ, отдѣленный, какъ описано выше, отъ прочаго Маку (Артаза), входилъ не въ провинцію Васпураканъ, а въ провинцію Айраратъ, въ которой имѣлся особый округъ Масеацъ-отнъ („подножіе Арарата") [1]).

Южные склоны Арарата крайне мало доступны, и весьма рѣдко посѣщались путешественниками [2]), а между тѣмъ развалины Дамбата и остатки церкви Козлу доказываютъ, что здѣсь нѣкогда шла болѣе оживленная жизнь [3]). Слѣды древностей могутъ оказаться и въ Баязидской деревнѣ Инекъ, лежащей къ западу отъ Козлу высоко среди южныхъ отроговъ Арарата. Ее мнѣ не удалось посѣтить.

Въ мусульманскую эпоху Маку подъ нынѣшнимъ его именемъ было извѣстно арабамъ, и Якутъ (1179—1229)

---

[1]) И. Шопенъ, Историч. памятникъ состоянія армян. области, Спб. 1852, стр. 44, помѣщалъ этотъ округъ около р. Кара-су, на которую, какъ сказано, и выходитъ Дамбатъ. Hübschmann, Altarmen. Ortsnamen, въ текстѣ своей работы не упоминаетъ Дамбата, но на приложенной картѣ указываетъ теченіе Dambat-Fluss, включая и его въ Масеац-отнъ, надписанный къ югу отъ Араратовъ.

[2]) Описаніе Дамбатскихъ пещеръ имѣется въ книгѣ Хуршидъ-эфенди, Сіяхетнамеи-худудъ. Иностранные авторы (G. Hoffmann, M. Hartmann) постоянно жалуются на недоступность этого интереснаго сочиненія секретаря разграничительной комиссіи 1849—52 гг., а между тѣмъ по-русски оно имѣется въ прекрасномъ переводѣ М. А. Гамазова, Спб. 1877 (о Дамбатѣ стр. 315). Ни Хуршидъ-эфенди, ни Чириковъ (цит. соч., стр. 508) не упоминаютъ, впрочемъ, развалинъ города на Дамбатѣ.

[3]) Арабскіе географы утверждали, что все подножіе Араратовъ было усыпано деревнями. По арабски Б. Араратъ назыв. аль-Хариѳъ الحارث, а М. Араратъ аль-Ховейриѳъ الحويرث. См. Le Strange, The lands of the Eastern Caliphate, 1905, стр. 182 (на основаніи Muqaddasi, 374, 377, 380).

даетъ о немъ довольно опредѣленныя указанія[1]): „Макуйе—крѣпость Азербайджана на высокой скалѣ, тѣнь которой до полудня охватываетъ городъ, расположенный внизу; нѣкогда здѣсь жилъ одинъ изъ главныхъ жрецовъ огня“ [2]).

Писавшій при монголахъ (въ 1340 г. по Р. Х.) персидскій космографъ Хамдулла Казвини не упоминаетъ Маку въ своемъ описаніи Ирана [3]). Зато весьма интересныя подробности объ этомъ городѣ имѣются у Клавихо побывавшаго здѣсь на пути ко двору Тамерлана 1 іюня 1404 г. По словамъ испанскаго посла, „замокъ Маку стоялъ въ долинѣ, въ уголкѣ, у подножія очень высокой скалы, а городъ стоялъ выше на склонѣ ея“. Дома помѣщались за крѣпкой оградой съ башнями; выше находилась вторая ограда, куда входили „по ступенямъ, сдѣланнымъ въ скалѣ“; за этой стѣной жилъ князь, и хранились запасы жителей. Упомянувъ о свѣсившейся скалѣ, Клавихо добавляетъ: „такимъ образомъ... на (замокъ) нельзя напасть ни съ земли, ни даже съ неба“. Населеніе Маку составляли армяне-католики, которыми управлялъ ихъ князь Норадинъ, державшій себя по отношенію монголовъ довольно независимо. Тамерланъ не могъ взять Маку силою, но все же заключилъ договоръ съ Норадиномъ, который долженъ былъ выставлять въ случаѣ требованія 20 всадниковъ. Кромѣ того, старшій сынъ Норадина былъ опредѣленъ Тимуромъ ко двору его внука Омаръ-Мирзы; здѣсь онъ принужденъ былъ принять мусульманство и получилъ имя Суюргатмышъ (Sorgat mix), но „хотя онъ такимъ образомъ сдѣлался мавромъ, однако онъ мавръ не по своей волѣ и не мавръ по своимъ поступкамъ“. Второго своего сына Норадинъ хотѣлъ было

[1]) Лично онъ въ Маку не бывалъ.

[2]) Barbier de Meynard, Dict. géorg. de la Perse, 1861, стр. 511. У болѣе раннихъ арабскихъ географовъ, изданныхъ de Goeje, свѣдѣній о Маку, насколько можно судить по указателю и по цит. работѣ Le Strange'а не встрѣчается, хотя Араратъ, какъ упомянуто, и былъ имъ хорошо извѣстенъ.

[3]) G Le Strange, Mesopotamia and Persia under the Mongols, Asiat. Soc. monographs, 1913.

послать въ Испанію и къ папѣ для посвященія въ епископы, но послы на обратномъ пути должны были, въ виду волненій, объѣхать Маку по болѣе южному направленію. Клавихо, восхваляющій католичество макинскихъ армянъ, упоминаетъ въ этой же мѣстности (en el dicho lugar) монастырь братьевъ св. Доминика (Frayles de Sancto Domingo [1]).

Въ XVII в., въ эпоху борьбы турецкихъ султановъ съ персидскими сефевидами, Маку вновь появляется на сцену въ договорѣ, заключенномъ представителями Султана Мурада IV и Шаха Сефи въ Зохабѣ вь 1049 г. Х. (1639 по Р. Х.) [2]. Подлинникъ этого неяснаго трактата, долгое время служившаго главнымъ документомъ турецко-персидскаго разграниченія [3], былъ утраченъ, а потому приходится руководствоваться разнорѣчивыми пересказами его, главнымъ образомъ, у турецкихъ историковъ. Интересующая насъ часть его—такова: „крѣпость Зенджиръ, возвышающаяся на вершинѣ горы [4], крѣпости Котуръ и Макуръ (ماكور) [5], расположенныя на границѣ Вана, и крѣпость

[1]) Жизнь и дѣянія Великаго Тамерлана, сочиненіе Клавихо, перев. И. И. Срезневскаго, 1881, стр. 158—162 и 376. Сборн. Отд. рус. яз. Имп. Ак. Наукъ, XXVIII, № 1.

[2]) Общую историческую обстановку см. Адамовъ, Иракъ Арабскій, 1912, стр. 339. Округъ Чалдыранъ (Караэйни, у курдовъ Калэнъ), лежащій на верховьяхъ той же макинской рѣки Зенгимаръ, былъ еще въ 1514 г. ареною знаменитой битвы въ которой Султанъ Селимъ и его полководецъ Синанъ Паша на голову разбили войска Шаха Исмаила I; послѣдній, по преданію, послѣ этого навсегда потерялъ способность улыбаться (E. E. Oliver).

[3]) Часть его, касавшаяся границы, подтверждалась въ договорахъ 1159/1746 г. (Надыръ Шахъ и Султанъ Махмудъ) и 1237/1822 г.

[4]) Кале-Зенджиръ—старое укрѣпленіе къ востоку отъ нынѣшняго Зохаба за хребтомъ Далаху.

[5]) Чириковъ, цит. соч., стр. 649, на основаніи турецкой исторіи Наимы (I, стр. 686). Имѣются двѣ другія версіи: 1) въ „Джиханъ-нюма" Кятибъ-челеби (стр. 457 неизвѣстнаго мнѣ лично изданія, и 2) найденная въ 1842 г. въ Вѣнской Императорской библіотекѣ копія договора, какъ бы, въ видѣ односторонняго заявленія турецкаго уполномоченнаго Мустафы Паши о результатѣ его переговоровъ съ персидскими делегатами Сару-ханомъ и Мохаммед-кули бегомъ. Въ обоихъ этихъ варіантахъ крѣпость названа Маку. Въ 40-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія вопросомъ о трактатѣ 1639 г. занимались по оффиціальному порученію извѣстные оріенталисты Rawlinson, Hammer, Redhouse. Предполагалось (со словъ персидскаго министра Хаджи Мирза Агасы), что договоръ былъ заключенъ при посредствѣ Австріи.

Магазбердъ, находящаяся въ сторонѣ Карса", должны были быть „срыты обѣими сторонами". Хотя Ролинсонъ, основываясь на значительной удаленности крѣпости Маку отъ фактической границы, и предполагалъ, что Макуръ слѣдуетъ искать по сосѣдству съ Котуромъ [1]), однако, большинство источниковъ заставляетъ считать, что рѣчь въ трактатѣ шла именно о Маку. Турецкія претензіи и позднѣе охватывали всю центральную часть ханства, а кромѣ того срытіе Маку могло требоваться для безопасности турецкихъ округовъ, лежащихъ и поодаль границы.

Въ путешествіи Эвлія-челеби имѣется весьма интересный разсказъ, не оставляющій, повидимому, сомнѣній въ смыслѣ трактата. Въ 1045 г. Х. Мурадъ IV, возвращаясь изъ подъ Эривани, проѣзжалъ мимо крѣпости Котуръ, откуда пушки открыли по его лагерю канонаду. Отказавшись отъ осады, въ виду близости зимы, Султанъ запомнилъ, однако, случившееся и, отправляя въ 1048 г. послѣ завоеванія Багдада Кара-Мустафу Пашу для переговоровъ съ персами, сказалъ ему: „Мустафа, пусть по условіямъ этого мира персы разрушатъ крѣпость Маку, что лежитъ вблизи Эривани, и крѣпость Котуръ, находящуюся въ Ванскомъ эялетѣ". Въ дѣйствительности же персы не выполнили точно этого условія: „не разрушивъ крѣпостей Маку (مكوى) и Котуръ, они лишь вывели изъ нихъ войска, и оставили крѣпость котурскую, какъ она была". По смерти Мурада IV (1049 г. Х. = 1640 г. по

---

[1]) Быть можетъ, онъ припоминалъ при этомъ названіе курдскаго племени Мокори (مقرى), по имени котораго (теперь!) называется селеніе Ноушехри-Мокори въ округѣ Ахорикъ, существовавшее и въ XVII в. (см. Tavernier, Les six voyages, Paris, 1692, I, 308: Nuchar). Однако, не имѣется свѣдѣній о существованіи самого племени Мокори въ XVII в. Возможно, что оно возникло много позднѣе, какъ Такори впервые были названы такъ въ честь своего аги лишь около 1850 г. (Blau, Die Stämme des nördl. Kurdistan, ZDMG, XII). Кромѣ того, ماكور и مقرى весьма различны по составу звуковъ; возможно, что ماكور и простая описка вмѣсто ماكو, тѣмъ болѣе, что переписчикъ могъ вспоминать Мергеверъ, Тергеверъ (ترگور) и т. д.

Р. Х.) персы при Султанѣ Ибрахимѣ, нарушивъ договоръ, вновь заняли и укрѣпили обѣ крѣпости [1]).

Всѣ эти данныя крайне необходимы для уясненія смысла весьма любопытнаго памятника: персидской надписи, высѣченной на макинской скалѣ выше крѣпости. Я припоминаю очень небольшое число подобныхъ мусульманскихъ надписей въ Персіи, причемъ обычно онѣ ограничиваются одной датой и имѣютъ сравнительно малый интересъ [2]). Тѣмъ болѣе вниманія заслуживаетъ надпись макинская. Она сдѣлана мало-рельефно, но довольно большими буквами, въ отдѣльности ясно видными, несмотря на высоту надписи (саж. $1^1/_2$) надъ землей. Неудобно лишь то, что подъемъ горы слишкомъ круто подходитъ къ перпендикулярной скалѣ, и разбирать надпись приходится подъ очень острымъ угломъ. Я убѣдился въ 1914 г., что даже нѣкоторые макинцы съ трудомъ находятъ мѣсто ея. Копія надписи была, по моей просьбѣ, любезно доставлена мнѣ (во время пребыванія въ 1914 г. въ Маку) нынѣшнимъ губернаторомъ ханства Неъметулла-Ханомъ [3]). Вотъ этотъ текстъ:

---

[1]) Эвлія-челеби-сіяхет-намеси, изд. по турецки Ахмедъ Джевдетомъ, Кнсплъ, 1314 г. X, IV, стр. 279. О Котурѣ говорится въ описаніи путешествія автора въ Персію въ 1065/1654 т. е. очень скоро послѣ изложенныхъ происшествій. Кстати, басни Эвлія-челеби о монгольскомъ происхожденіи названія Котура по имени упрямаго везиря Ханъ Газана лишены всякаго основанія. Котуръ уже въ древней Арменіи носилъ названіе Которъ, Адонцъ. цит. соч., 317. Западная часть Котура была, очевидно, населена въ отдаленнѣйшія время. Проф. Wünsch на западномъ склонѣ горы Ашрут-нашелъ здѣсь халдскую клинописную надпись. Кстати гора иногда называется Ашрут-дарга, но послѣдняя часть названія значитъ по курд. „дверь“ и относится, видимо, лишь къ нишѣ, въ которую вставлена надпись.

[2]) Надписи въ Зохабѣ на скалахъ у деревень Рижабъ (Дертенгъ) и Яранъ; въ Сомаѣ на стѣнахъ крѣпости Банега и т. д. Я разумѣю надписи на цѣльномъ камнѣ, а не на отдѣльныхъ плитахъ! Впрочемъ, надо особо упомянуть подписи на скалахъ, имѣющіяся у каджарскихъ барельефовъ Фетх-Али Шаха: въ Чешме-Али около Тегерана (шахъ, принцы и придворные), у другого изображенія по близости (шахъ на конѣ поражаетъ пантеру) и въ Тагы-бустанъ (шахъ и 3 приближенныхъ) и Насер-эд-динъ Шаха: у Бенде-бориде на мазандеранской дорогѣ.

[3]) Со стяженіемъ на курдскій ладъ: Намд—ханъ.

این قلعه که قلعه قابان بود * ضرب المثل جهانیان بود
عباس شه آنکه دولت فر * هر روز زروز او فزان بود
فرمود خرابی این مکان را * چون خانه فکر مفسدان بود
از ضربت تیشه دار کردون * سنک اش بهمه طرف روان بود
باغات قلاع کوه عرضش * در عرض دو ماه بی نشان بود
هر کارکه کرد اکبر از صدق * چون نقش بسنک در جهان بود
از پیر خرد سؤال کردم * تاریخ غنب بَرَاَیْ ان بود

ПЕРЕВОДЪ.

1. Эта крѣпость, бывшая крѣпостью вепря, примѣромъ служила для людей.
2. Шахъ Аббасъ, тотъ, чье счастье и величіе день ото дня возрастали,
3. Приказалъ разрушить это мѣсто, ибо оно было домомъ замысловъ мятежниковъ.
4. Отъ ударовъ, нанесенныхъ сѣкирою рока [1]), камни крѣпости посыпались во всѣ стороны.
5. Сады и укрѣпленія, что стояли на горѣ и около нея [2]), въ теченіе двухъ мѣсяцевъ исчезли безслѣдно.
6. Все, что Акберъ сдѣлалъ отъ своей вѣрности, осталось въ мірѣ подобно надписи на скалѣ.
7. Я спросилъ у мудраго старца, (а онъ отвѣтилъ): „дата—1000 + 50 + 2 установлена на сей предметъ“.

Такимъ образомъ устанавливается, что крѣпость была разрушена въ 1052/1641 или 1642 г., послѣ возшествія на

[1]) Буквально: „сѣкироносцемъ небеснаго свода“.

[2]) Мой бывшій преподаватель, уважаемый Мирза Абдулла Гаффаровъ, всегда охотно помогающій своими знаніями и обширной начитанностью, предполагаетъ, что въ этомъ стихѣ имѣлся въ виду скорѣе смыслъ ارض (земля), а не одинаково звучащаго عرض (ширина). Этимъ достигается и лучшая игра словъ.

персидскій престолъ Шаха Аббаса II [1]), которому было въ это время лѣтъ 10 отъ роду. Надпись, очевидно, была сдѣлана въ честь его нѣкимъ Акберомъ, быть можетъ, провинціальнымъ управителемъ или особо командированнымъ лицомъ. Въ дѣтство Аббаса II фактическое управленіе лежало на его строгихъ опекунахъ (Malcolm) и возможно, что, когда источники и пособія [2]) исторіи сефевидовъ станутъ доступнѣе и многочисленнѣе, удастся установить личность Акбера среди этихъ приближенныхъ молодого Шаха.

Смыслъ надписи таковъ, что крѣпость разрушена по приказу Шаха за злые умыслы людей, укрывавшихся въ ней, и срокъ „два мѣсяца", какъ бы, указываетъ на продолжительность осады [3]) или военныхъ дѣйствій противъ крѣпости.

Съ другой стороны, можно считать установленнымъ, что Маку, лежавшее вблизи Эривани, было персидскимъ владѣніемъ, что персы въ 1639 г. *обязались* срыть эту крѣпость и что между 1640 и 1648 гг. [4]) персы вновь заняли Маку военной силой. Ясно, что Маку имѣло большое значеніе въ турецко-персидскихъ отношеніяхъ, и странно, почему персы сами разрушили свой опорный

[1]) Malcolm, History of Persia, 1815, I, 577 сознательно даетъ годъ воцаренія ббаса II 1641, основываясь на данныхъ زبدة التواريخ, авторъ которой Кутбъ-бинъ-Исмаилъ служилъ при дворѣ этого Шаха. Согласно этому источнику, Аббасъ II родился 18 джемади-уль-ахыръ 1043 г., а взошелъ на престолъ 20 сефера 1052 г., что соотвѣтствуетъ 31 декабря 1631 г. и 20 мая 1641 г. христіанской эры. Напротивъ Tavernier, лично принимавшій участіе во встрѣчѣ молодого Шаха, говоритъ (I,576): „Cha Abas II .. fut mis sur le trône à Casbin avec la cérémonie accoûtumée sur la fin de l'année 1642 et fit son entrée à Ispahan au commencement de l'année suivante". Лэнъ-Пуль (изд. В. В. Бартольда), быть можетъ, въ виду неточнаго перевода годовъ Хиджры, указываетъ для воцаренія 1052 г. = *1642 г.*

[2]) Спеціальная, болѣе нумизматическая работа о сефевидахъ E. E. Oliver, The Safwi Dynasty in Persia, Jour. As. Soc. of Bengal 1887, № II очень кратка. Авторъ ссылается на زبدة التواريخ, но, быть можетъ, лишь со словъ Malcolm.

[3]) Чириковъ, стр. 506: „Шахъ Аббасъ осаждалъ Маку и взялъ обманомъ". Источникомъ этихъ подробностей могли быть разсказы самихъ макинцевъ, желавшихъ пріукрасить славу своей крѣпости.

[4]) Когда въ Турціи правилъ Султанъ Ибрахимъ.

пунктъ противъ Турціи? Судьба не всегда избираетъ простѣйшій ходъ обстоятельствъ и возможно, что разрушенію крѣпости предшествовала какая нибудь измѣна со стороны занимавшаго ее персидскаго гарнизона, но если искать естественныхъ и простыхъ объясненій, то нельзя ли предположить, что громкими словами была прикрыта горькая истина выполненія непріятныхъ условій трактата. При Аббасѣ II отмѣчается (Malcolm, A. Müller) установленіе мирныхъ отношеній съ Турціей, и возможно, что срытіе Маку было къ этому первымъ шагомъ [1]). Характерно, что Эвлія-челеби, обвиняя персовъ въ неисполненіи договора, какъ будто, сознательно выдѣляетъ изъ двухъ крѣпостей одинъ Котуръ, какъ оставленный „въ прежнемъ видѣ“, т. е. *неразрушенный* персами.

Макинская крѣпость называется въ надписи قلعه قابان [2]), что можно перевести или „крѣпость кабана, вепря“, какъ это толкуютъ макинцы, или, какъ собственное имя „крѣпость Кабанъ“. Возможно, конечно, и уподобленіе макинской твердыни какому нибудь другому мѣсту, носившему это названіе [3]). Верстъ 12—15 выше впаденія р. Зенгимаръ въ Араксъ (у сел. Арапларъ) на ея правомъ берегу лежатъ двѣ деревни Кабан-басанъ, имя которыхъ могло бы значить между прочимъ и: „мѣсто, заливаемое рѣкой (?) Кабанъ“.

Трудно сказать, когда исчезло армянское населеніе Маку [4]). Возможно, что перемѣны произошли въ 1642 г. Во

---

[1]) Въ особенности послѣ смѣны на престолѣ и во время малолѣтства новаго шаха.

[2]) Мирза Абдулла Гаффаровъ указываетъ, что для размѣра стиха (هزج مقصور مقبوض) лучше читать قبان быть можетъ قپان т. е. „вѣсы“?

[3]) Во всякомъ случаѣ, по географическому расположенію, Маку не подходитъ къ упоминаемой у Якута мѣстности: „Каббанъ قبان — городъ и округъ Азербайджана около Тавриза, между этимъ городомъ и Бейлаканомъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ мѣстный уроженецъ“ (изд. Barbier de Meynard, стр. 436). Этотъ Каббанъ приходился бы въ сторонѣ нынѣшняго Караджедага.

[4]) Мы разумѣемъ господствующее населеніе. До сихъ поръ въ Маку сохранились 3 армянскихъ деревни: Кишмиш-тепе, Кара-килиса и Дарашамъ. Въ городѣ Маку армяне занимаютъ отдѣльный маленькій кварталъ. Интересно, что особо довѣренные слуги у хановъ—армяне.

всякомъ случаѣ нынѣшніе хозяева Маку возвысились значительно позднѣе. По устному преданію, родоначальникомъ современной намъ династіи хановъ является нѣкій Ахмедъ-Султанъ изъ кочевого племени Баятъ, жившаго въ центральной части ханства у горы Соккаръ. Ахмедъ-Султанъ находился въ Хорасанѣ на службѣ Надыръ-Шаха и послѣ смерти своего повелителя (1747 г.), захвативъ одну изъ его женъ и часть шахской казны, бѣжалъ къ себѣ домой и подчинилъ себѣ все Маку. Въ четвертомъ поколѣніи [1]) его потомкомъ является нынѣшній сердаръ Муртеза-Кули ханъ, въ настоящій моментъ проживающій на Кавказѣ.

Вѣроятно, правящему роду хановъ принадлежитъ постройка той крѣпости, которая теперь видна въ развалинахъ. Съ двухъ сторонъ города отъ скалы къ рѣкѣ спускаются двѣ стѣны, перегораживающія подступы внизъ и вверхъ по ущелью Зенгимара (см. рис. 1). Надъ городомъ хорошо видны укрѣпленія, опоясывающія верхнюю часть подъема къ скалѣ выше самого города. Въ 1905 г. я нашелъ среди развалинъ старое желѣзное ядро, крошившееся отъ ржавчины. Несомнѣнно, однако, что подъ новѣйшими сооруженіями должны быть слѣды старой крѣпости, существовавшей съ армянскихъ временъ; не даромъ на скалѣ видны еще высѣченныя изображенія крестовъ [2]).

Равнымъ образомъ вниманія и изученія заслуживаетъ другая крѣпость-Чорсъ, находящаяся на востокѣ ханства [3]). Развалины на холмѣ, быть можетъ, не на много старѣе времени Аббасъ Мирзы, къ которому въ 1827 г. ѣздилъ

---

[1]) Подробности генеалогіи см. въ моей работѣ: „Поѣздка въ Макинское ханство въ 1905 г.“.

[2]) Въ 1914 г. я ихъ просмотрѣлъ; мои сомнѣнія по части воспоминаній 1905 г. разсѣялъ всегда точный Чириковъ, стр. 506: „скалы всѣ съ асфальтовыми пятнами; на нихъ *крестъ* и надписи“. Послѣднее, очевидно, относится къ вышеприведенному „тариху“ Шаха Аббаса II.

[3]) Въ предѣлахъ собственно уже Хойскаго губернаторства (въ округѣ Чайпаре) на правомъ южномъ берегу р. Ах-чай, впадающей въ Котуръ-чай; см. ниже о дер. Бастамъ. Въ настоящее время населеніе ея исключительно мусульманское (до 300 дворовъ).

на свиданіе въ Чорсъ нашъ Грибоѣдовъ [1]). Однако, и имя мѣста, и обиліе могильныхъ памятниковъ съ крестами заставляютъ искать здѣсь слѣдовъ стараго поселенія, существовавшаго съ армянскихъ временъ.

Къ достопримѣчательностямъ мусульманской эпохи надо отнести охранную грамоту, выданную Шахомъ Аббасомъ (I ?) монастырю Св. Ѳаддея. Текстъ ея высѣченъ на плитѣ, вправленной въ стѣну надъ входомъ въ храмъ. Полагая, что содержаніе ея извѣстно, я не обратилъ на нее вниманія въ 1905 г., но лишь впослѣдствіи мнѣ понемногу пришлось убѣдиться, какъ ненадежны подобные расчеты на предшественниковъ и какъ недоступны не спеціалистамъ свѣдѣнія, могущія существовать въ армянской литературѣ.

Быть можетъ, въ виду этого и мои замѣтки, составленныя отчасти по памяти послѣ долгаго промежутка времени, могутъ пригодиться въ связи съ имѣющимся предположеніемъ отправить въ Маку русскую археологическую экспедицію [2]).

В. Минорскій.

6. II. 1916.

P. S. Списокъ урартійскихъ памятниковъ Маку долженъ быть пополненъ добавочнымъ третьимъ пунктомъ, имѣющимъ совершенно исключительное значеніе и подтверждающимъ нѣкоторыя соображенія, которыя были предположительно высказаны въ началѣ настоящей статьи.

Уже нѣсколько лѣтъ ходили слухи объ открытіи въ Маку клинописной надписи. Въ настоящее время акаде-

---

[1]) Донесеніе Паскевичу отъ 30 іюля 1827 г., вошедшее въ собранія сочиненій Грибоѣдова.

[2]) См. Записки Вост. Отд. И. Арх. Общ., т. XXII (1915), стр. XLI

микъ Н. Я. Марръ [1]) получилъ съ нея фотографію и, благодаря его любезности, я могу сообщить о ней слѣдующія подробности. Халдская надпись (16 строкъ) помѣщена на камнѣ (24×16×8 вершковъ), который былъ найденъ около дер. Бостанъ (?), по однимъ свѣдѣніямъ при постройкѣ моста, а по другимъ „близь канавы древняго города". Затѣмъ камень былъ доставленъ въ г. Маку во дворъ дома сердара.

Повидимому, рѣчь идетъ здѣсь о дер. Бастамъ, лежащей уже за предѣлами собственнаго Маку въ районѣ хойскаго округа Чай-паре, сравнительно недавно скупленнаго макинцами изъ персидской казны. Бастамъ лежитъ у самаго выхода изъ Корульскаго ущелья р. Ах-чай, впадающей въ Котуръ-чай, который въ свою очередь идетъ въ Араксъ. Верстъ 8 на востокъ отъ Бастама внизъ по той же рѣкѣ находится извѣстная дер. Каразіадинъ— центръ Чай-паре, пріобрѣтающаго въ послѣднее время большое коммерческое значеніе, въ виду разведенія здѣсь хлопка. Недалеко къ ю.-в. отъ Бастама расположена упоминавшаяся дер. Чорсъ.

Крайне важно фактическое установленіе распространенія халдскаго вліянія такъ далеко на востокъ. Впрочемъ нельзя было сомнѣваться въ этомъ послѣ находокъ въ нашемъ Закавказьѣ (М. В. Никольскій и друг.), показавшихъ, что ванскія владѣнія къ сѣв. отъ Аракса захватывали весь бассейнъ озера Гёкчи. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи разбора и опубликованія надписи, можно пока обратить вниманіе на желательность дополнительнаго осмотра мѣста ея нахожденія: Бастамъ является головнымъ участкомъ орошенія чрезвычайно богатой долины, а халды отличались особымъ искусствомъ въ ирригаціонныхъ сооруженіяхъ. Не откроется ли по близости Бастама древнихъ каналовъ и не окажется ли надпись стоящей

---

[1]) Ср. докладъ его въ Вост. Отдѣленіи Имп. Археол. Общ. 25 февраля 1916 г.

съ ними въ связи? Намъ извѣстно уже нѣсколько „строительныхъ" надписей ванскихъ царей въ память постройки подобныхъ сооруженій.

3. III 1916.

P. S. S. Что касается названія Маку, то, какъ я надѣюсь развить въ другомъ мѣстѣ, оно, вѣроятно образовано изъ сложенія Māh + kūh, что можетъ значить по персидски: „Мидійская гора" и указывать на первоначальную родину мѣстнаго населенія. Съ этимъ сходятся данныя Моисея Хоренскаго о заселеніи Маку марами (т. е. мидянами) Аждахака, о выходѣ рода Аматуни изъ Хамадана (столицы Мидіи) и т. д.

14. III. 1916 г. *В. М.*

Татаринъ о татарахъ.

Этимъ лѣтомъ я познакомился въ Петроградѣ съ однимъ изъ молодыхъ татарскихъ писателей *Джемаль-ед-диномъ Валидовымъ*, который состоитъ преподавателемъ татарскаго языка и татарской литературы въ Оренбургскомъ „Медресэ-и Хусейніэ“. Какъ и его однофамилецъ, историкъ *Ахмедъ Заки Валидовъ*, оренбургскій педагогъ принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ дѣятелей татарскаго просвѣщенія, сочетающихъ въ себѣ любовь къ родному народу и преданность вѣрѣ отцовъ съ уваженіемъ къ русской культурѣ и съ преклоненіемъ предъ творчествомъ европейской мысли.

Недавно я получилъ отъ Джемаль-ед-дина Валидова пачку его литературныхъ произведеній, съ однимъ изъ которыхъ и намѣренъ познакомить читателей „Восточнаго Сборника“.

Книжка „Миллетъ ве милліэтъ“ (Нація и націонализмъ), изящно изданная типографіей газеты „Вактъ“ въ Оренбургѣ въ 1914 году (50 страницъ, цѣна 20 копѣекъ), состоитъ изъ четырехъ главъ. Глава первая (стр. 3—7) даетъ бѣглый обзоръ эволюціи человѣчества отъ доисторическихъ временъ до возникновенія націй и зарожденія національнаго сознанія. Авторъ считаетъ основными національными признаками: кровь, вѣру, языкъ, обычаи и традиціи, о сравнительномъ значеніи которыхъ распространяется въ слѣдующей главѣ. О турецкихъ народахъ и племенахъ авторъ говоритъ (стр. 6): „Что касается турецкой массы, части которой еще находятся въ состояніи

разсѣянія и сопротивленія, то она переживаетъ періодъ сплоченія и отвердѣнія. Нѣкоторые работаютъ надъ тѣмъ, чтобы, сразу смѣшавъ эту массу, соединить ее въ одинъ кусокъ, пока она не раздѣлилась на разныя части. Однако требованія природы и исторіи таковы, чтобы и турецкая масса кристаллизовалась въ будущемъ въ видѣ нѣсколькихъ національныхъ особей, какъ *татары, османцы, азербайджанцы*". Слова эти направлены противъ сторонниковъ покойнаго *Исмаилъ-мирзы Гаспринскаго*, съ которымъ авторъ полемизируетъ открыто въ другомъ мѣстѣ своей книги.

Во второй главѣ Дж. Валидовъ подробно разсматриваетъ каждую изъ основъ національности въ такомъ порядкѣ: 1) языкъ, 2) вѣра, 3) отечество, 4) кровное родство, 5) обычаи и традиціи (стр. 10—17) и устанавливаетъ, что важнѣйшими изъ нихъ являются языкъ и вѣра, причемъ языкъ сильнѣе вѣры (стр. 17). Перечисленныя основы національности не имѣютъ силы при отсутствіи науки, цивилизаціи, морали, искусства, которыя, съ другой стороны, устанавливаютъ равновѣсіе между началами національными и общечеловѣческими (стр. 18). Авторъ отвергаетъ какъ космополитизмъ, такъ и шовинизмъ.

Отъ общаго содержанія II главы обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ. Авторъ обращаетъ вниманіе на оба свойства языка: раздѣлять людей и соединять ихъ, причемъ иллюстрируетъ примѣрами только первое. „Оставимъ въ сторонѣ далекій западный міръ, Кембриджи, Шекспировъ, которыхъ знаемъ только по имени, а вотъ какъ насъ затрудняетъ русскій языкъ, языкъ народа, среди котораго и подъ властью котораго мы живемъ; сколько вещей онъ отъ насъ скрываетъ! Только для того, чтобы жить русскимъ человѣкомъ, чтобы знать русскій міръ, русскія мысли, мы принуждены пробираться чрезъ лѣса русскаго языка, чрезъ скалы и горы русскаго языка!" (стр. 11). Касаясь религіи, авторъ подчеркиваетъ (стр. 12), что въ Европѣ „нынѣ соціальная сила религій совершенно затѣнила сторону догматическую", а нѣсколькими стро-

ками выше признаетъ, что „у нынѣшняго европейскаго христіанина нѣтъ религіознаго фанатизма въ той степени, какъ у татарина“. Среди строкъ, посвященныхъ вопросу о единой родинѣ, какъ одной изъ основъ національности, находимъ слѣдующій интересный примѣръ (стр. 13): „Люди, живущіе въ Оренбургскомъ уѣздѣ, будь то *башкиръ*, или *нѣмецъ*, или *хохолъ*, конечно должны существовать тѣмъ, что занимаются земледѣліемъ, устраиваютъ глиняныя избы, жгутъ кизякъ, запрягаютъ быковъ и верблюдовъ, однако невозможно, чтобы не было разницы между положеніемъ хохловъ и нѣмцевъ до переселенія ихъ сюда и между нынѣшней жизнью башкировъ. Бытовыя основы и средства существованія, принесенныя этими трудолюбивыми переселенцами, несомнѣнно, не остались безъ вліянія на башкировъ“. Положеніе о національной борьбѣ авторъ иллюстрируетъ судьбою *польскихъ татаръ*: „они, оказавшись среди русскихъ, подчинились послѣднимъ въ національномъ отношеніи; русская культура (руслыкъ) покончила съ ихъ языкомъ, являющимся самой жизненной основой націи; они теперь связаны съ нами только своей вѣрой, которая очень слаба“ (стр. 15). Это наводитъ автора на слѣдующее размышленіе: „кто знаетъ, можетъ быть пензенскіе и тамбовскіе *мещеряки*, въ языкѣ которыхъ теперь почти наполовину русскихъ словъ, также потихоньку двигаются по тому же историческому пути, по тому же слѣду, къ той же точкѣ (что и польскіе татары). У насъ нѣтъ прошлаго. Мы знаемъ имя нашего отца, самое большее — дѣда, а дальше — мракъ. Какъ образовался нашъ нынѣшній языкъ, какіе періоды онъ пережилъ со своего основанія, каковы историческія взаимоотношенія турецкихъ (turki) нарѣчій, сближались ли они между собою или расходились, каковы иноязычныя вліянія на нашъ языкъ и какъ они происходятъ, — литература, разъясняющая эти вопросы, крайне бѣдна“ (15). Авторъ признаетъ, что духовное родство (по языку и религіи) сильнѣе кровнаго родства и поясняетъ

(стр. 16); „Нынѣшніе балканскіе болгары вовсе не сознаютъ, что они одного съ нами происхожденія, въ этомъ отношеніи они не обнаруживаютъ ни на волосъ связи съ турецкой національностью. Они признаютъ себя частью славянъ, которые родственны имъ по вѣрѣ и языку. То же у финновъ и мадьяръ. И это естественно, такъ какъ единство происхожденія не обладаетъ факторами, вліяющими на жизнь и дѣятельность. Поэтому оно можетъ интересовать лишь академиковъ. Возможно, что нѣкоторые венгерскіе ученые, занимающіеся этнографіей, въ родѣ *Вамбери*, любятъ насъ и посылаютъ братскій привѣтъ, но невозможно существованіе близкой національной связи между нами и мадьярской націей, ибо между намъ нѣтъ властныхъ живыхъ отношеній“. Привлеченіе авторомъ финновъ свидѣтельствуетъ о популярности среди татарскихъ ученыхъ урало-алтайской теоріи, которая въ кругу современныхъ европейскихъ спеціалистовъ далеко не встрѣчаетъ уже единодушнаго признанія.

Наиболѣе обширной и интересной является III глава книги Валидова (стр. 19—46), затрагивающая слѣдующіе вопросы: 1) исторія національнаго движенія у татаръ (19—33); 2) два теченія въ турецкомъ мірѣ: всетурецкое и племенное (33—34); 3) мещеряки и башкиры—часть татарской національности (34—35); 4) современныя національныя задачи татаръ (36—44); 5) „смотря наверхъ, разумѣй, смотря внизъ, благодари“ (44—46).

Авторъ представляетъ себѣ міръ въ видѣ птицы, у которой одно крыло черное, другое бѣлое (21). Черное крыло, это—суровыя, дикія области сѣверныхъ народовъ, а бѣлое крыло, это—солнечныя, цвѣтущія страны южныхъ народовъ. „Мы—турки, татары были въ первомъ изъ этихъ двухъ крыльевъ. Поэтому изъ насъ не вышло Платоновъ, Аристотелей,.. Моисеевъ, Сакьямуни и Конфуціевъ, Харун-ар-рашидовъ и Мамуновъ, Гомеровъ („Гомеросъ“) и Имрууль-Кайсовъ. Тутъ виноваты не наши предки, а взростившая ихъ природа. Поэтому, когда спрашиваютъ,

почему среди татаръ нѣтъ такихъ-то и такихъ-то, слѣдуетъ отвѣчать: такъ какъ на нихъ косо смотрѣло солнце!" Татарамъ не суждено было испытать и благодѣтельнаго воздѣйствія *ислама*: „когда турки и татары приняли исламъ, весна этой религіи прошла, приближалась осень, на исламскую цивилизацію палъ иней, и цвѣтки ея начали осыпаться; затѣмъ въ мусульманскомъ мірѣ началась зима—періодъ застоя и прозябанія. Если причину древняго прозябаніе татаръ мы видимъ въ природѣ, то прозябаніе послѣ принятія ислама и появленія въ Европѣ мы должны объяснять вліяніемъ исламской вѣры, такъ какъ братья ихъ, принявшіе въ это время христіанство, значительно опередили ихъ въ культурѣ" (стр. 22). Авторъ, по моему, слишкомъ сурово отзывается о прошломъ турецкаго міра, что, повидимому, объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ исторіей. „Наши историки по патріотическимъ побужденіямъ тщатся показать намъ весьма великую турецкую культуру, но они не могутъ точно установить, гдѣ и когда существовали такія культурныя общества. Турецкія общины постоянно видоизмѣнялись, такъ какъ не строились на прочныхъ основаніяхъ, у нихъ даже не было особыхъ названій, и онѣ прозывались именами то собственныхъ смѣнявшихся начальниковъ, то мѣстъ, по которымъ они кочевали. Въ общемъ, мы видимъ прошлое турецкаго міра не въ состояніи цѣльнаго кристалла, а скорѣе въ состояніи текучей массы". Послѣ переселенія турокъ на западъ и принятія ими ислама, они вступили въ новую эпоху существованія: „теперь вмѣстѣ съ религіей въ ихъ носы сталъ проникать запахъ науки и философіи" (25). Позднѣе они стали испытывать на себѣ вліяніе западно-европейской культуры. „Однако это вліяніе проявлялось только съ внѣшней стороны; измѣняются пища, бытъ, одежда мусульманина. Онъ теперь ставитъ самоваръ и пьетъ чай; употребляетъ сахаръ, табакъ, спиртные напитки; одѣвается въ ситецъ, трико, сукно, не живетъ, какъ прежде, только

въ аулѣ, а ѣздитъ въ города на пароходѣ. на „машинѣ“ (25). Невѣжество, слѣпота всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ татарскаго народа: крестьянъ, купцовъ и духовенства, были причиной того, что до XX вѣка татары не могли постичь подлинной мощи западно-европейской культуры и выработать, съ другой стороны, ясное національное самосознаніе. „Вотъ въ какомъ хаотическомъ состояніи являлось предъ ихъ взоромъ представленіе о національности: городъ Казань, въ которомъ находится какая-то чудесная ханская мечеть, тамошніе богословы, ученики и медресэ, мечети, разные (эллекімофъ!) толстопузые купцы, Булгары, какіе то ханы, халифъ всей земли, устрашающій семь царей и учитель Бисмарка, вокругъ него еще какіе-то ханы, эмиры, везири, паши, муфтіи, казіи, какіе-то мударрисы, дамуллы, спорящіе ученики, Кышгары, Мечкеры, Медины, Каабы, Мекки, Египты, Священныя Бухары, Стамбулы, кыблы, минареты, турки въ фескахъ, чалмоносцы сарты, чапаны, халаты, молитвенные ковры, четки, кувшины для омовенія, святые, юродивые, пророки, отшельники, подвижники, горы Кафъ, горы Туръ, горы Оходъ и Арафатъ, Али батыры, Сейидъ Батталъ-газы, Османъ-паши, шейхи Шамили... и еще сколько подобныхъ лицъ и вещей... Всѣ эти вещи, являющіяся въ глазахъ татаръ символомъ ихъ національности, находятся въ состояніи хаоса, внѣ связей постепенности, причинности, отношенія“ (27). „Татаринъ беретъ вышеупомянутыя вещи, относящіяся къ разнымъ временамъ и мѣстамъ мусульманства и не только мусульманства, а вообще религіи единаго Бога, вещи разнаго значенія и разной правдоподобности и противоставляетъ ихъ набору опять же изъ тысячи разныхъ вещей невѣрія, язычества, какъ то—фараонамъ, Нимвродамъ, сатанамъ, дьяволамъ, Абу-Джахлямъ, церквамъ, попамъ, (русскимъ) учителямъ, (русскимъ) училищамъ, (русскимъ) книгамъ, иконамъ, портретамъ, длинноволосымъ, узкоштаннымъ, шляпамъ съ несрѣзанной шерстью и тому подобное“ (28). Авторъ не считаетъ воз-

можнымъ признать этотъ хаосъ представленій національнымъ самосознаніемъ. Заканчивая описаніе духовнаго состоянія татаръ предъ наступленіемъ въ началѣ XX вѣка новой, современной эры, авторъ отмѣчаетъ: „Тогдашніе татары одинаково не знали о существованіи на свѣтѣ націй въ родѣ англичанъ, русскихъ, нѣмцевъ, французовъ и не могли ясно представить себѣ въ качествѣ отдѣльныхъ націй такіе народы, какъ арабы, персы, турки, татары“ (28). Новометодныя школы, начавшія возникать среди татаръ съ 1895 года, способствовали упорядоченію татарской мысли, хотя и не смогли до 1905 года создать основъ для пробужденія въ видѣ національной литературы, музыки, искусства. 1905-й годъ является началомъ новой эры въ жизни татаръ. „Въ этомъ году сколько у насъ было усвоено новыхъ понятій, сколько родилось новыхъ мыслей, сколько возникло движеній, предпріятій! Большинство изъ нихъ были дуплистыми, были сухой соломой, однако все же 1905-ый годъ есть начало всѣхъ идейныхъ и культурныхъ движеній, которыя продолжаются и нынѣ“. Тѣсно связанное со смутной эпохой общерусской жизни татарское національное пробужденіе выразилось сначала въ слѣпомъ, безотчетномъ, по мнѣнію автора, подражаніи выступленіямъ отдѣльныхъ общерусскихъ партій. „Такъ какъ въ это время погода была крайне облачная, среди насъ было мало такихъ, кто видѣлъ вверху русскую націю въ ея цѣломъ. Большинство нашей молодежи видѣли русскую культуру въ образѣ политическихъ партій: трудовиковъ, кадетовъ, октябристовъ, истинно-русскихъ и поэтому хотѣли такимъ образомъ подѣлить и татаръ. Были и такіе, которые выдвигали впередъ и отдѣляли отъ національныхъ нуждъ экономическіе интересы и открывали борьбу противъ несуществовавшаго татарскаго капитализма. Въ общемъ, въ эту пору мы слѣдовали за всѣми движеніями, которые были у русскихъ. Русскіе студенты бастовали, и татарскіе студенты бастовали. Тѣ устраивали митинги и пѣли марсельезу,

и наши устраивали собранія и голосили. Тѣ посылали министру петиціи и наши подали прошеніе его высокопревосходительству" (29—30). „Постепенно тучи на небѣ стали разсѣиваться, тогда мы увидали русскую націю, блиставшую теперь, какъ солнце. Ихъ литература, школа, наука и искусство, ихъ экономическая и общественная мощь ослѣпили наши глаза. Вотъ послѣ этого у насъ началось движеніе по національному пути" (30). Былъ поднятъ вопросъ о литературномъ языкѣ и образовалось два теченія. „Одни говорятъ: для всего турецкаго народа нуженъ общій литературный языкъ. Мы турки! Конецъ этому татарству! Бросимъ этотъ ихъ негодный уличный языкъ! Другіе же кричали: долой языкъ „Терджимана"! Пусть останутся при нихъ ихъ اوهت افندم! На что намъ туречество, мы татары и пишемъ по-татарски! Однако ни на той, ни на другой сторонѣ не было серьезныхъ разсужденій, основанныхъ на разсмотрѣніи историческаго развитія нашего языка, его отношенія къ другимъ діалектамъ, его строя, устоевъ нашей національности. Одни говорятъ: пиша по-татарски, по-мещеряцки, вы служите идеямъ *Ильминскаго*, вы миссіонеры, вы выступаете противъ національнаго единства, а другіе отвѣчали: вы вернулись изъ Стамбула, выучивъ турецкую грамматику, кѣмъ же вы стали? Вы хотите насъ сдѣлать турками!" Пока шли эти споры, татарскій литературный языкъ развивался, по мнѣнію автора, самъ по себѣ естественнымъ путемъ, оставаясь татарскимъ, но не отказываясь въ случаѣ нужды отъ заимствованій то изъ османскаго, то изъ арабскаго. По утвержденію автора, такимъ образомъ споръ татаризма съ турчизмомъ кончился самъ собою; „теперь начали принимать татаръ за часть турецкаго народа. Раньше раздѣляли турокъ отъ татаръ запятою, а теперь ограничиваются однимъ тирэ между обоими словами" (31).

Считаю крайне необходимымъ отмѣтить то неудобство, которое возникаетъ отъ употребленія авторомъ слова

تورك — „турокъ“ въ двухъ значенiяхъ: 1) въ значенiи عثمانلى „османецъ“ и 2) въ значенiи общенацiональномъ, какъ „славянинъ“, „германецъ“ и т. д. Первое значенiе проникло къ татарамъ, несомнѣнно, отъ русскихъ. Еще, къ сожалѣнiю, донынѣ въ русскомъ языкѣ общенацiональное имя „турокъ“ прилагается къ отдѣльному народу „османскому“, а въ общенацiональномъ значенiи употребляется разновидность перваго слова — „тюркъ“. Какъ извѣстно, большинство русскихъ туркологовъ и многiе русскiе востоковѣды другихъ спецiальностей вычеркнули наконецъ изъ своего обихода слово „тюркъ“, слово „турокъ“ употребляютъ только въ общенацiональномъ значенiи, а османцевъ называютъ османцами и не иначе, какъ поступаетъ иногда и Валидовъ (стр. 33). Этотъ порядокъ долженъ перейти изъ научнаго языка въ общiй языкъ, не мѣшало бы его усвоить окончательно и татарамъ.

Развѣ не странно, что мы — русскiе говоримъ „Туркестанъ“, а не „Тюркестанъ“, „туркмены“, а не „тюркмены“, но на ряду съ этими общепризнанными словами вмѣсто „турокъ“ и „турецкiй“ (слова, употреблющiяся въ общенацiональномъ значенiи во всякомъ случаѣ съ XVIII вѣка) пользуемся ненужными неологизмами „тюркъ“ и „тюркскiй“! Терминъ „турко-татары“ вовсе не есть результатъ татарскаго спора, а взятъ тоже отъ русскихъ; въ этомъ устарѣломъ русскомъ терминѣ подъ турками разумѣются османцы. — Разъ татары не часть османцевъ, а часть турецкой расы, то терминъ „турко-татары“ является столь же нелѣпымъ, какъ, допустимъ, „славяно-русы“ въ значенiи славянъ вообще.

Авторъ со справедливой гордостью подчеркиваетъ на стр. 32 роль русскихъ татаръ въ нацiональномъ пробужденiи османцевъ. Идеи покойнаго Исмаилъ-мурзы *Гаспринскаго* объ единомъ турецкомъ народѣ авторъ признаетъ мечтами идеалиста (стр. 33); онъ не видитъ реальныхъ основанiй къ слiянiю татаръ съ османцами, съ одной стороны, а съ другой — допускаетъ существованiе взаимныхъ

литературныхъ и культурныхъ вліяній между этими родственными по языку и вѣрѣ народами. „По мѣрѣ того какъ растетъ наше *татарство*, растетъ и нашъ *турчизмъ;* по мѣрѣ того какъ растетъ нашъ *турчизмъ*, растетъ наше *татарство*. Мы такъ понимаемъ интеграцію и дифференціацію" (34). И въ этихъ разсужденіяхъ внимательный читатель замѣтитъ недостаточное различеніе „османцевъ" и „турокъ".

Какъ оренбургскій житель, близкій къ башкирамъ, Дж. Валидовъ находитъ, что *башкиры*, какъ и *мещеряки*, быстро и легко татаризуются, почему онъ ихъ и не выдѣляетъ изъ татарской націи (34—35). Совершенно правъ авторъ, признавая, что *казакъ-киргизы* отнюдь не склонны сливаться съ татарами. Какъ педагогъ, авторъ ничего не можетъ возразить противъ того, что казакъ-киргизы должны учиться на своемъ материнскомъ языкѣ, а не по-татарски. Туркестанцевъ авторъ правильно не причисляетъ къ татарамъ, ошибается онъ только въ томъ, что переноситъ *кумыковъ* изъ Дагестана въ Туркестанъ (стр. 35). Резонно и то, что авторъ отграничиваетъ *крымскихъ татаръ* отъ поволжскихъ, признавая, что первые по культурѣ ближе къ *закавказскимъ татарамъ*, или азербайджанцамъ (35).

Валидовъ признаетъ, что у татаръ на ряду съ національными обязанностями существуютъ гражданскія обязанности, вытекающія изъ принадлежности татаръ къ семьѣ народовъ Россіи. „Татарство и русская гражданственность, вотъ что должно быть самымъ общимъ и самымъ основнымъ девизомъ на нашемъ жизненномъ пути" (37). Въ охраненіи своихъ національныхъ интересовъ татары должны расчитывать только на самихъ себя (38). Обращая вниманіе на великое значеніе въ современныхъ національныхъ и государственныхъ дѣлахъ религіи, авторъ пространно высказывается о желательныхъ реформахъ мусульманской церкви въ Россіи (38—34). Между прочимъ, авторъ пишетъ: „Прежде всего надо, чтобы головы, мозги

мусульманъ очистились и охранялись отъ басенъ, гнилыхъ воззрѣній, языческихъ суевѣрій Только тогда въ мусульманскій домъ можетъ проникнуть истинная наука и культура. А иначе нельзя сдѣлать мусульманъ культурными только съ помощью доставленныхъ европейцами желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ и телефоновъ, граммофоновъ и автомобилей, фабрикъ и заводовъ, банковъ, театровъ и клубовъ. Мусульманину можно съ такой головой, съ такими мозгами ѣздить на автомобиляхъ, въ первомъ классѣ пароходовъ и поѣздовъ, надѣвать золотыя очки, пиджакъ и цилиндръ, ѣсть вилкой, пить коньякъ, но никогда нельзя стать истинно-культурнымъ человѣкомъ" (43). Авторъ взираетъ на будущее татаръ съ надеждой, онъ находитъ, что татары, хотя и медленно, но прогрессируютъ. Заканчивая III главу, Валидовъ рекомендуетъ слѣдовать пословицѣ: „смотря вверхъ, разумѣй смотря внизъ, благодари". Видя болѣе культурные народы, надо брать съ нихъ примѣръ, а не отчаяваться въ собственной судьбѣ, и надо быть благодарными судьбѣ за то, что татары сами все же поднялись надъ некультурными народами.

Въ послѣдней IV главѣ авторъ отвѣчаетъ утвердительно на вопросъ, нуженъ ли въ сущности націонализмъ, или нѣтъ. Онъ допускаетъ, что со временемъ человѣчество объединится въ болѣе крупныя единицы. чѣмъ національныя, но, судя по ходу исторіи, пройдутъ еще вѣка, пока національное начало исчезнетъ съ лица земли, на которой ничто не вѣчно, какъ и она сама.

Давая сообщеніе объ интересной, живо и картинно написанной книжкѣ *Джемаль-ед-дина Валидова*, я имѣлъ въ виду познакомить читателей „Восточнаго Сборника" съ отзывомъ одного изъ татаръ о своемъ народѣ. Въ мою задачу не входило критиковать этотъ отзывъ и выяснять. въ какой мѣрѣ мнѣнія и пожеланія автора раздѣляются его соплеменниками. Я уже упоминалъ о недостаточномъ знакомствѣ молодого, смѣлаго и искренняго автора съ

исторіей турецкихъ племенъ, которая и на отдаленныхъ своихъ страницахъ не сплошь повѣствуетъ о судьбахъ *кочевниковъ* (вспомнимъ уйгурское царство!), въ заключеніе же я долженъ отмѣтить, что и при изображеніи недавняго прошлаго своего родного племени авторъ отмѣтилъ не всѣ факторы, подготовлявшіе наступленіе современной эры татарской жизни.

Прилагаемый списокъ русскихъ и вообще европейскихъ словъ, которыя я встрѣтилъ въ книжкѣ Дж. Валидова, довольно наглядно свидѣтельствуетъ о степени западнаго вліянія на автора.

ا

اتنوغرافيا этнографія

ارتيست артистъ

آرگينالّلق оригинальность

آرگينالنى оригинальный

استوديىنت студентъ

استينا стѣна

اسخالاستيق схоластика

اشاپه шляпа

اصتروگى строгій

آفتامابيل автомобиль

آكاديميك академикъ

آكيان океанъ

اوچاستكا участокъ (земли)

اوچيتل учитель (русскій)

اوچيليشچه училище (русское)

اوكتهبريست октябристъ

اونيويرسيتيت университетъ

اويه‌ز уѣздъ

ايدييا، ايديا идея

ايدييال идеалъ

ايدياليزم идеализмъ

ايشقولنيق школьникъ

ايكزارخ экзархъ (въ примѣненіи къ армянскому епископу въ Константинополѣ)

ايناروديس инородецъ

ب

باربار варваръ

بانق банкъ

بوفيتچيك буфетчикъ

بيت вѣдь

بيوروقراتلق бюрократизмъ (слово осмыслено на татарскій ладъ)

پ

پاراخود пароходъ

پراسینت процентъ

پروفیسور профессоръ

پروغرام программа

پریستان пристань

پریکاشچیک прикащикъ

پوپ попъ

پوچوا почва

پولشه Польша

پولنی خود полный ходъ

پویزد поѣздъ

پیدژاک пиджакъ

ت

تریکه трико

تیاتر театръ

تیخنیکا техника

تیلیغرام телеграмма (въ значеніи „телеграфъ“)

تیلیفون телефонъ

چ

چیرکاو церковь (храмъ)

چیناونیک чиновникъ

خ

خاخول хохолъ (малороссъ)

خاراکتر характеръ

خازایستوا хозяйство

خاووس хаосъ

خریستیانلق христіанство

د

دالوی долой!

دانوس доносъ

دوخاونی صابرانیه Духовное Собраніе (мусульманское въ Уфѣ)

دیپلوماسیه дипломатія

دیویز девизъ

ر

رادیقالنی радикальный

رایخشتاغ рейхстагъ (въ нѣмецкомъ произношеніи)

روسکی کلاص русскій классъ (въ мусульманскихъ школахъ)

رول роль

ریالیزم реализмъ

ریالیست реалистъ

ز

زاباستوفكا забастовка

زاباستاوات забастовать

زاوود заводъ

ژ

ژورنال журналъ

س

سانسياليزم соціализмъ

سايوز союзъ

سايوزنيك союзникъ

سوزران сюзеренъ

سيستيم система

سيليندر цилиндръ (головной уборъ).

سيموول символъ

سينات Сенатъ

سينود Синодъ

سينزا цензъ

ش

شار шаръ

شوينيزم шовинизмъ

ص

صاصتاو составъ

صالام солома

صاماوار самоваръ

صيتسى ситецъ

ط

طراديتسيه традиція

طروداويق трудовикъ (политич. партія).

غ

غراژدان гражданинъ

غراژدانلق гражданство

غرافلق графство

غرامافون граммофонъ

ف

فابريقا фабрика

فارمالسنوست формальность

فاكت фактъ

فلاغ флагъ

فيئوداليزم феодализмъ

ق

قاموت хомутъ

قلوب клубъ

قورص курсъ

ك

كاپيناليزم капитализмъ

كاتوليتسيزم католицизмъ

كاديت кадетъ (политическая партія).

كاليندار календарь

كانساليارية канцелярія

كانسيستوريا консисторія

كانياك коньякъ

كريپوست крѣпость

كريزيس кризисъ

كليتكه клѣтка

كنه‌گه книга (русская).

كوچر кучеръ

گ

گازيته газета

م

ماتيريا матерія

مارسيليزا марсельеза

ماشينا машина

موزيكا، موزيقا музыка

ميتينغ митингъ

ميخانيكى механическій

ميسيونير миссіонеръ

ميليون миліонъ

مينوت минута

مينيستر министръ

ن

نومر номеръ

نيمس нѣмецъ

و

واصسال вассалъ

وولستنوى پراولينيه‌سى волостное правленіе

ويدومست вѣдомость (въ значеніи „вѣдомство“).

ويرگول virgul (запятая; чрезъ османское посредство).

ى

يه‌دره ядро

А. Самойловичъ.

Петроградъ, 18 Октября 1915 г.

Политика европейскихъ государствъ въ отношеніи мусульманъ.

Итальянскіе писатели со времени послѣдней войны Италіи съ Турціей усиленно занимаются вопросами исламовѣдѣнія и управленія мусульманами, такъ какъ съ завоеваніемъ Ливіи итальянцы стали лицомъ къ лицу съ мусульманами и должны выработать тѣ или другія основы управленія послѣдними.

Въ недавнее время опубликованы работы двухъ итальянскихъ публицистовъ, посвященныя вопросамъ мусульманства въ Ливіи: Маріо Ратто — „Мухаммедъ, Коранъ и задачи Италіи въ Ливіи“ и Альдобрандино Мальвецци — „Италія и исламъ въ Ливіи. Флоренція — Миланъ. 1913 г.“.

Эти авторы высказываютъ въ извѣстной степени новые взгляды на управленіе мусульманами, проникнутые вниманіемъ къ основамъ жизни мусульманъ, въ частности Альдобрандино Мальвецци даетъ довольно полное обозрѣніе системъ управленія мусульманами въ главныхъ европейскихъ государствахъ.

Эти системы настолько малоизвѣстны и поучительны по достигаемымъ ими результатамъ, что ознакомленіе съ ними представляетъ несомнѣнный интересъ для Россіи, имѣющей въ своихъ предѣлахъ до 17 милліоновъ мусульманъ и существенно заинтересованной въ мусульманскомъ вопросѣ.

Поэтому мы считаемъ небезполезнымъ познакомить русскихъ читателей съ названными трудами итальянскихъ публицистовъ. поскольку они касаются вопросовъ управленія мусульманами.

Маріо Ратто.

Давъ краткое и мало оригинальное изложеніе общеизвѣстныхъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности Мухаммеда въ интересахъ ознакомленія итальянскаго общества съ Кораномъ и исторіей мусульманства. „когда Италія чувствуетъ властную потребность и обязанность изучать исторію и психологію арабовъ, населяющихъ, между прочимъ, Ливію“. Маріо Ратто обращаетъ вниманіе на то, какъ важно въ будущей законодательной и административной дѣятельности итальянцевъ въ Ливіи принимать во вниманіе постановленія Корана. которыми опредѣляются всѣ стороны жизни мусульманъ. Мусульманское общество, будучи теократическимъ, не можетъ допустить никакого новаго закона, который не былъ бы согласованъ съ Кораномъ или не имѣлъ бы оправданія въ послѣднемъ. Этого обстоятельства нельзя забывать при опредѣленіи новой для итальянцевъ дѣятельности въ Ливіи, при осуществленіи тамъ новыхъ этико-юридическихъ и религіозныхъ задачъ. Наступилъ моментъ, когда законодателю необходимо избрать наилучшій методъ благопріятствованія интересамъ побѣдителя и путемъ этого метода открыть новые горизонты гражданскому и государственному праву.

Въ этомъ Маріо Ратто и видитъ задачу итальянцевъ въ Ливіи.

Намъ необходимо — говоритъ онъ — изучить методъ усвоенія мусульманскимъ сознаніемъ посторонних идей и примѣнительно къ этому методу смягчать законодательныя нормы. Путь принудительныхъ мѣръ съ точки

зрѣнія нашихъ тенденцій, въ особенности, если эти мѣры не согласованы съ дѣйствительнымъ размѣромъ національныхъ и политическихъ интересовъ побѣдителя, — можетъ быть ошибоченъ.

Если же по доктринерскимъ соображеніямъ будемъ слѣдовать въ Ливіи методу, не оправдываемому ни исторіей, ни наукой, а являющемуся результатомъ наитія по первому возникающему случаю, то намъ, итальянцамъ. пришлось бы идти противъ созданныхъ такимъ образомъ интересовъ итальянскихъ въ защиту интересовъ туземцевъ. Стать на сторону интересовъ покореннаго народа придется потому, что безъ этого условія мы не можемъ взять на себя задачу цивилизовать Ливію и дать новую экономическую жизнь этимъ странамъ, овладѣть которыми такъ страстно желали итальянцы. Сдѣлавъ громкія заявленія о нашей цивилизаторской роли передъ лицомъ Европы, мы должны, согласно обѣщанію, уважать мѣстные нравы, обычаи, религію, женщину и пр., а также отклонить нормы прежнихъ колоніальныхъ законовъ, создававшихся ради эксплоатаціи колоній. Надобно отказаться, между прочимъ, отъ прозелитизма и признать, что итальянецъ не можетъ стать мусульманиномъ и невозможно обращеніе мусульманъ въ христіанъ. Если мы желаемъ искренняго подчиненія мусульманина европейскимъ законамъ, необходимо, чтобы для него была создана возможность согласиться съ ними мысленно.

Необходимо поощрять изученіе средневѣковой арабской философіи какъ въ Италіи, такъ и въ Триполитаніи. и особенно изученіе Корана, сунны и шаріата, такъ какъ генералъ Канева въ своемъ воззваніи обѣщалъ туземцамъ правосудіе, отправляемое по закону и шаріату судьями, знающими его. Сдержать это обѣщаніе въ настоящее время намъ затруднительно, такъ какъ съ одной стороны у насъ нѣтъ людей, свѣдущихъ въ этой области, съ другой стороны мы не свободны отъ предразсудковъ европейскаго характера. Надобно будетъ искать выхода въ средне-

вѣковой арабской юридической мудрости (мусульманскомъ правѣ), воплощенной въ турецкихъ законахъ, дѣйствующихъ въ Триполитаніи и Киренаикѣ, которые было бы благоразумно сохранить въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Вдохновившись нормами, содержащимися въ турецкихъ законахъ, которыя въ сущности представляютъ изъ себя юридическую мудрость выдающагося народа — арабовъ, сказавшаго свое слово въ области права, мы будемъ въ состояніи рѣшить цѣлый рядъ задачъ, представляющихся трудными. Мы тогда увидимъ, что никакой задачи не сумѣемъ провести въ Ливіи, если не займемся сначала стороной юридической.

Намъ не слѣдуетъ въ Триполитаніи — продолжаетъ Маріо Ратто — повторять неудачную попытку приспособленія европейскихъ законовъ къ мѣстнымъ условіямъ жизни. Напр., было бы хорошо не мѣнять мудрой регламентаціи кооперативовъ (сотрудничествъ), потому что на этой почвѣ могутъ развиваться итальяно-арабскія сообщества, геніальныя съ точки зрѣнія доктрины и доходныя съ точки зрѣнія экономической. Законы о кооперціяхъ, господствующіе въ Ливіи, совершили гораздо болѣе полный путь развитія, чѣмъ наши. Трудовыя коопераціи въ Ливіи считаются установленіями гражданскаго права съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ мы признаемъ ихъ установленіями торговаго права. Также нельзя не признать, что экономическая свобода была бы вредна въ Ливіи, такъ какъ открыла бы путь къ злоупотребленіямъ черезъ организацію предпріятій ради наживы, что́ повело бы къ умаленію престижа Италіи и задержало бы экономическое развитіе вновь присоединенной колоніи.

Что касается водъ и разныхъ ископаемыхъ цѣнностей, то опять полезно намъ признать, согласно мусульманскому праву, нѣдра и подземныя и родниковыя воды собственностью государства, хотя трудно будетъ итальянцамъ-колонистамъ воспринять подобный новый законъ.

Также цѣлесообразно признать установленіе мусульманскаго права, что дождевыя воды дѣлаются собственностью государства съ момента паденія на землю, такъ какъ нормы эти, безполезныя въ многоводной прибрежной полосѣ, необходимы въ безводной внутренней мѣстности. Приведеннымъ закономъ можно бы воспользоваться въ интересахъ археологіи

Словомъ въ Ливіи Италіи предстоитъ столкнуться съ цѣлымъ рядомъ задачъ экономическихъ, юридическихъ, моральныхъ и пр., правильное разрѣшеніе которыхъ возможно лишь послѣ серьезнаго и вдумчиваго изученія.

Неменѣе интересныя и болѣе развитыя сужденія объ основахъ управленія мусульманами даетъ другой итальянскій писатель Альдобрандино Мальвецци въ его книгѣ: L'Italia e l'Islam in Libia 1913 г. Cap. II. La politica musulmana degli Stati europei, при чемъ симпатіи автора всецѣло склоняются къ основамъ управленія мусульманами, выработаннымъ въ Англіи.

Альдобрандино Мальвецци.

Въ настоящее время всѣ колонизаторскія націи придали однородное направленіе своей колоніальной политикѣ, дополняя ее такъ называемой туземной политикой. Понятія, существовавшія о колоніяхъ, о ихъ пользѣ и о лучшемъ способѣ извлеченія ожидаемыхъ отъ нихъ выгодъ, радикально измѣнились. Ранѣе того политика каждаго государства была обособленной.

На колоніи стали смотрѣть не какъ на страны, совершенно отличныя отъ матери-родины, захваченныя и потому враждебныя ей, а какъ на составную часть государства, владѣющаго колоніями, относительно которой примѣняется не только политика иностранная (въ частности колоніальная), но и политика внутренняя. Такое новое отношеніе къ колоніямъ условились называть туземной политикой. Колоніи разсматриваются какъ продолженіе родины, ея дополненіе.

Сущность туземной политики заключается въ томъ, что въ отношеніи туземцевъ примѣняется способъ воспитанія и совершенствованія для того, чтобы, будучи отличнымъ отъ насъ, они могли быть участниками въ нашей судьбѣ.

Колонизаторскія націи ставять себѣ цѣлью возвысить уровень туземцевъ колоній въ соотвѣтствіи съ ихъ личными средствами, вызывая энергичное и плодоносное развитіе ихъ особой гражданственности. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи мусульманъ всѣ европейскія государства вездѣ, гдѣ только они не находятся въ соприкосновеніи

съ ними, стараются создать лучшихъ мусульманъ, которыхъ имъ не приходилось бы стеречь съ ненавистью и недовѣріемъ. Но европейскія государства не задаются цѣлью образовать смѣшанное мусульманское и европейское общество.

Туземная политика англичанъ.

Самый удивительный примѣръ туземной политики подаетъ Англія. Не было никого, болѣе способнаго рѣшить задачу управленія туземцами, какъ англичане. Въ этой области они поставили себѣ цѣлью создать постоянный компромиссъ между матеріальными интересами туземцевъ и завоевателей съ тѣмъ, чтобы была предоставлена возможность тѣмъ и другимъ обогащаться безъ взаимнаго ущерба. Исходя изъ этого, они оставляли въ неприкосновенности всѣ формы туземной гражданственности, разъясняя, наряду съ ихъ существованіемъ, европейскую гражданственность. Англичане не хотѣли аннектировать Египетъ, но постарались сдѣлатъ этой странѣ столько же добра, какъ если бы она принадлежала имъ; не умалили по внѣшности авторитета хедива, но требовали, чтобы хедивъ считался съ ихъ совѣтами; въ общемъ опредѣляли свою политическую дѣятельность во всѣхъ колоніяхъ и протекторатахъ на основаніи практическаго смысла, особенно свойственнаго этой расѣ. Они умѣли воздерживаться отъ слишкомъ легкихъ и рѣшительныхъ вмѣшательствъ въ жизнь туземцевъ, даже когда ихъ политика не одобряла туземныхъ привычекъ; умѣли сдерживать нетерпѣніе въ проведеніи реформъ, поставивъ себѣ правиломъ выжидать, чтобы желаемый прогрессъ осуществлялся медленно и естественнымъ путемъ. Все это совершилось потому, что лица, съ удивительной послѣдовательностью проводящія такую политику, знаютъ, что народы крѣпко привязаны къ своимъ нравамъ и обычаямъ, преданіямъ и привычкамъ и что перемѣны въ этой области могутъ осуществляться лишь постепенно.

Болѣе половины всего числа мусульманъ живутъ подъ властью Великобританіи. Это обстоятельство и

другія причины побуждаютъ послѣднюю спеціально озабочиваться мусульманской политикой и вникнуть глубже въ духъ ислама, чтобы понять его особыя тенденціи.

Господство Британіи надъ Индіей основывается единственно на соперничествѣ расъ великой имперіи, на ихъ этическихъ и религіозныхъ противорѣчіяхъ, благодаря которымъ горсть европейцевъ, удаленныхъ отъ родины, можетъ держать въ подчиненіи столько милліоновъ туземцевъ. Въ виду этого англичане чрезвычайно, до мелочей — уважаютъ и оберегаютъ проявленія національной культуры туземцевъ Индіи и характерныя особенности индійцевъ и мусульманъ и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы эти народы не соединились на почвѣ одинаковой культуры, заимствованной отъ европейцевъ, и не возстали противъ своихъ господъ. Поэтому англичане не содѣйствуютъ тому, чтобы туземная молодежь получала европейское образованіе въ раннихъ годахъ и тѣмъ отрывалась отъ родной культуры.

Такимъ образомъ сущность британской колоніальной политики состоитъ въ томъ, что англичане уважаютъ туземныя культуры въ колоніяхъ, благопріятствуя ихъ развитію, но сообразуя это развитіе съ необходимостью колонизаціи и съ соблюденіемъ этическихъ и политическихъ принциповъ европейской культуры.

Англичане въ туземной политикѣ ограничиваются опредѣленіемъ лишь главныхъ принциповъ, предоставляя затѣмъ усмотрѣнію чиновниковъ заботу о примѣненіи принциповъ въ отдѣльныхъ случаяхъ способами, которые представляются имъ цѣлесообразными. Они избѣгаютъ созданія законченныхъ системъ управленія.

Самымъ интереснымъ примѣромъ способовъ, къ которымъ англичане прибѣгаютъ по отдѣльнымъ случаямъ, по силѣ обстоятельствъ, является медленное образованіе англо-мусульманскаго права.

Англичане въ Индіи долгое время не касались мѣстнаго права и юридическаго порядка, несмотря на ихъ неудобства. Они терпѣливо ждали, пока туземцы

созрѣютъ для реформъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они поставили себѣ цѣлью въ совершенствѣ освоиться съ мѣстными обычаями и правами въ цѣляхъ проведенія реформъ. Въ 1772 г. было постановлено (Уорренъ Хестингсъ), что кодексъ собственно для мусульманъ долженъ имѣть единственнымъ основаніемъ Коранъ, а муллы являются законными толкователями послѣдняго; англійскимъ судьямъ при этомъ была предоставлена лишь формальная санкція рѣшеній муллъ, въ связи съ тѣмъ, что различные судебные случаи показали всю ненормальность примѣненія чисто англійскаго судопроизводства къ туземнымъ дѣламъ.

Около того же времени англійская власть позаботилась о переводѣ на англійскій языкъ важнѣйшихъ мусульманскихъ юридическихъ сочиненій.

Впослѣдствіи были приняты мѣры къ тому, чтобы англійскіе судьи изучили практическое примѣненіе мусульманскаго права мусульманскими судьями. Въ этихъ цѣляхъ издавались сборники рѣшеній авторитетныхъ мусульманскихъ судей. Самымъ значительнымъ трудомъ такого рода былъ трудъ В. Х. Макнахтена (1825 г.) — „Принципы и прецеденты мусульманскаго права“.

Такъ какъ рѣшенія англійскихъ судей стали отвѣчать принципамъ мусульманскаго права, то за ними мало-помалу признавалось значеніе уже во вниманіе къ авторитету англійскаго судьи, а не муфтія, который подсказывалъ рѣшеніе.

Съ учрежденіемъ въ 1861 г. четырехъ Высшихъ Судовъ въ Индіи, англійскіе судьи, кромѣ права формальной санкціи рѣшеній муллъ, получили право участія въ разсмотрѣніи дѣлъ по существу; въ одномъ и томъ же трибуналѣ стали засѣдать вмѣстѣ судьи изъ Англіи и изъ Индійской гражданской службы (мусульмане).

Наконецъ, въ 1884 г., Британское правительство, признавъ, что туземцы подготовлены, англійскіе судьи усвоили духъ и содержаніе мусульманскаго права, и насталъ

моментъ совершенно отказаться отъ участія юрисконсультовъ-мусульманъ, передало завѣдываніе англо-мусульманскимъ правосудіемъ въ Индіи всецѣло англійскимъ судьямъ. Въ то же время, по просьбѣ послѣднихъ, правительство распорядилось производствомъ работъ по кодификаціи мусульманскаго права, получившаго признаніе медленнымъ и осторожнымъ путемъ.

Управленіе мусульманами въ Египтѣ.

Такъ же логично, не отступая отъ принциповъ, и послѣдовательно повело себя британское правительство относительно мусульманской юстиціи въ Египтѣ. Занявъ страну, англичане постепенно исправляли нелогичность примѣненія европейскихъ законовъ къ мусульманамъ, безъ всякой подготовки перехода, какъ то дѣлали раньше французы. Британское правительство предоставило правительству хедива полную свободу въ выборѣ законовъ и ихъ примѣненіи и, хотя такой порядокъ оказывался неудовлетворительнымъ, воздерживалось отъ какихъ бы то ни было юридическихъ реформъ, ограничиваясь незначительными измѣненіями и исправленіями въ существующемъ порядкѣ, полезными для приспособленія дѣйствующей системы къ нуждамъ страны.

Ярко и въ томъ же принципіальномъ духѣ выразилась туземная политика англичанъ и въ области просвѣщенія. Принципъ, примѣненный относительно просвѣщенія туземцевъ, былъ высказанъ Уорренъ Хэстингсомъ (XVIII ст.) и Маколеемъ и формулируется такъ: „на колонизирующей націи лежитъ высшій и неотъемлемый долгъ даровать своимъ подданнымъ, даже хотя бы къ собственному ущербу, просвѣщеніе, которое возвысило бы ихъ нравственно“.

Въ 1815 г. руководящій совѣтъ Индійской компаніи, озабоченный вопросомъ о томъ, какія послѣдствія можетъ вызвать для туземцевъ образованіе, даваемое въ открытыхъ миссіонерами школахъ, потребовалъ по этому вопросу заключенія Хэстингса; послѣдній отвѣтилъ, что было бы предательствомъ по отношенію къ народности благопріят-

ствовать упроченію невѣжества для того, чтобы обезпечить правительству позорныя выгоды, связанныя съ невѣжествомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, спрошенный по этому же вопросу, Маколей отвѣтилъ такимъ же мнѣніемъ: „можетъ случиться, сказалъ онъ, что правительства оцѣнятъ слишкомъ дорогой цѣной свое существованіе; однако propter vitam vitae perdere causas есть правило, достойное презрѣнія какъ для государства, такъ и для отдѣльныхъ личностей.

Примѣненіе на практикѣ принципа обязанности даровать просвѣщеніе туземцамъ было трудно особенно по отношенію къ мусульманамъ, которые выказываютъ по отношенію къ европейскому образованію сильное отвращеніе, потому что разсматриваютъ культуру лишь какъ толкованіе и дополненіе къ религіи.

Несмотря на то, англійское правительство какъ въ Индіи, такъ и въ другихъ странахъ старается сдѣлать европейскую культуру доступной для мусульманъ и дѣйствуетъ нынѣ согласно принципу невмѣшательства въ высшее образованіе ислама, предоставленное собственному свободному развитію; вмѣстѣ съ тѣмъ поощряетъ техническое профессіональное обученіе.

Первой школой для мусульманъ въ Индіи было „Медресе“ въ Калькуттѣ, основанное Уорренъ Хэстингсомъ въ 1781 г., за которымъ слѣдовало открытіе многихъ другихъ.

Въ видахъ большаго привлеченія мусульманъ въ школы, Индійское правительство декретомъ 17 Августа 1871 г. ввело въ послѣднія преподаваніе мѣстныхъ нарѣчій, стипендіи и общежитіе для воспитанниковъ и, наконецъ, распорядилось, чтобы учителя англійскаго языка были мусульмане по религіи.

Но такъ какъ всѣ изложенныя мѣры не вели къ широкому распространенію образованія среди мусульманъ, между прочимъ, потому, что предметы преподавались на англійскомъ языкѣ, то при лордѣ Керзонѣ особая комиссія

объ образованіи мусульманъ предложила, чтобы англійскій языкъ былъ употребляемъ лишь въ высшемъ образованіи, въ низшемъ же и среднемъ долженъ быть замѣненъ мѣстными нарѣчіями; кромѣ того тогда же рѣшено было озаботиться возможно болѣе практическимъ характеромъ образованія и развитіемъ техническо-профессіональнаго.

На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ англичане дали направленіе школамъ для мусульманъ въ Египтѣ. Въ нихъ они постепенно ограничиваютъ преподаваніе на англійскомъ языкѣ; на немъ преподаются лишь тѣ предметы, которые невозможно или трудно преподавать на арабскомъ, какъ исторія или точныя науки, и все болѣе развиваютъ техническое и профессіональное образованіе, котораго мусульмане жаждутъ.

Приведенные примѣры практическаго примѣненія принциповъ колоніальной политики Англіи достаточно показываютъ, насколько британская политика по отношенію къ туземцамъ кореннымъ образомъ разнится отъ политики другихъ колонизаторскихъ націй.

Упорно слѣдуя правиламъ управленія, выводимымъ изъ высочайшихъ философскихъ понятій, англичане хотя и не снискали своей политикой любви туземцевъ, потому что благодѣтельствуютъ имъ съ нѣкоторой рѣзкой надменностью, за то пріобрѣтаютъ впослѣдствіи глубокое и искреннее уваженіе, потому что у нихъ съ рѣзкими формами соединяется реальная и положительная щедрость въ дѣйствіяхъ. Туземцы, отвѣчая на надменность англичанъ соотвѣтственной сдержанностью, подъ кажущейся пассивной враждебностью, скрываютъ въ душѣ искреннюю благодарность покровителямъ за ихъ достоинства. И мы видимъ, въ Индіи мусульмане высказываютъ лояльную привязанность къ британскому владычеству.

Послѣдствія англійской политики по отношенію къ индійскимъ мусульманамъ были двоякія: она обезпечила британскому правительству ихъ безусловную вѣрность и благопріятствовала затѣмъ обновленію и прогрессу ислама

въ Индіи, благодаря чему этотъ мусульманскій міръ во многихъ отношеніяхъ далеко превосходитъ мусульманъ остальныхъ странъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Англичане содѣйствовали тому, что въ Алигарѣ возникъ англо-мусульманскій колледжъ, *) которому мусульманское общество главнымъ образомъ обязано своимъ прогрессомъ и который пріобрѣлъ постепенно такое значеніе, что изъ него хотятъ сдѣлать мусульманскій университетъ, съ согласія британскаго правительства. на слѣдующихъ основаніяхъ. Все преподаваніе въ мусульманскомъ университетѣ должно будетъ происходить на англійскомъ языкѣ; арабскій языкъ, какъ священный, изучается особо; предметы занятій будутъ раздѣлены на три части: классическую, современную и техническую.

Идея превращенія колледжа въ Алигарѣ въ университетъ вызвала всеобщее одобреніе среди образованнаго мусульманскаго общества въ Индіи и притокъ пожертвованій на устройство университета.

Подъ вліяніемъ же англійской политики въ Индіи возникли разнаго рода общества, распространяющія современную культуру и вообще стремленіе къ прогрессу, а также къ преобразованію ислама. За послѣдніе годы въ Индіи образовались многія общества и секты съ цѣлью обновленія ислама.

Эти прогрессивныя явленія въ мірѣ ислама, подъ воздѣйствіями англійской колоніальной политики, въ извѣстной степени показываютъ, что культура ислама сама по себѣ не безнадежна для прогресса въ нашемъ смыслѣ слова, и что мудрая политика европейцевъ по отношенію къ мусульманамъ, какую проводятъ англичане. способна создавать среди мусульманскаго общества здоровыя и сильныя стремленія къ развитію и обновленію. Изученіе результатовъ либеральной англійской политики

---

*) Основанъ послѣ 1857 г. извѣстнымъ сэромъ Сеидъ Ахмедъ-Ханомъ Алигарскимъ.

приводитъ къ выводу, что европейское государство, и въ трудномъ положенiи завоевателя и властелина мусульманской страны, можетъ привлечь души своихъ подданныхъ, сдѣлать изъ нихъ лояльныхъ и вѣрныхъ сотрудниковъ.

Туземная политика Голландiи.

Голландiя владѣетъ мусульманами Малайскаго архипелага. По вопросу объ управленiи ими Голландскому правительству приходится преодолѣвать затрудненiя вслѣдствiе того, что его мусульманскiе подданные культурно стоятъ на низшей степени, чѣмъ другiе мусульмане. Вслѣдствiе многихъ обстоятельствъ голландское правительство мирится и даже благопрiятствуетъ распространенiю ислама среди полудикихъ племенъ Малайскихъ острововъ. Эти племена быстро воспринимаютъ исламъ и, совершая паломничество въ Мекку, проникаются идеями панисламизма тѣмъ охотнѣе, что въ переходѣ въ исламъ видятъ средство противодѣйствiя поглощенiю ихъ культурой европейцевъ. На этой почвѣ развиваются непрiязненныя отношенiя къ господству голландцевъ.

Правительству пришлось вырабатывать основы своей колонiальной политики, которую оно построило наконецъ на идеяхъ Снукъ Хургронье, одного изъ глубочайшихъ знатоковъ мусульманскаго мiра въ наше время. Какъ таковой, онъ состоитъ совѣтникомъ Голландскаго Министерства колонiй. Снукъ Хургронье является противникомъ принужденiй въ области религiозной. Онъ полагаетъ, что въ высшихъ интересахъ правительство должно абсолютно воздерживаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ выполненiе правилъ ислама, которыя, по его мнѣнiю, не болѣе опасны, чѣмъ постановленiя любой секты, существованiе которой признано государствомъ. Онъ также доказываетъ, что благодаря бóльшей терпимости въ области обычаевъ и нравовъ, а особенно въ религiозныхъ обрядахъ, возможно достичь цѣли всякой колонiальной политики — сотрудничества туземцевъ въ управленiи и многообразномъ развитiи колонiй. Но необходимо, чтобы путь развитiя до этой цѣли былъ пройденъ

туземцами естественно, при постоянномъ соприкосновенiи ихъ культуры съ нашей.

Если искренно желать возрожденiя и дальнѣйшаго развитiя мусульманскимъ народамъ, недостаточно подготовлять для нихъ благопрiятныя обстоятельства, нужно, кромѣ того, идти къ нимъ навстрѣчу; а это мы можемъ и должны сдѣлать, распространяя среди мусульманъ европейское просвѣщенiе, прiуроченное къ ихъ потребностямъ и способностямъ. Не нужно бороться съ исламомъ, ни искать обращенiя мусульманъ въ христiанство, но нужно создавать для туземцевъ въ доступномъ видѣ разнообразныя учрежденiя, свойственныя европейской культурѣ. Общая культура должна быть первымъ шагомъ въ сообществѣ мусульманъ и европейцевъ. Если обѣимъ культурамъ невозможно сблизиться на религiозной и нравственной почвѣ, онѣ могутъ тѣсно соединиться на почвѣ интеллектуальной и политической.

По поводу опасности панисламизма Снукъ Хургронье утверждаетъ, что только политика, стремящаяся къ объединенiю туземцевъ съ голландцами, можетъ противодѣйствовать вреднымъ послѣдствiямъ пропаганды панисламизма. Когда туземцы будутъ заинтересованы въ управленiи совмѣстно съ европейцами, тогда въ нихъ образуется нацiоналистическое чувство, которое явится сильной преградой противъ международнаго панисламизма.

Эти принципы колонiальной политики Снукъ Хургронье нынѣ въ общемъ приняты голландскимъ правительствомъ и, удачно приложенные, сдѣлали то, что голландская колонiальная система считается одной изъ лучшихъ среди существующихъ.

На островѣ Ява 3.000 голландцевъ управляютъ 30 миллiонами туземцевъ благодаря простой и умѣлой административной системѣ. Голландскiя колонiи не автономны, присоединены къ Голландiи и зависятъ непосредственно отъ министерства колонiй, на практикѣ же управляются какъ земли, состоящiя подъ протекторатомъ.

Голландцы замаскировали органы своей администраціи, предоставляя туземнымъ властителямъ видимость власти.

Островъ Ява раздѣленъ на 22 провинціи, во главѣ которыхъ находятся два администратора: одинъ голландецъ-резидентъ, другой туземецъ-регентъ. Дѣйствительная власть принадлежитъ первому. но осуществляетъ онъ ее лишь черезъ посредство регента, у котораго онъ, по видимости, состоитъ совѣтникомъ.

Регенту предоставлены всѣ внѣшнія признаки власти: онъ имѣетъ свой дворъ, ему подчинены туземные начальники, онъ обладаетъ также властью религіозной и юридической. Но, назначаемый правительствомъ, онъ не рѣшается сдѣлать что-либо безъ согласія совѣтника-резидента.

Избраніе регента правительствомъ изъ благородныхъ семействъ сохраняетъ за нимъ нужный престижъ въ глазахъ народа.

Положивъ въ основу туземной политики эту систему, голландцы поощряютъ нравственное развитіе яванцевъ и малайцевъ путемъ многочисленныхъ школъ.

При изученіи туземныхъ языковъ арабская азбука постепенно замѣняется латинской съ цѣлью облегчить европейцамъ изученіе языковъ и поощрить туземцевъ къ ассимиляціи путемъ упраздненія внѣшнихъ формъ ихъ національности. Въ Батавіи образовалось общество съ цѣлью созданія въ этомъ городѣ туземнаго университета съ согласія центральнаго правительства. Давно уже существуетъ тамъ медицинская школа для туземцевъ, дающая прекрасные результаты.

Самымъ животрепещущимъ вопросомъ колоніальной политики въ Голландіи является кодификація туземнаго права во владѣніяхъ архипелага, такъ какъ взгляды на этотъ вопросъ расходятся. Снукъ Хургронье противъ этой реформы, такъ какъ, по его мнѣнію, съ кодификаціей мусульманскаго права упрочивались бы нравы, противные нашимъ принципамъ.

Сторонники же кодификаціи обращаютъ вниманіе на то, что въ настоящее время на востокѣ замѣчается общее стремленіе къ введенію въ мусульманское право измѣненій и къ сообразованію его, насколько возможно, съ европейскимъ.

Туземная политика Франціи.

Политика Франціи представляетъ изъ себя частую смѣну системъ направленій.

По замѣчанію лорда Кромера, насколько англичане стремятся воздвигнуть системы, примѣненіе которыхъ соотвѣтствовало бы отдѣльнымъ случаямъ, настолько французы, наоборотъ, пытаются заставить случаи соотвѣтствовать предустановленнымъ ими системамъ; они не исходятъ изъ опыта изученія особенностей страны и жизни населенія, а предлагаютъ готовую, предвзятую, составленную въ Парижѣ, систему управленія. Одна за другой выдумывались и примѣнялись на практикѣ системы: конституціонной монархіи, второй республики, второй имперіи и третьей республики. Фатальнымъ результатомъ этого въ Алжирѣ явились постоянная противоположность направленій, вредное колебаніе въ намѣреніяхъ и, что еще хуже, невозможность воспользоваться сдѣланнымъ опытомъ,—вещь, опасная для управленія колоніями.

По этому поводу маршалъ Бюжо, одинъ изъ правителей Алжира, разсуждалъ о долгомъ царствованіи въ Алжирѣ ея величества, неувѣренности (Sa Majesté l'Incertitude).

Только сравнительно недавно Французское правительство послѣдовало примѣру Англіи и поняло, что колоніальная политика должна проникаться особыми условіями каждой колоніи и что нельзя класть въ ея основу ни измѣняющіяся философскія теоріи, ни соціальныя воззрѣнія, преобладающія на родинѣ, а можно обосновываться только на точномъ подсчетѣ положительной пользы и мѣстной возможности.

Но Франція нуждается въ измѣненіи не только принциповъ, но и методовъ примѣненія ихъ. Французское управленіе по своей природѣ бюрократично; сущность его

въ томъ, что, предвидя каждый случай, регулируетъ способъ обращенія съ нимъ путемъ суровой и повелительной нормы, отнимая у чиновниковъ всякую возможность проявлять личную инициативу и сводя его къ роли механическаго исполнителя правилъ; но такой методъ является гибельнымъ для колоній.

Колоніальная политика Франціи ставила себѣ двѣ противоположныя задачи: ассимиляцію туземцевъ, т. е. уподобленіе французамъ, и лишь въ недавнее время — пріобрѣтеніе ихъ сотрудничества въ управленіи страной и насажденіи въ ней культуры.

Въ первое время по взятіи Алжира французы довольствовались наблюденіемъ за мусульманами-арабами. Первыя мѣропріятія французовъ могли только оттолкнуть отъ нихъ туземцевъ. Они достигли этого законами объ отобраніи земельнаго имущества. Они предоставили населенію извѣстную автономію и неосторожно поставили въ 1830 годахъ во главѣ туземныхъ политическихъ управленій и начальниковъ эмира Абдэль-Кадера, придавъ ему несуществовавшее значеніе и могущество. Эмиръ возсталъ противъ французскаго господства.

Такимъ образомъ первый опытъ французскаго протектората въ Алжирѣ оказался неудачнымъ, потому что французы сдѣлали ошибку, предоставивъ власть туземцамъ, тогда какъ въ рукахъ туземцевъ слѣдуетъ оставлять только видимость власти.

Политика и законодательная дѣятельность по общественной организаціи Алжирскихъ туземцевъ шли во Франціи колеблющимся шагомъ. Такой же характеръ имѣло и законодательство о недвижимой собственнности въ Алжирѣ. Общественное устройство туземцевъ то признавалось, то предполагалось къ отмѣнѣ и въ концѣ концовъ было уничтожено; также и имущество (земельная собственность) туземцевъ сначала было просто конфисковано, затѣмъ возвращено законнымъ владѣльцамъ и, нако-

нецъ, подверглось нормировкѣ смѣшаннаго характера, еще окончательно не опредѣлившейся.

Французская политика какъ будто умышленно усложняла и безъ того сложные вопросы, касающіеся колоній; она наглядно показываетъ, каковы могутъ быть результаты неопредѣленности методовъ и постоянной смѣны направленія въ области управленія туземцами, въ частности мусульманами.

Благодаря конфискаціямъ и неосторожному поощренію къ отчужденію имуществъ и расхищенію доходовъ съ религіозныхъ учрежденій нынѣ въ Алжирѣ существуетъ туземный вопросъ, а въ отношеніи просвѣщенія и благотворительности создалось положеніе вещей, не перестающее безпокоить какъ колоніальное, такъ и центральное правительство.

Неудачные въ соціальномъ отношеніи французскіе законы въ Алжирѣ оказались такими же и въ политическомъ отношеніи.

Путемъ конфискаціи вакуфовъ и отобранія въ казну ихъ доходовъ правительство косвенно содѣйствовало уничтоженію духовныхъ мусульманскихъ учрежденій, столь важныхъ для гражданственности страны, и затѣмъ приступило къ чисто ассимиляторской дѣятельности въ отношеніи туземцевъ.

Послѣдствіемъ конфискаціи доходовъ отъ вакуфовъ явилось закрытіе туземныхъ школъ. Французское правительство замѣнило ихъ своими, представлявшими слѣпокъ съ французскихъ; въ нихъ преподаваніе должно быть исключительно европейскимъ. Упорная же въ своихъ цѣляхъ и методахъ Франція попыталась примѣнить эту мѣру прямой ассимиляціи, мѣру насильственную, во всѣхъ своихъ колоніяхъ.

Она такъ поступила въ Египтѣ, гдѣ въ пору французскаго вліянія примѣнялись въ туземныхъ школахъ программы французскихъ школъ, безъ всякаго примѣненія къ нуждамъ страны. Затѣмъ такія же попытки

дѣлались въ Мадагаскарѣ, не смотря на то, что французскіе правители этого острова сообщали о плачевныхъ результатахъ чисто интеллектуальнаго образованія.

Въ результатѣ туземцы или выходятъ изъ школъ не такими, какими желали бы видѣть ихъ учителя, или избѣгаютъ французскихъ школъ, проявляя въ этомъ инстинктъ самосохраненія, такъ какъ хорошо понимаютъ, что отвлеченныя познанія культуры, чуждой для нихъ, преподаваемыя имъ въ государственныхъ школахъ, не соотвѣтствуютъ ихъ нуждамъ и поэтому могутъ быть лишь вредными.

Въ то время, какъ англичане, поставленные лицомъ къ лицу съ тѣмъ же школьнымъ вопросомъ въ колоніяхъ, рѣшили его путемъ уменьшенія и измѣненія въ школахъ всего, что не нравилось туземцамъ, французы захотѣли преодолѣть существенное затрудненіе — сопротивленіе туземцевъ и измѣнять самихъ туземцевъ, навязывая имъ силой то, въ чемъ нельзя было убѣдить ихъ.

Чисто французское образованіе, какъ мѣра насильственной ассимиляціи, выработала изъ туземцевъ довольно бездарную расу слѣпыхъ подражателей, оторвавшихся отъ своей среды и превратившихся въ плохихъ французовъ, — результатъ, вполнѣ отрицательный для французской культуры.

Въ Индіи методы просвѣщенія англичанъ вызвали среди мусульманъ желаніе развитія собственной культуры параллельно съ англійской, побудили ихъ къ подражаніямъ, убѣдили ихъ въ необходимости сравнить цѣнности христіанства и ислама, въ Алжирѣ политика ассимиляціи не вызвала культурнаго развитія среди арабовъ.

Но въ настоящее время общественное мнѣніе Франціи не удовлетворяется политикой ассимиляціи, и группа выдающихся ученыхъ сходится во мнѣніи, что ассимилировать исламъ — тщетная и опасная утопія и что единственно возможная политика въ мусульманской странѣ —

это усилія къ достиженію лояльнаго сотрудничества европейцевъ съ мусульманами.

Политика не можетъ имѣть цѣлей неосуществимыхъ — замѣчаетъ Альдобрандино Мальвецци. Вмѣсто того, чтобы вырвать съ корнемъ зло ислама, мудрая политика должна ставить своей цѣлью мѣшать этому злу, насколько возможно, вредить. Колонизація мусульманскихъ странъ и управленіе мусульманскими народами требуетъ терпѣнія и постоянства. Мусульманская политика должна быть дѣломъ медленнаго примѣненія къ средѣ и къ обстоятельствамъ.

Завоевательныя европейскія націи должны ясно и точно помнить роковую границу, которую сама природа, исторія и политика поставили между ними и мусульманами. Туземная политика въ мусульманскихъ странахъ должна быть воодушевлена затаенной мыслью держаться опредѣленной цѣли помогать мусульманамъ, но не слѣдуетъ показывать этого.

Мусульмане въ Индіи возрождались подъ тактичнымъ и невидимымъ руководствомъ англичанъ, поведшихъ ихъ на новый путь, на которомъ они, оставаясь добрыми мусульманами, сдѣлаются лучшими сотрудниками англичанъ.

Мусульмане же Алжира, вырванные изъ своей среды, вынужденные оставить свои традиціи и черты своей расы для того, чтобы принять идеи и формы чуждой культуры, сдѣлались худшими мусульманами и не подаютъ надежды сдѣлаться хорошими французами.

Августъ 1914 г. *С. Рыбаковъ.*

Краткій очеркъ религіозныхъ сектъ въ Турціи.

Передъ началомъ настоящей міровой войны и особенно съ конца 1914 года, когда къ нашимъ врагамъ присоединилась и Турція, въ обществѣ вновь поднялся интересъ къ міру Ислама.

Казалось. Турція, во главѣ которой стоитъ Султанъ-Халифъ всѣхъ правовѣрныхъ, способна поднять и объединить всѣ мусульманскія страны въ борьбѣ противъ враговъ Ислама и даже вызвать возстаніе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мусульмане, не имѣя политическаго самоуправленія, тѣмъ не менѣе составляютъ главный контингентъ населенія извѣстной провинціи. Словомъ, грозный призракъ священной войны стоялъ передъ глазами всѣхъ. Столбцы газетъ были переполнены статьями публицистовъ, для которыхъ Исламъ и самая идея панисламизма не представлялись достаточно ясными, ибо они полагали, что ученіе это составляетъ нѣчто единое, недѣлимое. Послѣдующія событія выяснили однако, что опасенія священной войны не оправдались. ибо религія мусульманская въ ея нынѣшнемъ видѣ насчитываетъ нѣсколько вѣроисповѣдныхъ толковъ и много отдѣльныхъ сектъ, весьма враждебныхъ другъ другу.

Помѣщаемый здѣсь очеркъ религіозныхъ сектъ Турціи имѣетъ цѣлью дать читателямъ неоріенталистамъ краткія свѣдѣнія о главныхъ сектахъ Ислама и познакомить ихъ съ сущностью отличительныхъ особенностей каждой изъ нихъ.

Нѣсколько словъ о Сунніяхъ и Шіъіяхъ.

Расколъ среди Правовѣрныхъ появился сейчасъ-же послѣ смерти пророка по поводу избранія главы общины. Претендентовъ явилось много, и среди нихъ значительными правами пользовался Алій ибн-аби-Талиб, усыновленный Мухаммэдомъ двоюродный братъ и зять его. Но судьба судила иначе: избраннымъ оказался тесть пророка и старѣйшій партизанъ Ислама Абу-Бэкр; что-же касается Алія, то онъ, отчасти въ виду постоянной своей нерѣшимости, а отчасти вслѣдствіе ненависти, питаемой къ нему вдовою пророка Айшей, имѣвшей въ то время вліяніе на ходъ дѣлъ, былъ на время устраненъ отъ власти, которой ему удалось достигнуть лишь послѣ убіенія третьяго Халифа-Османа, да и то не надолго.

Благодаря проискамъ Муъавіи, изъ родственнаго пророку дома Умэйи, бывшаго тогда намѣстникомъ Сиріи, Алій потерялъ популярность въ глазахъ части арабскихъ племенъ и, наконецъ, былъ убитъ въ своей резиденціи Куфѣ, какъ гласитъ преданіе, не безъ вѣдома Муъавіи. Послѣдній, объявивъ себя повелителемъ правовѣрныхъ, сталъ основателемъ династіи Умэйи.

Приверженцы убитаго Алія, „шіъіи“ (послѣдователи), объявили его мученикомъ, а себя—борцами за возстановленіе потомковъ Алія въ ихъ правахъ.

Въ то время, какъ шіъійское движеніе, найдя себѣ откликъ въ покоренной Персіи, жаждавшей сверженія арабскаго ига, и разбившись на многочисленныя секты, подъ вліяніемъ мнимо-философскихъ панацей, все болѣе и болѣе удалялось отъ старовѣрнаго Ислама, подготовляя почву для установившейся нынѣ окончательно въ Персіи философско - мистической амальгамы, — „правовѣрные“ мухаммэдане, признававшіе законность избранія какъ первыхъ трехъ, такъ и послѣдовавшихъ за ними халифатовъ,— укрѣплялись въ догмѣ чистаго вѣроученія, кото-

рую, съ помощью Аллаха, и довели въ наши дни до полнаго омертвѣнія. Ихъ назвали „сунніями" (отъ „сунна"— преданіе), т. к. они поставили себѣ цѣлью ревностно выдѣлить изъ хаоса преданій, окружавшихъ жизнь пророка,—только одно достовѣрное и тщательно провѣренное.

Такъ образовались два теченія въ исламѣ: *шіъйское* и *суннійское;* первое господствуетъ въ Персіи, второе— въ Турціи.

Понятно отсюда, что сектанство, болѣе или менѣе сохранившее въ себѣ шіъйскія „безбожныя„ идеи, считается въ суннійской Турціи ересью. Изъ такихъ сектъ особенно замѣчательна одна, называемая „исмаъилійэтомъ"; представляя изъ себя переходную стадію къ исповѣдуемой нынѣ въ Персіи религіи, она въ то-же время является какъ-бы родоначальницей нѣкоторыхъ самостоятельныхъ „раскольничьихъ" съ суннійской, а иногда и съ шіъйской точки зрѣнія, сектъ, до извѣстной степени между собою сходныхъ, изученіе коихъ немыслимо безъ предварительнаго ознакомленія съ ихъ источникомъ. Къ разсмотрѣнію его мы и приступимъ.

I.

Деисты.

Исмаъиліи.

Исмаъилійэт, появившійся въ исторіи въ качествѣ отдѣльнаго ученія не раньше семидесятыхъ годовъ VIII вѣка, хранилъ въ себѣ глубокіе корни шіъйской теоріи „имамійэта", т. е. преемственной передачи намѣстническихъ полномочій (хилафэт) въ родъ Алія *вплоть до появленія изъ того-же рода новаго пророка, могущаго стать спасителемъ міра, Махдіемъ (Мессіею)* [1].

[1]) Мессіанство было чуждо первоначальному исламу, что видно хотя-бы изъ одного только неизмѣннаго наименованія Мухаммэда *послѣднимъ* посланникомъ Божіимъ—„Хатыму-ль-Энбійа'и" (завершитель пророковъ).

Идея о возрожденіи пророка для спасенія погрязшаго въ беззаконіяхъ міра была заимствована исмаъиліями изъ ученія нѣкоего арабизированнаго іудея и шіъийскаго вольнодумца по имени Абду-л-Лахи ибн-Саба, еще въ тридцатыхъ годахъ хижры проповѣдывавшаго въ Иракѣ и Египтѣ.

Вторичное пришествіе Мухаммэда, по словамъ ибн-Саба, было указано самимъ пророкомъ въ 85 стихѣ XXVIII суры Кур'ана, гласящемъ слѣдующее: „Подлинно, „Тотъ, Кто сдѣлалъ для тебя обязательнымъ исполненіе „Кур'ана,—**вернетъ тебя обратно**. Скажи: Господь мой „лучше знаетъ, кто шествуетъ стезею праведныхъ и кто „пребываетъ въ явномъ заблужденіи".

Къ этому догмату Абду-л-Лахи ибн-Саба присоединилъ другой, заключавшійся въ томъ, что міръ долженъ быть пріуготованъ къ принятію мессіи особыми „намѣстниками" пророческими (имамами).

Такимъ образомъ,— имамы — это, строго говоря, *законно* царствующіе халифы, соединяющіе въ своемъ лицѣ власть свѣтскую и первосвященническую. Таковыми, по убѣжденіямъ шіъіевъ, могли быть лишь потомки Алія, а не родъ Умэйи, дерзновенно захватившій престолъ повелителей правовѣрныхъ.

Эти два основныя положенія и сдѣлались тѣмъ ядромъ, изъ котораго развилась религіозно-политическая секта исмаъиліевъ, достигшая къ началу X столѣтія такой степени имущества, что одинъ изъ „великихъ магистровъ" этого „ордена" — Саъид ибн-Алій — сталъ даже основателемъ такъ называемой фатимійской (фальшивой) династіи въ Египтѣ.

Не надо особой проницательности, чтобы угадать, почему „имамійэт" сталъ какъ-бы перекочевывать съ одного алида на другого, пока наконецъ не создалась „*теорія* **семи** *преемниковъ*", развитая сыномъ одного персидскаго врача-гностика Маймуна—Абду-л-Лахи Аль-Кад-

дахомъ. дѣдомъ упомянутаго Саъида, въ религіозный догматъ, названный „исмаъилійэтомъ“ по имени седьмого имама Исмаъила ибн-Жаъфара.

Но уже черезъ сто лѣтъ послѣ появленія исмаъиліевъ, сообразно требованіямъ политическаго момента, достоинствомъ апостольства былъ облеченъ *одиннадцатый* изъ потомковъ Алія-Хасанъ, сынъ коего Мухаммэдъ становился махдіемъ.

Дальнѣйшаго развитія, за прекращеніемъ рода Аліева „имамійэт“ не получилъ, и потребовалось объявить вѣрующимъ о „тайнѣ сокрытія“ и о внезапномъ возрожденіи махдія уже предъ концомъ міра. Мухаммэд, сынъ Хасана, таинственно сокрывшійся около 260 г. хижры, получилъ у шіъіевъ названіе „Аль-Мунтазар“ (ожидаемый).

Это „ученіе о двѣнадцатомъ“ положило основаніе современному шіъизму въ Персіи, объявленному въ XVI ст. Исмаъиломъ Сэфэви государственной религіей Ирана ([2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ религіозномъ отношеніи исмаъилійэт является, такъ сказать, фундаментомъ, на которомъ построена господствующая въ Персіи шіъийская „схизма“, но получившій форму самостоятельнаго вѣроученія.

Окончательно извращенный впослѣдствіи смѣшеніемъ намѣстничества пророческаго съ политическимъ интриганствомъ своихъ вожаковъ, исмаъилійэт превратился въ разнузданное разбойничанье ассасиновъ ([3]) и непристойное изувѣрство ихъ остатковъ нусэйріевъ.

[2]) Вотъ имена пяти шіъийсихъ имамовъ, наслѣдовавшихъ апостольство отъ семи исмаъилійскихъ: Али (Риза); Мухаммэдъ (Джэвад); Али (Аскэри); Хасан (Аль-Хамт); Мухаммэд (*Махдій*).

[3]) Тайное братство, возникшее въ XI ст. въ Персіи и Сиріи подъ вліяніемъ исмаъилійскихъ проповѣдниковъ (даъы), первоначально съ цѣлью сверженія Аббасидскаго халифата, а потомъ — Сельджукскаго ига. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, уроженецъ города Рэя, честолюбивый Хасан-ибн-Сабах, принужденъ былъ въ 1078 г. бѣжать изъ Персіи въ Египетъ, спасаясь отъ преслѣдованій за интриги его противъ везиря сельджукскихъ султановъ Альпарслана и Мэлик - Шаха — Хасана ибн-Алія, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Низаму-ль-Мулька. Въ Каирѣ Хасан ибн-Сабах удержался не долго; онъ былъ изгнанъ оттуда за ближайшее участіе въ

Ученіе исмаъиліевъ во время его наибольшаго успѣха. т. е. къ концу VIII и къ началу IX вѣковъ, покоилось на слѣдующихъ четырехъ первоначальныхъ тэзисахъ:

1. „Илахійэт" — божественность: Божество непознаваемо умомъ человѣческимъ.

2. „Набійэт" или „натыкійэт" — пророчество: для руководства и спасенія людей послано въ міръ **семь** ([4]) частей божественнаго „**я**", вселяющихся въ избранниковъ божіихъ, пророковъ „глаголящихъ" — натыковъ (отъ нàтака — рекъ); таковыми пророками являются: Адамъ, Ной. Авраамъ, Моисей, Іисусъ, Мухаммэд и грядущій Махдій — „Послѣдній".

3. „Имамійэт" — пророческое намѣстничество или замѣстительство: ученіе пророковъ „глаголящихъ" преемственно распространяется среди вѣрующихъ черезъ особыхъ „помощниковъ пророческихъ". У каждаго изъ пророковъ такихъ временныхъ „предстоятелей вѣры" имамовъ — по **семи**; новаго откровенія они не сообщаютъ. и потому въ противуположность „глаголющимъ" именуются „молчальниками" — сакытами (отъ сàката — молчалъ).

дѣятельности партіи Низара, старшаго сына халифа Мустансыра, лишеннаго отцемъ правъ на престолонаслѣдіе. По возвращеніи на родину, Хасану удалось собрать вокругъ себя шайку головорѣзовъ, при помощи коихъ онъ овладѣлъ однимъ замкомъ близъ Казвина, получившаго извѣстность подъ именемъ „Орлинаго Гнѣзда" (Алух-Амут). Отсюда Хасанъ и его преемники грозили сельджукамъ до 1256 года, когда послѣдній „орелъ" изъ гнѣзда „Горнаго Старца" - Рукну-д-Дин, покоренный монголами, былъ убитъ конвоемъ на пути къ хану Мэнгу. Еще при Хасанѣ проникли послѣдователи братства въ Сирію, гдѣ подъ именемъ „фэдавіевъ" (жертвующіе собою) вступали въ союзъ съ эмирами Халэбскими (особенно извѣстенъ сирійскій „Горный Старецъ" Рашиду-д-Дин при эйубидѣ Нуру-д-Динѣ). Иногда фэдавіи поступали на службу къ крестоносцамъ, а иногда воевали противъ нихъ, при чемъ немало рыцарей пало отъ ихъ рукъ. Вытѣсненные Мамлюкомъ Бэйбарсомъ въ 1272 году изъ своихъ крѣпостей, фэдавіи предпочли примириться со своими исконными врагами — сунніями и образовали при „Египетскихъ" султанахъ какъ-бы классъ политическихъ убійцъ, предлагавшихъ свои услуги тому, кто больше заплатитъ, почему и получили прозвище ассассиновъ (отъ французскаго assassin — убійца). Ассассиновъ называютъ также „хашашійинами" отъ существовавшаго у нихъ обычая возбуждать свое фанатическое рвеніе принятіемъ наркотическихъ составовъ.

[4]) Число каббалистическое, безспорно заимствованное изъ египетской и еврейской системъ.

Кругъ имамовъ мухаммэдовыхъ состоитъ изъ Алія (усс) (5), двухъ его сыновей Хасана и Хусэйна и четырехъ прямыхъ потомковъ послѣдняго: Алія (ум. въ 94 г.), Мухаммэда (ум. въ 43 г.), Жаъфара (ум. въ 148 г.) и Исмаъила(?).

4. „Хидайэт“ — водительство людей по пути божію— царство Махдія: когда оканчивается періодъ изъ семи имамовъ — является новый пророкъ. Такимъ **послѣднимъ** воспреемникомъ божественной благодати становится Мухаммэд, сынъ седьмого имама Исмаъила; въ немъ возрождается Духъ Творца для возвѣщенія міру **полнаго** откровенія; при немъ возникаетъ „царство Божіе“.

Дѣйствительность, мы знаемъ, не оправдала упованій современниковъ Мухаммэда ибн-Исмаъила. Положимъ, ибн-Маймун, объявивъ себя седьмымъ имамомъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ предоставить право на искупленіе міра Исмаъилу ибн-Жаъфару, тогда какъ въ сущности Махдіемъ являлся сынъ послѣдняго Мухаммэд; но пророчество оставалось несвершеннымъ, царство Божіе не наступало. Поэтому, дальнѣйшая фальсификація посланниковъ „Правды“ становилась неизбѣжной, и въ началѣ X вѣка мы видимъ внука ибн-Маймуна-Саъида на престолѣ халифовъ подъ видомъ Мухаммэда ибн-Жаъфара, т. е. самого Махдія (6). Но народъ шіъийскій не повѣрилъ даже Хакиму, не смотря на всѣ его старанія обожествить себя, — и съ тѣхъ поръ истинный Махдій исчезъ до дня страшнаго суда.

Мѣстомъ сокрытія Махдія шіъии считаютъ нѣкую пещеру близъ города Самарры (Сурра мэн ра'а) (7), основаннаго Аббассидомъ Муътасымомъ въ тридцатыхъ годахъ IX ст. недалеко отъ Багдада.

Вышесказанныя четыре степени исмаъилійскаго по-

---

5) Первый изъ „сакытовъ“ обыкновенно называется „Усс“ (основаніе). Уссомъ Іисуса Христа считается Іоаннъ Креститель.

6) Изъ ложной скромности, по обычаю времени, „апостолъ“ этотъ принялъ титулъ „Убэйду-л-Лахи“ (рабъ Божій), подъ которымъ извѣстенъ въ исторіи.

7) Буквально значитъ: „возрадуется, кто узритъ“.

знанія не исчерпывали всей догмы послѣдующаго вѣроученія; это былъ, такъ сказать, только обиходный катехизисъ, нѣчто вродѣ бревіарія для невѣжественной массы прозелитовъ. Высшая истина для „посвященныхъ“ заключалась въ другомъ. Не надо забывать, что исмаъилійская „ересь“, возникшая въ персидскомъ Иракѣ, т. е. въ центрѣ отступническихъ ученій, въ странѣ, ненавидѣвшей арабовъ-покорителей (8), не могла не впитать въ себя старо-національныхъ представленій о дуализмѣ и даже ассиро-вавилонскихъ вѣрованій о „женскомъ творческомъ началѣ“ (9).

Если присоединить сюда также бывшую въ ходу идею буддійскаго происхожденія о вочеловѣченіи Бога, — то, сообразно съ этимъ, будетъ понятно образованіе пяти послѣдующихъ **тайныхъ** степеней ордена, къ познанію коихъ, подобно высшимъ степенямъ масонства, допускались лишь избранные.

Пятая и *шестая* степени учили аллегорическому толкованію Кур'ана, профанируя единобожіе развитіемъ матеріальной — и главное — чувственной стороны мухаммэдова ученія.

Седьмая степень разъясняла понятіе о двойственности

8) Особенно презираемъ Умар, при коемъ покорена Персія. Шіъіи, чтобы выказать всю полноту своей ненависти къ нему, пишутъ напр. на днѣ плевательницы проклятое имя этого халифа для того, чтобы можно было всласть оплевывать его.

9) Общая не только Египтянамъ, Ассиріянамъ, Финикіянамъ и Евреямъ (особенно при Соломонѣ), но и Индусамъ и Грекамъ космогоническая система, выражавшаяся, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ: Мужское божественное *начало* (Пта, Ану, Эль, Іодъ, Ишвара, Зевсъ) воздѣйствуетъ въ цѣляхъ проявленія своей творческой силы, на выдѣленное имъ изъ себя женское начало (Сэхэтъ, Анатъ, Ашуръ, Ё, Пракрити, Майя). Слѣдствіемъ такого самоограниченія этой силы, прибѣгающей для своего проявленія какъ-бы къ помощи другой, — является *раздѣленіе* первоначальной силы, выражающееся въ созданіи видимыхъ міровъ и человѣка. Самодовлѣющая цѣль творчества неуклонно стремится посредствомъ постоянной эволюціи къ *возсоединенію* міровъ съ ихъ первоначальнымъ цѣлымъ, т. е. съ силами творческой и творящей. Это стремленіе къ источникамъ бытія выражалось символически у сказанныхъ народовъ въ служеніи „божественному прототипу“ половыхъ органовъ (пріапизмъ и священная проституція у всѣхъ обрѣзанныхъ народовъ древности).

божества и соотвѣтственное съ этимъ раздѣленіе половъ, приближаясь къ мистеріозному культу Иштар и Ваала.

Восьмая степень объявляла всѣ религіи, въ томъ числѣ и Ислам, пустыми измышленіями человѣческаго воображенія, подлежащими упраздненію (религіозный нигилизмъ), и наконецъ—

Девятою степенью **обожествлялся человѣкъ** (пантеистическое сліяніе Творца съ Твореніемъ).

Первыя четыре степени собственно исмаъилійскаго ученія, приноровленныя къ современному ему персидскому религіозно-политическому міровоззрѣнію, относившемуся враждебно къ узко-формальному арабскому правовѣрію, естественно должны были выродиться, сыгравъ свою роль подготовительной ступени къ новѣйшему шіъизму, но все-же эти основы, ставшія, повидимому, анахронизмомъ, сохраняются и донынѣ въ *чистомъ видѣ* сектою исмаъиліевъ, живущей въ юго-западной части Антиливана, въ Казѣ Калъату-ль-Мэркэб, въ количествѣ десяти тысячъ послѣдователей, ожидающихъ пришествія Мухаммэда ибн-Исмаъила.

Если принять во вниманіе, что *низшая* доктрина исмаъилизма дала толчекъ къ образованію нѣсколькихъ другихъ самостоятельныхъ сектъ, имѣющихъ очень мало общаго съ шіъизмомъ, или даже ставшихъ ему совершенно чуждыми,—то станетъ яснымъ, что изложенное ученіе „**о семи**“ должно быть, по справедливости, поставлено „во главу угла“ при изслѣдованіи еретическихъ, съ точки зрѣнія сунны, вѣроученій въ Турціи ([10]).

[10]) Что касается *тайной* догмы, то эволюцію ея до новѣйшаго времени въ западныхъ государствахъ можно прослѣдить, изучая теософическую сторону современныхъ масонскихъ ученій высшихъ степеней; на Востокѣ-же исмаъилійскія таинства преемственно сохраняются среди Бомбейскихъ оккультистовъ, объединенныхъ подъ руководствомъ нѣкоего Махмуд-Шаха, носителя степени „Великаго Учителя“, дающаго свои директивы сирійскимъ исмаъиліямъ.

Генеологическая таблица исмаъилійскихъ и шіъийскихъ имамовъ.

Курэйш.

Каъб.

Абду-ль Мэнаф

Хашим

Абду-ль-Мутталиб

Абду-л-Лахи	Абу Талиб
Мухаммэд(пророкъ)	Алій(1)

Хасан(2)	Хусэин(3)
	Алій(4)
	Мухаммэд(5)
	Жаъфар(6)

Исмаъил(7)	Муса(7 шіъийскій)
Мухаммэд(Махдій)	Али(8)
	Мухаммэд(9)
	Али(10)
	Хасан(11)
	Мухаммэд(Махдій)

Друзы (Даразіи).

Объявившій себя подобно Нерону богомъ, Фатимидъ Хаким ([11]) (996—1020) требовалъ отъ своихъ преторіанцевъ-исмаъиліевъ, чтобы они внушали народу, въ боль-

[11]) Настоящее имя его неизвѣстно; прозывался онъ Абу-Алій (отецъ Алія), а по воцареніи принялъ титулъ „Аль-Мансур Аль-Хаким би эмри-л-Лахи" — (Побѣдоносный Судія по велѣнію Божію).

шинствѣ склонному къ суннѣ, о его божественномъ происхожденіи. Однимъ изъ такихъ „исповѣдниковъ“ явился нѣкій исмаъилій по имени Мухаммэд Даразій, родомъ турокъ, занимавшій довольно высокій постъ при дворѣ халифа.

Собравъ народъ въ одной изъ мечетей Каира, Даразій провозгласилъ своего повелителя носителемъ божественной благодати, переданной ему черезъ пророка Мухаммэда. Возмущенные сунніи едва не растерзали проповѣдника, которому удалось, однако, тайно удалиться въ Сирію, гдѣ онъ и основалъ понынѣ населяющую западную часть Ливана (около 50000), часть Сирійскаго Вилайэта, Хасбайю, Рашайю, Вади-ль-Ажэм и Хауран (20000) секту Друзовъ, насчитывающую въ общемъ до 100000 послѣдователей.

Такимъ образомъ, ясно устанавливается исмаъилійское происхожденіе этой секты.

Вѣсть объ „исчезновеніи“ Хакима принесъ Даразію одинъ изъ везирей этого халифа-Хамза ибн-Ахмэд, вступившій въ общину Друзовъ, дѣятельно занявшійся ея организаціей и выработавшій систему вѣроученія; имъ написана для Друзовъ „Книга“ (Аль-Китаб) съ изложеніемъ катехизиса и догматики.

Друзы могутъ быть справедливо названы обожателями Хакима, такъ какъ вся система имамійэта выразилась у нихъ въ одной окончательной формулѣ: Хакимъ есть обѣтованный Махдій, пришествія коего надлежитъ ожидать въ день конца міра. Этимъ, собственно говоря, и ограничивается вѣроученіе, исповѣдуемое низшимъ классомъ.

Секта Друзовъ, не смотря на общія съ Нусэйріями (см. дальше) смутныя понятія о метампсихозѣ, твердо стоитъ на единобожіи, считая Хакима лишь обиталищемъ „Души Божіей“, подобно Іисусу, и называютъ себя „му'аххидун“, т. е. „единоѵпостасниками“.

„Богъ единъ и нѣтъ ему подобныхъ", но у Него есть **свойства**, существующія *отдѣльно* отъ Него: 1. „Душа Міра" — нэфсу-ль-алэм ([12]). 2. „Разумъ Міра" — аклу-ль-алэм. 3. „Слово"—Аль-Кэлам ([13]). 4. „Предшествующій"— Аль-Асбак. и 5. „Грядущій" — Аль-Ати.

Свойства Божія, будучи воплощены, образуютъ такъ называемыя „знаменія" (аламэт) или „учительства" (хужэ): такими воплощенными знаменіями являются Хаким (душа?), Хамза (разумъ), Мухаммэд (Предшествующій) и **Махдій** (Грядущій).

Кромѣ того, есть и второстепенныя свойства Божія, также воплощающіяся въ извѣстныхъ уже намъ даъы" и ихъ помощниковъ: „Мадхуновъ" (обрѣтшихъ позволеніе) и „Мукассыровъ" (сокрушителей).

Друзы, слѣдовательно, съ большимъ правомъ, чѣмъ сосѣди ихъ Нусэйріи, Мутеваліи ([14]) и др. могутъ считать себя мухаммэданами.

Турецкому Правительству бываетъ подчасъ весьма затруднительно держать въ повиновеніи этихъ свободолюбивыхъ горцевъ, упорно отстаивающихъ свою самостоятельность, и заставить ихъ регулярно платить дань. наложенную на нихъ Султаномъ Мурадомъ III (1574—1595).

Общественное устройство теократической друзской „конфедераціи" слѣдующее:

Во главѣ племени стоятъ эмиры или князья; отдѣльныя общины управляются шэйхами („Аль-Ажавид" — совершенные).

[12]) Несомнѣнно, Изида, Кибэла, понятіе о коей перешло и въ греческую теософію (Психея).

[13]) Это, скорѣе всего, выраженіе идеи *личнаго* откровенія, главнымъ образомъ, черезъ воплощеніе, нѣчто вродѣ герметическаго λόγος'а, какъ его понималъ. отчасти, Филонъ Александрійскій.

[14]) Фанатическая шіъийская секта (около 7000), населяющая Казы Акру и Мэрж-Айун Бейрутскаго Вилайэта. Отличіе ихъ вѣрованій отъ прочихъ сектантовъ, живущихъ на Ливанѣ, состоитъ въ томъ, что они приписываютъ Алію нѣкоторыя измѣненія Кур'ана, а также - крайняя нетерпимость къ сунніямъ и христіанамъ. Мутэваліевъ можно причислить къ древнѣйшимъ еретикамъ ислама (Харижіи?).

Всѣ Друзы раздѣляются на двѣ касты: „Аль-Укала“ и „Аль-Жуххаль“, т. е. на „мудрыхъ“ и „профановъ“. Первые являются хранителями аристократическихъ и религiозныхъ преданiй; ихъ можно легко отличить по бѣлой чалмѣ, которою они окутываютъ голову. Укала, несомнѣнно, посвящены въ первыя четыре степени исмаъилiйэта, въ то время, какъ всѣ остальные Друзы въ религiозномъ отношенiи являются чистѣйшими дикарями. Замѣтимъ, что вслѣдствiе родственности исмаъилiйэта мистическому масонству, среди высшаго класса Друзовъ весьма распространенъ такъ называемый шотландскiй обрядъ этого ученiя, главнымъ образомъ философическихъ степеней.

Въ противуположность ненавидимымъ нусэйрiямъ, отношенiе Друзовъ къ женщинѣ отличается мягкостью и проникнуто благородствомъ. Женщина можетъ даже быть посвящена въ „акылэ“, т. е. вступить въ высшую касту, и тогда она облекается въ особое одѣянiе и украшаетъ голову высочайшимъ колпакомъ, окутаннымъ бѣлымъ фуляромъ.

Если въ былое время Друзы являлись заклятыми врагами христiанъ, то этого нельзя сказать о современныхъ Друзахъ: они гостепрiимны и не чуждаются иностранцевъ-христiанъ, поступая иногда въ услуженiе къ болѣе богатымъ изъ нихъ.

Нусэйрiи.

Нусэйрiи, называющiе себя также „Аль-Хусайбiйэ“ (считающiе дни приближенiя спасенiя), живутъ въ числѣ около 100000 въ горныхъ мѣстностяхъ Триполiйскаго и Латакiйскаго (Лаодикiйскаго) округовъ Бейрутскаго Вилайэта; часть ихъ населяетъ Антiохiйскую и Джисру-ш-Шугурскую казы Алеппскаго Вилайэта (25000); наконецъ, ихъ около 60000 въ Аданскомъ Вилайэтѣ.

Секта эта, окрещенная именемъ одного изъ своихъ проповѣдниковъ, Мухаммэда ибн-Нусэйра ([15]), повидимому, обязана своимъ возникновеніемъ описанному выше „ученію о Двѣнадцатомъ“, но вмѣстѣ съ этимъ, чисто шіъийскимъ догматомъ, къ ученію Нусэйріевъ примѣшались и нѣкоторыя противорѣчія: такъ, наряду съ первыми имамами, особенно Аліемъ, Нусэйріи, подобно Друзамъ, поклоняются фатимиду Хакиму.

Въ Нусэйріяхъ видятъ потомковъ исмаъилійскихъ карматовъ ([16]) и ассассиновъ, смѣшавшихъ свое вѣроученіе съ культами тѣхъ племенъ, среди коихъ имъ пришлось поселиться послѣ выселенія своего изъ Месопотаміи ([17]).

Ученіе Нусэйріевъ хранится въ тайнѣ; лишь въ недавнее сравнительно время, благодаря одному ренегату, нѣкоему Сулэйману эфенди, удалось пролить нѣкоторый свѣтъ на сущность исповѣдуемой Нусэйріями вѣры.

Причислять Нусэйріевъ къ мусульманамъ, хотя-бы и схизматикамъ, нѣтъ никакихъ основаній: объ основателѣ ислама они имѣютъ весьма смутное понятіе, смѣшивая его съ послѣдующими имамами, носившими его имя, и особенно съ Мухаммэдомъ ибн-Хасаномъ, но Алія весьма чтутъ, хотя также смѣшиваютъ его съ халифомъ Хакимомъ, говоря: „Хакиму-ль-Алійу“, что значитъ Хаким высокій, или высшій судія, или-же: „Алійу-ль-Хакиму“, что обозначаетъ Судія-Алій. Мусульманъ обоихъ толковъ, считающихъ ихъ изувѣрами, Нусэйріи одинаково презираютъ.

[15]) Нѣкоторые ученые, какъ напр. г. Dussaud, объясняютъ слово „нусэйри“ этнографически, ссылаясь на Плинія, упоминающаго о нѣкоей „Naserinozum Tetrarchia“ (His. Nat, V, 81).

[16]) Персидскіе проповѣдники этого ученія, названные такъ по имени одного изъ нихъ, Курмата, что значитъ „уродъ!“ Они извѣстны также подъ именемъ „даъы“.

[17]) Около города Мардина въ Санджакѣ того-же имени Діарбэкирскаго Вилайэта сохранились развалины древней крѣпости, построенной персидскими горцами Маридами („непокорными“), постепенно занявшими Ливанъ, гдѣ они и утвердились во второй половинѣ VII вѣка. Поэтому, *племенное* происхожденіе Ливанскихъ аборигеновъ отъ Маридовъ является весьма вѣроятнымъ.

Турки считаютъ Нусэйріевъ обоготворителями одного изъ „столповъ вѣры“, а именно Алія, но не въ смыслѣ ученія секты „Али-Илахи“, живущей въ Персіи ([18]).

Дѣйствительно, у Нусэйріевъ Алій обратился въ миѳическаго героя, получившаго прозвище „Главы Небеснаго Свода“.

Всего этого слишкомъ мало, конечно, чтобы назвать нусэйрійскія вѣрованія религіей; слѣды послѣдней могутъ быть отысканы въ ученіяхъ персидскихъ оккультистовъ первыхъ вѣковъ мухаммэданства, заимствованія коихъ изъ древнихъ ассиро-вавилонскихъ и буддійскихъ культовъ проходятъ яркою нитью чрезъ міросозерцаніе Нусэйріевъ, хотя послѣдніе и не отдаютъ себѣ отчета въ истинномъ смыслѣ всѣхъ этихъ системъ. Таково, напр. вѣрованіе части Нусэйріевъ, называемыхъ „Шэмсійэ“, въ переселеніе душъ: звѣзды — это души праведниковъ; нечистыя животныя, какъ-то свиньи и собаки служатъ вмѣстилищемъ душъ христіанъ, іудеевъ и даже мусульманъ. Турецкіе статистики, полагая, что эти Нусэйріи, поклоняются собакамъ, называютъ ихъ „Кэльбійэ“, т. е. „собачниками“, но, какъ кажется, нѣтъ основанія думать, что эти термины обозначаютъ различныя племенныя развѣтвленія Нусэйріевъ.

Любопытно, что наряду съ шаманскими вѣрованіями, у Нусэйріевъ существуетъ понятіе о „Троицѣ“ (Сулс), что давало поводъ считать ихъ христіанами; хотя на эту мысль дѣйствительно наводитъ само слово „Нусэйрій“, что можетъ значить „маленькій назареянинъ“, т. е. христіанинъ ([19]), но, какъ кажется, „Тройца“ Нусэйріевъ не заключаетъ въ себѣ ровно ничего христіанскаго, ни даже

---

[18]) О ней см. Жуковскій. „Секта Людей Истины въ Персіи“. Зап. Вост. Отд. Имп. Русскаго Археол. О-ва. Т. II. Имѣется также изслѣдованіе В. Минорскаго.

Ред.

[19]) Христіанъ вообще называютъ въ Сиріи и Палестинѣ „Насара“ (мн. ч. отъ Насрани и его уменьшительнаго Нусэйри). Для обозначенія—же секты берется мн. ч. отъ имени основателя ея „Нусэйръ“ (Помощникъ), звучащее Нусара, или собирательное Нусэйріиэ.

мистическаго: лица этой „тріvпостаси“ все тѣ-же Алій, Хаким и Мухаммэд ибн-Хасан.

Еще проще. и при томъ весьма кощунственно, объясняется приписываемое Нусэйріямъ „таинство причащенія“, которое по своему безстыдству можетъ быть приравнено къ извѣстной средневѣковой „черной мессѣ“. Кто знаетъ, не обще-ли происхожденіе того и другого?

Обряды эти, по разсказамъ сирійцевъ, заключаются въ слѣдующемъ:

Темною ночью собираются Нусэйріи гдѣ-нибудь въ уединенномъ горномъ ущельѣ около капища, выстроеннаго въ формѣ коробки съ куполообразною крышею. для непристойнаго пиршества. Зажигаются костры, и женщины, обыкновенно скрываемыя отъ нескромныхъ взоровъ, играютъ главную роль въ совершеніи „таинства“. Возбуждаясь, по обычаю, оставшемуся отъ ассассиновъ, принятіемъ наркоза, пляшутъ онѣ обнаженныя передъ опьянѣвшими мущинами, которые, время отъ времени, приближаются къ обольстительницамъ, произнося: „Привѣтствую тебя, о мѣсто моего возникновенія“.

Говорятъ, путнику, встрѣтившему въ горахъ Нусэйріянку, достаточно произнести приведенную формулу, называемую „мифтаху-ль-жэннэт“ — (ключъ отъ рая), — что-бы извѣдать наслажденія земного рая.

Въ этихъ чувственныхъ обрядахъ усматриваютъ не безъ основанія родство съ ночными радѣніями и плясками Іезидовъ и курдскихъ Кызыльбашей, что вслѣдствіе отдаленнаго вліянія ассирійскаго и іудейско-языческаго культа „Царицы неба“ (Иштар) ([20]) — не является невѣроятнымъ.

Іезиды.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ вышеописанныхъ сектъ, возникшихъ на почвѣ исмаъилизма, стоятъ Іезиды (Дазэни).

[20]) Лексикологически Мэлита, какъ называлась Иштар (Астарта), не что иное, какъ испорченное слово обще-семитическаго корня „Мэликэт“—царица.

Эта курдская секта была основана въ XII вѣкѣ однимъ шэйхомъ по имени Ади (ум. въ 1121 г.) въ Амадѣ близъ Мосула; въ настоящее время ея послѣдователи живутъ въ количествѣ около 30000 въ Курдистанѣ, Арменіи и Месопотаміи; 10000 Іезидовъ населяютъ наши Карсскую область и Эриванскую губернію, не считая западной Персіи, гдѣ ихъ нѣсколько тысячъ.

До сихъ поръ никто не могъ сказать ничего сколько-нибудь достовѣрнаго о происхожденіи этой странной секты, но почти всѣ, не считая нѣкоторыхъ „западныхъ" оріенталистовъ, сходятся въ одномъ, а именно, что Іезиды являются поклонниками діавола — „Шайтан-пэрэст", какъ ихъ называютъ сосѣди-Персы.

Названіе свое секта заимствовала, будто-бы, отъ имени второго халифа изъ династіи Умэйадовъ, Іезида ибн-Муъавіи, коего чтила за свершенное при немъ убійство Хусэина ибн-Алія, но такое происхожденіе Іезидовъ приписано имъ гораздо позже ненавистниками ихъ — шіъіями.

Правильнѣе производить названіе секты отъ слова Іезд или Іездан — персидскаго синонима Ахурамазды.

Въ вѣрованіяхъ Іезидовъ можно дѣйствительно усмотрѣть остатки маздеизма; изъ почитаемыхъ ими четырехъ элементовъ: земли, воды, атмосферы и огня, — послѣдній занимаетъ первенствующее мѣсто.

Іезидовъ, однако, не слѣдуетъ отождествлять съ „поклонниками солнца", такъ наз. „шэмси", также живущими въ Мосульскомъ Вилайэтѣ, вѣроученіе коихъ, какъ кажется, представляетъ смѣсь халдейской астрологіи съ пиѳагорействомъ (идея о Солнцѣ, какъ о мужеской *силѣ* Бога).

Іезиды не чуждаются христіанъ, въ число коихъ часто записываются съ цѣлью избавиться отъ воинской повинности; нежеланіе-же служить въ рядахъ войскъ объясняется вовсе не религіознымъ антимилитаризмомъ,

а просто боязнью вступать въ общенiе съ мусульманами и подвергнуться обрѣзанiю ([21]).

Подобно Сарлiямъ ([22]), Iезиды чтутъ Христа, хотя врядъ-ли имѣютъ о Немъ истинное представленiе; у нихъ существуетъ нѣчто вродѣ Крещенiя, совершается оно обливанiемъ ребенка, лежащаго на блюдѣ съ изображенiемъ павлина. Этотъ обрядъ, равно какъ и нѣкоторые другiе, какъ напр. обычай пить вино изъ одной чаши. сближаемый съ Причащенiемъ ([23]) или Покаянiе, совершаемое передъ шэйхомъ, въ содѣланномъ злѣ, приравниваемое къ Исповѣди, можетъ быть, и обязаны своимъ происхожденiемъ проповѣдничеству несторiанъ, но Iезиды врядъ-ли придаютъ имъ значенiе *Таинствъ* въ христiанскомъ смыслѣ; христiанское происхожденiе двухъ послѣднихъ „таинствъ" просто сомнительно.

Сами Iезиды называютъ себя „Дазэни"; слово это арабское, на что указываетъ и его множественное число: „Давазин"; если произвести его отъ корня ضزن, то оно будетъ означать: „женившiйся на женѣ своего отца". Съ оговоркою насчетъ достовѣрности, можно предположить, что такое названiе произошло отъ разрѣшенiя Iезидянкѣ, мужъ коей находится два года въ безвѣстномъ отсутствiи, выйти замужъ за пасынка.

Основной догматъ iезидскаго вѣроученiя, заимство-

---

[21]) Нынѣ, съ введенiемъ въ Турцiи общей воинской повинности, имъ нельзя будетъ прибѣгать къ этой уловкѣ.

[22]) Малочисленная секта, населяющая мѣстности, лежащiя между Тигромъ и Большимъ Забомъ. Вѣроученiе свое Сарлiи хранятъ въ тайнѣ; послѣднее, насколько извѣстно, состоитъ въ поклоненiи Iисусу Христу и Дѣвѣ Марiи и вѣрованiи въ переселенiе душъ умершихъ. Сарлiи, слѣдовательно, не мусульмане. Искаженное поклоненiе Iезидовъ „Царю-Павлину" находитъ себѣ выраженiе у Сарлiевъ въ жертвенныхъ закланiяхъ чернаго пѣтуха, совершаемыхъ одинъ разъ въ годъ. Кому молятся Сарлiи — неизвѣстно. Во время молитвы они размахиваютъ кругообразно руками; символическое значенiе этого обряда не выяснено; м. б. оно знаменуетъ движенiе земли.

[23]) Правильнѣе думать, что обычай этотъ заимствованъ изъ обрядовъ семитическихъ мистерiй дохристiанскаго перiода (См. Кн. Бытiя, XIV, 19.).

ванъ изъ манихейства ([24]), или-же изъ ученія „Зэрвани". персидской секты, пытавшейся примирить два начала Зороастрова ученія объ Ахурамаздѣ и Ахриманѣ путемъ поставленія надъ ними нѣкоего высшаго общаго начала, вродѣ греческаго Хроноса.

Іезидами признается воплощеніе Божества въ пророкахъ, коихъ насчитывается свыше 12000. Циклъ этихъ пророковъ завершается іезидскимъ шэйхомъ, который наравнѣ съ Мухаммэдомъ является чѣмъ-то вродѣ заступника секты предъ Богомъ.

Родственность іезидскаго вѣроученія исмаъилійэту можетъ быть усмотрѣна изъ того, что Іезиды также ждутъ пришествія новаго пророка, основываясь на преданіи о нѣкоемъ ибн-Унэсса, коему было повѣдано свыше, что онъ получитъ „Книгу Откровенія"—Китабу-ль-Жильвэ; книга эта, гласитъ преданіе, дѣйствительно была получена и передана упомянутому шэйху Ади.

Поклоненіе Діаволу приписывается Іезидамъ не безъ основанія. По ихъ представленіямъ, возмутившійся Духъ Зла искупитъ свое преступленіе черезъ 4000 лѣтъ и будетъ сопричтенъ къ лику Ангеловъ, послѣдовательно воплотившись въ Ноѣ, Іисусѣ Христѣ и Мухаммэдѣ ([25]); изображается онъ въ видѣ павлина съ распущеннымъ хвостомъ, возсѣдающаго на златомъ древѣ; Іезиды называютъ его „Малэк-Таус", т. е. Ангеломъ-Павлиномъ ([26]).

Изъ сказаннаго видно, какимъ смѣшеніемъ древне-арійскихъ (фарсійскихъ) и даже египетскихъ съ шіъйскими

---

[24]) Ересь, основанная и распространенная въ Персіи въ III вѣкѣ парѳяниномъ Сураикомъ, прозваннымъ греками Манэсомъ. Въ 274 году, по приказанію Шаха Бахрама, съ Манэса была содрана кожа. По ученію манихейцевъ, въ мірѣ дѣйствуютъ два начала: свѣта и тьмы, между собою перемѣшанныя, но наступитъ время, когда они окончательно раздѣлятся и станутъ другъ отъ друга независимыми.

[25]) Это во многомъ сходствуетъ съ „Зороастровыми Циклами" или 4000-лѣтними періодами, по окончаніи коихъ долженствуетъ появиться Сошіант, Спаситель Міра, рожденный отъ Дѣвы.

[26]) Не птица-ли это „Хума", извѣстная и намъ въ старину „Гамаюнъ Птица"? — Павлинъ—символъ дерзновенія, означаетъ также ангела, возставшаго на Бога.

еретическими ученіями и смутными представленіями о христіанствѣ изобилуетъ іезидская „религія“.

Въ племенномъ отношеніи Іезиды дѣлятся на четыре колѣна: Хавэри, Сиджари, Шейхани и Динани.

Во главѣ духовной іерархіи стоитъ шэйхъ, потомокъ Ади, а управленіе свѣтское ввѣрено Эмиру, живущему въ городѣ Бадри близъ Мосула, получающему патентъ (бэрат) отъ Высокой Порты. Съ учрежденіемъ въ Турціи гражданскихъ судовъ (Мэхакими-Низамійэ), у шэйха отнято право неограниченной юрисдикціи ([27]).

Духовный классъ состоитъ изъ „Пировъ“ или старцевъ, вмѣстѣ съ священнослужителями „Кавалами“, руководящихъ такъ наз. „Чопи“ — ночною тризною, справляемой ежегодно въ сентябрѣ у гробницы „Патріарха“ Іезидовъ, въ долинѣ, носящей его имя (Вади Шейх-Ади).

Кромѣ того, къ духовной кастѣ принадлежатъ „Братья“ и „Бѣдняки“ (Ауханы и Факиры), странствующіе по деревнямъ и вербующіе прозелитовъ для ночной тризны.

Само торжество это производитъ дикое и отталкивающее впечатлѣніе. При звукахъ дудокъ, на которыхъ играютъ „Кавалы“ ([28]), при трескѣ тамбуриновъ и неистовомъ пѣніи, похожемъ на вой, одѣтые въ бѣлыя одежды „поклонники Діавола“ пляшутъ вокругъ ярко пылающихъ костровъ, размахивая надъ головою пуками зажженаго хвороста.

Танецъ состоитъ въ движеніяхъ впередъ и назадъ, съ выпячиваніемъ живота и откидываніемъ назадъ верхней части туловища.

27) Après la proclamation de la Constitution, les Iezidis demandent aussi la reconnaissance par l'Etat de leur secte comme une communauté. En conséquence, le cheikh de cette tribu a envoyé son fils, Mir Ismail, à Constantinople pour faire des démarches. Mir Ismail a présenté une pétition au grand-vézir, demandant la reconnaissance par l'Etat des Yesidis comme communauté avec leur qualité nationale et religieuse de lui accorder une subvention comme à l'heritier du chef d'une puiassnte tribu de l'Empire et de le faire entrer dans une école pour le faire instruire. („La Turquie“, le 10/23 Mars 1909. „Une nouvelle communauté“).

28) „Кавал“ значитъ „дудка“; они-же носятъ такъ наз. „санджак“, т. е. хоругвь съ изображеніемъ павлина, во время народныхъ процессій.

По окончанiи пляски, Iезиды, какъ и Нусэйрiи, предаются свальному грѣху.

Съ Iезидами сближаютъ персидскую секту „Али-Илахи“, о которой мы уже говорили, будто-бы отождествляющую Алiя съ Iисусомъ Христомъ.

Кызыльбаши.

Большинство курдовъ принадлежитъ къ суннiйскому толку „Шафiъи“ ([29]) и является слѣдовательно съ точки зрѣнiя пуристовъ-мусульманъ вѣрными сынами правовѣрiя. Намъ интересны лишь Курды *шiъйскiе*, къ коимъ принадлежатъ упомянутые выше Iезиды, а также и многочисленное горное племя Кызыльбашей, т. е. Красноголовыхъ“, разбросанное въ горахъ Дэрсимскаго и Малатiйскаго Санджаковъ и Эгинской и Арабкирской Казахъ Вилайэта Маъмурэту-ль-Азиза (Харпутскаго).

Доступъ правительственныхъ чиновниковъ въ эти мѣстности крайне затрудненъ отчасти вслѣдствiе неприступности Дэрсимскаго кряжа, а отчасти изъ-за воинственности его обитателей. Поэтому, турецкiя статистическiя данныя о количествѣ „Красноголовыхъ“ крайне скудны. Съ оговоркою насчетъ точности, можно принять, что въ настоящее время Кызыльбашей въ Малой Азiи отъ 140 до 150 тысячъ.

Не менѣе трудно уяснить себѣ ихъ вѣроученiе вслѣдствiе отсутствiя у нихъ грамотности, а потому и письменныхъ источниковъ.

Самое названiе Кызыльбаши — весьма древнее; такъ

[29]) Одна изъ суннiйскихъ богословско-юридическихъ школъ, созданныхъ четырьмя „столпами“ ислама: Абу-Ханифою (ум. въ 767 г.), Маликомъ (ум. въ 795 г.), Ибн.-Ханбалемъ (ум. въ 855 г.), и Аш-Шафiъiемъ (ум. въ 820 г.). Шафiъйское законоуложенiе придаетъ особое значенiе толкованiю „хадисовъ“ или случаевъ изъ жизни пророка Мухаммэда, не вошедшихъ въ Кур‘ан, на основанiи коихъ построена такъ называемая система „корней“ или „основанiй“ (усул) для яснаго уразумѣнiя смысла Кур‘ана и Сунны.

величали еще шіъйскія полчища персидской династіи Сэфи во время ихъ набѣговъ на турецкую территорію.

Кызыльбашей называютъ также „Чираг-сюндюрэн". т. е. „гасители свѣтильниковъ". Названіе это невольно наводитъ на мысль о іезидскихъ и нусэйрійскихъ оргіяхъ. а отсюда можно съ большою степенью вѣроятности заключить о вліяніи на Кызыльбашей сексуальныхъ ритуаловъ ассиро-вавилонскаго культа въ связи съ ошибочно называемыми „христіанскими" обрядами,описанными выше. Особенно характерною чертою вѣрованія Кызыльбашей надо считать до крайности развитый исмаъилійскій догматъ о живомъ воплощеніи Бога, во всѣ времена жившаго и живущаго среди людей.

Подъ общее наименованіе Кызыльбашей турецкое Министерство Исповѣданій подводитъ также живущихъ въ Мосульскомъ Санджакѣ такъ называемыхъ „Бэджвановъ" и „Шабаковъ", хотя послѣднихъ надо скорѣе считать приверженцами восьмого шіъйскаго имама Али-Ризы.

II

Пантеисты. Суфіи. Мистики. Дэрвиши.

На какую-бы недосягаемую высоту ни было поставлено понятіе о личномъ Божествѣ, --человѣчество всегда стремилось и будетъ стремиться видѣть въ Немъ не бездушное отвлеченное представленіе, а святое утѣшительное начало, заботящееся о созданномъ имъ мірѣ. Аллахъ ислама былъ отдѣленъ отъ предавшихся ему ([1]) непроницаемой стѣною. не смотря на антропоморфическія свойства, приданныя ему пылкимъ основателемъ вѣроученія. Онъ отнималъ у людей всѣ личные помыслы,

[1]) „Муслим" (откуда испорченное „мусульманинъ") значитъ „предавшійся Богу".

всѣ радости, обращая ихъ въ стадо рабовъ, которыхъ неуклонно велъ по предначертанному Имъ предвѣчно пути къ гибели или спасенію. Лишь Онъ одинъ зналъ во всей полнотѣ свои истинныя цѣли, и потому былъ не только „одинъ“, но и въ полной мѣрѣ *одинокъ*: ([2]) связи Бога съ его разумнымъ твореніемъ, *религіи*, какъ таковой не было, требовалось лишь слѣпое повиновеніе грозной волѣ Создателя не за совѣсть, а за страхъ.

Во имя чего требовалось это повиновеніе, кто былъ Тотъ, кому всецѣло надлежало предаться,— на эти вопросы Кур'ан не давалъ отвѣта. „Богъ славенъ и великъ“. Онъ также и милосерденъ, но повидимому, только къ кому пожелаетъ; ни мольбы, ни даже хваленія ([3]) не позволялось воздавать „Абсолютной Правдѣ“ (Аль-Хакк) и „Владыкѣ Міровъ“ (Раббу-ль-Аламин).

Виновно-ли въ этомъ узкомъ опредѣленіи монотеистическаго догмата невѣжество самого пророка, не смогшаго возвыситься до той мысли, что „свойства божественной власти“ не мѣшаютъ ея единству, или же наоборотъ, боясь неразумія своихъ послѣдователей, Мухамэд самъ отстранялъ отъ нихъ всякую мысль о взаимномъ общеніи Аллаха съ Вѣрующими, т. е. сознательно искоренялъ не только самую существенную во всѣхъ „богооткровенныхъ“ религіяхъ идею о Промыслѣ, но даже обычное представленіе о вездѣсущности,— вопросъ остается открытымъ.

Первому поколѣнію „муслимовъ“ не приходилось, конечно, много разсуждать о свойствахъ Бога: они несли Ему чисто воинскую повинность; но потомъ, когда исламъ былъ водворенъ мощною рукою и лихорадочный прозе-

[2]) Срвн. Суру 112 „Признаніе единства Божія“: „Скажи: Се Богъ Единый. Богъ Вѣчный; Онъ не рождалъ и не рожденъ, и нѣтъ у Него подобія; Онъ Единъ“. Отъ перевода слова „самад“ — „милостивый“ — надо безусловно отказаться.

[3]) Такія благочестивыя выраженія, какъ: „Аль-хамду ли-л-Лахи“ (Слава довлѣетъ Богу), или Нусаббиху би-хамди-л-Лахи“ (свидѣтельствуемъ о славѣ Божіей) и пр. вовсе не означаетъ прославленія или славословія, а выражаютъ простое признаніе принадлежащихъ Богу свойствъ.

литизмъ поутихъ,—передъ правовѣрными вновь возстали вѣчные и „роковые“ вопросы: „Кто Онъ и чего Онъ желаетъ“?

Священная Книга во всемъ своемъ грозномъ величіи безмолвствовала, а почившій пророкъ завѣщалъ въ этомъ отношеніи своимъ послѣдователямъ лишь одинъ горькій неутѣшный плачъ. Дѣйствительно, трудно было оставаться правовѣрнымъ, разъ познанная истина оказывалась столь печальной,—и вотъ набожные хранители вѣроученія Мухаммэдова стали искать другъ въ другѣ взаимной поддержки для неуклоннаго шествованія по „стезѣ праведныхъ“, собираясь въ сообщества, гдѣ вели суровый аскетическій образъ жизни (4).

Эти братства, возникновеніе коихъ относятъ къ VIII вѣку, появились въ Иракѣ, и здѣсь именно-въ противовѣсъ вольнодумнымъ (муътазилійскимъ) ученіямъ, пытавшимся найти выходъ изъ оковъ правовѣрія. Члены этихъ сообществъ именовались „Суфіями“, т. е. „шерстянниками“ отъ грубой одежды, вродѣ власяницы, въ которую облекались (5а).

4) Любопытенъ взглядъ на монашескія организаціи самого Мухаммэда, выраженный въ 27-мъ стихѣ LVII Суры Кур'ана „Желѣзо“, гдѣ Богъ говоритъ слѣдующее: „Потомъ Мы послали по ихъ (Ноя и Авраама) слѣдамъ другихъ посланниковъ „какъ Іисуса, Сына Маріи, коему дали Евангеліе; Мы вложили въ сердца тѣхъ, кто „слѣдовалъ Ему, милосердіе и состраданіе; монашество-же они сами выдумали; *мы „предписали его имъ только въ видахъ достиженія благоволенія Божія*“. Отсюда несовсѣмъ согласный съ извѣстнымъ изрѣченіемъ: „Ла рахбанійэ-та фи-ль-Ислами“—нѣтъ въ исламѣ монашества — выводъ, что отреченіе отъ міра, по крайней мѣрѣ, какъ *личный* подвигъ, Мухаммэдомъ не возбранялось; одно время, впрочемъ, и онъ самъ жилъ въ уединеніи. Надо замѣтить также, что у мусульманъ монашество не отождествляется съ безбрачіемъ и что послѣднее не является необходимымъ условіемъ перваго.

5а) Сэйид Ахмэд Рифаъи такъ объясняетъ происхожденіе суфіевъ: „Нѣкоторыхъ людей изъ племени Мудырр называютъ бэну-суфа (сыновья шерсти; а это есть прозвище нѣкоего Гауса (высшая духовная степень въ дервишествѣ) Ибн-мэр'и ибн-Ади ибн-Табира-р-Рабита: сколько-бы дѣтей не рождалось у матери этого человѣка, всѣ они умирали; и вотъ она дала обѣтъ посвятить на служеніе Каъбѣ перваго ребенка, который останется въ живыхъ, окутавъ ему (по обычаю) голову шерстью. Потомство этого человѣка и стало называться бэну-е-Суфа; они служили проводниками во время хажжа. Обратившись въ исламъ, они отличались праведностью, и тѣ, кто примыкалъ къ нимъ, назывались Суфійэ. Потомъ стали уже именовать суфіемъ всякаго, кто предавался благочестію и носилъ шерстяную одежду“.

Однако, подобныя организаціи не являлись новшествомъ еще до Мухаммэда въ Мэккѣ и Ятрибѣ (Мэдина) авторитетъ языческихъ божествъ палъ подъ вліяніемъ проникавшихъ изъ Сиріи и Месопотаміи христіанскихъ идей гностическаго характера, извѣстныхъ арабамъ подъ именемъ „Ханифійэта“, т. е. отреченія отъ идолопоклонства. Преданіе гласитъ, что одинъ изъ родственниковъ первой жены пророка Хадижи, а именно Варака ибн-Науфаль, былъ христіанинъ; нѣкій Абу-Амир изъ племени *Бену-Ханифа*, коему не чужды были вѣянія христіанства, основалъ даже маленькую религіозную общину въ Мэдинѣ при жизни Мухаммэда, основанную на братствѣ и общности имущества. Суфіямъ оставалось, такимъ образомъ, воспользоваться для своихъ учрежденій готовой формою.

Существуетъ сказаніе объ одномъ жителѣ города Карна (въ Іэмэнѣ) по имени Увэйз, коему въ 37 году хижры самъ Архангелъ Гавріилъ повелѣлъ вести уединенный образъ жизни, предавшись скорби о грѣхахъ міра.

Учрежденіе первой мусульманской обители сопровождалось нѣсколько страннымъ на нашъ взглядъ обрядомъ, а именно: угодникъ вырвалъ себѣ всѣ зубы, чтобы въ религіозномъ рвеніи своемъ не только сравниться съ божественнымъ пророкомъ, лишившимся, какъ извѣстно, двухъ зубовъ въ битвѣ при Ухудѣ, но даже превзойти его.

Изъ послѣдовавшихъ ревнителей такого **ортодоксальнаго** благочестія надо упомянуть суроваго и фанатичнаго богослова Хасана Аль-Басрія (642—728) [5б].

[5б]) Отголоски *арабскаго* суфизма, стремившагося къ возстановленію первоначальной чистоты ислама, вспыхнули довольно яркимъ пламенемъ въ концѣ XVIII столѣтія въ такъ называемомъ „ваххабійскомъ“ движеніи, возникшемъ въ центральной области Аравіи Нэждѣ подъ вліяніемъ проповѣдей Муххамэда ибн-Абди-ль-Ваххаба, родомъ изъ Хурэймы; этотъ пуританинъ воспрещалъ своимъ послѣдователямъ роскошь и комфортъ въ жизни, совѣтуя воздержность въ пищѣ и простоту въ одеждѣ. Изъ религіознаго движенія, какъ это часто бываетъ на Востокѣ, „ваххабійэт“ быстро превратился въ военно-политическое и даже завоевательное. „Ваххаби“, или, какъ ихъ назвали европейцы, — „Вагабиты“ быстро распространили свою власть на сосѣднія области, а въ началѣ XIX столѣтія, благодаря энергіи своихъ эмировъ,

Но если подвижники всецѣло отдавались своему религіозному пессимизму, то міряне не могли — же всю жизнь посвятить самоуниженію предъ грознымъ Судіею и сокрушенію о пустотѣ, оставленной Исламомъ въ душѣ человѣческой, да и междоусобія того времени давали сами по себѣ достаточно пищи для горькихъ слезъ. Должно было признать, что такое направленіе вѣры не могло быть жизненнымъ въ смыслѣ „утоленія печали", и пустоту эту настоятельно требовалось заполнить.

Въ то время, главнымъ образомъ, конечно, въ Куфѣ, бывшей своего рода умственнымъ центромъ, шли нескончаемые споры о „свойствахъ и цѣляхъ" Божіихъ, боролись два противуположныя міросозерцанія: семитическое „мужское" и арійское „женское".

Уже тогда „муржі'и" ([6]) отвергали безпощадное предопредѣленіе и устанавливали возможность защиты на страшномъ судѣ. Все это напряженіе богословской мысли имѣло своимъ результатомъ нѣкоторое смягченіе строгости монакальныхъ уставовъ того времени.

Суфизмъ VIII—X вѣковъ носитъ уже характеръ какъ—бы компромисса между указанною выше системой строгаго мусульманскаго піэтизма съ одной стороны, и наклонностью покоренной Персіи къ философскому мистицизму—съ другой. Изъ монашескихъ орденовъ такого рода можно указать на Эльвани (осн. въ 765 году въ Джэддѣ), Эдхэми, Бэстами и Сакати.

Какъ-бы то ни было, къ XII вѣку Персія покрылась также цѣлой сѣтью орденовъ, ([7]) гдѣ съ теченіемъ вре-

---

Мухаммэда ибн-Саъуда, Абду-ль-Азиза и Саъуда ибн-Абди-ль-Азиза, овладѣли даже святынями Хижаза. Энергичный отпоръ, данный ваххабіямъ въ 1818 году египетской арміей, положилъ предѣлъ ихъ завоевательнымъ стремленіямъ, а подчиненіе въ 1867—8 годахъ самого Нэжда эмиру области Жэбэль-Шаммар-Мухаммэду ибн-Рашиду, окончательно сокрушило ихъ могущество.

[6]) „Откладыватели воздаянія".

[7]) Основателемъ перваго мистическаго собратства въ Персіи (въ Хорасанѣ), устроеннаго по образцу буддійскихъ монастырей, называютъ мистика Абу-Саъида ибн-аби-ль-Хэйра.

мени, подъ видомъ оффиціальнаго правовѣрія, нашли себѣ пріютъ совершенно противуположныя системы, а именно мистическій пантеизмъ. Особенную извѣстность пріобрѣлъ орденъ Кадири, объединившійся въ Багдадѣ вокругъ Абду-ль-Кадыра Гиляни (ум. въ 1165 г.), бывшаго надзирателемъ за гробницею извѣстнаго суннійскаго законовѣда Абу-Ханифы.

Члены персидскихъ монашеско-мистическихъ общинъ, хотя и заимствовали у арабскихъ аскетовъ названіе „суфи", но допускали иныя толкованія этого термина; правильнѣе называть ихъ „дэрвишами" т. е. „бѣдняками", какъ они сами себя называли.

Около того-же времени персидскій мистицизмъ, частью подъ прикрытіемъ и именемъ правовѣрнаго суфизма, а частью въ чистомъ видѣ, былъ занесенъ въ Малую Азію, гдѣ владычествовали Сельджуки. Около двѣнадцати орденовъ образовалось еще до возникновенія Османской Имперіи.

Эти обстоятельства даютъ возможность до нѣкоторой степени освѣтить вопросъ, какимъ образомъ въ суннійской Турціи подобныя организаціи донынѣ не только терпимы, но большинство изъ нихъ пользуется даже почетомъ и уваженіемъ.

Оставивъ въ сторонѣ общее всѣмъ мусульманамъ пристрастіе ко всякому выраженію юродства, припомнимъ, что еще при Сельджукахъ эти корпораціи пользовались большимъ авторитетомъ у эмировъ; не менѣе благосклонно относились къ нимъ и Османы; такъ, основатель этой династіи былъ даже женатъ на дочери высокочтимаго шэйха Эдэби-Али и самъ считается основателемъ ордена Накшбэнди; сынъ его Орханъ также основалъ орденъ Бэкташей (м. б., въ подраженіе Родосскимъ Рыцарямъ), къ коему принадлежалъ созданный этимъ государемъ столь извѣстный янычарскій корпусъ.

Съ другой стороны, орденъ Мэвлэви являлся ячейкой чиновнаго класса въ Турціи. Разслоившись посте-

пенно во всѣхъ классахъ турецкаго общества, дэрвишество не привлекало на себя вниманія полицейскаго сыска, доколѣ оставалось чуждымъ политикѣ. И въ настоящее время дэрвиши, по крайней мѣрѣ *явно*, не вмѣшиваются въ государственныя дѣла, м. б. этому не мало въ свое время поспособстовало жестокое подавленіе Султаномъ Мухаммэдомъ (Мэхмэдомъ) I единственнаго въ исторіи Турціи религіозно-соціальнаго движенія, названнаго „возстаніемъ дэрвишей“. Вождь этого бунта, въ которомъ погибло болѣе десяти тысячъ человѣкъ,—Мустафа Карабурунлу, прозванный „Дэдэ-Султаномъ“, былъ распятъ въ Эфесѣ; вскорѣ были побѣждены и повѣшены: организаторъ возстанія—бывшій Казы-Аскэръ Бэдру-д-Дин и его сотрудникъ еврей ренегатъ Хубдин-Кэмаль.

Съ тѣхъ поръ не было активныхъ революціонныхъ выступленій дэрвишей; послѣднія событія еще разъ подтвердили это.

Вообще-же надо сказать, что турецкое правительство довольно индиферентно относится ко всякаго рода духовно-мистическимъ корпораціямъ, особенно-же къ чтимымъ народомъ.

Духовныя стремленія истиннаго дервиша, фокусъ его теософическихъ вожделѣній выясняется съ достаточною ясностью при ознакомленіи съ третьею степенью „само-исчезновенія въ Богѣ“, такъ называемаго „фэнаи-зат“, гдѣ **единственность** Бога, понимаемая правовѣрными „клерикалами“ въ смыслѣ отчужденія и обособленности,—искусно замѣняется формулой пантеистической вездѣсущности „Единаго во Всемъ“.

Шейхъ Бэха'у-д-Дин Накшбэнди такъ изображаетъ это состояніе; здѣсь

> Богъ является въ видѣ *личнаго единства* (ахадійэтизатійэ), и по причинѣ сего, адептъ (саликъ) убѣждается, что существо Божіе разлито во всѣхъ людяхъ, коихъ онъ, адептъ, созерцаетъ лишенными своего реальнаго облика. Сказавъ при этомъ: „Нѣтъ существа, кромѣ

Бога“, — онъ подтверждаетъ бытіе Божіе *во единствѣ*, отрицая бытіе Творенія (самостоятельное).

И когда онъ достигаетъ *полнаго* самоисчезновенія, то соединяется съ Богомъ и пребываетъ съ Нимъ. Указывая на это состояніе, Мухыйу-д-Дин Араби соизволилъ изречь: „Кто созерцалъ человѣчество въ отвлеченіи отъ дѣлъ его,—тотъ *успѣлъ;* кто наблюдалъ его, независимо отъ жизни, — тотъ *овладѣлъ;* кто-же взиралъ на него окомъ Эдэма, — тотъ *достигъ*“. Да будетъ извѣстно, что такъ какъ въ этомъ „третьемъ самоисчезновеніи“ проявляется Единство Божіе, то и „свѣточи“ таковаго единства бываютъ созерцаемы во всѣхъ обликахъ существъ. „Ничто не существуетъ кромѣ Бога“...

Когда адептъ погружается въ эти „свѣточи существа Божія“, то онъ какъ-бы „окрашиваетъ“ ими всѣ свои мысли, намѣренія, члены и чувства, и, созерцая ихъ, созерцаетъ самого Бога, въ то время, какъ Богъ созерцаетъ его; слово его становится словомъ Бога, такъ какъ это мѣсто есть **мѣсто соединенія**...

Европейскіе оріенталисты, занимающіеся изслѣдованіемъ восточнаго мистицизма, обыкновенно увлекаются разборомъ относящейся сюда, главнымъ образомъ, персидской поэзіи, почерпая оттуда данныя для освѣщенія будто-бы мечтательныхъ и расплывчатыхъ образовъ пантеизма. Но хотя, какъ кажется, всякая поэзія, взятая сама по себѣ, скорѣе способствуетъ затемнѣнію опредѣленной философской идеи,—существуютъ, тѣмъ не менѣе, и такіе образцы поэтическаго творчества, которые довольно опредѣленно рисуютъ намъ сущность простой по идеѣ и формѣ дэрвишской теософіи. Мы говоримъ о поэмѣ „Птичій Говоръ“ (Мантыку-т-Тайр) извѣстнаго мистическаго писателя Мухаммэда Фэриду-д-Дин Аттара (ум. въ 1230 г.), гдѣ человѣчество со всѣми его земными страстями изображено подъ видомъ птицъ, которыхъ красно-

рѣчивый старецъ удодъ увѣщеваетъ для познанія истины отправиться къ мистическому царю Симургу, живущему на высокой горѣ. Птицы соглашаются и отправляются въ путь черезъ труднопроходимыя и глубокія долины разныхъ степеней мистическаго познанія [8]). Только тридцать птицъ (по персидски „си-мург") доходятъ до заповѣднаго „мѣста", гдѣ и убѣждаются, что они отождествлены съ „Царемъ Симургомъ", котораго въ дѣйствительности не существуетъ, такъ какъ Богъ и Міръ есть **одно**, но только человѣкъ, облеченный въ матеріальную оболочку и видящій природу сквозь эту завѣсу, не сознаетъ себя частицею Божества, разлитаго въ мірѣ. Разорвать эту завѣсу, растворить свое „я" въ „Я" божественномъ и есть цѣль созерцательной жизни дэрвиша...

Для того, чтобы ознакомиться съ способами, посредствомъ коихъ удается дэрвишу достигнуть этого „мѣста соединенія", можно привести въ извлеченіи одно изъ многихъ наставленій, существующихъ на этотъ предметъ; мы выбрали руководство Мухаммэда Асъад-Сахыб-Задэ, бывшаго шэйхомъ дэрвишскаго монастыря ордена Накшбэнди въ Дамаскѣ во времена Султана Сулэймана Великолѣпнаго. Вотъ что пишетъ этотъ почтенный шэйхъ:

> Въ высокомъ „тарикатѣ" существуютъ четыре „условія", указанныя сэйидами: 1) Правильное исповѣданіе вѣры (іътикади-сахых), т. е. суннійское. 2) Искреннее покаяніе (тэубэи-садыка). 3) Послѣдованіе суннѣ (иттибаъи-сюннэ — т. е. то-же, что и 1, и 4) Отметаніе ереси (ижтинаби-бидаъ).
>
> Въ наставленіи къ „зикру" [9]) имѣется двадцать

[8]) Эти степени называются „дверьми Божіими". („Эбваби-Илахіэ"). Въ большинствѣ „тарикатовъ", т. е. различныхъ системъ познанія, ихъ четыре. Дэрвиши уподобляются какъ-бы порогу этихъ дверей; отсюда понятенъ смыслъ самого слова „дэрвиш", что собственно значитъ „порогъ двери".

[9]) „Зикръ" значитъ „упоминаніе", „поминовеніе"; въ мистическомъ смыслѣ обозначаетъ особое упражненіе чувствъ для достиженія экстатическаго состоянія (халь), посредствомъ коего ищущій ощущаетъ свое сліяніе съ Богомъ. Въ разныхъ тарикатахъ, какъ увидимъ, зикр различенъ.

условій: 1) „Абдэст", т. е. совершеніе омовеній при зикрѣ, т. к. покорность и богопочитаніе суть „душа" зикра, — и стараніе посредствомъ омовеній отринуть козни діавола, если онъ попытается напасть на сердце. Внѣшнее значеніе абдэста изъяснено въ каноническихъ книгахъ (фикх"), а внутреннее - суфійскими сэйидами. Совершеніе омовеній и намаза (молитвы) необходимо передъ зикромъ. 2) Обращеніе къ „кыблѣ" [10]) въ уединенномъ мѣстѣ, такъ какъ въ нашемъ тарикатѣ зикр, являющійся, за исключеніемъ обязательныхъ постановленій закона (фард), наисовершеннымъ видомъ богопочитанія (ыбадэт), долженъ быть **тайнымъ;** основы тариката накшбэнди покоятся на тайнѣ и радѣнія скрываются отъ людей, такъ какъ они не имѣли-бы силы, будучи совершаемы явно. Обращеніе-же къ кыблѣ знаменуетъ собою „таъзым", т. е. возвеличеніе и „хузур"—присутствіе Бога [11]). 3) Сидѣніе вытянувъ лѣвую ногу есть отображеніе намаза, или вѣрнѣе, того „куъуда" (колѣнопреклоненія), который называется привѣтствіемъ (тэхійэ); это является подражаніемъ подвижникамъ, а также выраженіемъ смиренія и покоя тѣлеснаго. 4) „Истигфар", т. е. произнесеніе словъ: „Астагфиру-л-Лаха" [12]) отъ пяти до двадцати пяти разъ. 5) Однократное чтеніе „Фатихи" [13]) и двукратное — суры „Единства Божія" (см. прим. 2). 6) Испрошеніе по-

[10]) „Кыбла", т. е, направленіе къ Меккѣ, обязательное при совершеніи молитвы, для чего вѣрующій мусульманинъ, въ особенности въ дорогѣ, имѣетъ при себѣ компасъ.

[11]) Различные моменты при совершеніи намаза.

[12]) Иногда съ добавленіемъ: „мин зэнби", т. е. я прошу у Бога прощенія въ моемъ грѣхѣ.

[13]) Первая „вступительная" Сура Кур'ана. Переводъ: „Слава довлѣетъ Богу, „Владыкѣ Міровъ, Всемилостивому и Всемилосердому, Царю Дня Воздаянія; Тебѣ „мы поклоняемся и у Тебя испрашиваемъ помощи; веди насъ прямымъ путемъ тѣхъ, „къ кому Ты милостивъ; не путемъ тѣхъ, на кого Ты разгнѣванъ и кто заблуждается".

мощи у „духовъ цѣпи накшбэнди“ [14]), т. е. поминовеніе всѣхъ мюршидовъ, святителей (шэйховъ), имамовъ и пр. вплоть до пророка Мухаммэда. 7) Протереть глаза, сжать губы и зубы, прижать языкъ къ нёбу и предоставить дыханіе самому себѣ — для подавленія мыслей. 8) „Равабити-маут“, т. е. связи со смертью. Послѣ подобающаго сокрушенія о своихъ грѣхахъ и признанія своей безпомощности, необходимо представить себѣ полную картину собственной своей смерти „какъ-бы переживъ всѣ мученія агоніи“ и совершивъ всѣ обряды погребенія, вообразить себя лежащимъ въ могилѣ, согласно хадису: „И была сопричтена душа твоя къ обитателямъ могилъ“. На этомъ „умномъ дѣланіи“ основано „разобщеніе души и чувствъ“. 9) „Рабитаи-мюршид“ — связь съ мюршидомъ [15]) — достигается призываніемъ духовнаго облика святителя Халида въ „мѣсто, находящееся между бровями“ чрезъ посредство нынѣ живущаго шэйха; засимъ, надо вообразить, что его сердце какъ-бы противустоитъ собственному сердцу, соединяясь съ нимъ посредствомъ **свѣтового канала** (флюида) [16]) — пропуская эти чувства, по мѣрѣ ихъ развитія, черезъ свое сердце, дабы созерцаніе было полнымъ. 10) „Рабитаи-хузур“, т. е. связь **присутствія** — мысленное состояніе, когда чувствуешь себя въ присутствіи Бога и **лицезрѣешь** Его [17]) 11) „Сер-

[14]) Здѣсь начинается уже мистическая часть зикра, которая въ этомъ наставленіи изложена не совсѣмъ послѣдовательно. „Цѣпь“, о которой здѣсь упоминается, не что иное, какъ магическая цѣпь оккультистовъ.

[15]) При вступленіи на „путь“ (тарикатъ) „ищущій“ (мюрид) избираетъ себѣ руководителя (мюршида) обыкновенно изъ шейховъ какого-либо ордена; эти мюршиды посвящены въ третью степень познанія (хакыкат), а иногда достигаютъ и четвертой (маърифат). Обыкновенно каждый изъ этихъ шейховъ или „имамовъ“ окружаетъ себя четырьмя учениками, соблюдая старинный обычай почитанія четырехъ халифовъ, Евангелистовъ и Архангеловъ.

[16]) Здѣсь адептъ вступаетъ уже въ область чистаго оккультизма.

[17]) „Но хотя ты и не можешь видѣть Господа“, — спѣшитъ добавить опасливый авторъ, — „Онъ-то тебя видитъ, и какое-бы представленіе ни явилось въ умѣ твоемъ, — Богъ Всевышній отрѣшенъ отъ него“.

дечное познаніе“—вукуфи-калби—когда чувства свободны отъ формы, а сверхчувственный взоръ устремленъ на сердце, освобожденное отъ всего, что **не есть Богъ**. Это состояніе имѣетъ своею цѣлью „разрывъ связи между **этимъ и тѣмъ**“ [18]). 12) „Вукуфи-зикри“, т. е. познаніе посредствомъ зикра, или созерцаніе того, что изображено „калэмомъ божественной силы посредствомъ бѣлаго свѣта на сердцѣ“, а также созерцаніе „смысла зикра“, т. е. восхожденіе отъ имени къ имени, дабы въ этомъ „познаніи въ зикрѣ“ **войти въ интимное общеніе съ Богомъ**. 13) „Вукуфи-адад“ — познаніе числъ, т. е. удержаніе въ памяти по крайней мѣрѣ пяти тысячъ изъ безконечнаго числа изложенныхъ Владыкою нашимъ, (т. е. Халидомъ) зикровъ. „И это очень важно“, добавляетъ авторъ [19]). 4) Мысленное, или устное, произнесеніе словъ: „Илахи, энта максуди“, т. е. Боже мой, ты — цѣль моя — для чистоты намѣреній. 15) Знаніе дѣйствія зикра. 6) Знаніе дѣйствія „связи“, и вѣра въ него. 17) Слѣдованіе черезъ **первую дверь Божію**, т. е. **Шаріъат** для вхожденія въ рай и избавленія отъ геены. 18) Слѣдованіе черезъ **вторую дверь Божію**, т. е. **Тарикат** для усовершенствованія сердца и вѣры. 19) Слѣдованіе черезъ **третью дверь**

[18]) Т. е. жизнь земная и загробная представляются наблюденію духовныхъ очей какъ двѣ отдѣльныя величины. Существуетъ мнѣніе, что, находясь именно въ этомъ состояніи, созерцатель убѣждается въ безполезности всѣхъ существующихъ религіозныхъ доктринъ, переходитъ „по ту сторону“ добра и зла и воочію видитъ всю тщету земной юдоли.

[19]) По другимъ руководствамъ того-же ордена, это тринадцатое условіе познанія именуется „вторымъ священнымъ словомъ и состоитъ въ стремленіи къ обособленію (итлак) души, при повтореніи словъ „Единства“, удержаніи дыханія и сосредоточенія мыслей на безпрестанномъ (до 21 раза) повтореніи одного „витра“ (молитвеннаго изреченія“). Польза отъ „познанія числъ“ та, что сердце очищается отъ всего мірского и зикр совершается въ спокойствіи. Учителя, поясняя эту степень познанія, говорятъ, что результатъ зикра достигается на 21-мъ витрѣ, но это-де невѣрно, такъ какъ этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ и раньше; если-же и послѣ 21-го витра соотвѣтствующее настроеніе не наступитъ, то зикр долженъ быть начатъ снова.

Божію, т. е. **Хакыкат** для усовершенствованія человѣка и пріобрѣтенія **знанія** (ыйан). 20) Слѣдованіе черезъ **четвертую дверь Божію**, т. е. **Маърифат** для цѣлости сердца и пріобрѣтенія **высшаго познанія** (ырфан).

Раскрытіе (кэшф) тайны Міра и Бога достигается лишь въ *четвертой* стадіи или „двери“ мистическаго созерцанія — Маърифатѣ, что собственно и значитъ „познаніе“; изъ остальныхъ стадій (мэнзиль)—только третья, а именно Хакыкат, т. е. „истина“ является мистической, и адептъ, достигшій ея, носитъ, какъ въ масонствѣ, титулъ „Мастера“ (устад, мюршид). Что-же касается двухъ низшихъ степеней: Шаріъата (исполненіе закона религіознаго) и Тариката (вступленіе на путь), то послѣдняя представляется чѣмъ-то вродѣ ученической масонской степени [20]), а первая не имѣетъ, собственно говоря, съ мистицизмомъ ничего общаго и установлена какъ „степень“, повидимому, по обычаю всѣхъ эзотерическихъ системъ. съ цѣлью объединенія всего міра однимъ общимъ непреложнымъ истиннымъ закономъ.

Законъ этотъ, разсматриваемый не съ точки зрѣнія отвлеченнаго и мечтательнаго квіэтизма, столь свойственнаго народамъ Востока, а взятый въ смыслѣ практической его примѣнимости, — утверждаетъ

[20]) Искусъ „тариката“ заключается, главнымъ образомъ, въ изнуреніи плоти, т. е. въ воздержаніи, постѣ, *безпрекословномъ* повиновеніи учителю и удаленіи отъ міра. Ищущій можетъ, однако, жениться и имѣть свою семью, но обязанъ блюсти свою нравственность. Шейхъ Мухаммэд ибн-Абди-л-Лахи разсказывалъ по этому поводу слѣдующее: „Шелъ я однажды по дорогѣ со своимъ устадомъ и взоръ мой „упалъ на красавца-юношу. Учитель, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Сынъ мой, несомнѣнно, ты когда-нибудь убѣдишься во вредѣ этого взгляда“. Я былъ очень озабоченъ этими словами и ждалъ послѣдствій. Черезъ двадцать лѣтъ я ихъ увидѣлъ: „какъ-то я легъ спать, прочтя на ночь кое-что изъ Кур'ана, и когда проснулся поутру, то позабылъ все прочитанное. Таинственный голосъ воззвалъ ко мнѣ, говоря, „что это и есть послѣдствіе брошеннаго мною нѣкогда на юношу взгляда“. Въ высшихъ-же степеняхъ познанія полное отреченіе отъ міра есть, конечно, естественное условіе безпрерывнаго созерцанія Бога и сліянія съ нимъ.

единосущность **творенія и творца**, тѣмъ самымъ ниспровергаетъ авторитетъ *всякой* земной власти, а потому, будучи проведенъ въ жизнь, являлся-бы полнымъ торжествомъ современныхъ намъ соціально-анархическихъ утопій.

В. Н.

Загадочная страна Шаботъ въ путевыхъ запискахъ А. Никитина (1466—1472 г.).

Тверской купецъ Афанасій Никитинъ отправился въ свое торговое путешествіе, какъ извѣстно, въ 1466 году вмѣстѣ съ отвѣтнымъ посольствомъ царя Іоанна III въ Ширванъ. Кромѣ названной страны, Никитинъ посѣтилъ Персію, сѣверную и среднюю Индію. Изложивъ въ своемъ „хоженіи за три моря" свѣдѣнія о странахъ, имъ посѣщенныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ рядъ свѣдѣній и распросныхъ. Его распросныя свѣдѣнія, добытыя въ Индіи, о странахъ внѣ-индійскихъ касаются Силяна, т. е. Цейлона, Певгу, Шабота или Шабоитскаго пристанища, и Чины-да-Мачины.

„Хоженіе за три моря", со времени открытія его Карамзинымъ, издавалось и комментировалось нѣсколько разъ. Послѣднимъ по времени трудомъ, посвященнымъ изслѣдованію записокъ А. Никитина, является книга проф. Минаева -- „Старая Индія. Замѣтки на хоженіе за три моря Афанасія Никитина". Спб. 1881.

Проф. Минаевъ остановился на разборѣ извѣстій памятника о странахъ индійскихъ, но въ то же время онъ даетъ объясненія и распросныхъ вѣстей А. Никитина.

Подойдя къ разбору извѣстія А. Никитина о странѣ Шаботъ проф. Минаевъ говоритъ:

„Несмотря на сообщаемые русскимъ путешественникомъ факты, страна Шаботъ, Шабатъ, Шаибатъ остается загадочною, и комментаторы А. Никитина толковали Шабатъ различно.

Естественныя произведенія, упоминаемыя А. Никитинымъ, то-есть, слоны и дерево сандалъ, и наконецъ самое имя страны, очевидно, въ рукописяхъ искаженное, наводятъ на мысль, что здѣсь въ запискахъ русскаго путешественника передаются слухи и разсказы объ одной странѣ крайняго востока, мало извѣстной стариннымъ путешественникамъ. Шабатъ напоминаетъ по звукамъ Чампу, страну въ то время сопредѣльную Пегу. Страна эта у европейскихъ путешественниковъ называлась Champa, у арабскихъ географовъ Sanf [1]).

Быть можетъ, предположеніе проф. Минаева о томъ, что А. Никитину были переданы слухи о странѣ, извѣстной у средневѣковыхъ путешественниковъ подъ именемъ Чампа, и вполнѣ основательно, тѣмъ не менѣе, едва-ли надо устанавливать фактъ искаженія въ рукописяхъ имени страны, помимо нѣсколькихъ различныхъ передачъ, и устанавливать тожество Шабота и Чампы на почвѣ звукового сродства; къ тому же надо замѣтить что страну Чампу едва ли можно считать областью сопредѣльной Пегу, да и разсказъ Никитина о такомъ географическомъ положеніи Шабота не говоритъ ни слова.

„Отъ Силяча до Шибаита, говорится въ запискахъ Никитина, мѣсяцъ итти, оттолѣ же до Певгу 20 дней; а оттолѣ до Чини да до Мачина мѣсяцъ итти моремъ, а отъ Чини до Китая итти сухомъ 6 мѣсяцевъ, а моремъ итти 4 . . . (до) Шаибата же отъ Бедеря сухомъ итти 10 мѣсяцевъ, а моремъ 4 мѣсяца . . . . . Шибатское пристанище Индѣйскаго моря вельми велико . . . . [2])“.

Такимъ образомъ, изъ приведенной выдержки мы видимъ, что Шаботъ страна или государство приморское.

---

[1]) Op. cit. стр. 155 - 151.

[2]) Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей. Изд. Археогр. Комм., Т. VI, Прибавленіе Г, стр. 338 и далѣе.

въ Индійскомъ океанѣ; причемъ государство это не исключительно островное, такъ какъ съ нимъ возможно, кромѣ морского, и сухопутное сообщеніе изъ Бедеря, изъ Индіи.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, можно заключить, что страна эта находилась въ южной Азіи, - между Китаемъ и Индіей.

Ни древняя Индія, ни мусульманскіе писатели не оставили о народахъ и странахъ южной Азіи столь-обширной литературы,—на столь обширномъ протяженіи времени и пространства, какъ Китай; поэтому естественнѣй всего искать ключъ къ разгадкѣ названной страны именно въ Китайскихъ письменныхъ памятникахъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о странѣ по китайскимъ источникамъ, полагаемъ необходимымъ, въ виду дальнѣйшаго изложенія, предпослать нѣсколько соображеній общаго характера относительно китайской литературы, касающейся даннаго предмета и нѣкоторыхъ ея особенностяхъ.

Древнѣйшія китайскія извѣстія о народахъ Индо-Китая и Индонезіи восходятъ ко временамъ Чжоуской династіи (1122—266 до Р. Хр.) и доводятся до нашихъ дней, и эти свѣдѣнія въ своей совокупности не были случайными или отрывочными, принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, каковы древнѣйшія извѣстія писателей греко-римскаго міра или реляціи арабскихъ и европейскихъ путешественниковъ, до эпохи географическихъ открытій; китайскія извѣстія вызывались постоянными политическими взаимоотношеніями имперіи и индо-китайскихъ владѣній и этимъ опредѣлился ихъ характеръ.

Съ отдаленной Чжоуской эпохи до эпохи европейскихъ колоніальныхъ завоеваній, Китай считалъ себя сюзереномъ множества мелкихъ государствъ, калейдоскопически появлявшихся и исчезавшихъ на территоріи Индо-Китая и Индонезіи, и судя по китайскимъ извѣстіямъ,

претензіи эти имѣли нѣкоторыя реальныя основанія. Когда Китай политически былъ слабъ, вслѣдствіе внѣшнихъ нападеній или дробленія на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, государства Индо-Китая возстанавливали временно свою независимость; такъ было въ періодъ Сань-го, въ періоды Нань-чао и Бэй-чао, въ періодъ У-дай, и за эти періоды въ Китайскихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о названныхъ государствахъ. Положеніе Сунской династіи на югѣ Китая значительно сблизило имперію съ Индо-Китаемъ, и отъ этого времени сохранились наиболѣе подробныя китайскія извѣстія; сохранились, между прочимъ, характерныя извѣстія о томъ, какъ владѣтели индо-китайскихъ государствъ сами искали сувернитета имперіи для того, чтобы усилить свое политическое значеніе въ сферѣ политическихъ отношеній къ сосѣдямъ. Эпоха монгольской династіи ознаменовалась военными экспедиціями для приведенія къ покорности индо-китайскія государства, и отъ нея остались сравнительно незначительныя извѣстія объ этихъ государствахъ; напротивъ періодъ минской династіи характеризуется цѣлымъ рядомъ дружественныхъ взаимныхъ посольствъ, и отъ этой эпохи остались весьма подробныя свѣдѣнія о государствахъ Индо-Китая и Индонезіи.

Какъ на первоисточникъ этихъ свѣдѣній, надо указать на матеріалы, заключенные въ своды такъ называемыхъ династійныхъ исторій [1]). Сюда же надо отнести такъ называемыя государственныя географіи, географическо-статистическіе сборники различныхъ эпохъ, — каковы, между прочими, Дай минъ и тунъ чжи и Дай цинъ и тунъ чжи. Кромѣ того значеніе первоисточника въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ имѣетъ трудъ Мадуань-лина Вэнь-Сянь тунъ-као и продолженіе этого труда для временъ Юаньской и Минской династій. — Цинъ-динъ сюй

---

[1]) Въ концѣ каждой династійной исторіи есть отдѣлъ, - Вай-го лѣ-чжуань, посвященный изложенію свѣдѣній объ иностранныхъ владѣніяхъ.

вэнь-сянь тунъ као [1]). Данныя, заключенныя въ названныхъ трудахъ оффиціальнаго характера, собирались изъ донесеній китайскихъ посольствъ, военныхъ экспедицій, чиновъ управленія и отдѣльныхъ путешественниковъ, отправлявшихся въ разное время въ страны Индо-Китая и Индонезіи. Реляціи эти вошли въ названные сборники или въ видѣ выдержекъ, или въ видѣ сокращенныхъ изложеній, а реляціи, сохранившіяся полностью, вошли потомъ въ составъ другихъ аналогичныхъ сборниковъ уже неоффиціальныхъ.

На основаніи указанныхъ первоисточниковъ, создалась обширная компилятивная литература объ иностранныхъ народахъ, извѣстныхъ Китаю съ древнѣйшихъ временъ, въ томъ числѣ и объ обитателяхъ Индо-Китая и Индонезіи; въ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ къ даннымъ первоисточниковъ прибавлялись свѣдѣнія, добытыя отъ современниковъ, бывавшихъ въ названныхъ странахъ, а также полученныя отъ самихъ обитателей этихъ странъ, посѣщавшихъ приморскіе торговые пункты Китая; одна изъ компиляцій послѣдняго типа, временъ Сунской династіи, переведена и комментирована Хиртомъ и Рокхилемъ [2]).

Китайскіе историки съ давнихъ поръ стали систематизировать многочисленныя свѣдѣнія объ иностранныхъ народахъ, какъ разбросанныя въ различныхъ сочиненіяхъ, такъ и обращающіяся въ видѣ отдѣльныхъ описаній, комплектуя ихъ, по спеціальнымъ отдѣламъ.

---

[1]) Свѣдѣнія объ иностранныхъ народахъ, извѣстныхъ Китаю съ древнѣйшихъ временъ до XII вѣка, собранныя авторомъ Вэнь-сянь-тунъ-као, представлены въ переводѣ въ книгѣ Hervey de Saint-Deny: „Ethnographie des peuples étrangers à la Chine“. T. I—II. Genève. 1883. Переводъ свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, составленный на основаніи династійныхъ исторій, представленъ въ трудѣ О. Іакифа: Свѣденія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи съ древнѣйшихъ временъ“. Ч. I—III СПБ. 1857.

[2]) Chau Ju—Kua; His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chī, translated from the Chinese and annotated by F. Hirth and W. Rockhil. St. Petersburg. 1912:

въ обширные своды. Самымъ полнымъ систематическимъ сводомъ свѣдѣній объ иностранныхъ народахъ и государствахъ, въ томъ числѣ и объ обитателяхъ Индо-Китая, является отдѣлъ Бянь и дянь въ извѣстной китайской энциклопедіи Ту-шу-цзи-чэнъ. Намъ думается что едва ли возможно найти по разсматриваемому предмету, что либо новое въ китайской литературѣ, появившейся въ свѣтъ до 1725 года, что не вошло бы въ названную энциклопедію. Если мы не найдемъ въ ней полнаго изложенія того или другого первоисточника, то непремѣнно будемъ имѣть на него указанія или выдержки изъ него.

Подобнаго рода систематическія собранія свѣдѣній объ иностранныхъ народахъ, составленныя самими китайцами, оказали весьма большую услугу европейскимъ изслѣдователямъ, въ особенности на первыхъ ступеняхъ развитія европейской синологіи; несомнѣнно оказываютъ ее и теперь. На основаніи извѣстной энциклопедіи временъ Минской династіи Санъ-Цай ту хуэй, католическіе миссіонеры въ Китаѣ, во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, дали обширный матеріалъ для составленія извѣстныхъ „Мемуаровъ“ [1],—это первое по времени и самое обширное собраніе свѣдѣній о Китаѣ, его познаніяхъ и литературѣ. Въ этомъ коллективномъ трудѣ О. Аміо впервые сообщилъ Европѣ китайскія извѣстія о народахъ, обитавшихъ въ Азіи съ древнѣйшихъ временъ, въ томъ числѣ были даны и первыя извѣстія объ обитателяхъ Индо-Китая и ихъ прошлыхъ судьбахъ. Послѣ этого съ развитіемъ изученія китайскаго языка и литературы, появился цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ, или полностью, или частью, разсматриваемому предмету, трудовъ болѣе обширныхъ и болѣе научнообоснованныхъ. Таковы труды синологовъ А. Ремюза, Потье, Шаванна, Хирта, Пелье и многихъ другихъ.

---

[1]) Mémoires concernant l'histoire, les Sciences... et cet. des Chinois, par les missionaires de Pe-kin. T. I—XV. Paris. 1780.

Если энциклопедическая работа китайскихъ ученыхъ въ значительной мѣрѣ и облегчаетъ европейскимъ изслѣдователямъ пути въ освѣщеніи того или другого вопроса, то съ другой стороны надо признать и тотъ фактъ, что необъятная наличность китайской литературы страшно затрудняетъ европейскимъ изслѣдователямъ твердо остановиться на какомъ нибудь принятомъ положеніи; при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса по китайскимъ источникамъ, то и дѣло приходится встрѣчаться съ новыми фактами, новыми пониманіями китайскихъ историковъ, противорѣчащими съ принятымъ рѣшеніемъ. Быть можетъ, эти противорѣчія только кажущіяся, являющіяся результатомъ только разныхъ пониманій однихъ и тѣхъ же китайскихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе европейскіе изслѣдователи останавливаются на примиреніи этихъ противорѣчій, и уже одинъ фактъ этихъ попытокъ въ значительной мѣрѣ порождаетъ сомнѣніе въ правильности высказываемыхъ изслѣдователями положеній. Малѣйшая оплошность въ пониманіи китайскаго извѣстія въ одномъ только случаѣ ведетъ неизбѣжно къ отрицанію цѣлаго ряда другихъ данныхъ, и это обстоятельство приводитъ къ необходимости новаго разсмотрѣнія вопроса, освѣщенія его новыми источниками и такъ далѣе, кажется, до безконечности. Въ такомъ именно положеніи мы застаемъ теперь въ европейской литературѣ вопросъ о географическомъ размѣщеніи извѣстныхъ Китаю съ отдаленныхъ временъ народовъ, государствъ и городовъ Индо-Китая и Индонезіи. До сихъ поръ европейскіе ученые не могутъ съ достаточной полнотой н несомнѣнностью установить географическое положеніе древнѣйшаго государства Индонезіи Чже-по. Различныя рѣшенія этого вопроса могутъ служить яркимъ примѣромъ того, къ какимъ противорѣчивымъ положеніямъ приходятъ европейскіе синологи, основываясь на китайскихъ данныхъ, или вѣрнѣе говоря,— на различныхъ пониманіяхъ китайскихъ извѣстій. Одни помѣщаютъ это государство на территоріи сѣверной части

о. Явы, другіе утверждаютъ что это государство было на Суматрѣ, помѣщаютъ его также на территоріи полуострова Малакка; [1]) въ одномъ японскомъ историческомъ атласѣ это государство помѣщено на территоріи современной Кохинхины. Причинъ такихъ разнорѣчивыхъ, или даже противорѣчивыхъ, мнѣній европейскихъ изслѣдователей очень много; быть можетъ, онѣ кроются въ самой природѣ китайскихъ извѣстій, извѣстій по существу различныхъ и неправильныхъ, но всетаки, во многихъ случаяхъ, эти кажущіяся противорѣчія китайскихъ извѣстій возникаютъ вслѣдствіе игнорированія европейскими учеными своеобразнаго узуса китайскихъ писателей, — узуса въ различномъ употребленіи географической номенклатуры въ смыслѣ политическо-географическомъ и въ смыслѣ простой топографіи. Когда рѣчь идетъ о какомъ нибудь государствѣ, какъ политической единицѣ, въ смыслѣ международныхъ отношеній, безразлично—будутъ ли эти отношенія политическія или экономическія, какъ ко всему цѣлому государству, такъ и къ отдѣльнымъ его частямъ прилагается одно общее географическое имя,—имя центральнаго государства, объединившаго подъ своей властью рядъ другихъ мелкихъ владѣній. Отсюда получается то, что говоря, напримѣръ, о произведеніяхъ и естественныхъ богатствахъ какой-либо страны и разсматривая ихъ, какъ предметъ международнаго товарообмѣна, или какъ предметъ дани китайскому двору, китайскій памятникъ называетъ мѣстность эту, особенно въ литературѣ оффиціальной, именемъ того государства, въ составъ котораго она входитъ; въ случаѣ же топографическихъ описаній, эта же мѣстность называется ея собственнымъ именемъ. При этомъ въ одномъ и томъ же памятникѣ нерѣдко можно видѣть, почти рядомъ, употребленіе того и другого имени. Если,

[1]) Pelliot. P. „Deux itineraires de Chine en Inde". Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. T. IV, p. 266 и далѣе. Въ этой работѣ данъ сводъ свѣдѣній о названной странѣ по китайскимъ источникамъ; представлены мнѣнія европейскихъ изслѣдователей и критическій разборъ.

напримѣръ, приходило въ Китай посольство, или даже простой торговый караванъ, безъ всякой политической миссіи, изъ какой либо страны, то эта страна обыкновенно названа въ памятникахъ именемъ ея сюзерена; причемъ надо отмѣтить, что политическія взаимоотношенія иностранныхъ государствъ опредѣлялись Китайцами часто совсѣмъ не такъ, какъ это было въ дѣйствительности. Для иллюстраціи этого положенія можно указать слѣдующій примѣръ. Когда въ XVII вѣкѣ русскіе казаки появились въ порубежныхъ китайскихъ областяхъ въ районѣ р. Амура и, основавъ тамъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ заимокъ и остроговъ, вступили въ сношенія съ китайцами, то китайскія власти, не заподазривая въ пришельцахъ представителей большого, въ то время уже достаточно извѣстнаго имъ Московскаго государства, назвали ихъ именемъ „*Лоча*“ и смотрѣли на нихъ какъ на отдѣльный народъ, — самостоятельное государство, наподобіе тѣхъ, какія имъ были извѣстны вообще въ Средней Азіи. Когда же, благодаря отписки въ Пекинъ, по поводу одного случая, со стороны нерчинскаго воеводы Данилы Аршинскаго, китайское правительство узнало, что оно имѣетъ дѣло съ народомъ, подвластнымъ Московскому государству, то не переставая еще долгое время во второй половинѣ XVII вѣка считать восточныя Сибирскія воеводства, — Селенгинское, Нерчинское и Албазинское, за отдѣльное государство „Лоча“, находящееся лишь въ зависимости отъ Бѣлаго царя, оно однако о всякихъ сношеніяхъ съ этимъ мнимымъ государствомъ стало говорить уже, какъ о сношеніяхъ съ государствомъ Русскимъ. Отсюда и понятны становятся многочисленныя извѣстія историческихъ китайскихъ памятниковъ второй половины XVII в. о такъ называемыхъ русскихъ посольствахъ къ пекинскому двору съ данью, о которыхъ мы не находимъ и слѣдовъ въ русскихъ архивныхъ документахъ. А это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что Московское правительство такихъ посольствъ дѣйстви-

тельно не отправляло, а это были просто сибирскіе торговые караваны, отправлявшіеся въ Китай по инициативѣ частныхъ лицъ или по наказамъ Сибирскихъ воеводъ: объ отправленіи такихъ именно каравановъ сохранились нѣкоторыя и русскія извѣстія.

Китайскіе историки въ проведеніи этого различія въ употребленіи географической номенклатуры столь последовательны, что это различіе у нихъ устанавливается нетолько по отношенію къ какой либо опредѣленной эпохѣ въ исторіи данной страны, но проводится черезъ всю ея исторію до послѣдняго времени. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, при пониманіи указаннаго узуса китайскихъ писателей, читать въ ихъ историческихъ трудахъ, что Россія—это древніе Усунь. Дѣло въ томъ, что древнее государство Усунь, или вѣрнѣе говоря, народъ Усунь, по представленію китайскихъ историковъ, нѣкогда находилось на территоріи современной южной Сибири, и такимъ образомъ, современное положеніе Сибирскихъ владѣній, какъ части Русскаго государства, даетъ право китайскому историку утверждать, что Россія—это древнее Усунь. Обиталъ ли дѣйствительно названный народъ на территоріи современныхъ русскихъ владѣній, это вопросъ другой, но съ такимъ историческимъ представленіемъ китайскихъ изслѣдователей неизбѣжно приходится считаться. Въ тоже время мы никогда въ китайской исторической литературѣ не встрѣтимъ указанія на то, что владѣнія Алянъ, Асу, Олосы и Цинъ-ча, народы, извѣстные Китаю въ Монгольскую эпоху и помѣщаемые ими на территоріи современной центральной и южной Россіи, — что эти народы — древніе Усунь; по представленію китайцевъ, владѣнія Усунь никогда не были на указанной территоріи.

Представимъ другой примѣръ.

Въ государственной географіи Китая — Дай Цинъ и тунъ чжи, изданной въ 1794 г., Голландія помѣщается на островахъ южной Азіи: „Хэ-лянъ го (Голландское го-

сударство), говорится въ географіи, расположено среди юго-западнаго моря", т. е. помѣщается наряду съ прочими государствами Индонезіи. Въ XVIII вѣкѣ образованному китайскому обществу и правительству хорошо было извѣстно, по описаніямъ и картамъ миссіонеровъ. географическое положеніе центральныхъ владѣній Голландіи, тѣмъ не менѣе, по старой традиціи, даже въ XVIII вѣкѣ китайскіе писатели колоніальныя владѣнія Голландцевъ не отличаютъ отъ центральныхъ и переносятъ имя послѣднихъ на первыя.

Географическое положеніе того или другого государства опредѣляется обыкновенно въ историческихъ и географическихъ китайскихъ памятникахъ указаніемъ сопредѣльныхъ государствъ и исчисленіемъ разстояній его отъ столицы, или же, если рѣчь идетъ о морскомъ государствѣ,—отъ порта, черезъ который велись сношенія. Поэтому, когда въ китайскихъ памятникахъ встрѣчаемъ установленіе географическаго положенія того или другого государства и вычисленія разстояній, то первѣе всего, для правильнаго пониманія китайскаго извѣстія, необходимо установить. съ какой точки зрѣнія китайскій писатель смотритъ на приводимую имъ географическую номенклатуру, — съ точки зрѣнія политическихъ взаимоотношеній упоминаемой имъ мѣстности, или говоритъ о ней въ простомъ топографическомъ описаніи. Игнорированіе этого обстоятельства и приводитъ къ установленію кажущихся противорѣчій въ китайскихъ извѣстіяхъ.

Обратимся къ вопросу о Шаботѣ.

Какъ мы высказали уже въ самомъ началѣ нашей замѣтки, - судя по тѣмъ даннымъ. которыя имѣются въ запискахъ А. Никитина, страна Шаботъ находилась въ южной Азіи, между Китаемъ и Индіей, страна торговая. съ которой было возможно сухопутное и морское сообщеніе изъ Индіи.

Въ періодъ Минской династіи, — 1368—1644 г.г., съ самаго начала и до конца, китайскіе историко-географи-

ческіе памятники на территоріи Индо-Китая и Индонезіи называютъ слѣдующія государства: Ань-нань и Чжанъ-чэнъ.—государства, сопредѣльныя юго-западной провинціи Китая Юнь-нань; затѣмъ государство Чженъ-ла, сопредѣльное послѣднему изъ названныхъ и помѣщаемое обыкновенно въ средней части полуострова,—на территоріи современнаго южнаго Сіама и отчасти Камбоджи; далѣе — государство Синъ-ла, — расположенное къ сѣверо-западу отъ двухъ названныхъ, на территоріи сѣвернаго Сіама, и наконецъ, — южныя владѣнія — Сань-фо-цзи и Гуа-ва (Ява); сверхъ того рядъ мелкихъ владѣній.

Въ зависимости отъ культурныхъ вліяній, пережитыхъ Индо-Китаемъ и Индонезіей, какъ доказано въ европейскихъ работахъ, большинство мѣстныхъ владѣній, равно и династій, называются санскритскими именами. Названіе государства — Сань-фо-цзи есть китайская передача санкритскаго имени. По системѣ передачи санскритскихъ словъ, представленной въ трудѣ St. Julien, которому мы и слѣдовали въ данномъ случаѣ, китайское *Сань-фо-цзи* равнозначно санскритскому Sabôdj [1]). Съ перваго же взгляда, особенно при нѣкоторомъ ознакомленіи съ описаніями этого государства, устанавливается сродство Шабота записокъ А. Никитина и Сань-фо-цзи китайскихъ памятниковъ.

Сверхъ того, въ названіи страны Шаботъ — Sabôdj можно легко видѣть звуковое сродство съ Zabedj арабскихъ писателей. У послѣднихъ подъ именемъ Zabedj разумѣлось большое морское государство Индонезіи, имѣвшее весьма важное значеніе въ экспедиціонной торговлѣ мусульманскаго міра со странами Крайняго Востока. Судя по описанію и картѣ, представленнымъ въ работѣ Рено [2]), легко можно видѣть тожество двухъ на-

[1]) Julien, St. Methode pour dechiffrer et transcrire les noms sanscrits qui se rencontrent dans les livres chinois. Paris. 1861. №№ 1540, 300.

[2]) Reinaud, M. Mémoires geographique, historique et scientifique sur l'Inde d'après les ecrivains arab. Paris. 1849. P. p. 223.

званныхъ государствъ,—Zabedj арабскихъ писателей и Санъ-фо-цзи китайскихъ источниковъ.

По описанію, представленному въ государственной географіи Минской династіи,—Дай Минъ и тунъ чжи, изданной въ 1461 г., *государство Санъ-фо-цзи находится къ югу отъ государства Чжань-чэнъ на разстояніи пяти дней морского пути; его правительство представляетъ данъ ко двору въ столицу (Пекинъ) черезъ Гуанъ-дунъ.*

Санъ-фо-цзи, по своему происхожденію,—отдѣльная вѣтвь южныхъ Маней, которые (раньше) находились въ зависимости отъ государства Чжанъ-чэнъ.

Оно (Санъ-фо-цзи) расположено между государствами Чженъ-ла и Гуа-ва (Ява); въ административномъ отношеніи состоитъ изъ пятнадцати округовъ: во владѣніи этого государства состоятъ Данъ-ма-линъ, Линъ-я-сы, Пэнъ-Фынъ, Дэнъ-я-нунъ и Силянъ...».

Въ Минъ-ши говорится, что „*владѣтель Санъ-фо-цзи носитъ титулъ Чжанъ-би*: при этомъ добавляется,—*Чжанъ-би, на языкѣ варваровъ, значитъ государь; страна, гдѣ онъ живетъ, также носитъ имя Чжанъ-би*".

Въ имени Чжанъ-би такъ же, какъ и въ имени Санъ-фо-цзи, надо видѣть передачу китайскими знаками какого-то индійскаго или туземнаго слова; по системѣ, Julien [1]), Чжанъ-би равнозначно Tchampi.

Отсюда естественно можно придти къ отожествленію Санъ-фо-цзи-Чжанъ-би съ Champa средневѣковыхъ путешественниковъ; тѣмъ болѣе, для такого отожествленія мы находимъ полную аналогію въ описаніи страны у средневѣковыхъ путешественниковъ и въ китайскихъ памятникахъ.

А страна Champa, какъ извѣстно, отожествляется со страною Sanf арабскихъ писателей [2]).

---

[1]) Op. cit., №№ 1819, 1354.

[2]) Cordier, H. Les voyages en Asie au XIV siècle du bienheureux frere Odoric de Pordenon. Paris. 1891 P. XXVII, 164 и др.

За отсутствіемъ въ китайскихъ источникахъ прямыхъ и достаточно ясныхъ указаній, опредѣляющихъ географическое положеніе государства Сань-фо-цзи, о его положеніи и его предѣлахъ можно судить только приблизительно. и для установленія этой географической проблемы приходится пользоваться рядомъ отрывочныхъ. косвенныхъ указаній китайскихъ источниковъ. На основаніи такихъ указаній, европейскіе синологи единогласно утверждаютъ, что центральное владѣніе Сань-фо-цзи, со столицей Палембаномъ, Китайское — Ба-линь-тинъ, находилось въ періодъ съ начала X и до конца XIV вѣковъ въ южной части острова Суматры. Что же касается географическаго положенія подвластныхъ ему владѣній, по этому вопросу даны лишь предположительныя указанія. Въ названномъ трудѣ Хирта и Рокхиля, заключающемъ въ себѣ результаты цѣлаго ряда предшествующихъ изслѣдованій даннаго вопроса, подвластныя владѣнія Сань-фо-цзи концентрируются около главнаго владѣнія и располагаются на Суматрѣ, нѣкоторыхъ прилегающихъ островахъ и главнымъ образомъ — въ южной части полуострова Малакки; причемъ относительно географическаго положенія большинства этихъ владѣній даны, по заявленію самихъ авторовъ, лишь предположительныя указанія.

Положеніе центральнаго владѣнія государства Сань-фо-цзи на о. Суматрѣ указывается и китайскими изслѣдователями: въ извѣстной работѣ китайскаго историка первой половинѣ XIX вѣка Вэй-юань, — Хай го ту чжи, значительная часть которой посвящена исторіи и современному описанію Индо-Китая и Индонезіи, государство Сань-фо-цзи помѣщается въ южной части о. Суматры, а одно его подвластное владѣніе, — Дань-ма-линъ, помѣщено на восточномъ побережьи полуострова Малакки. Вэй-юань въ своей работѣ далъ сводъ свѣдѣній о Сань-фо-цзи, заимствованныхъ изъ всѣхъ китайскихъ источниковъ, заслуживавшихъ, по его мнѣнію, наибольшаго вниманія; свѣдѣнія эти даются въ буквальныхъ выпискахъ

изъ первоисточниковъ. На основанiи ихъ Вэй-юань излагаетъ и свои разсужденiя о прошлыхъ судьбахъ государства и его географическомъ положенiи; къ своей работѣ Вэй-юань приложилъ карту, на которой указываетъ географическое положенiе Сань-фо-цзи и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указанiя на то, какими именами въ различныя эпохи въ китайскихъ источникахъ называлась эта мѣстность.

Что касается другихъ картографическихъ китайскихъ матерiаловъ, то, въ зависимости отъ того, что нашлось въ библiотекѣ Университета, въ нашемъ распоряженiи были карты не древнѣе 1-й половины XVI вѣка. Правда, китайскiя карты весьма схематичны; по нимъ безусловно невозможно точное установленiе географическаго положенiя того или другого пункта, но они даютъ возможность судить о географическихъ представленiяхъ китайцевъ того времени и такимъ образомъ служатъ къ разъясненiю письменныхъ извѣстiй, которыя, въ свою очередь могутъ быть правильно поняты лишь только при условiи пониманiя географическаго представленiя китайскихъ писателей эпохи разсматриваемаго письменнаго памятника.

На картѣ временъ Минской династiи, данной въ историко-географическомъ и статистическомъ сборникѣ „Гуанъ-юй-ту", составленномъ въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтiя, и напечатанномъ въ 1566 году, государство Сань-фо-цзи представлено въ видѣ небольшого острова, примыкающаго къ о. Суматрѣ, составляя какъ бы его продолженiе. Къ Ю.-В. расположено островное же владѣнiе Мань-ла-цзя (Малакка); къ С.-З. Гуава (Ява), къ Ю.-З. Чжепо; кромѣ того представленъ рядъ мелкихъ островныхъ владѣнiй, между которыми къ С.-В. отъ Сань-фо-цзи, вблизи материка и расположеннаго на немъ государства Лао-го (принято считать мѣсто современнаго Сiама), расположено государство Синь-ла, тоже одно изъ центральныхъ государствъ полуострова Индо-Китая.

Надо замѣтить, что въ данную эпоху, до появленія европейскихъ картъ, привезенныхъ въ Китай (впервые) миссіонеромъ Маттео Риччи въ концѣ XVI столѣтія, китайцы считали полуострова островами, кромѣ того къ островнымъ же владѣніямъ причисляли и прибрежныя владѣнія материковъ, какъ мы видѣли на данной картѣ. Если на одномъ островѣ было расположено нѣсколько владѣній, то эти владѣнія изображались также въ видѣ отдѣльныхъ острововъ, какъ въ данномъ случаѣ и представлено государство Сань-фо-цзи, помѣщаемое самими китайцами на о. Суматрѣ, на которомъ, по описаніямъ, помѣщалось нѣсколько государствъ. Въ объяснительномъ текстѣ карты говорится, что государство Сань-фо-цзи относится къ разряду семи государствъ, такъ называемыхъ „Нань-дунъ-фанъ-ду“, или „Нань-и дао“; сверхъ того даны краткія свѣдѣнія общаго характера, тоже, что мы болѣе подробно имѣемъ въ Минъ и тунъ чжи.

Въ историко-географическомъ сборникѣ начала XVII столѣтія,—Ди-ли-ту-хуэй, вошедшемъ въ составъ вышеназванной энциклопедіи — Сань-цай-ту-хуэй, даны двѣ карты Индонезіи и Индо-Китая. Первая изъ нихъ точное воспроизведеніе вышеназванной карты начала XVI столѣтія; въ краткомъ объяснительномъ текстѣ карты сказано, что это государство „расположено среди моря въ Цзю-цзянѣ“. Цзю-цзянь,—значитъ Старый проливъ,—названіе, съ конца XIV вѣка, южной части о. Суматры, сопредѣльной Зондскому проливу. По сообщенію Минъ-ши, это названіе было дано государству Сань-фо-цзи, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Яванцами въ 1377 году. Въ Минъ-ши, м. проч., не договорено о томъ, что перемѣна имени Сань-фо-цзи на Цзю-цзянь произошла значительно позднѣе,—именно—въ 1397 г., о чемъ мы узнаемъ изъ сочиненія Тянь-ся цзюнь-го ли бинъ.

Изъ сопоставленія картографическихъ данныхъ двухъ названныхъ картъ, одной половины XVI вѣка и другой начала XVII вѣка, а также сопровождающихъ ихъ объ-

ясненій, кромѣ установленія географическаго положенія государства, можно сдѣлать еще тотъ выводъ, что въ XV вѣкѣ государство это было извѣстно въ Китаѣ подъ именемъ Сань-фо-цзи, хотя, быть можетъ, было введено въ обиходъ и другое параллельное названіе Цзю-Цзянь.

На другой картѣ того же историко-географическаго сборника государство Сань-фо-цзи представлено уже въ видѣ большого государства, расположеннаго на материкѣ, или вѣрнѣе—на полуостровѣ Малаккѣ, къ югу отъ государства Чжанъ-ченъ. Въ данномъ случаѣ китайская географическая номенклатура нанесена на географическій контуръ уже образца европейской средневѣковой картографіи. На основаніи этого послѣдняго картографическаго памятника, можно думать, что по представленію китайцевъ того времени, государство Сань-фо-цзи обнимало большое пространство земель на территоріи Малакки, и даже сѣвернѣе, — южные предѣлы современныхъ Сіама, Камбоджи и отчасти Кохинхины. Такое географическое положеніе Сань-фо-цзи подтверждается картой миссіонера Дж. Алени, отъ начала XVII вѣка, и нѣкоторыми косвенными указаніями китайскихъ источниковъ.

Карта католическаго миссіонера о. Алени приложена къ его труду на китайскомъ языкѣ — „Чжи фанъ вай цзи" — Описаніе иностранныхъ государствъ. о. Алени прибылъ въ Китай морскимъ путемъ въ 1613 году, и къ 1623 г. составилъ названное сочиненіе, въ которомъ далъ описаніе современныхъ ему иностранныхъ (для Китая) европейскихъ и азіатскихъ государствъ; въ числѣ составленныхъ имъ и приложенныхъ къ его труду картъ, есть карта южной Азіи: на этой картѣ государство Сань-фо-цзи помѣщено на Малаккѣ. Хотя о. Алени и говоритъ въ предисловіи къ своему труду, что описаніе азіатскихъ государствъ имъ составлено главнымъ образомъ на основаніи китайскихъ источниковъ, и такимъ образомъ, въ его трудѣ можно усматривать лишь повтореніе вышеприведенныхъ китайскихъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе, эти

свѣдѣнія, какъ говорится въ томъ же предисловіи, были имъ провѣрены. О. Алени самъ лично посѣтилъ Индо-Китай. по пути къ мѣсту своего служенія, и можно думать, что и имя страны, и ея географическое положеніе ему были извѣстны во время его путешествія.

Что касается косвенныхъ указаній китайскихъ источниковъ, подтверждающихъ нашу мысль о географическомъ положеніи Сань-фо-цзи, то приведемъ слѣдующія.

Въ Ди-ли-ди ту хуэй говорится, что *„отъ государства Фоло-ань до Сань-фо-цзи четыре дня морского пути, но между ними, говорится далѣе, возможно и сухопутное сообщеніе"*. Хиртъ помѣщаетъ государство Фо-ло-ань на западномъ побережьи Малакки, какъ разъ противъ Суматры. Невозможно допустить, чтобы для переѣзда черезъ проливъ, ширина котораго не превышаетъ нѣсколькихъ километровъ, потребовалось четыре дня пути. Далѣе замѣчаніе китайскаго источника о томъ, что между названными владѣніями возможно сообщеніе сухопутное, приводитъ къ заключенію, что государство Фо-ло-ань было, если и на Малаккѣ, то во всякомъ случаѣ значительно сѣвернѣе того мѣста, гдѣ его помѣщаетъ Хиртъ, притомъ отдѣлено отъ центральныхъ владѣній чужими владѣніями, и въ данномъ случаѣ именемъ Сань-фо-цзи названы владѣнія не центральныя, а подвластныя, такъ какъ о сухопутномъ сообщеніи съ Суматрой, конечно, не можетъ быть рѣчи. Въ переведенномъ Хиртомъ сочиненіи Ду-фанъ-чжи, сосѣдями владѣнія Фо-ло-ань названы Пэнъ-фынъ, Дэнъ-янунъ и Цзи-лянъ-танъ, и такимъ образомъ всѣ эти владѣнія приходится перемѣстить на сѣверъ. Подтвержденіемъ тому, что сѣверныя передовыя владѣнія Сань-фо-цзи подходили, занимая сѣв. Малакку, къ полуострову Индо-Китая, или даже занимали приморскія его части, служатъ и слѣдующія данныя. Какъ было указано выше, отъ Чжанъ-ченъ до Санъ-фо-цзи считается пять дней морского пути; между тѣмъ, въ Минъ-ши говорится, что *„изъ государства Чжанъ-ченъ черезъ восемь дней пути дохо-*

дять до Лунъ-я-мыня, а еще черезъ два дня до владѣнія Кэ-ла-дань-ши". Лунъ-я-мынь, — это названіе острова Бинъ-танга. лежащаго близъ Сингапура, названіе сохранившееся до настоящаго времени, а Келаньданши—это владѣніе на Малаккѣ.

Такимъ образомъ, если признать географическое размѣщеніе Сань-фо-цзи и его подвластныхъ владѣній. данное въ трудѣ Хирта правильнымъ, и тѣмъ болѣе, если не переносить имени центральнаго владѣнія на всѣ подвластныя, то получается такая неудобопонятная выкладка разстояній: отъ восточнаго побережья Аннама, гдѣ было государство Чжанъ-ченъ, до Суматры разстояніе исчисляется въ пять дней морского пути, а отъ того же пункта до Сингапура и до Малакки въ 8—10 дней пути, т. е. для меньшаго разстоянія требуется въ два раза больше времени на проѣздъ. Намъ думается, что въ первомъ случаѣ, по установившемуся правилу. именемъ Санфоцзи названы передовыя сѣверныя и сѣверо-восточныя владѣнія. находившіяся въ сѣверныхъ предѣлахъ Малакки. или даже на побережьи современныхъ Кабоджи и Кохинхини, и тогда опредѣленіе разстоянія въ пять дней морского пути отъ Чжанъ-чена до Сань-фо-цзи становится вполнѣ понятнымъ. Во второжъ же случаѣ мелкія владѣнія Лунъ-я-мынь и Келань-дань ши, которыхъ мы не видимъ въ числѣ данниковъ Сань-фо-цзи, названы ихъ собственными именами.

Если бы приведенныя выкладки разстояній даны были въ двухъ различныхъ источникахъ, тогда бы могъ возникнуть вопросъ о правильности того или другого, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одинъ и тотъ же источникъ оффиціальнаго характера Минъ-ши, притомъ разстояніе отъ Чжанъ-чена до Сань-фо-цзи неизмѣнно исчисляется въ пять дней пути во всѣхъ источникахъ какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, и въ данномъ случаѣ, указанія дорожниковъ едва ли можно признать случайными. Къ тому же, если взглянуть на карту, то сразу

видно, что при тогдашнихъ средствахъ морскихъ передвиженій, проѣздъ въ пять дней отъ побережья Аннама до Суматры совершенно невозможенъ.

Для опредѣленія географическаго положенія Сань-фо-цзи и его приблизительныхъ предѣловъ, въ указанномъ районѣ, можно было бы привести еще нѣсколько косвенныхъ указаній, какъ, напримѣръ, разсмотрѣніе указаній китайскихъ источниковъ о границахъ, сопредѣльныхъ съ нимъ на сѣверѣ государствъ [1]), исчисленіе разстояній и т. д., но намъ думается, что приведеннаго уже достаточно для того, чтобы установить приблизительный районъ названнаго государства, что вполнѣ достаточно для нашей задачи, тѣмъ болѣе, установить точно его предѣлы едва ли возможно, за отсутствіемъ въ китайскихъ источникахъ опредѣленныхъ по этому предмету указаній.

Надо отмѣтить, что указанныя картографическія данныя являются почти единственнымъ китайскимъ источникомъ, говорящимъ о Сань-фо-цзи за время съ конца XIV до начала XVII вѣковъ, какъ о государствѣ или странѣ существующихъ.

Послѣ событія 1377 года, т. е. послѣ пораженія нанесеннаго Яванцами Сань-фо-цзи и послѣдовавшей за тѣмъ въ 1397 г. перемѣны имени Сань-фо-цзи на Цзю-цзянь, объ этомъ государствѣ уже нѣтъ въ исторіи даннаго періода извѣстій, какъ о вассальномъ владѣніи китайскаго императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются и всякія извѣстія.

Въ исторіи Минской династіи говорится, что владѣніе Цзю-цзянь вошло въ составъ государства Гуа-ва, а бывшій владѣтель Сань-фо-цзи перешелъ въ Чжанъ-би, и это послѣднее владѣніе просуществовало до завоеванія Суматры Голландцами въ 1595 году. Объединялъ ли вла-

[1]) Здѣсь, между прочимъ, ни объ одномъ изъ государствъ, расположенныхъ во внутреннихъ частяхъ полуострова Индо-Китая, не говорится, чтобы владѣнія ихъ простирались на ю. до моря, что вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль, что прибрежная полоса Индо-Китая, сѣвернѣе Малакки, входила въ составъ государства Сань-фо-цзи, которое „занимаетъ положеніе между Чжанъ-ченъ и Гуава (Ява)“.

дѣтель Чжанъ-би подъ своею властью малаккскія мелкія государства или тамъ былъ другой политическій центръ, за отсутствіемъ китайскихъ извѣстій, судить невозможно.

О значеніи Саньфоцзи въ морскихъ торговыхъ сношеніяхъ „иностранцевъ“, названное сочиненіе—Дай Минъ и Тунъ чжи говоритъ:

„въ государствѣ большое скопленіе иностранныхъ судовъ; далѣе поясняется: *это государство находится среди моря, узловой (неминуемой—хоу инъ) пунктъ сухопутныхъ и морскихъ сообщеній иностранцевъ. Если торговое судно проходитъ мимо, то немедленно уходящее судно задерживаютъ силой, по этой причинѣ здѣсь большое скопленіе судовъ всѣхъ иностранныхъ государствъ“*, Помимо указанія на значеніе гаваней Сань-фо-цзи,—приведенное замѣчаніе китайскаго источника вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль, что подъ именемъ Сань-фо-цзи разумѣлись не только центральныя владѣнія на Суматрѣ, но и подвластныя—на Малаккѣ, такъ какъ о сухопутной международной торговлѣ на Суматрѣ не можетъ быть рѣчи. Занимая указанное географическое положеніе, г-во Сань-фа-цзи держало въ своихъ рукахъ всѣ главнѣйшія проливы, какъ Малаккскій и Зондскій, и естественно являлось неминуемымъ пунктомъ и въ морской, и сухопутной международной торговлѣ Индо-Китая и Индонезіи.

Что касается разстояній Шабота отъ разныхъ пунктовъ, указанныхъ въ запискахъ Никитина, то разстоянія, въ которыхъ находится Сань-фо-цзи отъ тѣхъ же пунктовъ, по китайскимъ извѣстіямъ, почти буквально совпадаютъ.

Отъ Цейлона Шаботъ находится на разстояніи одного мѣсяца пути; морской путь отъ Сань-фо-цзи до Цейлона исчисляется въ китайскихъ дорожникахъ въ 23 дня [1]).

Отъ Шабота до Китая разстояніе исчислено въ мѣсяцъ морского пути; въ Кит. дорожникѣ исчисляется въ 28 дней.

---

[1]) Тянь ся чжун-го-ли бинъ; въ концѣ работы даны китайскіе дорожники какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ сообщеній Китая съ иностранными государствами и народами.

На основанiи приведенныхъ письменныхъ извѣстiй о Сань-фо-цзи и картографическихъ данныхъ, возможно придти къ слѣдующему выводу: сначала подъ именемъ Сань-фо-цзи въ Китаѣ были извѣстны объединенныя владѣнiя съ однимъ политическимъ центромъ на о. Суматра, а потомъ, съ конца XIV вѣка, это имя сохранилось въ китайскихъ извѣстiяхъ лишь за мелкими владѣнiями, расположенными на Малаккѣ и, быть можетъ. прилегающихъ островахъ, какъ общее географическсе имя области, безъ всякаго отношенiя къ ея политическому значенiю. А. Никитинъ получилъ извѣстiя о Сань-фо-цзи въ ту эпоху, когда это государство, судя по китайскимъ извѣстiямъ, уже не существовало, какъ политическая единица, а имя его сохранилось, какъ общее географическое названiе области, имѣвшей столь важное значенiе въ экспедицiонной торговлѣ Запада съ Востокомъ.

Въ китайскихъ историко-географическихъ и историческихъ сочиненiяхъ даны подробныя описанiя какъ бытовыхъ сторонъ жизни и дѣятельности обитателей Сань-фо-цзи, такъ и мѣстныхъ природныхъ богатствъ. Соотвѣтственно нашей задачѣ, мы представимъ выдержки изъ Дай-Минъ и тунъ-чжи только мѣстъ, параллельныхъ извѣстiямъ А. Никитина „. . . . шайбатане, говоритъ А. Никитинъ, ни жидове, ни бесермяне, ни христiане, ина бо ихъ вѣра Индѣйская. ни съ худы, ни съ бесермены ни пьютъ, ни ядятъ...“

О религiозныхъ вѣрованiяхъ обитателей Сань-фо-цзи ни въ Минъ-ши, ни въ Даминъ и-тунъ-чжи нѣтъ прямыхъ и достаточно подробныхъ извѣстiй. Въ послѣднемъ памятникѣ имѣется одна лишь фраза· вэнъ цзы юнъ фанъ шу, — буквально это мѣсто можетъ быть передано такъ: обитатели имѣютъ санскритскую письменность; далѣе говорится, что у нихъ въ употребленiи и китайская письменность, въ сношенiяхъ съ Китаемъ. Такимъ образомъ, на основанiи приведеннаго мѣста, можно лишь предполагать, что въ странѣ, вмѣстѣ съ санскритской

письменностью была распространена и религіозная санскритская литература, и что въ періодъ Минской династіи сохранялся, насажденный въ болѣе раннюю эпоху, буддизмъ. Такъ въ историческомъ памятникѣ болѣе ранней эпохи, — въ Сунъ-ши, имѣется слѣдующее извѣстіе.

„Въ шестой годъ эры Сянъ-нинъ (т. е. въ 1003 г.) государь Сань-фо-цзи прислалъ посольство ко двору (въ Китай) съ данью и съ извѣщеніемъ о томъ, что въ его государствѣ воздвигнутъ буддійскій храмъ, для возношенія молитвъ о долголѣтіи его величества; при этомъ онъ просилъ пожаловать кумирнѣ имя и колоколъ.

Императоръ благосклонно встрѣтилъ эти пожеланія и повелѣлъ назвать кумирню „Чэнъ тянъ ванъ шоу“ и отлить колоколъ.

Въ первый годъ эры тянъ-си (т. е. въ 1017 г.) государь Сань-фо-цзи прислалъ ко двору посольство съ представленіемъ Золотой грамоты и дани, въ видѣ жемчуга, слоновыхъ клыковъ и санскритскихъ книгъ“.

Въ другомъ китайскомъ источникѣ начала XVII вѣка,— Ди ли ту хуэй, о религіозныхъ почитаніяхъ обитателей владѣнія Фо-ло-ань, входившаго, какъ было замѣчено выше, въ составъ Сань-фо-цзи, и находившагося на Малаккѣ, имѣется слѣдующее извѣстіе:

„...въ государствѣ есть два фей лай тунъ шэнъ (два мѣдныхъ летающихъ духа), - одинъ шестирукій, другой четверорукій; 15-го числа 6-й луны празднуется день ихъ возрожденія...“ [1]). Далѣе замѣчено, что въ странѣ есть кумирни съ драгоцѣнностями.

Фактъ распространенности религіозныхъ индійскихъ вѣрованій во всѣхъ странахъ Индо-китая и Индонезіи, съ отдаленныхъ временъ и до послѣдняго времени, установленъ цѣлымъ рядомъ европейскихъ изслѣдованій даннаго вопроса.

Такимъ образомъ, между извѣстіями А. Никитина объ индійской вѣрѣ въ странѣ Шаботъ и китайскими

[1]) Въ приведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь о почитаніи „многорукаго“ Авало-Китешвары, китайское наименованіе—„Гуань-инь“.

извѣстіями о вѣрованіяхъ Сань-фо-цзи можно видѣть полное соотвѣтствіе.

„... А хорасанцевъ даютъ алафу по тенькѣ на день... а кто хоросанецъ женится, князь Шабатской даетъ по 1000 тенекъ на жертву, на алафу, да ѣсть на всякой мѣсяцъ по 10 тенекъ...“

Китайскіе источники ничего не говорятъ объ упоминаемыхъ А. Никитинымъ смѣшанныхъ бракахъ хоросанцевъ и вообще иностранцевъ съ туземками. Въ данномъ случаѣ можно указать на свидѣтельства европейскихъ путешественниковъ и этнологовъ позднѣйшаго времени. По сообщенію послѣднихъ, этническій составъ Индонезіи и Индо-Китая характеризуется чертами смѣшаннаго происхожденія, къ тому же нѣкоторые дворянскіе роды на о. Суматрѣ до послѣдняго времени считаютъ себя потомками арабскихъ выходцевъ. Можетъ быть, А. Никитину и были переданы слухи о бракахъ съ туземками арабскихъ выходцевъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ со стороны владѣтелей страны.

Въ числѣ естественныхъ богатствъ Сань-фо-цзи въ Да-Минъ и-тунъ-чжи, наряду съ прочими, перечислены всѣ тѣ, которыя упоминаются въ сообщеніи А. Никитина: въ этой странѣ есть золото, серебро, различные виды жемчуга, разныя породы, такъ называемаго, сандальнаго дерева.

Особенно характернымъ, и по сообщенію А. Никитина, и по китайскимъ извѣстіямъ, природнымъ богатствомъ Сань-фо-цзи и предметомъ торговли были слоны: „...... въ Шаибатѣ же родится, говоритъ А. Никитинъ, шелкъ, да инчи, да жемчугъ да сандалъ, слоны продаютъ въ локоть“ т. е., слоновъ продаютъ по величинѣ, измѣряя линейной мѣрой [1]),

---

[1]) Срезневскій, И. И. Хоженіе за три моря А. Никитина. Уч. Зап. Имп. Ак. Н., кн. II, вып. II, стр. 299.

А. Любимовъ.

Современный Эрзерумъ *).

Очеркъ.

Опять выплываетъ на историческую сцену Эрзерумъ, — хорошо извѣстный намъ по прежнимъ войнамъ съ Турціей, два раза бывшій въ нашихъ рукахъ и оставшійся за Турціей по Адріанопольскому миру 1829 г. и Берлинскому трактату 1879 г. Снова, какъ и раньше, не взирая на крайне тяжелыя условія борьбы съ Турками въ гористой мѣстности, среди весьма неблагопріятныхъ климатическихъ условій. мы постепенно продвигаемся къ этому. заброшенному въ горахъ, уголку. именуемому „Столицею турецкой Арменіи". Не смотря, однако, на наше давнее историческое знакомство съ Эрзерумомъ, у насъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія о современномъ его положеніи. что во многомъ объясняется отдаленностью города отъ культурныхъ центровъ (отъ Трапезунда 300 в. и отъ Карса около 200 в.).

Эрзерумъ — главный городъ Эрзерумскаго вилайета въ Анатоліи, расположенъ на высотѣ около 6.170 футовъ надъ уровнемъ моря. Такимъ возвышеннымъ положеніемъ объясняется крайняя суровость климата: зимою, занесенный снѣгомъ, Эрзерумъ напоминаетъ города сѣверной Россіи, сходство съ коими усиливается, благодаря обычаю ѣздить на саняхъ, весна поздняя—снѣгъ таетъ лишь въ концѣ Мая, лѣто очень короткое и не жаркое. Съ двухъ сторонъ: сѣверной и сѣверо-восточной Эрзерумъ окруженъ

*) Настоящій очеркъ былъ написанъ задолго до паденія Эрзерума 3 1916 г.
Ред.

высокими горами, съ юго-запада открывается видъ на равнину, по которой протекаютъ истоки западнаго Евфрата (Кара-Су), берущаго начало въ горахъ неподалеку отъ с. Гинцкъ. въ 15-ти в. отъ Эрзерума.—Въ виду особыхъ условій мѣстности, пустынной и лишенной растительности. городъ производитъ унылое впечатлѣніе. Обнесенный валомъ, въ видѣ невысокой стѣны съ нѣсколькими воротами. охраняемыми военной стражей и служащими табачнаго управленія „Regie", слѣдящими за ввозомъ табачной контрабанды. Эрзерумъ и внутри является типичнымъ. восточнымъ городомъ съ узкими, грязными, кривыми улицами. съ домами, построенными исключительно изъ камня и имѣющими типичныя плоскія крыши, съ караванъ-сараями и мечетями.—Тотъ же восточный характеръ города сказывается и въ полномъ отсутствіи культурныхъ условій и въ маломъ развитіи общественной жизни. Муниципалитетъ „беледіэ" почти не существуетъ. власти мало обращаютъ вниманія на городское благоустройство, къ которому. впрочемъ, безучастно и само населеніе, повидимому, привыкшее къ окружающей атмосферѣ грязи и запущенности. Не смотря на значительные зимніе холода, доходящіе до 20—30 град., жилища мало приспособлены къ суровымъ климатическимъ условіямъ и не имѣютъ каменныхъ печей. Дома согрѣваются переносными печами въ видѣ желѣзныхъ коробовъ съ трубами-проводами. Топливомъ служатъ дрова, привозимыя съ юга изъ лѣсистыхъ мѣстностей и потому очень дорогія. Угля населеніе не знаетъ, и всѣ старанія ввести его въ употребленіе потерпѣли неудачу, такъ-же безуспѣшны были и попытки привить древонасажденіе. сдѣланныя въ разное время Эрзерумскими Валіями: посаженныя деревья тщательно вырубались бѣднымъ населеніемъ окраинъ города, несмотря на всѣ угрозы штрафовъ и наказаній.

Въ Эрзерумѣ нѣтъ отелей, удобныхъ хотя сколько-нибудь въ смыслѣ комфорта, нѣтъ такъ-же ресторановъ. Попадающій въ Эрзерумъ принужденъ останавливаться

въ ханахъ-восточныхъ гостинницахъ, грязныхъ и неудобныхъ.—Зато на каждомъ шагу кофейни,—излюбленныя мѣста посѣщенія городской интеллигенціи и простонародья.

Исламъ, не смотря на большой процентъ христіанъ-армянъ, живущихъ среди турокъ, кладетъ рѣзкій отпечатокъ на общую физіономію города, создавая въ немъ замкнутость и отсутствіе общественной жизни. Существующіе политическіе клубы армянскіе, „Дашнакцакановъ“, „Хинчакистовъ“, и турецкій комитетъ Единенія и Прогресса носятъ узко-партійный характеръ и не посѣщаются широкой публикой. Турецкаго національнаго театра не существуетъ. У армянъ тоже нѣтъ постояннаго театра. Изрѣдка, особенно въ зимній періодъ, устраиваются армянскіе спектакли въ школахъ, причемъ ставятся иногда піесы и на турецкомъ языкѣ, разыгрываемыя любителями-армянами.

Населеніе Эрзерума, доходящее до 70 тысячъ и состоящее изъ турокъ (65%), армянъ (30%), курдовъ, персовъ и грековъ (5%), поражаетъ въ массѣ своею бѣдностью и полною неприспособленностью къ какимъ-либо занятіямъ, что объясняется, помимо общей некультурности, отсутствіемъ на мѣстѣ фабрично-заводской промышленности и удобныхъ путей сообщенія, съ одной стороны, и, съ другой, суровымъ климатомъ и географическимъ положеніемъ самого города. Бѣдность населенія, граничащая съ нищетой, въ окрестностяхъ Эрзерума и на всемъ пути—(100 в.) до русской границы черезъ уѣздный городокъ Хасанъ-Кала, Кепри-кей, Азапъ-кей, Занзаки, рѣзко бросается въ глаза путешественнику. Отсутствіе заработка на мѣстѣ вынуждаетъ населеніе искать средствъ къ жизни на сторонѣ: ежегодно тысячи турокъ и армянъ наводняютъ сосѣднюю Батумскую область, работая тамъ въ каменноугольныхъ копяхъ и мѣдныхъ рудникахъ.

Попытки турецкаго правительства создать сѣть шоссейныхъ дорогъ между городами Восточной Турціи при

посредствѣ французской компаніи инженеровъ, начатыя еще въ 1911 г., какъ извѣстно, ни къ чему не привели: дѣло ограничилось одними изысканіями и заготовкой матеріаловъ. Заботясь объ улучшеніи путей сообщенія, Турки всегда были противъ постройки шоссе на Карауртанъ, къ нашей границѣ, -главному тракту, черезъ который поступаютъ товары изъ Россіи на Эрзерумъ. Обслуживая потребности населенія обширнаго вилайета, Эрзерумъ является въ тоже время транзитнымъ пунктомъ для товаровъ, идущихъ на Битлисъ. Ванъ, Баязидъ и Тавризъ. Эрзерумскій рынокъ, гдѣ заграничная торговля издавна свила себѣ прочное гнѣздо. питается исключительно привозными товарами иностраннаго происхожденія. Торговля въ Эрзерумѣ почти всецѣло въ рукахъ армянъ и персовъ. Наша вывозная торговля на Эрзерумъ за послѣднее время замѣтно подвинулась впередъ. По Караурганской таможнѣ. главной артеріи, связывающей Кавказъ съ анатолійскими провинціями. вывезено въ Турцію товаровъ въ 1911 г. на 1.011.098 рублей противъ 616.599 руб. въ 1910 г., въ послѣдующіе годы цифра вывоза достигла до 2.000.000 руб. Главныя статьи русскаго вывоза: сахаръ. спиртъ, желѣзо, керосинъ и отчасти мануфактура (черезъ Константинополь). Изъ Турціи вывозится: крупный и мелкій рогатый скотъ, хлопокъ-сырецъ и невыдѣланныя кожи. Открытая въ 1912 г. желѣзнодорожная вѣтка Карсъ-Сарыкамышъ (60 в.) дала возможность подвозить наши товары почти къ самой Турецкой границѣ, въ разстояніи 35-ти в. отъ нея.

По остальнымъ русскимъ таможнямъ на турецко-кавказской границѣ — Ольтахъ, Орджохѣ и Орговѣ. — экспортъ тоже значительно увеличился. Общій товарообмѣнъ Эрзерума по иностранному ввозу приблизительно 20 милліоновъ руб. Изъ Россіи ввозится на сумму до 3 милліоновъ руб. *).

---

*) См. подробнѣе нашъ докладъ въ Русскомъ Торговомъ Комитетѣ въ Константинополѣ: „Русскіе коммерческіе интересы въ Эрзерумѣ" („Торгово-промышленный Югъ" Апрѣль 1912 г. Одесса).

Русская торговля въ Эрзерумѣ, принявшая широкіе размѣры только въ послѣдніе годы и находящаяся, главнымъ образомъ, въ рукахъ проживающихъ тамъ русскихъ армянъ — пока единственный и самый надежный проводникъ нашего вліянія въ этомъ краѣ. — Число всей русской колоніи въ Эрзерумѣ, вмѣстѣ съ составомъ нашего Консульства, не превышаетъ 100 человѣкъ, изъ коихъ большинство - русскіе армяне.

Европейцы въ Эрзерумѣ насчитываются десятками и являются большею частью оффиціальными представителями своихъ государствъ: кромѣ русскаго Генеральнаго Консула въ Эрзерумѣ имѣютъ пребываніе консулы: Англійскій, Французскій, Германскій *) и Персидскій и Американская Миссія, распространяющая просвѣщеніе среди армянскаго населенія, имѣетъ въ Эрзерумѣ свою церковь, больницу и нѣсколько школъ разнаго типа для мальчиковъ и дѣвочекъ. Миссія вполнѣ заслуженно пользуется большими симпатіями населенія. Культурнымъ очагомъ для турецкихъ армянъ долго была Санассаровская школа, названная такъ по имени русскаго подданнаго Санассарова, на средства коего основана и существуетъ.- съ садомъ, лабораторіей,—приближающаяся къ типу нашихъ гимназій. Школа эта, давшая краю цѣлое поколѣніе культурныхъ работниковъ самыхъ разнообразныхъ профессій, съ 1912 г. переведена въ г. Сивасъ,—вглубь Малой Азіи.

Съ исторической стороны Эрзерумъ (съ арабск. яз. „греческая земля“ „эрз“ — земля и „рум“ греческій), извѣстный среди грековъ подъ именемъ „Θеодосіополиса“ (старинное названіе, данное ему византійскимъ императоромъ Анастасіемъ † 515 г.)—не блещетъ обиліемъ памятниковъ старины. Нѣсколько старинныхъ мечетей, знаменитая мечетъ „Чифтъ-Минарэ“, — бывшая христіанская церковь, обращенная съ давнихъ поръ турками въ склады артиллерійскаго вѣдомства, крѣпость внутри города съ башней, передѣланной турками изъ старинной колокольни.

*) Германское Консульство открыто въ Эрзерумѣ только въ Сентябрѣ 1913 г.

колоколъ которой теперь приспособленъ къ часовому бою, вотъ все, что говоритъ объ историческомъ прошломъ Эрзерума. Къ числу древностей города относится и единственная старинная греческая церковь, обслуживающая религіозныя потребности грековъ, число коихъ доходитъ въ настоящее время до 70 семействъ. Говоря объ Эрзерумскихъ памятникахъ старины, представляющихъ извѣстный интересъ для любителей восточной археологіи, нельзя пройти молчаніемъ, какъ достопримѣчательность города, русскій памятникъ—часовню на братской могилѣ русскихъ воиновъ, павшихъ въ турецкую кампанію 1877—8 г., находящійся въ саду при армянской соборной церкви,—единственномъ зеленомъ уголкѣ Эрзерума. Недалеко отъ этого памятника, внѣ черты города, за воротами „Кавакъ-Капу" по дорогѣ въ Саукъ-Чармукъ, деревушка на Евфратѣ, находится кладбище, гдѣ погребены русскіе воины, павшіе въ войну 1877—8 г. Обширное, саженей 30 въ длину и 20 въ ширину, поле съ сотнями могильныхъ холмиковъ, лишенныхъ крестовъ, окруженныхъ лишь неглубокимъ рвомъ, чрезъ который легко можетъ переходить скотъ,—таково это кладбище, находящееся въ полномъ запустѣніи, посреди каменный четыреугольный саркофагъ, безъ всякой надписи; говорятъ, это братская могила офицеровъ. Еще въ 1911 г. въ бытность мою въ Эрзерумѣ нашимъ Генеральнымъ Консуломъ А. Н. Штриттеромъ былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ желѣзной ограды вокругъ кладбища, для чего было запрошено разрѣшеніе турецкаго правительства. Дѣло это долго тянулось; наконецъ, разрѣшили ограду въ видѣ натянутой рядами между невысокими столбиками желѣзной проволоки. — Нагрянувшія политическія событія не позволили, однако, осуществить это прекрасное намѣреніе, и матеріалы для ограды остались лежать въ зданіи нашего Консульства.

Окрестности Эрзерума, лишенныя какой-бы то ни было растительности, мало живописны, какъ и самъ городъ. По долинѣ Евфрата разбросана группа деревушекъ, около

коихъ въ лѣтнее время любители находятъ интересныя мѣста для охоты и верховыхъ поѣздокъ. Изъ этихъ деревушекъ наиболѣе посѣщаемыя и населенныя: Илиджа и Гинцкъ. Первая, находится — въ 10 вер. по Трапезундскому шоссе, знаменита своимъ теплымъ, сѣрнымъ источникомъ, привлекающимъ больныхъ, но совершенно неблагоустроенная, какъ лечебное мѣсто; источникъ, окруженный закрытымъ помѣщеніемъ, представляетъ изъ себя видъ простой купальни съ самыми примитивными удобствами. Въ 15 в. отъ Илиджи лежитъ весьма уважаемый армянами древній монастырь — „Хачка-Ванкъ, гдѣ въ лѣтнее время Эрзерумцы находятъ себѣ отдыхъ и пріютъ.— Гинцкъ—большое армянское село въ 15 вер. отъ Эрзерума,—недалеко отъ котораго въ горахъ бьютъ ключи, дающіе начало знаменитому Евфрату, и въ двухъ верстахъ находится другой древній армянскій монастырь „Кызылъванкъ“, единственный, имѣющій при себѣ школу для дѣтей. Самъ Гинцкъ и монастырь съ садомъ — излюбленное дачное мѣсто армянской интеллигенціи. 3-й старинный, не менѣе популярный среди армянъ, монастырь „Луксаворичъ“, расположенный въ 4-хъ в. къ сѣверу отъ города въ красивой мѣстности, на высокой отвѣсной скалѣ съ чуднымъ видомъ на долину Евфрата, тоже привлекаетъ къ себѣ въ лѣтній періодъ немало Эрзерумцевъ, ищущихъ отдыха на лонѣ природы. Иностранцы предпочитаютъ лѣтомъ дачный уголокъ „Богазъ“ въ 5-ти в. къ югу отъ города, около горы Айрлы-дага, уголокъ, отличающійся здоровымъ, горнымъ воздухомъ, гдѣ, въ видѣ счастливаго исключенія, есть деревья съ небольшой рощей. Здѣсь по традиціи размѣщается на лѣтній періодъ дача русскаго Консульства. Въ самомъ городѣ, на окраинѣ, по дорогѣ на Трапезундъ раскинутъ представляющій изъ себя родъ оазиса среди окружающаго безлѣсья небольшой садъ, называемый турками „Миллетъ-Бахчасы“ (народный садъ). Это—единственное мѣсто общественнаго гулянья, охотно посѣщаемое городскимъ населеніемъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ Эрзерумъ, этотъ историческій пунктъ, несчетное число разъ переходившій изъ однѣхъ рукъ въ другія и съ 1522 г. утвердившійся за Турціей. Дикая природа, суровыя климатическія условія, значительная естественная укрѣпленность мѣстности, по природѣ гористой, къ тому же— снабженной искусственными загражденіями и фортами, дѣлаетъ нелегкой задачу взятія Эрзерума. Между тѣмъ, переходъ этого пункта подъ русское владычество былъ-бы безусловно началомъ новой эры въ его культурно-историческомъ развитіи, той эры возрожденія, о которой давно мечтаютъ армянскіе націоналисты и которую едва ли могли бы создать совмѣстныя усилія вѣчно „больной" Турціи и великихъ державъ, рѣшившихъ только въ минувшемъ году, какъ разъ наканунѣ міровой войны, послать въ Арменію реформаторовъ-совѣтниковъ въ лицѣ норвежца Гофа и голландца Вестененка. Первый, застигнутый войною въ Битлисѣ, вынужденъ былъ покинуть Арменію, а второй, какъ извѣстно, такъ и застрялъ въ Константинополѣ, въ ожиданіи подробныхъ инструкцій отъ турецкой Порты. Какъ бы по ироніи судьбы теперешняя наша война съ Турціей, искусственно созданная коварной рукой Германіи, вырвала много нашумѣвшій армянскій національный вопросъ изъ рукъ турецкаго правительства, безсильнаго по части реформъ, и передала его и связанную съ нимъ судьбу всей турецкой Арменіи на разрѣшеніе побѣдоносной силѣ русскаго оружія. Вся исторія турецкой Арменіи со времени порабощенія ея турками до настоящихъ дней— исторія страданій и слезъ армянскаго народа, много разъ безплодно пытавшагося сбросить турецкое иго, показываетъ намъ, насколько турецкое правительство, само по себѣ малокультурное и неспособное къ живой, реформаторской дѣятельности, безсильно было возродить Арменію и создать тамъ культурныя формы общежитія, и какъ несчастная, забитая страна эта, скованная исламомъ, убивавшимъ всякія попытки къ прогрессу, продолжала

вѣками влачить свое жалкое существованіе подъ гнетомъ турецкаго режима, среди потрясающей нищеты и невѣжества, На примѣрѣ Батума и Карса мы видимъ, какого цвѣтущаго благосостоянія достигли эти города подъ русскимъ владычествомъ, и намъ остается лишь пожелать, не предрѣшая вопроса о предстоящей „аннексіи“, чтобы аналогичный, историческій моментъ, имѣющій повлечь за собою столь знаменательныя послѣдствія, не замедлилъ-бы наступить и для Эрзерума, — сохранившаго доселѣ роль культурно-экономическаго и національнаго центра для всѣхъ турецкихъ армянъ, — съ паденіемъ коего должна будетъ разрѣшиться разъ навсегда и безповоротно судьба всей многострадальной турецкой Арменіи.

Н. Булатовъ.

Исторія Турціи и ея литературы. А. Крымскаго.

Т. I. Москва 1916. Труды по востоковѣдѣнію. издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ. Вып. 28 А.

Требованія, предъявляемыя современною наукою къ обработкѣ и изложенію исторіи различныхъ государствъ и народовъ, къ исторіи Турціи пока почти не приложимы. Объясняется это какъ состояніемъ части источниковъ (восточные—или рукописные, или въ некритическихъ изданіяхъ) и ихъ малодоступностью для историковъ-неоріенталистовъ (неимѣніе переводовъ), такъ и сравнительно малымъ интересомъ къ нимъ почему-то. Настоящей „научной" исторіи Турціи еще нѣтъ. Есть сводъ свѣдѣній о поэзіи (Гибба), но не всей литературѣ; есть хронологическіе перечни событій, каковыми можно назвать труды Цинкейзена и Гаммера, — послѣдній къ тому-же полонъ ошибокъ и противорѣчій; есть и болѣе или менѣе популярныя работы—Жонкьера и Йорги. Правда, отдѣльныя эпохи служили уже предметомъ научныхъ изслѣдованій, напр. XVII вѣкъ въ магистерской диссертаціи проф. Смирнова. Въ общемъ, пока всѣ авторы, приступая къ изложенію исторіи Турціи въ цѣломъ, обыкновенно ограничиваются лѣтописными повѣствованіями, но и такихъ мало. Тѣмъ пріятнѣе было появленіе въ свѣтъ лежащей передъ нами книги; уже давно, почти шесть лѣтъ тому назадъ, московскій оріенталистъ А. Е. Крымскій выпустилъ часть своей „Исторіи Турціи", а именно, середину—„золотой вѣкъ".

Теперь мы имѣемъ начало, или, вѣрнѣе, начало начала. Конечно, можно многое сказать противъ того порядка изданія, котораго придерживается авторъ; казалось бы лучше опубликовывать послѣдовательно и законченными выпусками. Томъ II всетаки представлялъ нѣчто цѣлое, тогда какъ нынѣшній I изданъ такъ, что и оглавленіе, и двѣ части обрываются страницей (изъ-за этого и совершенно недопустимое примѣчаніе на стр. 279 „для переплетчика"!). Тѣмъ не менѣе, лучше такъ, чѣмъ никакъ: и стало быть, разъ книга выпущена, она подлежитъ суду публики.

Какъ было уже ясно изъ выпуска 1910 года, трудъ А. Е. Крымскаго предназначенъ для двоякой цѣли: быть руководствомъ его слушателямъ и популярной книгой для общества. Отъ такихъ работъ, главнымъ образомъ, требуется, чтобы онѣ не давали читателю завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній. Этому условію „Исторія Турціи" г. Крымскаго удовлетворяетъ вполнѣ, но, разумѣется, есть и другія, бóльшія достоинства. Что всегда характеризуетъ нашего автора, это — богатая до мелочей библіографія; иногда любопытныя замѣчанія почерпнуты даже изъ статей далекихъ, казалось бы, отъ темы: такъ напр. указаніе, что Маркъ Твенъ именуетъ мусульманъ язычниками (стр. 34). Хорошо разработаны источники славянскіе; въ дополненіе къ примѣчанію на стр. 57 надо замѣтить, что подтвержденіемъ преувеличенія румынами своей роли въ войнѣ 1877 — 78 г.г. является ежегодный румынскій національный праздникъ въ день взятія Плевны. Впрочемъ, адресованный на той же страницѣ румыну Йоргѣ упрекъ автора въ комическомъ національнизмѣ можно повернуть противъ самого г. Крымскаго, когда онъ въ своихъ трудахъ касается Малороссіи. Прекрасно составленный указатель литературы о паденіи Константинополя, къ сожалѣнію, загроможденъ элементомъ, неимѣющимъ значенія (стр. 75 — 77); что же касается обзора пророчествъ, то ихъ лучше было или разобрать, или же не трогать. Съ

большимъ интересомъ читается глава о положенiи церквей въ завоеванномъ Царьградѣ (но зачѣмъ было называть это „modus vivendi разныхъ религiй"!). а также и о евреяхъ; есть даже справка о ритуальныхъ убiйствахъ, да, жаль, не разработана. При чтенiи разбираемой книги красною нитью проходитъ отношенiе грековъ къ туркамъ—завоевателямъ (напр. стр. 61, 62, 63, 153, 162, 212, 214 и мн. др.), вездѣ и всегда благожелательное въ виду вѣротерпимости покорителей сравнительно съ латинянами; 26-го Ноября минувшаго г., въ засѣданiи Вост. Отдѣленiя Арх. Об.-ва одинъ докладчикъ указалъ въ своемъ сообщенiи на такое же поведенiе грековъ и при завоеванiи Крита. Хорошо также сдѣлалъ авторъ, что попытался выяснить эпизодъ съ „желѣзной клѣткой" Йылдырыма, достаточно наскучившiй всѣмъ благодаря т. наз. „популярнымъ" очеркамъ. Разсказывая про битву при Ангорѣ, А. Е. Крымскiй передаетъ (стр. 28) слышанный имъ на мѣстѣ анекдотъ про Тимура и спрашиваетъ, было ли что-нибудь подобное въ печати; одинъ разсказъ записанъ въ г. Ангорѣ въ 1906 году Н. Мартиновичемъ, см. Живая Старина, 1910, вып. III — „Малоазiйскiе сказки, разсказы и анекдоты (изъ матерiаловъ по османскому фольклору"); стр. 9 отд. отт.

Разумѣется, въ столь объемистомъ трудѣ, какъ „Исторiя Турцiи" г. Крымскаго, неизбѣжно должны быть и нѣкоторые недочеты, указать на которые также приходится. Прежде всего рѣжетъ глазъ одна, скажемъ, странность, которая на обложкѣ могла бы быть объяснена недосмотромъ, но, увы, она проходитъ систематично черезъ весь текстъ, а именно: „разцвѣтъ" (обложка, стр. 05, дважды обложка сзади текста). „произшествiе" (стр. IX), „произшедшiй" (стр. 173). Затѣмъ крайне непрiятенъ слогъ автора, несовсѣмъ умѣстный въ серьезной работѣ; чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ нѣсколько примѣровъ: про Тимура — „Желѣзный Хромецъ" (переводъ Темиръ-Ленгъ, стр. IV, 27 и др.); про сочиненiе Ашыкъ-паша-задэ — „оно

не въ ходу“ (стр. VI); взятіе Царьграда—„черезчуръ незаурядный фактъ“ (стр. IX); что за „контрпретендентъ“ (стр. 42) или „окупъ“ (стр. 145 и др.)? излагая исторію литературы, авторъ про одно изъ крупныхъ произведеній „Ребабъ-намэ“ говоритъ, что это „скучныя поученія . . . переводить которыя тягостно“ (стр. 261); на стр. 268 авторъ „*кое-какъ* подгоняетъ транскрипцію“; объясняя „туюги“, говоритъ, что это четверостишія „не такія, какъ робаійяты“ (стр. 274; а какія?); „туреччина, персіянщина“ (стр. 248); удобно ли слѣдовать за Гаммеромъ въ наклеиваніи классическихъ ярлыковъ (срв. Гаммеровское Мигри-Сафо) и называть Ромуломъ Османа, Нумой Помпиліемъ Орхана и т. д. неоднократно (напр. стр. 264)?; и даже, horribile dictu!, при характеристикѣ венгерскаго героя упоминается, хотя и съ возмущеніемъ, „слабительная вода Гуніяди Яношъ“! (стр. 49).

Во всей книгѣ странно поражаетъ какая-то погоня за увеличеніемъ объема; одно и тоже, съ датами и деталями, повторяется нѣсколько разъ, въ оглавленіи, отдѣлѣ источниковъ и текстѣ; иногда это доходитъ до курьеза, напр. на одной стр. IV три раза сказано, что Житіе Стефана Лазаревича написано въ 1431 году. Оставляетъ желать многаго также терминологія, трансскрипція собственныхъ именъ; есть и существенные пропуски. Почему, напримѣръ, хотя авторъ объяснилъ, какъ надо называть византійскаго историка — Халкокондила или Халкондила, тѣмъ не менѣе именуетъ его то такъ, то этакъ? Почему въ одномъ мѣстѣ „турки“, а въ другомъ „тюрки“? Или напр. „Харезмъ“ (стр. 11 и др.). Затѣмъ, если г. Крымскій въ именахъ собственныхъ придерживался современнаго произношенія, что можно думать, т. к. онъ пишетъ „Омеръ“ или „Мехеммедъ“, хотя это и не точно, то отчего онъ говоритъ „Аладдинъ“, или „Юнисъ“, что ужъ совсѣмъ невѣрно. Останавливаясь на такихъ мелочахъ, какъ отпечатокъ ладони Мухаммеда II въ Св. Софіи (стр. 69), нашъ авторъ опускаетъ иногда весьма существенное.

Такъ говорится, что Халкокондила пользовался турецкими источниками, но не указано, откуда это почерпнуто. Много разъ упомянуты десять сельджукскихъ княжествъ въ Малой Азіи, но ни разу они не перечислены. Одинъ изъ самыхъ темныхъ и сложныхъ періодовъ исторіи Турціи — междуцарствіе 1402—1413 г.г. и объ немъ ни слова, кромѣ ссылки на Calepinus'a проф. Смирнова: можно бы хоть передать данныя этой статьи. Неудобно также, говоря про Мухаммеда *Челеби* и переводя почему-то „Рыцарственный“ (это жестокаго варвара-то, по признанію самого А. Е. Крымскаго! см. стр. 239—241), ограничиться тоже одной ссылкой; читатели „Исторіи Турціи“ не обязаны справляться съ „Исторіей Персіи“, имъ надо дать объясненіе тутъ же.

Съ наибольшимъ интересомъ специалисты могли бы ожидать выводовъ автора въ отдѣлѣ „Черты османской культуры XIV и XV в.“, такъ какъ даже источники для подобной темы казались неясными. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что по прочтеніи разочарованіе неизбѣжно. Вѣдь самъ г. Крымскій дважды (стр. 221 и 245) говоритъ, что „нельзя судить объ уровнѣ интеллигенціи какой-либо страны по умственному облику ея правителей“, что это „показатель относительный“, тѣмъ не менѣе данная глава представляетъ собою лишь характеристику первыхъ султановъ, да и то крайне поверхностную; къ тому же, вѣдь, „уровень интеллигенціи“ не составляетъ еще „культуры“ въ полномъ ея объемѣ.

Что касается автора настоящей замѣтки, то для него центромъ тяжести былъ очеркъ турецкой литературы XIV и XV вв. Пока еще нельзя судить окончательно, потому что очеркъ не законченъ, но всетаки и о томъ, что есть, можно сказать нѣсколько словъ. Элементы арабскаго и персидскаго языковъ настолько вошли въ плоть и кровь современнаго разговорнаго, а тѣмъ болѣе письменнаго, языка образованныхъ османлы, что никоимъ образомъ нельзя приводить въ примѣръ русскую фразу г. Крым-

скаго на стр. 249 (къ тому же она и по-русски неправильна: по русской грамматикѣ отрицаніе требуетъ родительнаго падежа и глаголъ „сказать“ въ данномъ случаѣ не можетъ стоятъ на концѣ). Не думаю также, чтобы собраніе *султанскихъ грамотъ* Феридунъ-бея могло быть „очень характернымъ показателемъ обиходной рѣчи людей грамотныхъ“. Далѣе, распространенность и общеизвѣстность *тезкере* Лятифи объясняется вѣрнѣе не переводомъ Chabert'a, ставшимъ библіографической рѣдкостью, а обиліемъ во всѣхъ книгохранилищахъ кодексовъ этого тезкере. По поводу извѣстныхъ 156 сельджукскихъ стиховъ надо замѣтить, что имѣются еще и другіе; о нихъ есть у Гибба, есть и въ турецкомъ журналѣ „Тюркъ Дернеки“, а въ XXIV томѣ Записокъ Восточн. Отд. И. Р. А. О. они появятся полностью за подписью пишущаго эти строки. При обзорѣ литературы о сельджукскихъ стихахъ забыты статьи Радлова и Смирнова. Въ текстѣ на стр. 260 „Эде-йдім“ слѣдуетъ исправить на „айта“ (старый глаголъ „*айтмак*“ — *говорить*). Орхонскихъ надписей и „Кудатку Биликъ“ касаться не представлялось надобности, но, разъ они упомянуты, слѣ довало бы точнѣе (хотя бы названіе „Кудатку“!). О Юнусѣ Эмре есть въ статьѣ П. М. Меліоронскаго въ З. В. О. И. Р. А. О., гдѣ онъ разбираетъ дату его рожденія. Наконецъ, примѣчаніе на стр. 272 объ ошибкѣ въ „Мусульманскихъ Династіяхъ“ Ленъ-Пуля — Бартольда излишне, ибо самъ авторъ указываетъ, что она исправлена. Въ общемъ, очеркъ литературы такъ же, какъ и въ ранѣе вышедшемъ выпускѣ, представляетъ собою пересказъ работъ Смирнова, Корша, Меліоранскаго и др.

Оставляя въ сторонѣ недочеты, вполнѣ возможные, какъ сказано выше, въ подобной работѣ и надѣясь на уменьшеніе ихъ въ слѣдующихъ выпускахъ, мы должны признать трудъ г. А. Е. Крымскаго весьма цѣннымъ вкладомъ въ популярно-научную литературу и пожелать отъ души, чтобы его книга сдѣлалась настольной въ ши-

рокомъ русскомъ обществѣ, которому необходимо, и особенно въ настоящій моментъ, хоть немного наконецъ ознакомиться съ исторіей своихъ сосѣдей, взаимно превратно понимаемыхъ.

Н. Мартиновичъ.

Петроградъ.
10 Декабря 1915 г.

Изъ хивинской поэзiи.

Стихи его высочества сейидъ-Эсфендiяръ бахадыръ хана.

Въ своихъ замѣткахъ о хивинскомъ ханствѣ я не разъ отмѣчалъ, что нынѣшнiй правитель древняго Хорезма унаслѣдовалъ отъ своего отца даръ стихотворца. Его высочество, въ бытность наслѣдникомъ, подарилъ мнѣ одно изъ своихъ литературныхъ произведенiй. Еще счастливѣе меня оказался *С. М. Шапшалъ*, который получилъ въ подарокъ отъ хана цѣлое собранiе стиховъ „Фарруха“, какъ именуетъ себя въ своихъ произведенiяхъ современный представитель конградской династiи. Я охотно воспользовался предложенiемъ владѣльца роскошной рукописи дать о ней краткое сообщенiе въ одномъ изъ русскихъ журналовъ по востоковѣдѣнiю. Въ I книгѣ „Восточнаго Сборника“ я издалъ хронограмму придворнаго поэта Ахмедъ-Табиба на смерть покойнаго хана и на воцаренiе нынѣшняго, въ „Восточномъ Сборникѣ“ рѣшилъ я помѣстить и настоящую замѣтку о стихахъ „Фаррух“-а.

Рукопись С. М. Шапшала состоитъ изъ 148 листовъ in 8^{0}, не считая чистыхъ листовъ передъ текстомъ и послѣ него. Переплетъ изъ черной кожи, на которую наложенъ съ обѣихъ сторонъ серебряный позолоченый орнаментъ; на лѣвой крышкѣ переплета орнаментъ—рѣзной, съ четырьмя ножками по краямъ въ видѣ перевернутыхъ чашечекъ; на правой крышкѣ орнаментъ—филигранный, съ двумя бордюрами изъ бирюзы. Съ внутреннихъ сторонъ обѣ крышки переплета покрыты розовой шелковой тканью съ цвѣтами.

Приблизительно до средины рукопись пронумерована по двойной системѣ; съ первой страницы текста идетъ счетъ по страницамъ, а со слѣдующей страницы, кромѣ того, и по листамъ. Нумерація кончается на листѣ 70-а. Я продолжилъ нумерацію по листамъ до конца текста, оставивъ 1-ый листъ текста безъ нумера. Въ рукописи имѣются цвѣтныя раззолоченыя заставки посредственнаго качества на 1 страницѣ и на листѣ 112-б. Текстъ писанъ черными чернилами, заглавіе—красными. Всѣ страницы разлинованы; предѣлы полей обозначены двумя тонкими синими рамками; одна рамка ближе къ тексту, другая—къ краямъ страницы. Текстъ включенъ въ сложную рамку изъ золотыхъ линій; въ верхней и нижней части рамки помѣщается по два столбца въ двѣ строки, въ боковыхъ частяхъ (лѣвой и правой) вписано по четыре стиха въ одну строку, причемъ текстъ идетъ снизу вверхъ. Средняя, наиболѣе обширная часть рамки отведена подъ текстъ болѣе крупныхъ произведеній, который расположенъ наискось, а края заняты четверостишіями и другими мелочами, среди которыхъ, однако, изрѣдка встрѣчаются „мухаммасы“ и „мусаддасы“.

До листа 71-а рукопись заключаетъ въ себѣ произведенія покойнаго хана, имѣвшаго поэтическое прозвище „Фирузъ“: 98 „газелей“, 6 „мухаммасовъ“, 2 „мусаддаса“, 6 „рубаи“ и 4 „месневи“, а также персидскія „рубаи“ *Хафиза*, *Бидиля* и *Джами*. Произведенія нынѣшняго хана занимаютъ всего листы отъ 71-а по 92-а, на которыхъ, кромѣ того, занесены турецкія „рубаи“ хивинскаго поэта начала XIX вѣка *Муниса* и персидскія „рубаи“ *Джами*. Остальная часть рукописи (листы отъ 92-б по 147-б съ пробѣломъ отъ листа 108-а по 112-а) заполнена стихами хивинскаго поэта средины XIX вѣка *Агахи* [1]: 26 „газе-

[1] Литографированные въ хивинской придворной литографіи сборники стихотвореній *Муниса* и *Агахи* переданы мною въ 1908 г. въ Азіатскій Музей И. Академіи Наукъ.

лей“, 80 „рубаи“, 26 „мухаммасовъ“, а также турецкими „рубаи“ *Неваи* и *Фузули*.

Сборникъ С. М. Шапшала заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія Фарруха: 40 „газелей“, 16 „рубаи“. 5 четверостишій „кытъа“, 2 „мухаммаса“ (одинъ—на газель Фузули, другой—на газель Фируза). Подаренное мнѣ въ 1908 году стихотвореніе Фарруха и есть первый „мухаммасъ“. Привожу нѣсколько образцовъ.

Газель покойнаго Фирузъ-шаха. Мухаммасъ Фаррухъ-шаха.

О, кумиръ! спроси о моемъ положеніи и облегчи мои затрудненья;
Подари милостливо вино соединенья съ тобою;
Щедро прояви милосердіе, чтобы преисполнить душу благодарностью;
Открой твое лицо-розу, о, роза! и цвѣтникомъ сдѣлай мое собраніе;
Разсыпь твои кудри по лунѣ твоихъ щекъ!

* * *

Будь ласковъ въ мигъ наслажденья, возьми въ свои руки „ченгъ“
И, сыгравъ мелодію, оживи собраніе!
Чтобы расцвѣтить мой уголокъ блескомъ твоихъ щекъ,
Возьми въ твои руки кубокъ, пей розоцвѣтное вино,
И пусть твои губы смѣются бодрящей улыбкой!

* * *

Устремляя повсюду своего скакуна (взоръ), наполни садъ завистью,
И пусть видящіе тебя люди тоскуютъ до смерти по соединеніи съ тобою!
Спѣши погулять кокетливо по лужайкамъ,

Укрась свои кудри, направься въ цвѣтникъ
И воспламени огнемъ ревности ликъ гіацинта!

* * *

Прославь на весь міръ твой стройный станъ,
Тьмою кокетствъ наполни съ ногъ до головы твой образъ,
Набрось на свои плечи множество свѣжихъ, розоцвѣтныхъ одеждъ,
Насурми свои глаза, нарумянь свои щеки
И заставь тюльпаны и нарцизы любоваться и тѣмъ и другимъ!

* * *

Пусть базиликъ, безсильный противъ огня любви къ тебѣ,
Скитается по міру съ тьмою сожалѣній;
Пусть грудь бутона будетъ разорвана, а сердце его изранено,
И пусть мечомъ зависти роза разсѣчетъ свое лицо на сто частей,—
Показывай твои щеки въ цвѣтникѣ всюду!

* * *

Пусть соловей, увидя твое лицо-розу, предастся стонамъ,
И да не освободятся его душа и сердце отъ огня любви къ тебѣ!
И рать деревьевъ да не возрадуется, полюбивъ тебя!
Пусть шамшитъ сгоритъ на огнѣ тоски, увидавъ твой станъ!
Кокетливо покачивай своимъ граціознымъ станомъ!

* * *

Другъ хранилъ свою тайну, сжигая твое сердце;
День и ночь ты ходилъ по его обители, готовый на все.

Теперь—твое счастье, Фаррухъ! Каждый твой день—
„ноурузъ“!
Если другъ твой смилуется и придетъ на твой пиръ,
Фирузъ,
Эту дорогую жизнь свою ты принеси предъ нимъ
въ жертву!

* * *

Четверостишія.

На зиму спряталась роза,
Въ сердцахъ людей сколько сожалѣній оставила роза!
Чтобы оживить людей міра снова,
Въ мѣсяцѣ Тельца сколько распустится разныхъ розъ!

* * *

О, розощекій музыкантъ! возьми въ твои руки „ченгъ“,
Сыграй мнѣ мелодію „дугахъ“,
И пусть Венера услышитъ эти твои звуки „ченг“-а,
А франки пусть выронятъ изъ рукъ своихъ свои
„ченг“-и!

Десятая газель Фарруха.

Весенніе дни сразили зиму. Настала весна.
Рать деревьевъ подняла свои головы, одно выше
другого.
Во всѣ стороны потекли воды, садъ сталъ безпо-
добенъ.
Тюльпаны получили отъ водъ влагу и скоро распра-
вили свой станъ.
Зелеными и золотыми покровами украсивъ
Свои головы, выросли цвѣты и стали одинъ длиннѣе
другого,
На каждомъ кустѣ розъ поселились разныя птицы
И кокетливо запѣли свои мелодіи...

Если вдругъ придетъ погулять въ саду тотъ красавецъ,
О, сердце! не скупясь, приготовь принадлежности наслажденья,
Подъ какимъ-нибудь предлогомъ направься къ покорителю сердецъ,
Поцѣлуями одари и на ухо ему повѣдай свою слабость и свою мольбу!
Не удивительно, Фаррухъ, если въ такую пору другъ твой подойдетъ,
Бросится къ твоимъ колѣнямъ и выкажетъ тысячу нѣжностей и ласкъ!

* * *

Тридцать вторая газель Фарруха.

Боже мой! въ чистотѣ поминаю я Твое пречистое существо
Во имя суръ „Ясинъ" и „Кяфъ-хе-я-айнъ-садъ".
Мое дѣло—день и ночь тянуть ладью беззаконія по морю грѣховъ.
Эта ладья разграбила и уничтожила обитель моего сердца.
При настоящемъ состояніи сердца достойнымъ Тебя отнюдь
Не можетъ быть поклоненіе Тебѣ въ мѣстѣ богопочитанія.
Узду моей воли изъ рукъ моихъ страсть и порокъ
Вырвали. Мгновенья не могу я быть радостнымъ изъ-за козней дьявола.
Если я пытаюсь ступить на путь, облегчаемый помощью Божіей,
Я нахожу себя среди долины непокорности въ согласіи (съ грѣшниками).
Мое злонравіе достигло такихъ предѣловъ упорства.

Что въ мірѣ нѣтъ никого въ столь безотрадномъ
положеніи, какъ я.
Хотя я и былъ вмѣстилищемъ непокорности. однако
отъ признанія многобожія
— Слава Богу!—обитель моего сердца свободна, и
для подобнаго признанія языкъ мой нѣмъ.
Мой Боже! Если Ты не осѣнишь моей головы щед-
ротою милостей,
Увы, горе мнѣ! Кто, кромѣ Тебя, смилостивится надъ
моимъ положеніемъ?
Памятую премудрость: „что меньше сего“ [1], о Фар-
рухъ,
Пока живъ, припадай лицомъ своимъ къ землѣ и
умоляй'

* * *

Я не углублялся въ изученіе хивинской поэзіи, которая достигла значительнаго процвѣтанія за время царствованія покровительствующей ей конградской династіи, и поэтому лишенъ возможности опредѣлить мѣсто Фарруха въ ряду прочихъ хивинскихъ поэтовъ и установить отличительныя черты произведеній этого царственнаго стихотворца. Одно несомнѣнно: современная хивинская придворная поэзія является однимъ изъ звеньевъ той, можно сказать, безконечно длинной и утомительно однообразной цѣпи, которая соединяетъ среднюю Азію XX вѣка съ тимуридской Средней Азіей XV вѣка, аАоррухъ есть одинъ изъ новѣйшихъ послѣдователей той литературной традиціи, надъ созданіемъ которой наиболѣе потрудился въ XV вѣкѣ *Миръ Али-Ширъ Неваи*. Теперь въ Средней Азіи на ряду со старинными слышатся и новыя пѣсни, зарождающіяся подъ свѣжимъ дуновеніемъ западныхъ вѣтровъ. Интересно было бы знать, примкнула

[1] Намекъ на Коранъ, гл. IV, стихъ 116: „Подлинно Богъ не прощаетъ многобожія и прощаетъ все, *что меньше сего*, кому захочетъ...“

ли уже къ новымъ литературнымъ вѣяніямъ и Хива. Путешествуя по хивинскому ханству въ 1908 году, я чувствовалъ, что смѣна литературныхъ вкусовъ не за горами; съ тѣхъ поръ прошло порядочно времени, и меня не удивило бы извѣстіе о появленіи въ Хорезмѣ неслыханныхъ ранѣе пѣсенъ и новыхъ, необычныхъ для Туркестана, видовъ литературы.

А. Самойловичъ.

Петроградъ.
18 октября 1915 года.

Н. С. Лыкошинъ. „Хорошій тонъ" на Востокѣ. Къ полувѣковому юбилею завоеванія русскими Туркестанскаго края. Петроградъ, 1915. Стр. 168 in 8. Цѣна 1 рубль.

Въ IV томѣ „Сборника матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьинской области" (на 1895 г.) появилась работа подъ заглавіемъ: „Кодексъ приличій на Востокѣ (Адабъ-уль-Салихынъ). Сборникъ Мухаммедъ Садых-и-Кашкари. Перевелъ съ тюркскаго *Нилъ Лыкошинъ*". Давая отзывъ объ этомъ трудѣ, *Н. Ѳ. Катановъ* выразился: „сборникъ по своему содержанію настолько интересенъ, что его безъ всякаго ущерба для дѣла, не жалѣя средствъ, можно было бы издать въ оригиналѣ и переводѣ" [1]. Съ той поры, насколько мнѣ извѣстно, европейскаго изданія оригинала сборника не появлялось, но извлеченія изъ него были напечатаны *В. Наливкинымъ* въ его трудѣ: „Хрестоматія для Туркестанской учительской семинаріи (Ташкентъ, 1896; литографія").

Новая работа *Н. С. Лыкошина*, автора цѣлаго ряда трудовъ по этнографіи, исторіи, археологіи и литературѣ Туркестана, нынѣ губернатора Самаркандской области, тѣсно связана съ вышеупомянутой его работой 1895 года, хотя, къ сожалѣнію, въ рецензируемой нами книгѣ переводъ „Сборника" Садыка Кашгарскаго вовсе не упоминается.

Изящно изданная книжка „Хорошій тонъ на Востокѣ" (складъ у В. А. Березовскаго, Петроградъ, Колокольная, 14) состоитъ изъ предисловія (стр. 3 – 6) и семи главъ. Предисловіе полностью воспроизводитъ вступительное слово къ

[1] Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи, Казань, XIII, стр. 229.

переводу „Сборника“ 1895 года объ авторѣ „Сборника“ и о томъ, что переводъ былъ сдѣланъ по константинопольскому изданію. Старое предисловіе дополнено въ началѣ и концѣ (стр. 3—4 и 5—6). На этотъ разъ авторъ ограничился краткой передачей содержанія „Сборника“ „чтобы, не затрудняя читателя мелочными подробностями, ознакомить европейца съ тѣмъ, какъ ведетъ себя въ приличномъ обществѣ мусульманинъ“. Авторъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что „Всякаго, ближе входящаго въ жизнь нашихъ туземцевъ, поражаетъ особая солидность пріемовъ каждаго, даже необразованнаго, мусульманина, отсутствіе всего, что могло бы непріятно подѣйствовать на собесѣдника, поразить его несдержанностью и торопливостью“. Такое поведеніе, по справедливому мнѣнію автора, „представляетъ результатъ вѣкового воспитанія массы“ (4). Прибавлю отъ себя, что проявленіе общественной дисциплины наблюдается не только у прочноосѣдлаго населенія Туркестана, но и полуосѣдлыхъ и кочевниковъ. Я часто вспоминаю грандіозный „той“ — народный праздникъ, устроенный однимъ богатымъ туркменомъ въ январѣ 1907 года подъ Мервомъ; тысячная толпа туркменовъ сама поддерживала образцовый порядокъ и во время скачекъ, и во время борьбы безъ всякаго посторонняго вмѣшательства; стройность торжества была нѣсколько нарушена появленіемъ нетрезвыхъ гулякъ, не принадлежавшихъ къ числу туземцевъ.

„Кодексъ приличій“ Садыка Кашгарскаго содержитъ немало предписаній, отзывающихся схоластичностью, и всякому, знакомому съ подлинной жизнью туркестанцевъ, ясно, что между книжнымъ „хорошимъ тономъ“ и дѣйствительностью нельзя установить полнаго соотвѣтствія. Авторъ, являющійся большимъ знатокомъ быта туземцевъ, освѣщаетъ этотъ бытъ параллельно съ изложеніемъ „Сборника“, причемъ мѣстами указываетъ разницу между бытомъ осѣдлаго населенія и кочевниковъ. Какъ извѣстно, не во всѣхъ работахъ по Туркестану

подлинный бытъ достаточно отграничивался отъ книжныхъ общемусульманскихъ нормъ, обычно не учитывающихъ мѣстныхъ условій.

Семь главъ книжки *Н. С. Лыкошина* соотвѣтствуютъ семи частямъ „Сборника“ Садыка Кашгарскаго. Предисловіе „Сборника“, имѣющееся въ переводѣ *Н. С. Лыкошина* 1895 года, на этотъ разъ опущено. Содержаніе 7 главъ таково: I—Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи дома, въ привѣтствіяхъ, рукопожатіи и цѣлованіи (7—31); II—Приличія, соблюдаемыя человѣкомъ, который ложится спать, одѣвается, идетъ по дорогѣ и садится верхомъ на лошадь (32—45); III—Приличія, соблюдаемыя въ общественныхъ собраніяхъ (46—80); IV—Приличія, соблюдаемыя въ отношеніяхъ супруговъ между собою, а также при посѣщеніи кѣмъ-либо общественныхъ бань (81—96); V—Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи больныхъ, а также когда посѣщаютъ семьи, гдѣ кто-нибудь умеръ (97—111); VI—О приличіяхъ, соблюдаемыхъ во время угощенія, при ѣдѣ и питьѣ (112—150); VII—Приличія, соблюдаемыя въ путешествіи и относящіяся къ этому (151—168).

Освѣщая бытъ туркестанцевъ, *Н. С. Лыкошинъ* ссылается на *сартовъ, таджиковъ, казакъ-киргизовъ и хивинцевъ,* причемъ не указываетъ точнѣе, какого района сартовъ онъ имѣетъ въ виду; подъ хивинцами онъ разумѣетъ, очевидно, совокупность народностей хивинскаго ханства: узбековъ, сартовъ и пр. *Туркменовъ* авторъ вовсе не касается.

Горячо рекомендуя подробное ознакомленіе съ книжкой *Н. С. Лыкошина* въ подлинникѣ всѣмъ, интересующимся бытомъ населенія нашего Туркестана, а также тѣмъ, кто по дѣламъ службы принужденъ соприкасаться съ этимъ населеніемъ, я позволю себѣ отмѣтить только нѣкоторыя ея мѣста и между прочимъ тѣ, которыя вызываютъ въ моей памяти болѣе или менѣе характерные факты, наблюдавшіеся мною лично или отмѣченные туземной литературой.

Важно указаніе автора на то, что туземцы иначе относятся къ русскимъ, знающимъ ихъ языкъ и обычаи, чѣмъ къ незнающимъ (13). Плевки, которые туземцы посылаютъ иногда вслѣдъ русскому человѣку, авторъ склоненъ приписывать не фанатизму, а суевѣрію (14). Цѣнно объясненіе особенностей хивинскаго характера хуторной системой хозяйства (16). По поводу *книжнаго* предписанія, что „не слѣдуетъ постороннему мужчинѣ привѣтствовать красивую женщину, не надо даже отвѣчать на привѣтствіе.... Можно привѣтствовать только некрасивую женщину“ (20), авторъ отмѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ жизнь расходится съ книгой: „наши средне-азіатскіе туземцы совершенно воздерживаются отъ привѣтствія женщинъ, какъ бы предполагая, что подъ волосянымъ покровомъ могутъ скрыть свое лицо только красавицы. Это и осторожно, и любезно“ (20). Нѣсколько страницъ посвящены авторомъ вопросу „бачабазства, т. е. восхищенія и ухаживанія за красивыми мальчиками“ (26), котораго касались въ русской литературѣ и другіе [5]. Упоминается кокандскій бача—поэтъ конца XIX в. *Макаймикъ*, производившій въ Ташкентѣ фуроръ. Отмѣчается, что это „уродливое явленіе, присущее только осѣдлому быту“ у *таджиковъ* (иранцевъ) развито сильнѣе, чѣмъ у *сартовъ и узбековъ*, а у казакъ-киргизовъ отсутствуетъ (30): „Женщина у кочевниковъ не закрываетъ своего лица и любовь юношей проявляется совершенно нормально; киргизскіе юноши любятъ дѣвушекъ и любятъ ихъ, нерѣдко идеализируя свое чувство, восходящее до степени побратимства, или посестрія“. Прибавлю, что упомянутый порокъ свилъ себѣ гнѣздо и у мервскихъ туркменовъ, что даетъ ахальскимъ туркменамъ лишній поводъ высмѣи-

[5] Остроумовъ, Сарты (1908), стр. 74—76; тамъ же особая глава: „Мальчики—бачи въ сартовскомъ обществѣ“ (стр. 229), со ссылками на книгу *Крестовскаго* „Въ гостяхъ у Бухарскаго Эмира“. *Шишовъ*, Сарты, ч. I (Сб. мат. для стат. Сыръ-Дарьинской области. XI) стр. 322—332; „Пѣсни бачей“ *Илькина*, *Комарова и Диваева* (Кауфманскій Сборникъ, 1910, стр. 203: съ библіографіей и рисунками).

вать своихъ посартившихся соплеменниковъ. У меня имѣется стихотвореніе о бачахъ мервскаго поэта-слѣпца *Кöръ-муллы*. На свадебномъ пиру въ Ташкентѣ въ 1908 г. мнѣ пришлось наблюдать бачу высшаго разбора. Сначала онъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ въ обширной комнатѣ, вдоль стѣнъ которой размѣстились на корточкахъ сарты разнаго возраста, пожирая взорами кокетливаго красавца, и наперебой старались угодить ему, поднося то угощеніе, то цвѣты въ почтительной позѣ и съ приговариваніемъ „тасаддук!“ (искреннее подношеніе); затѣмъ, переодѣвшись въ особый костюмъ «балерины“ и подвѣсивъ косы, бача вышелъ на дворъ и началъ свои изумительно граціозные танцы подъ звуки оркестра. Зрители, разсѣвшіеся тѣснымъ кругомъ, въ восхищеніи ловили складки одежды бачи и цѣловали ихъ; я былъ пораженъ, замѣтивъ, что отъ сартовъ не отставалъ и русскій паренекъ изъ мѣстныхъ рабочихъ. Вспоминаются мнѣ и тѣ страницы „Записокъ“ императора *Бабура* (XVI в.), въ которыхъ царственный поэтъ съ присущей ему скромностью описываетъ свое увлеченіе красавцемъ по имени Бабури [6]; нельзя не сопоставить это описаніе съ тѣмъ мѣстомъ исторической поэмы XVI вѣка *Мухаммеда Салиха*, „Шейбани-намэ“, въ которомъ въ довольно грубыхъ стихахъ разсказывается объ ухаживаніи современника Бабура, узбека *Шейбани-хана* за юной двѣнадцатилѣтней красавицей [7].

О сновидѣніяхъ и сонникахъ говорится на стр. 34—35. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ предписаніе: „Если понадобится высмаркаться или плюнуть на дорогу, необходимо засыпать мокроту землей и тогда только продолжать путь“ (40). Авторъ правильно подмѣтилъ, что предписаніе о медленной походкѣ особенно блюдется въ

[6] Baber-nameh diagataice ad fidem codicis Petropolitani edidit N. Ilminski. Casani. MDCCCLVII. Стр. 92—93.

[7] Мухамедъ Салихъ. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ. Посмертное изданіе проф. П. М. Меліоранскаго. Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Н. Самойловича. Спб. 1908, стр. 26—27.

Хивинскомъ ханствѣ (43); вспоминаю, какъ сопровождавшіе меня во время прогулки по базару въ *Иляллы* хивинцы все время тянули меня за китель, чтобы умѣрить мою торопливость. „При дворѣ хана всѣ сановники ходятъ едва передвигая ноги и этимъ выказываютъ свое высокое положеніе,—такъ принято".

Большую честь дѣлаетъ мусульманамъ забота о животныхъ. „Грѣшно бить лошадь нагайкой по головѣ и глазамъ. Остановившись, не слѣдуетъ безъ нужды сидѣть въ сѣдлѣ" (44).

Значительное вниманіе удѣляется авторомъ вопросу о мусульманскомъ мистицизмѣ (суфизмъ) и его носителяхъ—„ишанахъ" (46—63). Читая предписанія (50—54) о томъ, какъ слѣдуетъ сидѣть въ присутствіи духовнаго наставника („пир"), опять невольно вспоминаешь мѣсто изъ „Записокъ" *Бабура* [8], гдѣ разсказывается про дядю Бабура, Султанъ-Ахмедъ мирзу, что этотъ необразованный и простой человѣкъ отличался благовоспитанностью, которая особенно проявлялась, когда онъ посѣщалъ своего наставника Ходжу Убейдуллу Ахрара; однажды мирза на собраніи у Ходжи позволилъ себѣ отступить отъ своей обычной почтительной манеры сидѣть, и это такъ поразило хозяина, что онъ приказалъ, по уходѣ мирзы, осмотрѣть мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ; оказалось, что тамъ лежала кость.

Относясь вообще благожелательно къ нашимъ туркестанскимъ соотечественникамъ, авторъ далекъ отъ огульнаго признанія опасными всѣхъ ишановъ и ихъ учениковъ „мюридовъ" (58). Возвращаясь къ вопросу о бачахъ, *Н. С. Лыкошинъ* сообщаетъ (69): „Въ Самаркандѣ пляска бачей составляетъ такую необходимую принадлежность всякаго торжества, что, напр., во время народныхъ манифестацій по случаю паденія австрійской крѣпости Перемышль 9 марта 1915 года, впереди несмѣтной толпы

[8] Изданіе Ильминскаго, стр. 23.

народа кружилась группа бачей подъ оригинальную музыку пронзительныхъ туземныхъ инструментовъ и присутствіе этихъ мальчиковъ во главѣ народнаго шествія никому не казалось страннымъ и неумѣстнымъ“.

Характерно слѣдующее предписаніе (74): „ссора не должна продолжаться больше трехъ дней, но это касается только ссоры между посторонними людьми; если же поссорится отецъ съ дѣтьми, учитель съ ученикомъ, или мужъ съ женой, то такая ссора можетъ длиться и болѣе трехъ дней, — на это нѣтъ опредѣленнаго срока“. О личныхъ именахъ и прозвищахъ говорится на стр. 77—79.

На стр. 103—105 описывается два способа погребенія: подземное и наземное; послѣднее я, между прочимъ, наблюдалъ въ Хивѣ. Сообщая предписаніе, по которому домашніе должны терпѣливо сносить смерть своего ближняго, авторъ поясняетъ (106): „Это послѣднее правило глубоко вкоренилось въ міровоззрѣніе мусульманъ. Они спокойно относятся къ смерти близкихъ, памятуя, что: Богъ далъ, Богъ и взялъ, и смерть одного изъ членовъ мусульманскаго семейства не производитъ того тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія, какъ у европейскихъ народовъ“. Среди правилъ хожденія въ гости имѣется такое (120): вслѣдъ за угощеніемъ „Послѣ молитвы слѣдуетъ испросить разрѣшеніе хозяина удалиться и послѣ этого уже не вести продолжительной бесѣды, такъ какъ извѣстно изъ преданія, что Мухаммедъ говаривалъ: „послѣ принятія пищи расходитесь поскорѣй“. Строки, посвященныя авторомъ описанію затрудненій, которыя испытываетъ мусульманинъ, попавшій на угощеніе въ русскій домъ (120—121), вызываютъ въ моей памяти слѣдующій случай, имѣвшій мѣста въ Мервѣ въ 1906 году: мой пріятель, туркменъ-мулла пришелъ въ русскій домъ, гдѣ я остановился, какъ разъ къ обѣду; такъ какъ въ числѣ блюдъ была свинина, радушные хозяева не рѣшились пригласить муллу къ столу, и ему пришлось ожидать въ гостиной послѣобѣденнаго чаю. Когда въ тотъ же

день я ѣхалъ вмѣстѣ съ муллой верхомъ на одной лошади въ его аулъ—мулла сидѣлъ позади меня „во второмъ классѣ“, какъ говорятъ туркмены—онъ признался, что ему давно хочется попробовать свинины, ѣсть которую мусульманамъ запрещено, будто-бы, потому, что мясо свиньи сладко, какъ тѣло человѣка, и замѣтилъ, что напрасно его не пригласили къ столу, такъ какъ для него не было бы грѣхомъ ѣсть запретную пищу, еслибы онъ не зналъ, что это такое. На стр. 135—137 приводится легенда, иллюстрирующая бережное и внимательное отношеніе туркестанцевъ къ хлѣбу. Среди правилъ пріема пищи имѣется такое (149): „Не слѣдуетъ пить прямо изъ горлышка закрытаго сосуда“, а между тѣмъ я прекрасно помню, какъ во время одного изъ моихъ посѣщеній покойнаго хивинскаго хана въ пріемный вечерній часъ, повелитель Хивы, сидя со свитой въ обширномъ пріемномъ залѣ безъ потолка (корунуш-хана), потягивалъ влагу (не знаю: чай или воду) прямо изъ горлышка небольшого чайника.

Заботой о животныхъ отмѣчены правила передвиженія (160—161); здѣсь же говорится: „къ грубости извозчиковъ надо относиться снисходительно: *грубость въ обычаѣ у извозчиковъ*“ (161). Характерно предписаніе (166): „Неприлично пріѣзжать домой, къ своей семьѣ, неожиданно, это даже грѣшно. Слѣдуетъ, подъѣзжая къ городу, послать впередъ вѣстника предупредить домашнихъ о возвращеніи хозяина“.

Книжка *Н. С. Лыкошина* издана „къ полувѣковому юбилею завоеванія русскими Туркестанскаго края“, и поэтому въ ней естественно искать указаній на то, какія измѣненія внесло появленіе русскихъ въ туземный бытъ. Этого вопроса авторъ касается попутно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но только кратко; на стр. 130 читаемъ: „Съ появленіемъ въ краѣ русскихъ туземцы стали присматриваться къ тому, какъ живутъ ихъ сосѣди, а благосостояніе туземнаго населенія стало расти съ каждымъ годомъ быстрѣе и быстрѣе. Тогда какъ раньше богачемъ счи-

тали человѣка, имѣвшаго капиталъ въ 10—20 тысячъ рублей, теперь такихъ людей считаютъ заурядными лавочниками, а коммерсантами считаютъ только милліонеровъ. Благодаря притоку денежныхъ средствъ стали расти и потребности, и полувѣковая совмѣстная съ русскими жизнь нашихъ туземцевъ рѣзко измѣнила весь обиходъ ихъ хозяйства“ [9].

Подробное выясненіе вліянія русской культуры на среднеазіатцевъ могло бы служить особенно подходящей темой самостоятельной работы по случаю недавняго юбилея. Отмѣчу, что въ одномъ изъ самаркандскихъ медресэ я знавалъ студента-таджика, поклонника философіи *Соловьева*, среди хивинскихъ сановниковъ я встрѣтилъ почитателя *Толстого*, *Крыловъ* переведенъ на казакъ-киргизскій языкъ, а еще въ 1902 году одинъ мервскій мулла туркменъ выразился въ бесѣдѣ со мной про какого-то своего поэта: „онъ—*Пушкинъ*“.

Петроградъ
Ноябрь 1915 г

А. Самойловичъ.

[9] Того же вопроса касается замѣтка *Н. Л. Лыкошина* „Результаты сближенія русскихъ съ туземцами“ (Туркестанскій календарь на 1904 г.). См. еще отдѣльную главу въ книгѣ *Остроумова* „Сарты“ (1908), стр. 92: „Сближеніе сартовъ съ русскими и русское вліяніе на сартовъ“; на стр. 88 той же книги читаемъ: „Можно съ увѣренностью сказать, что второе поколѣніе сартовъ подъ русскимъ правленіемъ „эмансинировалось“ и утратило хорошія качества своихъ дѣдовъ и отцовъ“.

Кочевыя племена Фарсистана.

(Матеріалы, собранные **Б. В. Миллеромъ**).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія о кочевыхъ племенахъ Фарсистана я собиралъ исподволь въ теченіе лѣтняго моего пребыванія въ Ширазѣ въ 1906 году. Относительно Хамсэ мнѣ свѣдѣнія были доставлены администраціей сыновей Каввам-уль-Мулька,—Саларе-Султана и Насръ-уд-Доуле. о нѣкоторыхъ лурскихъ племенахъ я могъ освѣдомиться у главы племени Буйер-Ахмеди, Керим-хана, Бахадур-ес-Салтанэ, котораго Ала-уд-Доулэ, въ томъ году генералъ-губернаторъ Фарсистана, вызвалъ на лѣто въ Ширазъ. Подробныя свѣдѣнія объ „арабахъ" мнѣ могъ сообщить потомокъ ихъ ханскаго рода Мансуръ-ус-Салтане, также жившій въ Ширазѣ. Большое содѣйствіе оказывали мнѣ и разныя другія лица, къ которымъ я попутно обращался, провѣряя и сопоставляя затѣмъ ихъ свѣдѣнія. Болѣе же детальныя данныя о племенахъ Хамсэ и кашкайцахъ *) я собиралъ во время моей поѣздки по южному Фарсистану въ Ноябрѣ 1906 года. Мнѣ пришлось посѣтить кочевки племенъ Эйналлу въ Карабулакѣ, Бохарлу въ Дарабѣ, нѣкоторые арабскіе роды на пути отъ Дараба въ Джехрумъ и Меймендъ; въ Фирузабадѣ же и далѣе на пути въ

*) Въ одномъ изъ предстоящихъ выпусковъ Зап. Вост. Отд. ИМПЕРАТОР. Археол. Об-ва будутъ помѣщены пѣсни кашкайцевъ (текстъ и переводъ), собранныя въ 1914 году въ Ширазѣ прив.-доц. ИМПЕР. Петроградскаго Университ. А. А. Ромаскевичемъ.

Редакція.

Буширъ я собиралъ свѣдѣнія о земельныхъ отношеніяхъ кашкайскихъ ильханіевъ и о перекочевкахъ ихъ племени.— Изъ письменныхъ источниковъ я пользовался книгой „Фарс-Намэ“. составленной Хаджи Мирзой-Хасанъ ханомъ, Хакимъ-баши, въ 1312 г. гиджры, т. е. 21 годъ тому назадъ, въ коей дано подробное перечисленіе кочевыхъ племенъ Фарсистана. Ввиду нѣкоторой ея устарѣлости я пользовался ею лишь для пополненія пробѣловъ, напр., при описаніи территоріи кочевій лурскихъ племенъ, ихъ классификаціи (о чемъ въ Ширазѣ знали очень мало, мнѣ же лично тѣ округа посѣтить не пришлось), и для исчерпывающаго перечисленія всѣхъ родовъ кашкайскихъ. Уже закончивъ очеркъ, я получилъ выписанный мною, по любезному указанію Александра Яковлевича Миллера. 65-ый выпускъ Сборника Матеріаловъ по Азіи, со статьей Туманскаго („Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно, 1894), въ которой я нашелъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ описанію кочевого населенія Фарса (75—81). Передѣлывать своего очерка я не счелъ нужнымъ, такъ какъ во 1) свѣдѣнія Туманскаго о лурахъ и кашкайцахъ очень отрывочны и неполны, во 2) относительно племенъ „Хамсэ“ онъ даетъ одно лишь перечисленіе ихъ родовъ, правда болѣе подробное, но все же неполное и въ 3) классификація его „арабовъ“ совсѣмъ невѣрна. Всего кочевниковъ въ Фарсистанѣ по Туманскому 64.700 шатровъ, по моимъ же даннымъ 69.450; какъ видно, итоги довольно близкіе, но составлены они очень различно: арабовъ у меня—13.060 у него—19.700. кашкайцевъ по моимъ даннымъ — 35.000, по его же—24.000. луровъ у меня—14.920. у Туманскаго же 9.000. тюрковъ племени Хамсэ (включая Басери) у меня 6.470. у него же—10.000. Кромѣ того, Туманскій приводитъ 2.000 шатровъ кочевниковъ „фарсовъ“ мнѣ совершенно неизвѣстныхъ и кочующихъ, повидимому, въ керманскомъ округѣ.

Кочевыя племена Фарсистана.

Кочевыя племена Фарсистана, т. н. иліяты, состоятъ въ настоящее время изъ двухъ крупныхъ подраздѣленій: изъ (кашкайцевъ), управляющихся собственными ильханіями, и изъ пяти племенъ, объединенныхъ общимъ именемъ „иліяте-Хамсэ“, управляющихся обычно Каввамъ-уль-Мулькомъ и его сыномъ Наср-уд-Доулэ, и во времена немилости или изгнанія Каввама (что, напр., случилось въ маѣ 1907 г.) — ставленниками ширазскаго хукумета. Племена Хамсэ занимаютъ восточную половину провинціи, кашкайцы же — западную. Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ подраздѣленій, имѣется еще рядъ небольшихъ племенъ Лурскаго происхожденія, обитающихъ въ сѣверо-западной части Фарсистана и примыкающихъ къ своимъ соплеменникамъ, горцамъ Бахтіаріи.

Остановимся сперва на племенахъ Хамсэ. Ихъ, какъ показываетъ названіе, пять: Арабы (иле-арабъ), **Эйналлу, Бохарлу, Басери и Неферъ**. Приблизительная численность каждаго племени слѣдующая: Арабовъ — 13.060 семей, могутъ поставить 8.000 тюфенгчи [1]) и 2.000 суваровъ, [2]) т. е. всего 10.000 пѣшихъ и всадниковъ, вооруженныхъ ружьями.

Эйналлу — 1.400 семей, тюфенгчи и суваровъ 1.000.

Бохарлу — 1.000 семей, 1.000 суваровъ, наилучшихъ въ Фарсистанѣ.

Басери — 3.470 семей, 3.000 суваровъ и тюфенгчи.

Неферъ — 500 семей, 500 суваровъ и тюфенгчи.

Такимъ образомъ, численность племенъ Хамсэ — 19.430 семей (шатровъ), вооруженныхъ же пѣхотинцевъ и всадниковъ они могутъ выставить до 15.500 человѣкъ.

Маліатъ, [3]) получаемый со всѣхъ этихъ 5 племенъ, доходитъ до 35.000 тум. въ годъ.

[1]) Т. е. Стрѣлковъ.

[2]) Т. е. Всадниковъ.

[3]) Т. е. подать.

Зимнія ихъ пастбища (кышлаки) простираются отъ южной границы Ларистана (Бастека) до булюка [1]) Хефра (къ югу отъ Шираза), лѣтнія же ихъ кочевки (яйлаки) находятся въ булюкахъ Мервдештѣ (около Персеполиса), Беванатѣ и окрестностяхъ Абадэ (по Ширазо-Исфаганской дорогѣ).

Таковы въ общихъ чертахъ данныя, касающіяся всѣхъ племенъ Хамсэ. Перейдемъ теперь къ болѣе детальному санію каждаго племени отдѣльно, начавъ съ арабовъ.

Арабы (иле-арабъ).

Арабы дѣлятся на двѣ большихъ вѣтви: Джеббарэ и Шейбани. Каждая изъ нихъ распадается на много родовъ.

Роды Джеббарэ слѣдующіе: Лебу-[2]) Мухаммеди, — заключаетъ до 2.000 семей, Лебу-Гани—1.000, Шири—600. Сефери—400, Абдуррезаи—300, Эзизи—100, Бехлуи—200. Гамбери—150, Пирселами—50, Негдали—100, Чегени—200, Бердуни—70, Джабери—100, Хенди—50, Мезиди—2.000. Гараи—1.000, Эрбозъ ве Тати—700,—всего 9.020.

Роды Шейбани: Фарси—500. Велишахи—200, Абдуль-Юсефи—500, Але-Саади—150, Лебу-Хаджи—200, Дерази—500, Хессани—150, Хеннаи—50, Шаабани—30, Бозсорхи—10, Эммади 100, Пеленги—100, Эльвани—300, Бени-Абдуллахи—200, Эмелэ [3])—500 и еще разные мелкіе роды (до 20), обнимающіе 300 семей, всего—4040.

Такимъ образомъ общее число семей обѣихъ главныхъ вѣтвей племени арабовъ достигаетъ—13.060 [4]).

[1]) Понятіе, соотвѣтствующее нашему уѣзду

[2]) Лебу—сокращеніе Але-Бу, т. е. племя родоначальника (Эбу) и т. д.

[3]) Эмелэ—„дворовые", приписанные къ ханамъ и слѣдующіе всегда за ними,

[4]) Въ „Фарс-Намэ", составленной Хаджи-Мирза Хасанъ Ханомъ Хакимъ-баши, въ 1312 г., дано подробное перечисленіе всѣхъ арабскихъ родовъ, которое во многихъ частяхъ не совпадаетъ съ приведеннымъ мною здѣсь на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ сыновьями Каввам-уль-Мулька. Фарс-Намэ знаетъ 32 рода Джеббарэ и 25 шейбани, всего 57. Приводить ихъ я не стану, т. к. это не имѣетъ никакого практическаго значенія. Отъ потомка бывшаго главы арабовъ, проживающаго нынѣ въ Ширазѣ и устраненнаго Каввамомъ отъ управленія, Мансур-ус-Сальтанэ, я получилъ еще другой списокъ всѣхъ родовъ, нѣсколько болѣе подробный, приводимаго мною, который я тоже не помѣщаю. По даннымъ Мансур-ус-Сальтанэ всѣхъ арабовъ 15.000 шатровъ.

Джеббарэ могутъ выставить до 5.000 пѣшихъ тюфенгчи и до 1.000 хорошихъ суваровъ.

Шейбани—до 3.000 тюфенгчи и до 1.000 суваровъ.

Маліата арабы вносятъ до 20.000 тумановъ.

Лѣтнія ихъ пастбища—булюки Беванатъ, Кунгери, Хефрекь и Мервдештъ.

Зимнія пастбища—граница булюка Саб'а (недалеко отъ Бендер-Аббаса) булюки Дарабъ, Джехрумъ и Хефръ. Далѣе всего на югъ и ближе всѣхъ къ Персидскому Заливу заходятъ арабы рода Лебу-Мухаммеди. Между лѣтними и зимними пастбищами арабовъ разстояніе до ста фарсаховъ и болѣе.

Главные ханы и старшины (келантеры) вѣтви Джеббарэ слѣдующіе: Эмиръ Кули-ханъ—рода Лебу-Мухаммеди. Миръ Джани-ханъ, сынъ Ростемъ-хана—рода Лебу-Гани, Мирза Резакули-ханъ (Мезиди), Мешди Реби-ханъ (Шири). Хаджи Абдуль-Хусейнъ (Сефери), Мирза Агануръ (Абдуррезаи), Хаджи Хусейнъ Кули (Эзизи), Хади Ханъ (Бехлуи), Мулла Алибазъ (Гамбери), Хаджи Али Реза (Пир-Селами), Хаджи Хейдеръ (Негдали), Али Ханъ (Чегени), и Мешди Мухаммедъ Али (Джабери).

Ханы и келантеры Шейбани: Миръ Ядулла и Миръ Касемъ бекъ (Фарси). Миръ Мандали (т. е. Мухаммедъ-Али)—рода Велишахи, Миръ Реза Кули ханъ, братъ Реза хана Кухи, казненнаго за мятежъ (Абдуль-Юсефи), Саади ханъ (Але-Саади), Миръ ханъ Керемъ (Лебу-Хаджи), Имамкули ханъ (Деразн). Миръ Аскеръ ханъ, сынъ Миръ Ханбаза,—глава родовъ Эльвани, Текрити, Хошнами, Бени-Абдуллахи и Хессани.

Арабы занимаются земледѣліемъ на своихъ кышлакахъ, гдѣ сѣютъ ячмень и пшеницу въ концѣ января и собираютъ жатву въ концѣ марта, послѣ чего направляются на яйлаки. Ихъ зимніе посѣвы не орошаются искусственно и урожаи зависятъ отъ количества выпавшихъ за зиму дождей.

На лѣтнихъ пастбищахъ они имѣютъ кое-гдѣ посѣвы съ искусственнымъ орошеніемъ (фарьяби), сѣютъ они во 2-ой половинѣ сентября (с. с.) и снимаютъ жатву. возвратясь съ зимнихъ пастбищъ, т. е. приблизительно въ началѣ іюня. Лѣтніе урожаи хлѣбовъ они отправляютъ въ Іездъ для продажи.

Главное занятіе арабовъ составляетъ скотоводство, хотя оно сравнительно не такъ развито, какъ у кашкайцевъ. Главныя животныя—верблюды, ослы и овцы. Большую статью дохода арабовъ составляетъ торговля шкурками ягнятъ. Всѣ скупщики шкурокъ (главные—русскоподданные) имѣютъ своихъ агентовъ среди этого племени, а также и другихъ племенъ Хамсэ, и въ теченіе зимняго времени (съ октября по мартъ) скупаютъ шкурокъ на нѣсколько сотенъ тысячъ тумановъ. Деньгами, вырученными отъ продажи шкурокъ, арабы вносятъ подати и наши русскіе скупщики являются посредниками по взносу арабами маліата. Въ сезонъ скупки шкурокъ среди племени появляются наѣзжіе изъ Шираза коммиссіонеры, которые уплачиваютъ кочевникамъ задатки натурой, въ формѣ мануфактурныхъ и другихъ товаровъ. Большимъ подспорьемъ для арабовъ является производство ковровъ, чѣмъ занимаются исключительно женщины. Въ среднемъ каждая семья вырабатываетъ въ годъ по одному ковру. Ковры родовъ Джеббарэ отличаются лучшими качествами, чѣмъ родовъ Шейбани. Въ общемъ же ковры арабовъ далеко уступаютъ кашкайскимъ. Наконецъ, подсобнымъ промысломъ является для арабовъ перевозка товаровъ на своихъ верблюдахъ и ослахъ, хотя и въ этомъ отношеніи они уступаютъ кашкайцамъ, обладающихъ бóльшимъ количествомъ вьючныхъ животныхъ.

Всѣ келантеры и ханы арабовъ утверждаются правителемъ всего племени, назначаемымъ ширазскимъ губернаторомъ и отвѣчающимъ передъ Ширазомъ за исправный взносъ подати. Ни у одного изъ келантеровъ и хановъ нѣтъ своей калэ, т. е. укрѣпленнаго мѣста. Вооруженіе

арабовъ, какъ и всѣхъ другихъ кочевниковъ Фарса, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ружей системы Henry-Martini, въ рѣдкихъ случаяхъ у ихъ хановъ имѣются магазинки бельгійскихъ и германскихъ фабрикъ.

Несмотря на давнишнее пребываніе на персидской территоріи, арабы сохранили всѣ звуки своего языка, значительно, впрочемъ, исказивъ грамматическія его формы, воспринявъ массу персидскихъ словъ и выраженій. Т. н. всѣ числительныя они употребляютъ теперь персидскія, позабывъ свои арабскія.

Историческихъ преданій о своемъ происхожденіи у арабовъ Фарсистана, какъ и у другихъ кочевыхъ племенъ этой провинціи, не сохранилось почти никакихъ. Судя по существенному искаженію, коему подвергся ихъ языкъ, можно думать, что они уже много столѣтій кочуютъ въ центральной части Фарсистана, совершенно изолированные отъ своихъ сородичей персидскаго Арабистана. Изъ книги Фарс-Намэ и устныхъ сообщеній Мансур-ус-Салтанэ, проживающаго въ Ширазѣ потомка наслѣдственныхъ хановъ всего племени (съ іюля 1907 г. возстановленнаго правителемъ арабовъ), мнѣ привелось узнать слѣдующее: Происходятъ эти арабы отъ бедуиновъ Неджда и Омана, которые въ началѣ халифата, появились на границахъ Ирана. Въ глубь страны они проникли, повидимому, позднѣе,—въ началѣ водворенія сефевидской династіи. Издревле они подраздѣлялись на двѣ крупныя вѣтви, Джеббарэ, которую также называютъ „арабе-кучи", и Шейбани, изъ которой происходитъ ханскій родъ. Прадѣдъ современныхъ хановъ—Миръ Исмаилъ ханъ, пользовался большимъ значеніемъ при послѣднихъ сефевидахъ. Сыну его, Миръ-Мехди хану, было поручено также управленіе племени Басери; онъ энергично управлялъ этими двумя племенами еще при Надиръ шахѣ [1]). Его старшій сынъ, Миръ-Селимъ ханъ, служилъ Керимъ хану Зенду [2]), а внукъ, сынъ Селима

[1]) 1148 г. Хиджры—1736 г. по Р. Хр.
[2]) 1163 г. Хиджры—1750 г. по Р. Хр.

Ага хана, уже основателю каджарской династіи (умеръ въ 1230 г. гиджры). Послѣдніе самостоятельные ханы Шейбани, наслѣдственно правившіе племенемъ, были Аббасъ ханъ, сынъ Ага хана (ум. 1250 г.) и Али Кули ханъ, сынъ Аббасъ хана (ум. 1285), наконецъ, Реза Кули ханъ, другой сынъ Ага хана (ум. 1298 г.). Съ этого времени управленіе племенемъ сосредоточилось въ домѣ Каввамъ-уль-Мулька (изгнаннаго изъ Шираза населеніемъ въ маѣ 1907 г.).

Басери.

Племя Басери дѣлится на 2 вѣтви: Вейси и Али-Мирзаи.

Вейси — обнимаетъ слѣдующіе роды: Джучинъ. численностью до 400 семей, Ферхади 400, Лебумуса — 400, Абдали—200, Алишахкули—150. Хеннаи—40. Аллакули—60, Менсури Лебу Муса - 20, Ouладе Юсефъ ве Юнусъ — 250. **Али Мирзаи** — состоитъ изъ: Али Гамбери — 400, Салехи — 400, Куки—150, Кереми—300, Миръ—200, Хусейн-Ахмеди—100. Итого всѣхъ 3,470 семей или шатровъ [1]).

Вейси могутъ выставить до 2,000 вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ людей. Али-Мирзаи лишь до 1,000, которые далеко уступаютъ въ храбрости Вейси.

Маліата племя Басери платитъ 8.000 тумановъ.

Лѣтнія кочевья ихъ — въ Мешканѣ, Дельве-Незерѣ, Бованатѣ, Асупасѣ (около Дехгерду) и булюкахъ Эрсинджанѣ и Креминѣ.

Зимнія кочевья — въ Хермѣ, Бидешехрѣ (недалеко отъ Ларистана), Джуюмѣ, Банару. и въ булюкахъ Сервестанѣ, Корбалѣ и Кеварѣ [2]).

[1]) Въ Фарс-Намэ сообщаются гораздо болѣе краткія свѣдѣнія о родахъ Басери—мало совпадающія съ моимъ спискомъ, именно Али Мирзаи, Вейси, Али Камбери, Шекари, Терборъ и Чарбоничэ.

[1]) На зимнія кочевья они идутъ тремя путями: 1) черезъ Херамэ, 2) черезъ Сервестанъ и Феса и 3) черезъ Сервестанъ и герденэ ущелье Хане-Кахдунъ.

Главы родовъ въ настоящее время: у Вейси—Хаджи Мухаммедъ ханъ, келантеръ; у Али Мирзаи—Хаджи Рейханъ, Кербелаи Сази ханъ, Миръ Ахмеди и Неджефъ Кулибекъ.

Ихъ образъ жизни, время и родъ посѣвовъ на кишлакахъ и яйлакахъ, выборъ и утвержденіе родовыхъ главъ, вооруженіе — тѣ же, что и у арабовъ. Скотоводство развито слабѣе. Верблюдовъ у Басери очень мало; овцеводство хорошо развито и ягнячьи шкуры не уступаютъ по качеству арабскимъ вѣтви Шейбани. Басери отчасти уже переходятъ къ осѣдлому образу жизни и къ занятію исключительно земледѣліемъ (вѣтвь Али Мирзаи). Большинство родовъ говорятъ по-персидски (фарси), меньшинство на тюркскомъ нарѣчіи. Происхожденіе Басри невыяснено, хотя персидскіе этимологи безъ всякаго основанія любятъ производить ихъ изъ Басры. Какъ я упоминалъ, въ концѣ царствованія сефевидовъ, управленіе Басери было отдано Мир-Мехди хану, арабу Шейбани, послѣ котораго управленіе арабами перешло къ его старшему сыну Мир-Селимъ-Хану, а племенемъ Басери къ младшему, Мир-Шафи-хану; послѣ смерти этихъ двухъ лицъ, управленіе Басери продолжало оставаться въ рукахъ потомковъ Шафи хана до 1279 г. Хиджры, когда перешло въ завѣдываніе Каввам-уль-Мулька.

Бохарлу.

Это немногочисленное тюркское племя распадается на 5 вѣтвей, а каждая на нѣсколько родовъ:

Вѣтвь Ахмедлу - роды Касымбеглу, Морад-хасемлу, Алемдарлу, Элизбеглу, Эмелэ, Ашегъ, Кара, Ouладъ, Исмаил-хани, Хоруслу, Сефи хани, Сулеймуни Джамебозорги, Амани.

Вѣтвь Ресуль хани: роды Секкизъ и Дулихани.

Вѣтвь Хейдерлу: роды Борборъ, Эвезлу, Булибеглу, Садеглу, Комеллу.

Вѣтвь Терекеджатъ: роды Хаджи Отарлу, Абуль Касемлу, Джергэ, Кемендлу, Шемслу, Шейхъ, Хаджи Баруни, Моршедлу.

Вѣтвь Мешедлу: (на роды не распалась) [1]).

Численность Бохарлу около 1.000 семей, которыя могутъ выставить до 1.000 хорошо вооруженныхъ суваровъ, пожалуй наилучшихъ въ Фарсѣ. Маліата Бохарлу должны были бы платить до 2.000 тумановъ, но они его въ дѣйствительности не вносятъ, а несутъ личную службу, находясь въ распоряженіи ширазскаго губернатора. Они частью несутъ полицейскую службу, какъ въ самомъ Ширазѣ, и его окрестностяхъ, такъ и по главнымъ караваннымъ пунктамъ, способствуя сокращенію грабежей каравановъ. Каввам-уль-Мулькъ выдавалъ имъ изъ личныхъ средствъ до 4.000 тумановъ въ годъ, а также много продовольствія натурой.

Главный ханъ всего племени Бохарлу, — Бехадуре-Низамъ. Участіе въ управленіи племенемъ принимали (въ 1906 г.) также сыновья Бехадура и нѣкій Зіядъ ханъ, сынъ Насрулла хана. Главы отдѣльныхъ вѣтвей: Ахмедлу-Эміръ Ага ханъ, сынъ Бехадура; вѣтвь Хейдерлу имѣетъ нѣсколькихъ старшинъ (кетхуда); во главѣ Терекеджатъ стоитъ Рахманъ-ханъ, а Мешедлу — Мешеди Ибрагимъ ханъ. Ресульхани имѣютъ главою Мамедъ Али хана и Мамедъ Хусейнъ хана; послѣдній былъ убитъ въ началѣ ноября 1906 г. въ одной разбойничьей экспелиціи при попыткѣ ограбить караванъ, шедшій въ Дарабъ изъ Форга.

Бохарлу еще продолжаютъ кочевать, хотя давно замѣчается у нихъ тенденція къ осѣдлой жизни, — но кочуютъ всего лишь на продолженіи нѣсколькихъ фарсаховъ по долинѣ Дараба, и зимой и лѣтомъ. Скотоводствомъ они почти не занимаются, разводятъ только лошадей; ихъ

---

[1]) Этотъ полный списокъ родовъ Бохарлу мнѣ удалось получить въ самомъ Дарабѣ, отъ мѣстнаго Наиб-уль-хукумэ, Мирзы Давудъ хана. Списокъ, приведенный въ Фарс-Намэ, неполонъ и неточенъ.

ханы въ долинѣ Дараба владѣютъ многими селеніями. Промысловъ никакихъ не имѣютъ, ковровое производство совсѣмъ пало послѣ недавно (въ 1906 г.) случившейся у нихъ болѣзни на овецъ, погубившей почти всѣ ихъ стада. Главное ихъ занятіе, какъ я упоминалъ, несеніе полицейской службы по Фарсу. Происхожденія они тюркскаго и говорятъ на нарѣчіи, довольно сходномъ съ азербайджанскимъ. Бохарлу, вѣроятно, выходцы изъ Туркестана и явились на югъ Персіи въ завоевательныхъ походахъ сельджукидовъ и монголовъ. Вначалѣ ихъ зимнія кочевья были въ равнинѣ Іездехаста (Ларистанскаго) и Дараба. яйлаки же въ окрестностяхъ Рамджерда, Мервдешта и Кемина. Но вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ они сосредоточились около Дараба. Со временъ Надиръ Шаха. племя это управлялось сперва ханами племени Неферъ (см. ниже), именно, Хаджи Хусейнъ Ханомъ и его потомками, затѣмъ поочереди разными ханами изъ отдѣльныхъ вѣтвей (гл. обр. вѣтви Ахмедлу). Затѣмъ, почти 40 лѣтъ Бохарлу находились въ полномъ распоряженіи дома Каввам-уль-Мулька (до 1907 г.).

Эйналлу.

Это тюркское племя, говорящее однимъ языкомъ съ бохарлу, насчитываетъ сейчасъ въ предѣлахъ Фарса до 1500 палатокъ. Они постепенно переходятъ къ осѣдлой жизни и къ занятію земледѣліемъ; значительная часть ихъ живетъ въ м. Карабулакѣ въ булюкѣ Феса, на границѣ Дарабскаго округа, продолжая для своихъ стадъ перекочевывать круглый годъ на протяженіи нѣсколькихъ фарсаховъ. Эйналлу распадаются на много родовъ (до 50), роды. живущіе въ Карабулакѣ и ближайшихъ окрестностяхъ булюка Феса. слѣдующіе: Болагы, Чаянъ, Зенгене, Эйвеллу, Эмиръ Ходжаллу, Диндарлу, Реисбеглу, Пир-Мурадлу, Эфшар-Ушагы, Духу, Ираншахи, Саккызъ и Эхляслу. Въ Карабулакѣ всѣхъ Эйналлу до 400 палатокъ

Кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ Фарса, кругомъ Шираза (родъ Абуль-верди), въ Мервдештѣ (Хефрекѣ) и въ Кеварѣ, ихъ около 1000 семей, занимающихся также земледѣліемъ. Изъ другихъ родовъ Эйналлу отмѣчу еще: Абульверди (уже упомянутый), Исламлу, Бейятъ, Чардех-черикь, Дадбеглю, Зерендкули, Сорогелю, Куртъ, Куртбеглю, Каракара, Чагылу, Корраи, Гөкьперъ, Махмудбеглу и Ягымлу. Эйналлу могутъ выставить всего до 1000 вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ. Маліата они платятъ до 3000 тумановъ. Ихъ келантеръ, происходящій изъ рода Болагы, Кухзадханъ, сынъ Багирхана, проживаетъ въ Карабулакѣ, въ крѣпости (калэ), построенной нѣкіимъ Аббасъ Кули ханомъ. Скотоводство у Эйналлу поставлено слабо, разводятъ они, гл. обр., ословъ, лошадей имѣютъ мало. Овечьи шкурки отличаются хорошими качествами и охотно пріобрѣтаются ширазскими скупщиками.

Языкъ этого племени тюркскій и подвергся въ незначительной степени искаженіямъ подъ вліяніемъ персидскаго языка. Персидскихъ словъ Эйналлу употребляютъ множество, и, подобно арабамъ, приняли персидскія числительныя (порядковыя), снабжая ихъ, впрочемъ, тюркскимъ окончаніемъ.

Происхожденія своего эйналлу не помнятъ, знаютъ лишь смутно, что пришли съ сѣвера. Возможно, что они поселились въ Фарсѣ уже со временъ монгольскихъ государей. Они утверждаютъ, что все ихъ племя насчитываетъ до 12.000 палатокъ и живетъ теперь на сѣверѣ Персіи, около Тегерана и въ Хорасанѣ. Оно вытѣснено было изъ Фарса въ 18-мъ вѣкѣ нашествіемъ афганцевъ и сейчасъ въ Фарсѣ сохранилась лишь небольшая ихъ часть. Ханы Эйналлу происходили изъ рода Абульверди и родоначальникомъ ихъ считался Мухаммедъ Салехъ Ага, жившій при послѣднихъ сефевидахъ. Потомки его правили племенемъ приблизительно до 1230-хъ годовъ гиджры, и послѣднимъ изъ нихъ былъ Мехрали ханъ, послѣ котораго династія эта прекратилась. Келантеры, правившіе затѣмъ,

происходили изъ родовъ Куртъ, Сорогелю, а въ послѣднее время Болагы. Багыръ ханъ, отецъ теперешняго келантера Кухзадхана, происходилъ изъ семьи, цѣлый рядъ предковъ которой исправлялъ должность мубашировъ и мустауфи племени. Эйналлу издревле отличались своими разбойничьими наклонностями, и. тѣснимые ширазскими властями, переносили свою дѣятельность въ Керманъ и Іездъ. Окончательно сокращены они въ 1293 г. гиджры (1878 г.), при губернаторѣ Фарса, извѣстномъ гаджи Ферхадъ Мирзѣ, Му'тамид-ед-Доулэ,—отцомъ теперешняго Каввам - уль - Мулька, Али Мухаммедъ ханомъ. Съ тѣхъ поръ часть ихъ поселилась въ Карабулакѣ, и теперь все племя выказываетъ тенденцію перейти къ осѣдлому образу жизни, оставивъ кочеваніе съ кишлаковъ на яйлаки.

Неферъ.

Неферъ тоже тюркское племя, но сохранившее пока въ большей степени кочевой образъ жизни, чѣмъ Эйналлу и Бохарлу. Всего шатровъ до 500; всадниковъ и тюфенгчи они могутъ выставить столько же. Роды Неферъ слѣдующіе: Бадеки. Татемлу, Ченгри. Дулуханлу, Земанханлу. (откуда происходитъ ихъ ханскій родъ). Шеттарлу, Сенджерлу, Шули, Татемъ. Таифеи - Дженнъ. Ираки, Кадлу. Кеннадханлу, Карабаджиглу, Кайдерлу и Лоръ. Маліата они раньше вносили 6.000 тум., но въ послѣдніе годы, ввиду ихъ обѣдненія, съ нихъ взимаютъ, да и то съ трудомъ, всего 2.000 тумановъ. Яйлакъ ихъ въ Мервдештѣ, кышлакъ около Симекана и въ Хефрѣ и Джехрумѣ. Занятіе — овцеводство; они много продаютъ шкурокъ ягнятъ. Нѣкогда это племя было гораздо значительнѣе, и. какъ я сказалъ выше, ханы Неферъ (начиная съ Хаджи Хусейнъ хана. жившаго при Керимъ ханѣ Зендѣ), управляли также племенемъ Басери. Такъ продолжалось до 1269 г. гиджры, когда они были лишены самостоятельности. Теперешній ихъ глава — нѣкій Масумъ-ханъ, ставленникъ Шираза.

Кашкайцы.

Это многочисленное тюркское племя занимаетъ западную часть Фарсистана и кочуетъ, подобно племенамъ Хамсэ, въ направленіи съ сѣв.-зап. на ю.-вост., съ яйлаковъ на кышлаки. Линія, раздѣляющая кочевья кашкайцевъ отъ Хамсэ, проходитъ отъ Семирана (на сѣверѣ) черезъ Ширазъ, Фирузабадъ и далѣе на югъ до Киръ-ве-Карзи.

Кашкайцы издревле управляются своими ильханіями и ильбегіями, назначаемыми изъ ханскаго рода. Это племя, однородное по своему составу, живетъ гораздо болѣе сплочено, нежели искусственная группа Хамсэ и, превосходя послѣднюю многочисленностью и зажиточностью, является важной по своему значенію политической силой въ Фарсистанѣ. Всѣхъ шатровъ кашкайскихъ считаютъ до 35.000. Суваровъ и тюфенгчи кашкайцы могутъ выставить не менѣе 17.000, а м. б. и до 20.000. Кашкайцы подраздѣляются на массу родовъ (до 65); остановлюсь сперва на самыхъ главныхъ.

Дерешули—до 6.000 палатокъ, [1]) кочуютъ отъ окрестностей Семирана (подъ Исфаганомъ) до Бехбехана, въ округѣ коего находятся ихъ зимнія кочевки. Ханскій родъ называется Киха; теперешніе ихъ ханы—Хейдеръ Ага и Каземъ Ага со своими родственниками.

Шишбулюки—около 6.000 шатровъ. Яйлакъ ихъ около Абадэ (недалеко отъ арабовъ) и Еглида; кышлакъ—около Фирузабада, Фамура и Казеруна. Ихъ ханы — братья Ахмедъ и Мухаммедъ и двоюродный братъ Ширханъ.

Фарсимеданъ — около 1.500 палатокъ. Яйлакъ ихъ простирается отъ Казеруна къ Дежи Курду и Седэ. Кышлакъ въ булюкѣ Махуре - Милаты. Глава рода Абдулла бекъ, тесть недавно (1906 г.) умершаго ильханія Зергамъ-уд-Доулэ.

---

[1]) У Туманскаго 8.000, стр. 77.

Кешкули — около 1.500 палатокъ, по кышлаку и яйлаку сосѣди съ Фарсимеданъ. хотя. разумѣется, ихъ территорія. какъ у всѣхъ номадовъ Фарса, имѣетъ строгія границы. Главы рода — Мухаммедъ Хасанъ ханъ и его племянникъ Мухаммедъ Али ханъ.

Эмелейе-хеванинъ. — какъ бы дворовые люди кашкайскихъ хановъ, составляютъ отъ 5 до 6.000 палатокъ; они обязаны сопровождать постоянно ильханія, и, какъ обязанные личной службой, не платятъ маліата.

Перечислю другіе мелкіе роды кашкайцевъ: Ардкепанъ, Абульхасани, Охчолу, Охчепуль, Эрдешири, Эслани, Эфшаркермани, Эмирлу, Уріатъ, Ireклу. Игдеръ, Эйнаклу. Эюблу, Папети. Бараникордлу, Беллу, Билилевендъ. Пагиръ, Беятъ, Тевелелли, Чардехчерикь, Джамебозорги, Четезъ. Джерекани, Джафербеклу. Джафарбеги, Чегени, Халладжъ, Дедекэ, Рехими, Зенгенэ. Саруи, Сехмедини, Шахиллу, Сефихани. Тейиби. Алибеклу, Аликурдлу. Фейли-Карачэ, Кобадлю. Карачеллу. Караганлу, Карагани, Кутулу, Кучебеглу. Кеи, Корраи, Керманлу, Геллезенъ. Кохку. Кохва. Малеахмеди. Мамедземанлу, Мергемири, Моганлу. Могани. Муселлу, Немеди, Венда и Йелмэ.

Яйлаки и кышлаки этихъ родовъ расположены приблизительно въ тѣхъ же округахъ, что и приведенныхъ выше пяти болѣе крупныхъ вѣтвей. Въ общемъ, можно сказать, что яйлаки всего племени кашкайскаго занимаютъ булюки: Дезгердъ, Серхедде - Чардонгэ. Серхедде - Шешнахійэ, Камфирузъ, Каканъ и Кохразъ; кышлаки же — булюки: Арбаа, Эфзеръ, Джеррэ. Хыштъ, Хенджъ. часть Дешта и Дештистана. Феррашбендъ и Махуре, Милати.

У каждаго рода имѣется свой келантеръ и кетхуда, утверждаемые ильханіемъ, на обязанности коихъ лежитъ взиманіе маліата, который достигаетъ 40.000 тум. въ годъ. Уплачиваютъ его въ два срока — осенью и весной. Главное занятіе кашкайцевъ — овцеводство, коневодство, тканіе ковровъ и перевозочный промыселъ. Овечьи шкурки ихъ

не отличаются такими достоинствами, какъ у племенъ Хамсэ, и потому совсѣмъ не скупаются для выдѣлки. Зато кашкайскія лошади славятся на всемъ югѣ Персіи и кашкайцы старательно улучшаютъ ихъ породу, скупая или воруя арабскихъ коней. Ковры кашкайскіе — лучшіе въ Фарсистанѣ, и нерѣдко продаются за высокія цѣны. Большимъ источникомъ злоупотребленій является сборъ маліата, когда келантеры за безцѣнокъ отбираютъ отъ нихъ въ счетъ податей ихъ ковры. Распродаютъ ихъ кашкайцы, гл. обр., въ Ширазѣ дважды въ годъ, осенью и весной при проходѣ съ зимнихъ кочевокъ на лѣтнія и обратно. Кашкайцы въ общемъ гораздо зажиточнѣе арабовъ и мелкихъ тюркскихъ племенъ, и обладаютъ большимъ количествомъ верблюдовъ иословъ, на которыхъ перевозятъ свои черныя палатки и весь домашній скарбъ при перекочевкахъ, занимающихъ болѣе 6 мѣсяцевъ въ году.

Земледѣліе у нихъ развито въ большей степени на кышлакахъ и является подсобнымъ промысломъ. Ихъ ильханы обладаютъ многочисленными имѣніями, какъ на югѣ (въ Гермсиратѣ), такъ и на сѣверѣ Фарса (въ Серхеддѣ).

Вооружены кашкайцы тѣми же сортами ружей что и Хамсэ, которыя имъ обходятся дешевле, въ ввиду ихъ большей близости къ портамъ Персидскаго Залива, черезъ которые происходитъ контрабандный ввозъ ружей изъ Маската. Нерѣдко приходится видѣть у нихъ маузеры и мартини съ надписью Muscat и съ иниціалами тамошняго султана Сеида имама Фейсаля. (S. I. F.).

Управленіе всѣмъ племенемъ сосредоточено въ рукахъ ильханія. Въ качествѣ помощника у него есть ильбеги, обыкновенно изъ его родственниковъ, часто младшій братъ. Кашкайскіе ильхани происходятъ изъ рода Шахилю и возводятъ свою родословную къ Чингисхану (Дженгизхану), чѣмъ очень гордятся.

Привожу таблицу ихъ родословнаго дерева, приблизительно съ конца 17-го вѣка и до настоящаго года—(1907 г.)

Родословная Кашкайс

Эмиръ Каз
Каз

Джан

Сафарал

Бекъ Мухаммед

Намдар

Джан

Исмаилъ хан
(ослѣпленъ в

Джани ханъ
ильхани (съ 1234 г.)

Хаджи Хусейнъ Кули ханъ

Мухаммедъ Али ханъ, ильхани съ 1239 г., съ 1251 по 1265-й былъ въ Тегеранѣ. (1208—1268)

Исмаилъ Ханъ	Джехангиръ ханъ, 1230—1288, сертипъ, ильбеги съ 1268 г.	Лютфали ханъ, сертипъ. ум. въ 1270 г.	Хаджи Насрулла ханъ, Ас'адус-Сальтанэ, р. 1256 г., ильбеги съ 1295. ильхани 1312—16 г.
Аббасъ ханъ, Али Акберъ ханъ и Багыръ ханъ (родовыя имѣнія ихъ въ Камфирузѣ).	Мухаммедъ Хасанъ ханъ, серхенгъ.	Хаджи Мухаммедъ Садыкъ ханъ.	Султанъ Ибрахимъ ханъ серхенгъ, Асад-ус-Сальтанэ, р. 1287, ильхани 1316—17, при отцѣ былъ ильбеги.

ихъ Ильханіевъ.

Шахилу Кашкай
Ага

Ага

Ага

Ага

Ага

Ага

Кашкай
концѣ 18 в.).

Хасанъ ханъ Кашкай,
Мутамид-ус-Сальтанэ,
современникъ Керимъ хана (отрублены руки).

ильбеги и
ум. въ 1239 г.

Муртеза Кули ханъ, ильбеги въ юности, ум. въ 1249 г.

Мустафа Кули ханъ, Сердаръ, ум. въ 1247 г.

Мухаммедъ Кули ханъ р. 1224. ум. 1284. ильбеги съ 1250, ильхани съ 1268 г.

Али Кули ханъ, р. 1230, ильбегисъ 1288 г.

Имамъ Кули ханъ.

Сохрабъ ханъ, казненъ въ 1291 г.

Дарабъ ханъ, р. въ 1254. ильбеги съ 1293.

Султанъ Мухаммедъ ханъ, ильхани съ 1284 по 1312 г.

Алла Кули ханъ, Технидель ханъ, Хабибулла ханъ, Аманулла ханъ.

Бохадуръ ханъ.

Абдулла ханъ, Зергам-уд-Доулэ, ильхани 1317—1324 г.

Исмаилъ ханъ, Соулет-уд-Доулэ, ильхани въ 1324—1325 гг. при Зергамѣ былъ ильбеги.

Ахмедъ ханъ, Зейгамуд-Доулэ.

Ата ханъ, Соулет-ус-Сальтанэ.

Али ханъ

Лѣтнее пребываніе ильханіевъ въ Семиранѣ, въ двухъ переходахъ отъ Кумише, зимнее же въ булюкѣ Гырве Карзи, на западѣ отъ Джехрума. Настоящій ильхани (Соулет-уд-Доулэ) проводитъ зиму въ Чахе-Каземи, въ 4-хъ переходахъ отъ Фирузабада.

Мелкія племена Фарсистана лурскаго происхожденія.

Лурскія племена занимаютъ с.-з. часть области, населяя два булюка: Кухе-Гелуйэ и Мамасени. На сѣверѣ они примыкаютъ къ Бахтіаріи, съ востока граничатъ съ тремя булюками, гдѣ лѣтомъ кочуютъ кашкайцы,—именно: Серхедде шеш нахійе, Серхедде чехар донгэ и Камфирузомъ; на югѣ примыкаютъ къ казерунскому округу и Махуре Милати (въ послѣднемъ—кышлаки кашкайцевъ кешкули); на западѣ булюкъ Кухе-Гелуйэ доходитъ до моря, а на с.-з. граничитъ съ Рам-Ормузомъ. Области, занятыя лурами, гористы, какъ и по всему протяженію Фарсистана горные хребты идутъ съ с.-з. на ю.-в. и образуютъ рядъ послѣдовательныхъ террасъ, постепенно понижающихся къ Персидскому Заливу; с.-в. часть обоихъ округовъ (Кухе-Гелуйэ и Мамасени) образуютъ такъ назыв. серхеддъ, а ю.-з. гермсиратъ, что даетъ лурскимъ племенамъ возможность, въ зависимости отъ времени года, перекочевывать къ П. Заливу и обратно, т. обр., съ с.-в. на ю.-з.,—но въ общемъ на гораздо меньшемъ протяженіи, чѣмъ то дѣлаютъ племена Хамсэ и кашкайцы, передвигающіеся параллельно горнымъ хребтамъ, т. е. съ с.-з. на ю.-в.

Общая схема развѣтвленій лурскихъ племенъ слѣдующая. Насчитываютъ двѣ крупныхъ вѣтви: Луры Кухе-гелуйэ (Кухгелу), называемые такъ по занимаемой ими области, и луры Мамасени. Первые распадаются на 3 самостоятельныя вѣтви, далеко не одинаковыя по своему значенію, на Агаджери, Бави и Джаки. Послѣдняя группа, самая значительная, распадается, въ свою очередь, на

много племенъ и родовъ, именно, сперва на 2 вѣтви: Чарбоничэ и Лирави. Чарбоничэ дѣлятся на Буйэръ Ахмеди, Черомъ, Дошмензіари и Нуи. Лирави же на Лирави-Кухъ и Лирави-Дештъ, изъ которыхъ кочевымъ является первое. Оно, въ свою очередь, дѣлится на Бехмеи, Ширали и Шехруи, Тейиби и Юсефи. Всѣ перечисленныя племена составляютъ группу луровъ Кухгелу. Луры Мамасени же дѣлятся на вѣтви: Бекешъ, Джавиди, Дошмензіяри и Ростемъ.

Приведу нѣкоторыя, къ сожалѣнію, не всегда полныя свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ родовъ.

Луры Кухгелу.

Агаджери—единственное по своему составу не чисто лурское племя (въ него вошли элементы тюркскій и персидскій), насчитывало раньше до 5.000 домовъ, но сейчасъ ихъ не болѣе 800. Оно распадается на роды: Афшаръ, Бегдели, Тильку, Джаме-Бозорги, Джагатай, Дауди, Шери, Карабагы, Гештиль и Лорзебанъ. Агаджери кочуютъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Бехбехана, причемъ зимой живутъ въ черныхъ палаткахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ изъ вѣтвей, по берегамъ рѣки Хейрабада. У нихъ имѣются кое-какіе посѣвы (бахскаръ) т. е. безъ искусственнаго орошенія, въ булюкѣ Махуре-Милати. Главное ихъ занятіе скотоводство. Агаджери приписаны къ Бехбехану и совмѣстно съ племенемъ Тейиби (см. ниже) платятъ до 5.000 тумановъ маліата и могутъ вмѣстѣ съ Тейиби (коихъ 700 домовъ) выставить 500 тюфенгчи и суваровъ.

Бави — насчитываютъ до 600 семей и 400 хорошо вооруженныхъ тюфенгчи; маліата платятъ 1.500 тум. Дѣлятся на роды: Алишахи, Гешинъ, Мусаи, Берафтаби и Калеи. Кочуютъ въ „уѣздахъ" Бави и Кухе-Мерре, на небольшомъ протяженіи; зимой обитаютъ въ палаткахъ, лѣтомъ—въ шалашахъ. Говорятъ теперь лурскимъ языкомъ, хотя происхожденіе свое возводятъ къ одноимен-

ному съ ними арабскому племени, обитающему въ персидскомъ Арабистанѣ. Ихъ келантеръ—Аббасъ кули ханъ, вмѣстѣ съ тѣмъ управляетъ частью племени Буйеръ-Ахмеди (см. ниже).

Буйеръ-Ахмеди — обитаютъ къ с.-в. отъ Бехбехана, въ округахъ Телле Хосрови, Ревенъ и отчасти Беляде-Шапуръ. Длина ихъ кышлаковъ въ Беляде-Шапуръ—6 фарс., ширина 3. Главное ихъ зимнее селеніе—Ару, въ 8 ф. отъ Бехбехана. Яйлакъ же ихъ—въ округахъ Ревенъ и Телле-Хосрови—12 фарсаховъ (фарсахъ=7 верстъ) въ длину и 8 въ ширину; тамъ ихъ главное селеніе Дерраханъ. въ 22 ф. отъ Бехбехана. Разстояніе между кышлакомъ и яйлакомъ въ 9 фарсахахъ занято другимъ племенемъ Черомъ (см. ниже). Буйеръ-Ахмеди, т. обр., дѣлятся на двѣ вѣтви: Серхедди и Гермсири, подраздѣляющіяся на массу мелкихъ родовъ, какъ то: Агаи, Ардешири, Ouладе Мирза Али, Бабамелики, Баделуни, Батули, Берафтаби, Та-сахмеди, Тамуради („та“ по-лурски — братъ), Джелиль, Халили, Серекухекь, Шейхмему, Аббаси, Гудерзи, Негин-Таджи, Мешеди. Дѣленіе на гермесири и серхедди произошло около 115 л. т. н. (въ 1217 г. гиджры).

Глава серхедди – Керимъ ханъ Бехадур-ус-Сальтанэ; Серхедди считается до 3.000 палатокъ и 2.000 тюфенгчи и суваровъ, извѣстныхъ своей храбростью. Маліата они платятъ 4.500 тум. Буйеръ-Ахмеди Серхедди одно изъ наиболѣе дикихъ племенъ Фарса, очень воинственное и часто враждуетъ съ сосѣдями своими—бахтіарами. Съ кашкайцами же въ общемъ живутъ дружнѣе. Буйеръ-Ахмеди Гермсири 2.750 домовъ и 1.500 вооруженныхъ (тюфенгчи и суваровъ), маліатъ ихъ 4.000 тум. Ихъ келантеръ-Аббаскулиханъ, управляетъ также племенемъ Бави (см. выше)—(у Туманскаго всѣхъ Буйеръ-Ахмеди—6.000 шатровъ).

Черомъ,—какъ сказано выше, обитаютъ между двумя вѣтвями Буйеръ-Ахмеди. Главное селеніе Теллегердъ, въ 10 ф. отъ Бехбехана. Дѣлятся на роды: Беглеръ, Бонари, Пероухори, Тармуни, Хесамъ-Бехаеддини, Дильгунъ,

Шейхъ-Гольбаръ, Гоштаспъ, Кеманкешъ, Месих-шахи. Всѣхъ шатровъ около 600. Келантеръ ихъ Аббас-кули ханъ (см. выше) происходитъ изъ рода Беглеръ.

Дошмензіари—занимаютъ также частъ округовъ Беляде Шапуръ и Ревенъ. Ихъ главное селеніе Калеи-Гель, въ 12 ф. отъ Бехбехана и 4 отъ Дехидешта. Ихъ кочевья занимаютъ 8 ф. въ длину и 2—3 въ ширину. Часть племени живетъ въ области Мамасени (см. ниже). Тѣ же, которые живутъ въ Кухгелу, дѣлятся на 2 вѣтви: Эльяси и Гоштаси, и распадаются на роды: Бавердинари. Буйери, Сольтани. Судинари. Ширмамеди, Календери и Миръ Ахмеди. Всѣхъ семей 400. Келантеръ ихъ рода—Ширъ-Мамеди.

Нуи — занимаютъ также часть округовъ Беляде—Шапуръ и Ревенъ. Резиденція ихъ келантера находится около моста въ 1 ф. отъ Дехидешта и 9 отъ Бехбехана. Кромѣ кочевой территоріи, имѣющей 7 ф. въ длину и 3 въ ширину, они владѣютъ еще 5 селеньями по р. Херсану (Пулэ, Чайенъ, Дехзирна, Дехмаши и Ренд-Календери). отдѣленными отъ нихъ территоріей Дошмензіяри. Нуи распадаются на роды: Папи, Джелалэ, Дерремурди, Делавери, Зенгенэ, Зилуи, Шейх-тир-оуганъ, Шейхъ Хабиль, Махмудшахи и Мехвини. Келантеры—изъ рода Махмудшахи. О численности свѣдѣній не имѣется.

Перехожу къ описанію племенъ Лирави Кухъ.

Бехмеи—дѣлятся на 2 вѣтви: Ахмеди и Мухаммеди, изъ послѣдней происходятъ ихъ ханы. Обѣ вѣтви распадаются на роды: Буль-Абааси, Бонари, Бижени, Джелили, Халили, Рудтальхи), Алаеддини. Эмелэ. Колахкеджъ. Кемахи, Мамедмиса, Неримиса; къ послѣднему принадлежитъ ихъ келантеръ. Бехмеи занимаютъ многія мѣста въ округѣ Ревенъ, къ сѣверу отъ Бехбехана. гранича съ Бахтіаріей. Ихъ кочевья имѣютъ 14 фарсаховъ въ длину и 9 въ ширину. Вся область Бехмеи гористая, съ холоднымъ климатомъ (серд-сиръ). Зиму это племя проводитъ на равнинѣ Рам-Ормуза и въ Бахтіаріи. Семей считаютъ до 2.000, маліата платятъ 4.000. Уже 2 года, какъ это

воинственное и дикое племя дано въ управленіе бахтіарскимъ ханамъ, и сейчасъ, строго говоря, оно уже не входитъ въ составъ кочевыхъ племенъ Фарсистана.

Ширали и Шехруи — насчитывали раньше до 1000 семей, теперь же, большей частью, разсѣялись. Обитали они въ м. Буль Фарисъ, въ окрестностяхъ Бехбехана.

Тейиби — около 700 семей (см. выше), распадаются на роды: Оуладе Таджъ Тайебъ, Тахусейн-шахи, Тарезаи, Ташнали, Тамавели, Тамуради, Тавейси, Чаргахи, Хаджэ Дозеки, Селлешехръ и Семаили, Али Тайебъ, Камбери, Керраи, Гиве, Черми, Насертайебъ. Живутъ они частью въ Беляде Шапуръ, частью въ Ревенѣ. Главное селенье— Линдэ, въ 10 ф. отъ Бехбехана и 5 отъ Дехидешта, Ихъ кочевья имѣютъ 8 ф. въ длину и 6 въ ширину. Кышлакъ— въ Беляде Шапуръ, а яйлакъ въ Ревенѣ. Это племя успѣшно также занимается земледѣліемъ (пшеница, ячмень, хлопокъ, рисъ и кунжутъ).

Юсефи — подобно Ширали, теперь разсѣялись, гл. обр., по Арабистану, изъ прежнихъ 700 семей сохранилось лишь 70. Кышлакъ ихъ въ 12 ф. къ с.-з. отъ Бехбехана, а яйлакъ—въ округѣ Ревенѣ (м. Рамъ Алманъ).

Лиравидештъ—теперь осѣдлы, приписаны къ Бехбехану, маліата въ годъ вносятъ 5.000 тум.

Луры Мамасени

состоятъ изъ племенъ Бекешъ, Джавиди, Дошмензіяри и Ростемъ. Округъ, ими занимаемый, находится на в. отъ Кухе Гелуйе; сѣверная часть его серд-сиръ, южная же герм-сиръ. Въ длину имѣетъ 26 ф. въ ширину 16. Граничатъ на востокѣ съ булюками Ардеканомъ и Камфирузомъ, на сѣверѣ съ булюкомъ Дезгердомъ, на югѣ— Казеруномъ и Кухе-Мерре. Болѣе древнее названіе округа Шулестанъ. Главное селеніе Фехліянъ. Мамасени водворились въ этомъ округѣ съ конца царствованія сефевидовъ. Во главѣ каждаго племени стоитъ келантеръ.

Бекешъ—дѣлятся на роды: Але-Эмиръ, Баба-Саларъ,

Аливендъ и Керраи. Занимаютъ участки съ теплымъ климатомъ; келантеръ ихъ (и племени Джавиди) Хусейнъ Кули-ханъ.

Джавиди—дѣлятся на роды: Ахмедъ Харуни, Джуиджанъ, Халке Харунъ, Дехшейхъ, Рудхурджи, Селлари, Генджа, Кеварейе-Серкухи, Мелули Араби, Мирхасанъ, Абдулла, Мирсенъ. Джавиди занимаютъ холодную часть округа, равно какъ

Дошмензіяри, — тогда какъ **Ростемъ** — обитаютъ въ мѣстахъ съ переходнымъ климатомъ. Глава Дошмензіяри-Джехангиръ-ханъ, племянникъ Асадъ хана, а глава Ростемъ-Абдулла-ханъ. Всѣхъ Мамасени болѣе 4.000 семей. Общее же число всѣхъ лурскихъ племенъ Фарсистана (за исключеніемъ маленькаго племени Нуи), по собраннымъ мною даннымъ, достигаетъ почти 15.000 шатровъ или семей (точнѣе 14.920).

Подводя итогъ сказанному, можно опредѣлить общую численность кочевниковъ Фарсистана въ 69.350 семей (кашкайцевъ 35.000, Хамсэ - 19.430 и Луровъ — 14.920); если принять въ среднемъ число членовъ каждой семьи въ 5 человѣкъ—всего кочевого населенія окажется около 350.000. Вооруженныя силы ихъ, если предположить, что всѣ Луры могутъ выставить 7.500 человѣкъ (по одному на 2 семьи), составятъ 40.000 пѣшихъ и конныхъ. Какъ видно, кочевники Фарса представляютъ весьма крупную политическую силу, а при слабомъ управленіи—являются дезорганизирующимъ элементомъ во внутренней жизни этой области, т. к. большинство изъ нихъ до сихъ поръ еще не оставило своихъ привычекъ къ грабежамъ и разбоямъ, при удобномъ случаѣ. Съ этимъ приходится считаться всѣмъ губернаторамъ Шираза, а время перекочевокъ номадовъ, весной и осенью и взысканіе съ нихъ податей приноситъ немало тревоги и непріятностей ширазской администраціи.

Дальній Востокъ и его отношеніе къ міровой войнѣ.

Вскорѣ послѣ заключенія Портсмутскаго мира, въ бытность свою въ Японіи, намъ пришлось слышать изъ устъ почившаго Архіепископа Николая довольно интересное сообщеніе о томъ, что, когда въ г. Токіо происходили въ Августѣ 1905 г. крупные безпорядки со стороны уличной толпы, выражавшей неудовольствіе свое заключеніемъ договора съ Россіей на принятыхъ обоими государствами условіяхъ, буйствовавшая уличная чернь, неоднократно двигавшаяся по Суругадаю, гдѣ находится помѣщеніе Россійской православной миссіи, всякій разъ проходила молча мимо нашихъ зданій.

Иная получилась картина, когда разъяренные бунтари подошли къ помѣщенію германскихъ миссіонеровъ. Всѣ зданія и помѣщенія послѣднихъ были моментально заполнены японскою толпою, которая въ неистовствѣ своемъ, разсыпая угрозы и проклятія, съ дикимъ ревомъ била стекла въ указанныхъ помѣщеніяхъ, ломала мебель и утварь и готова была, если бы не усмиреніе ея подоспѣвшими войсками, предать все нѣмецкое достояніе огню и мечу.

— „Не знаменательно ли все это?“ — говорилъ мнѣ по сему поводу почившій Апостолъ Японіи. — Дѣйствительно приходится убѣждаться, продолжалъ Владыка, что японцы не имѣютъ къ намъ злобы и ненависти. Я это замѣчалъ и во время самой войны. Но вотъ Германіи съ японцами еще придется считаться“.

Эти пророческія слова, въ то время мало прочувствованныя мною, стоятъ нынѣ воочію предъ нашими глазами.

Японія нынѣ не врагъ нашъ, а другъ, вмѣстѣ съ нами ожидающій разгрома Германіи.

Лишь лица знакомыя съ дѣйствительнымъ настроеніемъ японскихъ умовъ за послѣднія десять лѣтъ могли предвидѣть возможность подобнаго исхода.

Русскій же народъ въ массѣ, непосвященный въ тайны русско-японской дипломатіи, довольно тревожно поглядывалъ въ сторону Страны Восходящаго Солнца при первыхъ раскатахъ грома подъ Парижемъ и Лувеномъ.

— А вдругъ японцы займутъ нашу Сибирь, пользуясь нашею войною съ Германіей и Австріей?— вотъ вопросъ, который безпокоилъ не одного Россійскаго обывателя въ Іюлѣ 1914 года.

И что всего оригинальнѣе, возможность подобнаго исхода не отрицали и сами нѣмцы. По крайней мѣрѣ на страницахъ газ. „Berliner Tageblatt" того времени неоднократно разрѣшалась затронутая японскимъ публицистомъ г. Укита дилемма [1]) о томъ, „каково было бы положеніе тройственнаго Согласія, если бы Японія разорвала свой союзъ съ Англіей, вторглась въ предѣлы Сибири и напала бы на Канаду или Австралію"?

Къ счастью, союзы не такъ легко разрываются. Японія осталась вѣрна Англіи, не вторглась и не вторгнется въ предѣлы Россіи.

Первое офиціальное сообщеніе Японскаго правительства объ его отношеніи къ вопросу начинавшейся міровой войны воспослѣдовало *4 Августа* (22 Іюля) 1914 г., опубликованное Японскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Като.

Вотъ его подлинный текстъ: [2])

---

[1]) См. японскій журн. „Taiyo" („Солнце") XII. 1914 г.

[2]) „Лѣтопись Востока" (Л. В.) 1915. Петроградъ. 36.

„Императорское Правительство можетъ разсматривать послѣднія событія, имѣвшія мѣсто въ Европѣ, только съ чувствомъ величайшей озабоченности, какъ съ политической, такъ и съ экономической точекъ зрѣнія.

Нѣтъ надобности говорить, что Императорское Правительство уповаетъ на быстрое окончаніе войны и возстановленіе мира. Но, если война должна будетъ, къ сожалѣнію, затянуться, Императорское Правительство надѣется, что она не выйдетъ за естественные предѣлы воюющихъ Державъ, при каковомъ условіи Императорское Правительство можетъ надѣяться сохранить свое отношеніе строгаго нейтралитета. Не смотря на это, Правительство должно будетъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій. Въ случаѣ, если Англія окажется втянутой въ конфликтъ и возникнетъ вопросъ объ Англо-Японскомъ союзѣ, Японія можетъ принять тѣ мѣры, которыя она сочтетъ необходимыми для выполненія лежащихъ на ней въ связи съ союзомъ обстоятельствъ. Однако, въ настоящее время нельзя предсказать, будетъ ли такое выступленіе необходимо. Императорское Правительство удѣляетъ величайшее вниманіе создавшемуся, благодаря кризису, положенію, хотя и надѣется, что указанная выше эвентуальность и не представится".

Такимъ образомъ, Японское Правительство 4 Августа въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ заявило, что оно надѣется, что Европейская война не повліяетъ на мирное теченіе жизни въ Восточной Азіи, но что въ то же время „Японія не остановится передъ выполненіемъ своихъ союзническихъ обязательствъ по отношенію къ Англіи, если этого отъ нея потребуютъ обстоятельства".

Японское общество и печать отнеслись къ указанному правительственному сообщенію различно. Одни съ напряженіемъ слѣдили за каждою вѣстію, идущею съ Западнаго театра войны и совѣтовали властямъ какъ можно скорѣе принимать возможныя мѣры, другіе, напротивъ, всюду, гдѣ только можно, старались доказы-

вать, что „Германія, собственно говоря, никакихъ поводовъ для объявленія войны не подавала.“ Единственно, что, по мнѣнію подобнаго рода печати, было, пожалуй, непріятно, это то, что въ Цзяо-Чжоу (Кіао-Чао) былъ размѣщенъ небольшой нѣмецкій гарнизонъ, германскія военныя суда изрѣдка останавливали для осмотра Японскія торговыя суда, или захватывали Англійскіе купеческіе корабли. Все это, по мнѣнію ихъ, не выходило изъ рамокъ обычныхъ явленій военнаго времени.

Вотъ какого рода среди Японской печати раздавались голоса въ тотъ моментъ, когда Англія, вступивъ въ коалицію съ Россіей и Франціей противъ Германіи, запросила Японское правительство насчетъ возможности выполненія послѣднимъ союзническихъ обязательствъ.

Обсуждая сущность этихъ послѣднихъ, Японская оппозиція старалась убѣдить Японское общество въ необходимости оставаться въ положеніи нейтралитета, такъ какъ, по ея мнѣнію, обязательство вооруженной помощи Англіи не является, будто бы, необходимымъ послѣдствіемъ, Англо-Японскаго союза. При этомъ обычно дѣлался намекъ на § 3-й названнаго договора отъ 1905 года, предусмотрѣнная коимъ вооруженная помощь Японіи англичанамъ, въ случаѣ нападенія третьей державы на Индію, была отмѣнена при пересмотрѣ этого договора въ 1911 году.

Однако иначе смотрѣло на положеніе вещей подавляющее большинство Японскаго общества, равно какъ и самое правительство Японіи. И едва Англія обратилась за помощью къ Японіи, какъ послѣдняя, основываясь на условіяхъ дружественнаго союза, рѣшила немедленно пойти навстрѣчу желанію Англіи и 15 Августа (по нов. ст.) обратилась съ нижеслѣдующимъ ультиматумомъ къ Германіи: [3])

---

[3]) ibid. Стран. 37.

„Императорское Правительство считаетъ при настоящихъ условіяхъ въ высшей степени важнымъ и необходимымъ принятіе такихъ мѣръ, *которыя устранили бы всякіе поводы къ нарушенію мира въ Восточной Азіи и оградили общіе интересы,, предусмотрѣнные въ союзномъ договорѣ между Японіей и Великобританіей.* Японское правительство, въ цѣляхъ сохраненія прочнаго и длительнаго мира въ Восточной Азіи, каковой является цѣлію упомянутаго выше договора, считаетъ своимъ долгомъ дать Императорскому Германскому Правительству искренній совѣтъ выполнить слѣдующія два предложенія: 1) *немедленно удалить изъ японскихъ и китайскихъ водъ германскіе военные* и вооруженные корабли всѣхъ родовъ и немедленно разоружить тѣ изъ нихъ, которые не могутъ быть удалены.

2) Не позже 15 Сентября 1914 г. безъ условій и безъ всякаго вознагражденія передать Японскимъ властямъ арендную территорію Цзяо-Чжоу съ тѣмъ, что эвентуально область эта будетъ возвращена Китаю.

Въ то же время Императорское правительство увѣдомляетъ, что въ случаѣ, если до *полудня 23 Августа* оно не получитъ отвѣта отъ Императорскаго Германскаго Правительства, содержащаго безусловное принятіе преподаннаго Императорскимъ Японскимъ правительствомъ совѣта, то послѣднее будетъ *вынуждено принять тѣ мѣры, которыя оно найдетъ соотвѣтствующими при данныхъ условіяхъ*.

Какъ извѣстно, Императоръ Вильгельмъ даже не потрудился дать какой-либо отвѣтъ на приведенный ультиматумъ Японіи, а потому Японское правительство того же 23 Августа (по нов. ст.) объявило Германіи войну. При этомъ защита интересовъ японскихъ подданныхъ въ Германіи ввѣрялось Японскимъ Правительствомъ Правительству *Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.*

Для вотированія расходовъ на веденіе войны 4 сентября 1914 г. въ Токіо была созвана чрезвычайная сессія Японскаго парламента, при открытіи коего Его Величествомъ,

Императоромъ Японіи Іоси-Хито была произнесена нижеслѣдующая тронная рѣчь: 4) „Открывая сессію Императорскаго Парламента, Мы возвѣщаемъ членамъ Палатъ Перовъ и Общинъ нижеслѣдующее:

Въ виду того, что Европейская война простерлась до Восточной Азіи, Мы были вынуждены объявить войну Германіи, чтобы обезпечить Восточной Азіи прочный и длительный миръ. Мы ожидаемъ, что наши подданные лойяльно и единодушно сдѣлаютъ все, чтобы достичь цѣли настоящей войны и увеличить славу націи. Мы приказали нашимъ министрамъ представить парламенту необходимый въ виду войны бюджетъ и прочіе законопроеты и Мы надѣемся, что вы, господа, въ полномъ сознаніи нашихъ намѣреній, окажете имъ полное содѣйствіе“.

Такимъ образомъ, оффиціальный японскій языкъ и тронная рѣчь Повелителя Японіи устанавливаютъ двѣ главныя причины, побудившія Страну Восходящаго Солнца взяться за оружіе и объявить Германіи войну — это выполненіе союзническихъ обязательствъ въ отношеніи Англіи и стремленіе Монарха Японіи „обезпечить Восточной Азіи прочный и длительный миръ“.

Однако, для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ тѣ причины, которыя побудили японцевъ принять столь крупное участіе въ міровой войнѣ, необходимо, кромѣ дипломатическаго языка, заглянуть вглубь тѣхъ политико-экономическихъ чаяній японскаго народа, которыя настойчиво диктовались жизнію и суммою международныхъ правоотношеній съ тѣхъ поръ, какъ Японія, въ качествѣ Великой Державы, послѣ двухъ побѣдоносныхъ войнъ, фактически стала заинтересованною въ міровой международной политикѣ.

Сухой и лаконическій языкъ правительства въ различнаго рода нотахъ и сообщеніяхъ обычно растворяется

4) ibid. Стр. 38.

и приближается къ дѣйствительно откровенной рѣчи лишь въ парламентскихъ преніяхъ, гдѣ подлинная настроенность націи бьетъ ключемъ наружу и съ полною ясностью показываетъ, чего хочетъ воля народа.

И вотъ, присматриваясь къ ходу парламентскихъ событій этой чрезвычайной сессіи, мы видимъ, что подавляющее большинство Членовъ и Верхней и Нижней Палаты въ отношеніи наступившей съ Германіей войны придерживалось правительственныхъ взглядовъ, выражая Кабинету гр. Окумы полное довѣріе.

И только оппозиція, въ лицѣ довольно многочисленной въ Японіи либеральной партіи Сейюкай, старалась внушить Кабинету, что выступленіе Японіи съ Державами Согласія едва ли соотвѣтствуетъ національнымъ стремленіямъ Японіи.

Когда Парламентъ приступилъ къ вотированію чрезвычайныхъ расходовъ на войну, лидеръ партіи Сейюкай, *г. Оока* сдѣлалъ упрекъ правительству за то, что оно не опубликовало никакихъ свѣдѣній относительно хода переговоровъ между Японскимъ и Великобританскимъ правительствами. Въ дальнѣйшей своей рѣчи, г. Оока, касаясь общей суммы испрашиваемыхъ денегъ, исчисленной г. Министромъ Финансовъ г. Вакацуки, въ 66 мил. іенъ, старался показать, какъ безцеремонно Кабинетъ держалъ въ заблужденіи общественное мнѣніе, выставляя вначалѣ цифру военныхъ расходовъ въ 15—16 мил. іенъ, а нынѣ доведя эту сумму до 66 мил. іенъ.

Въ своей отвѣтной рѣчи г. Министръ Финансовъ Вакацуки разъяснилъ собранію, что просимыя ассигнованія на армію и флотъ достигаютъ собственно 51 мил. іенъ. 2 мил. идутъ въ резервный фондъ, а остальныя 13 мил. изъ общей цифры 66 мил., должны пойти на спѣшныя военныя нужды.

Партія Сейюкай такимъ объясненіемъ не удовлетворилась и со скамей опозиціи посыпались неодобрительные отзывы.

Послѣ этого премьеръ, гр. Окума, отвѣчая оппозиціи, заявилъ, что, когда Правительство дѣлало первоначальныя предположенія о стоимости кампаніи противъ Германіи въ размѣрѣ 15 — 16 мил. іенъ, въ его рукахъ не было никакихъ опредѣленныхъ данныхъ.

И вотъ здѣсь членъ партіи Сейюкай г. Томицзу объяснилъ, что всѣ эти колебанія правительства суть ни что иное, какъ результатъ вліянія Англіи на политику Японіи. — „Вотъ Вамъ теперь приказали прибавить денегъ на военные расходы, говорилъ г. Томицзу, Вы покорно этому и слѣдуете. Кому же неизвѣстно, говорилъ въ заключеніе ораторъ, что Японское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находится подъ столь сильнымъ вліяніемъ англійскаго правительства, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ Токіо носитъ скорѣе характеръ филіальнаго отдѣленія Великобританскаго Правительства“ (шумъ и крики справа и въ центрѣ).

Затѣмъ запросы оппозиціи коснулись того, насколько совмѣстимы совѣщанія гр. Окума со старѣйшинами (гэнро) съ его отвѣтственностью, въ качествѣ министра — не была ли Японія втянута въ войну только для того, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неустройствъ.

Гр. Окума отвѣчалъ, что отвѣтственность за политику несетъ только кабинетъ, но отнюдь не старѣйшины, и что ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ цѣлью войны отвлеченіе вниманія народа отъ внутренней политики.

Объясненіе же причинъ, побудившихъ Японію объявить войну Германіи, взялъ на себя Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, бар. Като. Онъ разъяснилъ [5]), что въ то время, когда Англія обратилась къ Японіи съ просьбой о помощи, германскіе военные корабли и вспомогательные крейсера крейсеровали въ водахъ Восточной Азіи и подвергали сильной опасности какъ торговлю Японіи, такъ

[5]) Стр. 38-39.

и ея союзниковъ. Въ то же время въ Цзяо-Чжоу (Кіао-Чао) Германія производила усиленныя военныя приготовленія, цѣль которыхъ была открыто направлена къ тому, чтобы создать изъ арендованной у Китая земли прочную базу для германскихъ военныхъ операцій на Дальнемъ Востокѣ.

При такихъ условіяхъ возникали серьезныя опасенія относительно сохраненія мира въ Восточной Азіи. А между тѣмъ цѣлью англо-японскаго союза именно и являлось укрѣпленіе и поддержаніе мира на Дальнемъ Востокѣ, а также охраненіе независимости и неприкосновенности Китая и принципа открытыхъ дверей для торговли и промышленности всѣхъ народовъ въ этой странѣ.

Наконецъ, союзъ обезпечивалъ защиту территоріальныхъ и другихъ спеціальныхъ интересовъ союзниковъ въ Восточной Азіи.

Въ виду того, что Англія обратилась къ Японіи съ просьбой о помощи, и въ то же время торговля въ Восточной Азіи представляла спеціальный интересъ какъ для Англіи, такъ и для Японіи, и находилась подъ постоянной угрозой со стороны Германіи, Японія не могла иначе поступить и должна была пойти навстрѣчу желаніямъ своей союзницы. Кромѣ того, Японское Правительство считаетъ владѣніе Германіи на Дальнемъ Востокѣ военной базой серьезнымъ препятствіемъ для сохраненія прочнаго и длительнаго мира въ Восточной Азіи, и это тѣмъ болѣе, что интересы Германіи стоятъ въ противорѣчіи какъ съ интересами Англіи, такъ и съ интересами Японіи.

И вотъ, рѣшивъ оказать содѣйствіе Англійскому Правительству и объявить Германіи войну, Японское Правительство представило свое рѣшеніе на одобреніе Императора и послѣ того, какъ рѣшеніе это получило Императорскую санкцію, о немъ было немедленно сообщено Великобританскому Правительству. Послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ оба Правительства подвергли обстоятельному разсмотрѣнію мѣропріятія, необходимыя въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ обѣихъ странъ.

Изъ объясненій Министра Иностранныхъ Дѣлъ, приведенныхъ нами выше, видно, что у Японскаго правительства было двѣ причины для объявленія войны Германіи—политическая вытекающая изъ основанія Англо-Японскаго союза и установленія status quo на Дальнемъ Востокѣ, безъ участія Германіи, направленная къ упроченію долгаго мира въ Восточной Азіи и—причины экономическія, о которыхъ, впрочемъ, въ оффиціальныхъ заявленіяхъ Японскаго Правительства сказано вскользь.

Итакъ устраненіе грознаго Германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ, удаленіе нѣмецкихъ гарнизоновъ изъ Цзяо-Чжоу, устраненіе изъ дальневосточныхъ водъ германскаго флота, за спиною котораго усиливался тамъ же и торговый флотъ--вотъ о чемъ прямо говорилось въ нотахъ Японскаго Правительства. Лидеръ партіи „Кокуминъ-то", г. Инукай, болѣе опредѣленно раскрываетъ завѣсу политическихъ чаяній японскаго народа послѣ настоящей войны, побудившей Японію, забывъ распри съ Россіей, совмѣстно выступить противъ общаго врага—Германіи.

Въ послѣднее время, говоритъ г. Инукай [6]), внѣшнія отношенія Китая стали до чрезвычайности сложными, и въ нихъ замѣшаны интересы такихъ великихъ Державъ, какъ Японія, Англія, Россія, Франція и Германія. Но уже теперь можно предсказать, что результатомъ настоящей войны будетъ полное уничтоженіе германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

Поэтому послѣ войны интересы Германіи въ Китаѣ могутъ вовсе не приниматься во вниманіе. Японія, Англія и Америка обладаютъ въ Китаѣ не только политическими, но и экономическими интересами. Собственно же политическими интересами въ Китаѣ обладаютъ только Россія и Японія, да отчасти Англія. Значить, политическая конъюнктура на Дальнемъ Востокѣ, по мнѣнію японцевъ,

6) Стр. 59.

должна быть въ рукахъ Россіи и Японіи, а экономическое преобладаніе за Америкой. Англіей и Японіей. Германцамъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мѣста не остается. Вотъ истинная причина германо-японской войны 1914 г., говоритъ г. Инукай.

Поддержать интересы Россіи въ борьбѣ съ Германіей - прямой политическій расчетъ, по мнѣнію японскаго общества.

Русскій народъ наполовину самъ азіатъ,—говоритъ г. Симада на страницахъ „Taiyo", принялъ въ свое лоно много чисто азіатскихъ народностей, а потому и самъ обладаетъ наполовину азіатскими обычаями и привычками. Это будто бы, значительно облегчитъ для русскихъ сношеніе съ японцами.

Если Японія ранѣе косилась на Россію, то здѣсь, по мнѣнію Японцевъ, оказываются причины не естественныя, а искуственныя. за исключеніемъ развѣ набѣга русскихъ на сѣверныя области Японіи въ послѣднія годы правленія сёогуната изъ дома Токугава (1542—1868).

Какъ извѣстно, вѣчно опасаясь набѣговъ „Сѣвернаго сосѣда"—Россіи, китайская печать и общество съ 17 в. относились къ Россіи враждебно. Эта печать, усиленно наводняя Японію, заставляла и Японцевъ смотрѣть тѣми же глазами на Россію. Распространеніе въ Японіи англійской литературы 19 в., подозрительно относившейся къ Россіи, особенно въ періодъ Севастопольской кампаніи, также побуждала японцевъ искусственно не любить русскихъ, а всѣ книги, трактовавшія тогда о заморскихъ странахъ, были въ Японіи сплошь на англійскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ концѣ 19 в.—политика Германіи побуждала направить вниманіе Россіи на Дальній Востокъ, чтобы отвлечь отъ Ближняго Востока, для чего и была придумана нѣмцами такъ называемая „Желтая опасность", повлекшая за собою неестественную русско-японскую войну, которой ни Россія, ни Японія въ душѣ не искали.

И вотъ теперь, по мнѣнію Японской печати, изучивши, наконецъ, Россію, Японцы поняли, что эти два народа должны быть друзьями, какъ имѣющіе общіе интересы, сходство формы правленія (журналъ „Taiyo“, устами японскаго генерала, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, утверждаетъ, что Японія не можетъ питать симпатій къ строю абсолютическому, такъ и республиканскому [7]), а также сходство характеровъ, ибо по мнѣнію названнаго лица, и японцы, и русскіе отличаются мягкостью нрава, честностью и доблестью. Поэтому, говоритъ японскій генералъ, если когда-либо между Россіей и Японіей будетъ заключенъ союзъ, то результаты его превзойдутъ самыя смѣлыя ожиданія. И вотъ читаемъ мы тамъ же [8]) цѣлью Русско-Японскаго Союза должно быть сохраненіе независимости и недѣлимости Китая и поддержаніе мира на Дальнемъ Востокѣ. Для достиженія этихъ цѣлей прежде всего необходимо разграничить сферы вліянія обѣихъ странъ, при чемъ Внутренняя Монголія и Маньчжурія до границы рѣки Сунгари должны отойти въ сферу японскаго вліянія. И вотъ, въ случаѣ заключенія Японо-Русскаго Союза, говоритъ японецъ, Россія смогла-бы сократить свои военныя силы на Дальнемъ Востокѣ и примѣнить ихъ для Европы, такъ въ свою очередь и Японія не будетъ увеличивать свои сухопутныя и морскія силы въ Тихомъ Океанѣ.

Другой японскій дѣятель и писатель г. Накакодзи, вполнѣ стоя на той же точкѣ зрѣнія, такъ формируетъ свои взгляды на дѣло Русско-Японскаго сближенія, начало коего положено въ періодъ настоящей войны: [9]) „Дружественныя отношенія народовъ покоятся на взаимномъ уваженіи, а послѣднее есть ничто иное, какъ сознаніе силы другъ въ другѣ.

[7]) Ср. „Литер. прил. къ журн. „Нива“. Ст. Ардова Апрѣль 1916 г.

[8]) „Л. В.“. Стр. 69.

[9]) „Taiyo“ Январь 1915 г.

Вообще можно признать за общее правило, что въ международныхъ отношеніяхъ не ищутъ дружбы съ безсильными. И если на сушѣ могущественнымъ сосѣдомъ Японіи является Россія, то для осуществленія японской политики на Дальнемъ Востокѣ не менѣе необходимо сохраненіе Англо-Японскаго Союза на морѣ. Наиболѣе правильной политикой по внѣшнимъ дѣламъ, полагаетъ г. Накакодзи, должна быть та, согласно которой на сушѣ будутъ поддерживаться дружественныя отношенія съ Россіей, а на морѣ съ Англіей. Опираясь на реальную силу этихъ отношеній, Японія будетъ въ состояніи служить дѣлу мира на Дальнемъ Востокѣ, охраняя принципъ неприкосновенности Китая. И это направленіе японской внѣшней политики необходимо не только ради сохраненія цѣлости Китая, но и ради будущихъ судебъ самой Японіи".

Однако, всѣ приведенныя нами выше основанія, кои, по мнѣнію японскаго общества, содѣйствовали выступленію Японіи противъ Германіи, на самомъ дѣлѣ не настолько сильны, чтобы непосредственно побудить японцевъ взяться за оружіе противъ нѣмцевъ. Это скорѣе благопожеланія за счетъ будущаго, кои можно было Японіи свободно осуществить и не участвуя непосредственно въ войнѣ. Остается, значитъ, изъ всей политической части только условія Англо-Японскаго союза, имѣвшія не столько характеръ принужденія, сколько этики.

И, если Японія все же выступила съ Державами Согласія противъ Союза, то здѣсь нужно скорѣе искать экономическіе факторы, ея желаніе покончить навсегда съ экономическимъ засильемъ германцевъ на Дальнемъ Востокѣ.

Какъ извѣстно, богатая сосѣдка Японіи Россія, съ неисчерпаемыми запасами сырья, всегда привлекала вниманіе промышленной Японіи.

По мнѣнію упомянутаго нами выше г. Симада [10],

[10]) Taiyo. Январь 1915 г.

въ настоящій вѣкъ международныхъ отношеній главную роль имѣютъ принципы экономическіе. Соперничество интересовъ является самой главной причиной, ведущей страны къ ожесточенной борьбѣ между собой. Промышленныя страны вступаютъ въ военную борьбу именно изъ-за своихъ промышленныхъ интересовъ, ради обезпеченія своимъ фабрикатамъ рынковъ сбыта. Но совершенно иначе складываются отношенія между двумя странами, изъ которыхъ одна промышленная, а другая земледѣльческая. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи о столкновеніи интересовъ, какъ, напримѣръ, между Россіей и Японіей. Поэтому землевладѣльческая Россія долгое время не будетъ имѣть поводовъ къ соперничеству съ промышленной Японіей и можетъ обойтись безъ хорошихъ гаваней на Дальнемъ Востокѣ. Если же Россія и искала таковыя до Русско-Японской войны — то это объясняется тѣмъ, что Германія воспрепятствовала русскому расширенію на Балканскомъ Полуостровѣ, и Россіи волей-неволей пришлось обратиться въ поискахъ гавани на Дальнемъ Востокѣ.

„Русско-Японскія отношенія, говоритъ на страницахъ того же „Taiyo“ [11]) г. Инукай, обѣщаютъ въ будущемъ большое экономическое развитіе. Причиной этому должны быть быстрые успѣхи Японіи по пути промышленнаго развитія. Но огромное большинство матеріаловъ, необходимыхъ для промышленнаго производства, находятся на азіатскомъ материкѣ, гдѣ въ распоряженіи Россіи имѣются неисчерпаемые источники землевладѣльческихъ продуктовъ и всевозможнаго сырья. Это обстоятельство, читаемъ мы далѣе, должно не только служить къ выгодѣ обѣихъ странъ, такъ какъ Россія, посылая въ Японію свое сырье, будетъ получать отъ послѣдней ея фабрикаты, но и является естественнымъ основаніемъ для установленія добрососѣдскихъ отношеній между обѣими сосѣдними странами. Такимъ образомъ, говоритъ г. Ину-

[11]) Ibid. Ср. „Л. В.“ стр. 60.

кай, между промышленной Японіей и землевладѣльческой Россіей должны завязаться тѣсныя экономическія отношенія, которыя и послужатъ къ улучшенію Русско-Японскихъ политическихъ отношеній".

Вотъ сущность экономическихъ чаяній японскаго народа.

Что же могла получать Японія отъ Россіи до начала міровой войны?

Ровно, можно сказать, ничего.

При помощи крайне невыгоднаго для насъ торговаго договора съ Германіей, явившагося, между прочимъ, причиною нашего невыгоднаго политическаго положенія во время русско-японскаго столкновенія вслѣдствіе близкаго географическаго сосѣдства и особыхъ пріемовъ германскаго на насъ воздѣйствія (нѣмецкая агентура, торговля въ кредитъ, посреднич. бюро, подкупъ печати и т. д.) — Германія до войны забирала почти все наше сырье, доводя цѣнность своего экспорта къ намъ за послѣдній передъ войною годъ до 642,7 милліоновъ рублей.

Необходимо отмѣтить, что участіе Германіи въ общей суммѣ нашего заграничнаго вывоза выражалось за 1901—1905 г.г. 23,5%, за періодъ съ 1906 по 1910 г. оно составляло уже 27,1%, въ 1911 г. поднимается до 30,8%, въ 1913 г. до 31,7%, въ 1914 г. возрастаетъ уже до 49% только за первую половину 1914 г. [1]).

Въ области ввоза къ намъ изъ-за границы участіе Германіи характеризуется въ еще болѣе крупныхъ цифрахъ. Такъ, на пятилѣтіе 1901—1905 г.г. на долю Германіи приходилось 35,8% всѣхъ импортируемыхъ Россіею товаровъ, на періодъ съ 1906 по 1910 г.г. — 39,5%, за 1910 г. — 41,5%, въ 1911 г. — 42%, а въ 1912 г. уже 50% и въ 1913 г. — 52,7%.

[1]) „Русско-Японское торговое сближеніе". Докладъ І. І. Вонсовича Русско-Японскому О-ву 3 Октября 1915 г.

Такимъ образомъ получалось, что до войны Германія являлась самымъ крупнымъ поставщикомъ товаровъ на русскіе рынки и она же была главнымъ покупателемъ.

Большая часть сырыхъ продуктовъ изъ Россіи ранѣе шла въ Германію. тамъ они перерабатывались и затѣмъ. уже въ обработанномъ состояніи, въ видѣ готовыхъ фабрикатовъ, или даже полуфабрикатовъ, сбывались въ другія страны, а также возвращались обратно для продажи намъ же по высокой цѣнѣ.

И что всего удивительнѣе, многіе предметы нашего экспорта проходили въ другія страны черезъ руки нѣмцевъ и черезъ нихъ же мы получали издѣлія и продукты другихъ странъ. Вотъ характерные примѣры [2]):

Статистика французскаго ввоза за 1912 г. не отмѣтила ни одного фунта полученнаго изъ Россіи картофеля, а все количество этого продукта (1.383.000 квинталовъ) значится поступившимъ изъ Германіи: между тѣмъ Россія въ указанномъ году вывезла въ Германію 13 158.660 пудовъ картофеля [3]).

Живые цвѣты, какъ извѣстно, вывозятся главнымъ образомъ изъ южной Франціи и сѣверной Италіи. Между тѣмъ, по нашей статистикѣ за 1910 годъ этого товара вывезено:

Изъ Италіи . . .	2	пуда
„ Франціи . .	27	„
„ Германіи . .	16.255	„

Весь секретъ здѣсь заключается въ томъ, что торговлю французскими и итальянскими живыми цвѣтами держатъ въ своихъ рукахъ кельнскіе перекупщики.

То же самое наблюдалось и въ отношеніи Японіи. Русская щетина. напримѣръ, даже изъ Сибири шла въ Японію черезъ Лейпцигъ, а популярныя у насъ японскія лакированныя издѣлія мы также получали изъ Германіи.

---

[2]) Ibid.

[3]) А. Жиро „Торговля Россіи съ Франціей“.

Вотъ почему до ~~настоящей~~ войны русско-японскій товарообмѣнъ выражался въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

Ввозъ изъ Японіи въ Россію (въ іенахъ).

Года.		% отношеніе къ общей суммѣ ввоза.
1900	4.165.158	2,1
1905	1.720.371	0,5
1910	4.314.759	0,9
1913	9.168.833	1,4
1914	12.380.949	2,1

Вывозъ изъ Россіи.

1900	6.025.932	2,09
1905	2.755.613	1,7
1910	970.625	0,2
1913	791.429	0,1
1914	1.065.604	0,2

Приведенныя цифры рисуютъ весьма грустное положеніе русско-японской торговли.

Участіе Россіи въ этой торговлѣ остается неизмѣнно далеко позади другихъ странъ. Россія занимала въ числѣ странъ назначенія японскаго вывоза лишь 13-е мѣсто, а въ числѣ странъ происхожденія ввозимыхъ въ Японію товаровъ только 23-е мѣсто [1]).

Японію, какъ и Россію, сковало экономическое германское кольцо. Нуженъ былъ экономическій выходъ для болѣе дешевого полученія изъ первыхъ рукъ русскаго сырья для Японіи, а также найти сбытъ японскихъ товаровъ въ Россію, преимущественно азіатскую.

И вотъ задачу найти этотъ исходъ принимаетъ на себя не только японское правительство и печать, но и

[1]) „Вѣстникъ торг.-справ. бюро при Русско-Японскомъ О-вѣ". Вып. 1-й 1916 стр. 26—27.

опредѣленныя ассоціаціи. Такъ, въ Токіо возникаетъ японо-русское общество, подъ покровительствомъ принца Канъ-Ина, подъ предсѣдательствомъ графа Терауци и при содѣйствіи барона Гото, въ качествѣ вице-предсѣдателя.

Въ Россіи почти параллельно въ 1911 г. также возникло Русско-Японское О-во въ Петроградѣ, сначала подъ предсѣдательствомъ барона Р. Р. Розена, а нынѣ гр. В. Н. Коковцова. Обѣ эти ассоціаціи стремились найти пути къ японо-русскому сближенію, главнымъ образомъ, конечно, экономическому. Въ этихъ цѣляхъ устраивались торгово-справочныя бюро, особыя торговыя отдѣленія, въ родѣ „Коку-санъ Сіо-рей-Кай“ и др., въ Петроградѣ размѣщались представительныя японскія фирмы въ родѣ „Мицуй и К⁰“, „Окура и К⁰“, „Таката и К⁰“, „Сузуки и К⁰“, „Сибакава“, „Хара и К⁰“, съ отдѣленіями въ Москвѣ, Харбинѣ и др. городахъ.

Но все это были палліативы. Это экономическое сближеніе наладить было не такъ-то легко при всесильномъ германскомъ засильѣ. Нужно было разрубить сразу этотъ Гордіевъ узелъ.

И случай представился. Великія Державы объявили Германіи и Австріи войну. Объявила имъ войну и Японія.

Въ результатѣ, 3/16 Ноября 1914 года японскія суда вступили въ Циндао. Вся область Шаньдуна, во главѣ съ Дзяо-Чжоу, была очищена отъ нѣмцевъ. Германскій флотъ также долженъ былъ скрыться изъ дальневосточныхъ водъ.

Мы не будемъ входить въ описаніе подробностей военныхъ дѣйствій Японіи на Дальнемъ Востокѣ. Это почти не входитъ сейчасъ въ нашу задачу.

По условіямъ военнаго времени всѣ подробности не могутъ быть опубликованы теперь. А общая канва этихъ событій болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна. Японцы оказались побѣдителями. Германское гнѣздо на Дальнемъ

Востокѣ было уничтожено. Японія доблестно закончила свои союзническія обязательства и торжественно присоединилась къ деклараціи Державъ Согласія отъ 23 Августа 1914 года.

И вотъ, закончивши свою, такъ сказать, политическую военную миссію, т. е. разгромивши германцевъ на Дальнемъ Востокѣ, Японія, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами отсутствія германскаго вліянія, сразу же устремилась на путь экономическихъ завоеваній русскаго рынка.

Когда, съ возникновеніемъ войны, прекратился нашъ товарообмѣнъ съ Германіей и Австро-Венгріей и создалась благопріятная конъюнктура для помѣщенія на нашихъ рынкахъ японскихъ товаровъ, когда нашъ экспортъ, въ свою очередь, также сталъ нуждаться въ новыхъ рынкахъ, сразу же были отмѣчены первые успѣхи водворенія на русскихъ рынкахъ японскихъ предметовъ промышленности и торговли.

И какъ намъ всѣмъ извѣстно, преслѣдуя главную цѣль водворенія своихъ товаровъ въ Россіи, взамѣнъ господствовавшихъ раньше германскихъ, японцы стремятся въ первую очередь обслуживать ближайшія матеріальныя нужды нашей арміи. Для такой цѣли они мобилизовали, подобно намъ, всю свою промышленность, приспособивъ для сего не только всѣ казенные, но и частные заводы, и на японскихъ арсеналахъ нынѣ безпрерывно, въ нѣсколько смѣнъ, тяжелый молотъ и горнъ выплавляютъ смертоносныя орудія для нашихъ враговъ.

Насколько увеличились размѣры нашихъ экономическихъ сношеній съ Японіей за время войны, можно судить по тому, что, по свѣдѣніямъ Русско-японскаго об-ва въ Токіо, только за первую половину 1915 г. Японія ввезла въ Россію товаровъ на 36.825.389, а за весь вывозъ въ 1915 году 708 000.000 іенъ (въ 1913 г. 9.168.833 іенъ), а вывезла изъ Россіи къ себѣ на 2.219.345 іенъ (въ 1913 г. 791.429 іенъ), а весь импортъ въ 1915 г. 532 мил. іенъ.

„И, если это крупное увеличеніе японскаго ввоза въ Россію, пишетъ І. І. Вонсовичъ [1]), можно объяснить возросшею потребностью нашихъ рынковъ въ товарахъ, вслѣдствіе прекращенія нашего товарообмѣна съ Германіей и спеціальными нуждами военнаго времени, то увеличеніе нашего вывоза въ Японію объясняется ничѣмъ инымъ, какъ устраненіемъ германскаго посредничества".

Итакъ, непосредственная миссія Японіи въ настоящей войнѣ выполнена блестяще. Она быстро покончила и съ политическимъ, и съ экономическимъ засильемъ на Дальнемъ Востокѣ Германіи.

Но что же дальше? Война все еще продолжается, можетъ быть еще долго продолжится. Какова же будетъ роль Японіи, какъ нашего союзника дальше?

До сихъ поръ намъ оффиціально лишь извѣстно о присоединеніи Японіи къ деклараціи Державъ Согласія отъ 23 Августа 1914 г., что означаетъ намѣреніе Японіи вести войну съ Германіей до полной побѣды надъ нею Державъ Согласія.

Сколько же времени, спрашивается, Японія будетъ впредь безучастной зрительницей дальнѣйшей напряженной борьбы ея союзниковъ?

Какъ же согласовать прекращеніе Японіей дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ заявленіемъ г. *Поніаки*, отъ лица всей націи, что „Японія стала на сторону союзниковъ въ этой войнѣ и будетъ ее продолжать до конца, каковы бы ни были трудности, какъ бы излишни ни казались съ точки зрѣнія чисто національной ея дальнѣйшія жертвы"?

Вотъ какого рода назойливые вопросы сплошь да рядомъ приходятъ въ голову каждому изъ насъ, иногда появляются на страницахъ русской печати („Нов. Звено" 1915-й г.), чаще во французской прессѣ и весьма часто на страницахъ японской печати.

---

[1]) В. Торг.-Справ. Бюро. В. 1-й 1916 г., стр. 27.

Изъ французовъ по вопросу объ умѣстности и необходимости для японцевъ участія на европейскомъ театрѣ войны первымъ, насколько намъ извѣстно, выступилъ бывшій министръ Иностранныхъ дѣлъ г. Пишонъ, а за нимъ извѣстный политическій мыслитель Андрэ *Шерадамъ* (авторъ извѣстной книги „Le monde et la guerre russo-japonaise“). Они предлагали доставить японскія войска на западный театръ военныхъ дѣйствій, дабы ускорить успѣхи союзниковъ. Вслѣдъ за ними и японская печать столь интенсивно заговорила на эту тему, что создалась цѣлая литература по сему вопросу, хотя послѣдняя, по нашему мнѣнію, все еще не выходитъ изъ предѣловъ академическаго обмѣна мнѣній.

Андрэ Шерадамъ полагаетъ, что наиболѣе удобной формой вмѣшательства была бы посылка японской 800.000-ой арміи двумя потоками: черезъ Солунь и Сербію и черезъ Мосву—Львовъ—Пештъ съ тѣмъ, чтобы, пройдя сквозь Австрію, опредѣлить южный фронтъ наступленія на Берлинъ отъ Мюнхена къ Бадэну, отрѣзавъ Шварцвальдъ отъ Рейна, что весьма важно въ смыслѣ питанія германскихъ армій. Это выступленіе, по мнѣнію автора проекта, дастъ не только существенную помощь союзникамъ, но и территоріальныя и финансовыя преимущества, а также будетъ содѣйствовать возвышенію мірового престижа Японіи.

Вполнѣ одобряя эту точку зрѣнія, А. Н. Брянчаниновъ [1]) готовъ привѣтствовать появленіе на европейскомъ материкѣ даже 500.000 арміи.

За отправку японскихъ войскъ въ Европу выступила часть японской печати во главѣ съ журналомъ „Гай-ко Дзи-хо“ („Дипломатическое Обозрѣніе“). Въ этомъ журналѣ особенно интересными являются выступленія двухъ профессоровъ: доктора международнаго права Арига [2]) и

[1]) „Новое Звено“, 1915 г.
[2]) Gaiko Jiho 15/XI, 1914.

Наникава [3]). Оба они считаютъ войну съ Германіей и Австріей необходимой, вытекающей изъ самаго существа національныхъ интересовъ, а значитъ и отношеніе Японіи къ скорѣйшему разгрому нѣмцевъ и австрійцевъ, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, можетъ быть только активнымъ. Дальность разстоянія здѣсь не при чемъ. По мнѣнію проф. Арига, отправляемыя въ Европу японскія войска должны сохранить извѣстную самостоятельность своихъ дѣйствій и стоять, такъ сказать, наравнѣ съ арміями Англіи, Россіи и Франціи. Само собою разумѣется, пишетъ профессоръ, что для этого количество посылаемыхъ войскъ должно быть достаточно большимъ. Между собою оба профессора расходятся только въ одномъ пунктѣ: въ то время, какъ проф. Арига требовалъ, чтобы расходы, связанные съ операціей японскихъ войскъ на европейскомъ материкѣ, производились за счетъ самой же Японіи, для поддержанія ея престижа въ смыслѣ конечныхъ компенсацій, проф. Наникава, наоборотъ, настаивалъ, чтобы всѣ издержки были оплачены союзными державами.

Противникомъ участія японцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на европейскомъ материкѣ явился японскій публицистъ Укита [4]), который на страницахъ журнала „Taiyo", утверждаетъ, что „со взятіемъ Цинъ-дао Японія уже выполнила свои обязательства въ отношеніи Англіи".

Если же, замѣчаетъ далѣе довольно цинично г. Укита, союзники наши не смогутъ добить германцевъ одни, безъ нашей поддержки, то намъ такіе союзники не нужны, а потому нечего ихъ и поддерживать.

Выслушавши, такимъ образомъ, оба мнѣнія по вопросу о посылкѣ японскихъ войскъ въ Европу, намъ кажется, необходимо замѣтить съ своей стороны, что вопросъ этотъ едва ли сейчасъ существенный, и едва ли для насъ явится необходимость воспользоваться услугой японцевъ въ указанномъ смыслѣ.

[3]) Gaiko Jiho 15/XII, 1914.
[4]) „Taiyo" XII 1914.

Дѣло въ томъ, что, при дальности разстоянія Японіи отъ главнаго театра войны, посылка экспедиціоннаго корпуса, даже хотя бы въ 500.000 человѣкъ, что при настоящемъ масштабѣ войны едва ли уже такъ много, потребуетъ довольно продолжительнаго времени, до 4 мѣсяцевъ, и большихъ расходовъ. Кромѣ того, снабженіе японскихъ войскъ боевыми припасами и провіантомъ пришлось бы осуществлять на мѣстѣ войны, что едва ли бы было мыслимо безъ крупнаго внѣшняго займа для Японіи, когда лишняя монета является для союзниковъ столь необходимой. Доставка же всего необходимаго, въ томъ числѣ и тяжелыхъ орудій, окажется почти невозможной.

Нельзя также упускать изъ виду вопросъ о снабженіи японскихъ войскъ въ Европѣ необходимымъ провіантомъ и рисомъ. Дѣло въ томъ, что, напримѣръ, русскій хлѣбъ, не смотря на прекрасныя качества, не по вкусу японскимъ солдатамъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о французскомъ хлѣбѣ. Японцы издревле привыкли питаться рисомъ, и отсутствіе послѣдняго можетъ вредно отразиться на здоровьѣ японскихъ солдатъ.

Да, наконецъ, необходимо сказать, что посылка къ намъ японскихъ войскъ едва ли нынѣ является и для насъ необходимой. Людей у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, достаточно; конечно, если бы такая нужда оказалась, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Японія все сдѣлаетъ для насъ, что будетъ въ силѣ, чтобы добить общаго врага. Присоединеніе Японіи къ деклараціи 23 Августа 1914 г. ясно говоритъ за это.

Пока же Японія и такъ несетъ намъ цѣнную услугу. Не участвуя въ войнѣ непосредственно, она мобилизовала всю свою промышленность для нуждъ нашей арміи и англійской.

Согласно сообщенію газеты „Japan Times", огромные заказы на предметы военнаго снаряженія безпрерывно продолжаютъ поступать въ Японію изъ Россіи и Англіи. Правительственные арсеналы оказались не въ состояніи

удовлетворить предъявленныя къ нимъ требованія, вслѣдствіе чего организуется нѣсколько частныхъ предпріятій, подъ наблюденіемъ и техническимъ руководствомъ военныхъ властей. Нѣкоторые изъ существующихъ заводовъ, имѣвшіе возможность перейти къ изготовленію военнаго снаряженія, расширяютъ свое оборудованіе и производство. Особое значеніе въ Японіи придается учрежденію новаго завода съ капиталомъ въ 20 милліоновъ іенъ.

Помимо значенія для развитія промышленности страны, этому заводу придается и другая цѣль—установленіе національной независимости и самодовлѣющей выработки всѣхъ предметовъ военнаго снаряженія. Японцы надѣются, что этотъ заводъ станетъ „Японскимъ Круппомъ или Армстронгомъ". Давно лелѣямая Японіей мечта о независимости въ дѣлѣ вооруженія японской арміи близка къ осуществленію главнымъ образомъ за счетъ заказовъ Англіи и Россіи. Только англійскіе и русскіе заказы дали возможность Муроранскимъ, Еdамицкимъ и Осакскимъ желѣзодѣлательнымъ и сталелитейнымъ частнымъ заводамъ развить свое производство до полныхъ размѣровъ и обезпечить покрытіе огромныхъ расходовъ на ихъ оборудованіе. Судостроительный заводъ Кавасаки увеличиваетъ свой капиталъ съ 10 до 20 милліоновъ іенъ.

Тотъ же правительственный оффиціозъ сообщаетъ о полученіи фирмой Мицуй заказа на 10.000 тоннъ мѣди и 5.000 тоннъ цинка. Фирмой принята только поставка 5.000 тоннъ мѣди, остальная часть заказа отклонена за невозможностью достать на японскомъ рынкѣ требуемые металлы.

Ежегодная добыча мѣди въ Японіи достигаетъ 60.000 тоннъ, однако значительная часть этой добычи уже скуплена ранѣе для Японскихъ арсеналовъ, цинкъ же весь скупленъ не только въ наличіи, но и вся ожидающаяся его выработка по Апрѣль 1916 года.

Отъ крайне затрудненнаго положенія передъ европейской войной, Японія за годъ войны достигла небывалаго размѣра торговыхъ оборотовъ и притока золота въ страну. За 10 мѣсяцевъ 1915 года вывозъ Японіи исчисляется въ суммѣ 540 слишкомъ милліоновъ іенъ и ввозъ—436 милліоновъ іенъ. Благопріятный балансъ вмѣсто прежняго отрицательнаго, достигъ 100 слишкомъ милліоновъ іенъ. Сверхъ того, Японія располагаетъ золотымъ запасомъ за границей на сумму 600 милліоновъ іенъ и до конца войны, по утвержденію премьеръ-министра гр. Окума, этотъ запасъ, по меньшей мѣрѣ удвоится. Японское правительство дѣятельно разрабатываетъ планы использованія этого, своего рода крупнѣйшаго неожиданнаго выигрыша, для выкупа иностранныхъ займовъ и развитія японской промышленности. Кромѣ того, японскимъ правительствомъ приняты русскіе заказы на крупную партію шерстяныхъ матерій и на изготовленіе со сдачей въ текущемъ году снарядовъ стоимостью въ 70 милліоновъ іенъ.

Мы къ сожалѣнію, по условіямъ момента и при наличіи военной цензуры, не можемъ дать полной картины участія и дружеской помощи въ дѣлѣ снабженія Японіи насъ и нашихъ благородныхъ союзниковъ предметами воинскаго снаряженія и боевыми припасами. Это показываетъ, что не участвуя нынѣ въ войнѣ активно, Японія ведетъ съ германцами войну пассивную, экономическую. Да мы уже и ранѣе сказали, что активная помощь ея пока не нужна, неудобна по дальности разстоянія, а также и не безопасна вслѣдствіе событій въ Китаѣ, о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Въ смыслѣ оцѣнки услугъ Японіи въ періодъ настоящей войны, мы позволимъ себѣ привести нижеслѣдующія, глубоко правдивыя, слова изъ рѣчи въ Русско-Японскомъ Обществѣ въ г. Токіо бывшаго нашего посла Н. А. Малевскаго - Малевича, произнесенной имъ 2 Ноября

1915 г.: [21]) „Истинный другъ познается въ бѣдѣ, говорилъ посолъ, Россію постигло жестокое бѣдствіе, сильный и коварный врагъ, много лѣтъ готовившійся напасть на насъ, нынѣ попираетъ своими дикими полчищами наши западныя окраины. Въ борьбѣ съ нимъ мы нашли въ Японіи не только моральное сочувствіе, но и реальную поддержку, чрезвычайно для насъ цѣнную. Россія никогда не забудетъ этой услуги. Русскіе люди будутъ знать, что въ годину бѣдствія они обрѣли въ японцахъ истинныхъ друзей. Въ такомъ сближеніи обѣихъ народностей немалая доля заслугъ принадлежитъ Русско-Японскому О-ву и его Высокому покровителю, принцу Канъ-Ину“.

Побѣда въ 1905 г. не вскружила голову трезвой Японіи, справедливо говоритъ І. І. Вонсовичъ [22]), и довольно скоро оба противника нашли почву для возобновленія добрососѣдскихъ отношеній.

Этому, конечно, способствовало и то, что Китай и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, опасаясь усиленія Японіи, откровенно взяли антияпонскій курсъ. Такіе острые и сложные вопросы на Д. Востокѣ, какъ проектъ Американскаго Статсъ-Секретаря Нокса о нейтрализаціи Маньчжуріи, провалившійся только вслѣдствіе солидарности Россіи и Японіи, подсказывали тождество интересовъ обѣихъ Державъ и неудержимо влекли въ сторону сближенія.

Наконецъ, нынѣшнее братаніе по оружію привело оба государства почти къ русско-японскому союзу, за формальное заключеніе коего такъ энергично ведетъ кампанію японская печать. Подъ лозунгомъ этого союза объединяются различныя политическія партіи въ Японіи, въ соотвѣтствіи съ той, или иной политической программой. При чемъ въ Японіи прекрасно понимаютъ,

---

21) „Вѣстн. Торг.-справ. бюро при Русско-Японск. О-вѣ“. 1916. стр. 38.
22) Ibid. Сстр. 19.

что для закрѣпленія этого политическаго союза служитъ тѣсная экономическаи связь, надъ уясненіемъ коей сейчасъ и трудятся государственные дѣятели и торгово-промышленные круги Японіи. Это желаніе стало обнаруживаться въ Японіи съ начала войны, когда японское общество начало съ живымъ интересомъ слѣдить за ходомъ военныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ и сочувствовать каждому нашему успѣху. Японское правительство, съ графомъ Окума во главѣ, открыто выражаетъ свое благожелательное отношеніе къ Россіи, что такъ же немало способствуетъ росту симпатій къ намъ въ японскомъ обществѣ.

Интересуясь возможностью заключенія русско-японскаго союза, японскій политическій журналъ „Taiyo“ (Солнце) еще въ Январѣ мѣсяцѣ прошлаго года произвелъ анкету среди видныхъ политическихъ дѣятелей Японіи по вопросу объ этомъ союзѣ [23]). Наиболѣе интересными для насъ являются мнѣнія по сему поводу г.г. Накакодзи и лидера партіи Кокуминъ-то г. Инукай съ одной стороны, какъ сторонниковъ скорѣйшаго заключенія русско-японскаго союза и г.г. Соеда и Симада, съ другой, хотя и признающихъ въ принципѣ необходимость этого союза, но желающихъ выжидать дальнѣйшихъ событій.

Г. Накакодзи, по примѣру прошлой русско-японской войны, полагаетъ, что и послѣ великой европейской войны, раны, которыя получатъ Державы, быстро заживутъ. Онѣ быстро оправятся и послѣ войны „будутъ искать новаго мѣста приложенія своихъ, можетъ быть, еще большихъ силъ, и, нужно думать, онѣ перенесутъ свои вожделѣнія съ Балканскаго полуострова на болѣе широкую арену Персіи, Индіи, или Китая. Японія же должна быть готовой встрѣтить новыя условія политической междуна-

[23]) „Лѣт. Востока“. 1915. Стр. 53.

родной жизни на Дальнемъ Востокѣ уже въ ближайшее послѣ войны время“ [24]). Только на Россію, говоритъ Накакодзи, только на Россію можно положиться, какъ на добрую сосѣдку, имѣющую на Д. Востокѣ аналогичныя съ нами интересы. А потому, настаиваетъ Накакодзи, необходимо какъ можно скорѣе оформить русско-японскія отношенія, дабы были ясно опредѣлены тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ Японія и Россія должны другъ друга поддерживать [25]).

Лидеръ партіи „Кокуминъ-то“ г. Инукай разсматриваетъ желательность заключенія русско-японскаго союза съ точки зрѣнія китайскаго вопроса. Только Россія и Японія, да пожалуй Англія, по мнѣнію г. Инукай, могутъ быть заинтересованы въ Китаѣ. А посему начальной и исходной точкой политики на Д. Востокѣ и долженъ быть англо-русско-японскій союзъ.

О взглядахъ на расовое сходство Россіи и Японіи, высказанныхъ г. Инукай, нами сказано выше.

Г. Соеда высказывается принципіально противъ мертвой буквы договоровъ. Гораздо важнѣе реальное соотношеніе политики. А эта послѣдняя между Россіей и Японіей нынѣ такова, что обѣ Державы по самому существу вещей должны будутъ дѣйствовать, взаимно поддерживая другъ друга даже и въ томъ случаѣ, если между ними и не будетъ заключено формальнаго союза.

Г. Симада смотритъ на сущность русско-японскаго союза съ точки зрѣнія экономической и обмѣна цѣнностями земледѣльческой Державы съ промышленной островной страной (см. выше).

Однако г. Симада болѣе склоненъ къ установленію болѣе понятнаго ему политическаго соглашенія, но никакъ не союза, ибо послѣдній обычно направленъ противъ какой-нибудь третьей державы, а такой конъюнк-

[24]) Ibid. Стр. 56.

[25]) „Taiyo“ I. 1915 г.

туры на Д. Востокѣ, послѣ разгрома Германіи, пока не предвидится, а, значитъ, заключаетъ онъ, и нѣтъ нужды въ заключеніи спѣшнаго политическаго союза тамъ, гдѣ можетъ быть достаточнымъ соглашеніе [26]).

Русское общество и печать такъ же, какъ и выше мы сказали, вполнѣ оцѣнили и гуманное отношеніе Японіи къ намъ во время прошлой войны, явившейся дѣйствительно, какъ и г. Инукай утверждаетъ, плодомъ недоразумѣнія, и добрососѣдскія отношенія послѣ войны 1905 г. и, наконецъ, союзническую помощь Японіи въ настоящіе дни великой войны.

Сложныя проблемы Д. Востока, гдѣ все еще, какъ напр., въ Китаѣ германское вліяніе еще сильно, дѣйствительно побуждаютъ насъ серьезнѣе отнестись къ положенію вещей и войти съ Японіей въ особое на сей счетъ дружеское соглашеніе.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и экономическая конъюнктура. Порвавши съ Германіей экономически, намъ необходимо войти въ тѣсную экономическую связь съ промышленной Японіей. Во время войны, какъ сказано выше, она уже вполнѣ показала себя способной и готовой удовлетворять нашъ рынокъ, особенно въ металлургическомъ дѣлѣ. То же нужно сказать и о медицинскихъ препаратахъ, на которыя Японія довольно богата.

Да не смущаютъ же никого иногда появляющіяся въ русской печати пессимистическія статьи [27]) насчетъ возможности нашего экономическаго сближенія съ Японіей. Обычно эти голоса указываютъ на трудность конкуренціи въ торговлѣ съ японцами и на то, что японцы, наводняя нашъ рынокъ своими товарами, очень мало покупаютъ у насъ. А значитъ, говорятъ, создается для насъ невыгодная конъюнктура превышенія японскаго экспорта къ намъ надъ импортомъ. Но изъ того, что

---

26) Ibid.

27) „Бирж. Вѣд.“ „Русско-япон. торгов. сношенія“ № 15431.

такъ было всегда раньше, еще не значитъ, что это повторится и въ будущемъ.

Старая истина, что всякая страна покупаетъ преимущественно тамъ, гдѣ продаетъ. Импортъ и экспортъ тѣсно связаны органически между собой. Если усилится импортъ товаровъ къ намъ изъ Японіи, то несомнѣнно послѣдуетъ оживленіе и развитіе нашего экспорта въ Японію, совершенно справедливо утверждаетъ г. Вонсовичъ. Что же касается политическаго соглашенія нашего съ Японіей, то мы вполнѣ присоединяемся къ мысли г. Симада. Дѣйствительно, такое соглашеніе не только желательно, но оно сейчасъ и безъ формальностей фактически существуетъ.

Но иное дѣло политическій союзъ, при заключеніи коего всегда необходимо соблюденіе чрезвычайной осторожности. Это особенно важно въ смыслѣ выясненія взаимоотношенія всѣхъ великихъ европейскихъ Державъ послѣ войны [27]).

Въ заключеніе нашей бесѣды объ Японіи, намъ хочется остановить вниманіе на томъ недоумѣніи русской печати, которое проявляется по поводу столь спѣшной и неожиданной нашей дружбы съ Японіей. [28]) Г. А. С. Ардовъ на страницахъ одного изъ столичныхъ журналовъ старается объяснить это недоумѣніе разными доказательствами.

Въ первыхъ, говоритъ г. Ардовъ, ранѣе японцы, какъ народъ, органически уважающій свободу, видящій въ ней „нѣчто фантастически-красивое, возвышенное, творящее новую мораль, религію и т. д. не могли и не хотѣли насъ признавать и понимать въ періодъ дореформенный, до учрежденія законодательныхъ учрежденій, а потомъ сразу насъ поняли и оцѣнили. Что японцы насъ поняли и оцѣнили—это конечно вѣрно, но увѣрять, что

---

27) Русско-Японскій союзъ формально заключенъ въ Іюлѣ 1916 года.

28) Лит. прил. „Нивы“. Ст. Ардова, IV. 1916 г.

это пониманіе происходитъ отъ наличія у насъ той или иной формы правленія, едва ли вѣрно и убѣдительно для насъ и для японцевъ. Германія, ранѣе близкая къ намъ по образу правленія и взглядамъ на государственность великолѣпно намъ и всему міру показала, какъ она хорошо насъ понимала и понимаетъ.

Затѣмъ, говоритъ Ардовъ, ознакомившись, будто бы, съ географическими подробностями Россіи, японцы начали обсуждать, имѣть ли имъ дѣло и дружбу съ „сѣдовласымъ, корыстнымъ, хитрымъ и предательскимъ Китаемъ или съ честной прямой, богатой хорошими душевными качествами, Россіей? Выборъ палъ на послѣднюю, и вотъ японцы начинаютъ черезъ печать, школу и материнское вліяніе подготовлять массы къ будущему сліянію съ Россіей. Здѣсь, полагаетъ Ардовъ, не экономическіе планы. а вліяніе культуръ. Нобуру Катаками, доцентъ японскаго университета увѣрялъ автора изслѣдованія „Японцы—наши друзья“ г. Ардова, что онъ совершенно не думалъ объ экономическихъ выгодахъ своей страны, когда переводилъ на японскій языкъ Достоевскаго, Чехова, Горькаго, Андреева. Намъ кажется, что г. Ардовъ смѣшиваетъ причину со слѣдствіемъ и потому его отправная точка зрѣнія неправильна.

Совершенно вѣрно, что японцы теперь интересуются нами. вѣрятъ намъ, великолѣпно знаютъ литературу нашу и географію, (что конечно они и раньше знали. до симпатій къ намъ), вѣрно и то, что и въ японскихъ школахъ и у домашняго очага японцы называютъ насъ своими друзьями. Но это есть слѣдствіе одной общей причины—общность японскихъ и русскихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ, о чемъ говорилось выше.

И эта взаимная дружба и общность интересовъ является не внезапной, какъ полагаетъ наша русская печать, а имѣетъ свою исторію. И эту исторію скромно творили незабвенные первые піонеры русскаго дѣла въ Японіи—всѣмъ намъ извѣстный почившій апостолъ Япо-

ніи, Архіепископъ Николай со своей миссіей и школами, гр. Путятина. архим. Анатолій и нынѣ здравствующій старецъ, послѣдній представитель этой славной школы, діаконъ Д. К. Львовскій, обучавшій японцевъ русскому языку и европейскому пѣнію. Несли идею сближенія обѣихъ націй наши чудо-богатыри, уснувшіе вѣчнымъ сномъ на маньчжурскихъ сопкахъ, великіе своимь русскимъ духомъ русскіе солдаты, въ одной стороны, и полный благородства и джентльментства нашъ бывшій противникъ—японецъ, а нынѣ другъ—съ другой.

И, наконецъ, благородная проникнутая идеей величія отечества дипломатія обѣихъ странъ, при содѣйствіи научныхъ ассоціацій, въ родѣ русско-японскаго о-ва въ Токіо—вотъ что насъ сблизило съ Японіей.

II. Въ Китаѣ.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ своего управленія Республикой, первый президентъ ея Юань-шикай употреблялъ все свое вниманіе, силы и средства на внутреннее укрѣпленіе страны. Однако на этомъ своемъ пути онъ безпрестанно встрѣчалъ серьезныя препятствія.

Начало 1914 года въ Китаѣ ознаменовалось сильнѣйшимъ парламентскимъ кризисомъ. Парламентъ былъ распущенъ, а на членовъ либеральной партіи Проминъданъ было объявлено ярое гоненіе. Послѣдніе старались аппелировать къ народу и спѣшили обвинить Президента Республики въ томъ, что онъ изъ личнаго честолюбія и жажды неограниченной власти стремится отнять у народа принадлежащія ему права.

Сѣямая смута имѣла успѣхъ. Юань-шикая открыто порицала китайская масса. И вотъ среди своего одиночества, стоя, однако, на цѣлую голову выше тѣхъ, кто его подвергалъ жестокой критикѣ, Юань-шикай рѣшилъ, что управлять такой страной, какъ Китай, можно только

единолично. имѣя въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти. Въ головѣ Президента создается цѣлый планъ постепенныхъ реформъ. 5 Марта того же 1914 года взамѣнъ распущеннаго парламента, состоялось торжественное открытіе новаго законосовѣщательнаго учрежденія— „Цань-чженъ-юань“, который, по мысли Юань-шикая и долженъ былъ замѣнить парламентъ. Хотя учрежденіе это и носитъ названіе Комиссіи по пересмотру временныхъ основныхъ законовъ, тѣмъ не менѣе на него было возложено только предварительное обсужденіе законопроектовъ, относящихся до реформы старыхъ установленій Китая. Численность его была всего лишь 46 человѣкъ. Въ члены Комиссіи прошли не избранники народа, чему мѣшалъ необыкновенно высокій цензъ для избираемыхъ, а лица, угодныя Юань-шикаю [29]).

Члены Совѣщанія, конечно, никакой самостоятельной роли не играли, а являлись лишь послушнымъ орудіемъ, какъ и сама Комиссія въ рукахъ Президента, учредившаго ее лишь для того, чтобы при случаѣ прикрывать свои дѣйствія ея рѣшеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять распространявшіеся тогда слухи о его намѣреніи провозгласить себя диктаторомъ. Названная Комиссія начала свои занятія съ того, что провозгласила Юань-шикая пожизненнымъ Президентомъ, полагая, что этимъ актомъ устранится возможность внутреннихъ смутъ. Вышло на дѣлѣ, однако, иное. Революціонеры не дремали и проявляли оживленную дѣятельность, въ смыслѣ широкой пропаганды и подготовленіи многочисленныхъ террористическихъ актовъ. Между прочимъ состоялся заговоръ даже на жизнь самого Юань-шикая, въ которомъ былъ замѣшанъ одинъ изъ секретарей его канцеляріи, бывшій членъ Верхней Палаты, Дуань-Ши-Юань. Въ томъ же Мартѣ мѣсяцѣ, 20 числа, былъ подписанъ Декретъ Президента объ организаціи судебно-административной па-

[29]) См. депешу д. с. с. Крупенскаго. Изв. М-ва Вн. Д. III. 1915. Стр. 105—106.

латы (Пинъ-чженъ-юань), съ цѣлію контроля за дѣятельностью административныхъ чиновъ, существовавшей при прежней монархіи. Китайская печать и общество поняла эту реформу, какъ желаніе вернуться къ существовавшимъ до революціи порядкамъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 18 апрѣля 1914 г., особая комиссія „Юэ-фа-хуй-и", состоявшая при Цай-Чженъ-Юанѣ, опубликовала новые временные основные законы Китайской республики, согласно коимъ полномочія Президента значительно расширяются, по сравненію съ прежнимъ: въ его рукахъ сосредоточивается вся полнота исполнительной власти, онъ болѣе уже не связывается необходимостью заручаться одобреніемъ Парламента при назначеніи министровъ, дипломатическихъ представителей Китая за-границей, при выработкѣ штатовъ учрежденій и при объявленіи войны и заключеніи мира, а также международныхъ договоровъ, если послѣдніе не затрогиваютъ цѣлости территоріи. Президентъ, далѣе, можетъ не обнародовать законопроекты, одобренные законодательной Палатой, если, по его мнѣнію, таковые представляютъ серьезную опасность съ точки зрѣнія внутренней или внѣшней политики Китая, или если приведеніе ихъ въ исполненіе вызываетъ серьезныя затрудненія и т. д. [1]).

Совѣтъ Министровъ названнымъ актомъ уничтожался и каждый министръ (попрежнему числомъ 9) подчиненъ былъ непосредственно Президенту. При резиденціи послѣдняго была учреждена Государственная Канцелярія и Государственный Контроль подчинялся непосредственно самому Президенту. Дабы задобрить монархистовъ въ душѣ, а также членовъ низложенной династіи Дай-Цинъ, Юаньшикай тѣми же основными законами подтвердилъ привилегіи Императора, императорской фамиліи, маньчжуръ. монголовъ, тибетцевъ и мусульманъ въ тѣхъ рамкахъ,

---

[1]) Депеша Граве. Изв. М-ва Иностр. Дѣлъ. III 1915. стр. 108.

въ коихъ были выговорены онѣ при актѣ объ отреченіи отъ 30 января 1912 года.

5 мая того же года въ газетѣ „Чженъ-го-бао“ былъ опубликованъ новый актъ объ учрежденіи Главнаго Управленія по дѣламъ Монголіи и Тибета, коимъ имѣлось въ виду [2]) пріобрѣсти расположеніе къ себѣ монголовъ Внутренней Монголіи, прекратить существовавшее тамъ стремленіе соединиться съ Халхой и усилить свое вліяніе въ послѣдней черезъ посредство умиротворенныхъ, такимъ образомъ, монголовъ сосѣднихъ съ Чжилійской провинціей хошуновъ.

Всѣ эти реформы и нововведенія Президента сильно безпокоили умы китайскихъ гражданъ. Въ общественныхъ кругахъ Пекина, а также и въ мѣстной прессѣ, новая конституція и новыя назначенія комментировались какъ возвращеніе къ до-революціонному режиму. Начинались броженія, а особенно на югѣ Китая.

Вотъ въ какомъ положеніи оказался Китай въ тотъ моментъ, когда въ Европѣ вспыхнула великая европейская война, съ началомъ которой Китайское правительство объявило о своемъ намѣреніи соблюдать строгій нейтралитетъ, что ему оказалось, однако, не по силамъ. Почему то съ перваго дня объявленія войны нѣмцамъ Японіей, Китай былъ увѣренъ въ томъ, что японцы воспользуются европейскимъ кризисомъ, чтобы осуществить свои аггресивные замыслы относительно китайской территоріи и относилось ко всякому событію японо-германской борьбы довольно тревожно. Этому въ значительной степени способствовала закупленная Германіей китайская печать и германскій посланникъ въ Пекинѣ Гинце, который съ помощью своихъ надежныхъ помощниковъ и приспѣшниковъ старался неустанно распространять въ народѣ и прессѣ подозрѣнія о завоевательныхъ планахъ Японіи

[2]) Ibid стр. 111.

въ Китаѣ, часто выдавая свои нелѣпыя сказки за японское общественное мнѣніе [1]), противъ чего энергично возставалъ органъ Японской ассоціаціи въ Китаѣ, журналъ на японскомъ языкѣ „Сина" (т. е. Китай).

До сего времени главными проводниками германскихъ идей на Дальнемъ Востокѣ являются „Der Ostasiatiche Lloyd" и „Deutsche Zeitung für China". Послѣдняя появилась въ свѣтъ взамѣнъ закрытой „Tsingtauer Neuesten Nachrichten".

Эти два германскихъ органа являются олицетвореніемъ послѣдняго оплота германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ [1]).

Согласно инструкціямъ германскаго посланника въ Пекинѣ фонъ-Гинце, оба эти органа ведутъ усиленную пропаганду противъ Россіи, Англіи и Японіи.

Подъ такимъ вліяніемъ китайское правительство съ начала японо-германской войны устанавливаетъ зону военныхъ дѣйствій. Японское правительство игнорировало эту, установленную Китаемъ, зону. Въ результатѣ японцами были заняты Шаньдунская желѣзная дорога, желѣзнодорожная станція въ Цзинань-фу той же дороги и германскія копи у Хунъ-шань и Вэй-сянь.

Съ паденіемъ Циндао между японскимъ правительствомъ и Китаемъ возникаютъ тренія, дѣйствительное значеніе коихъ исходитъ отъ германскихъ вліяній. Изгнавъ германцевъ изъ Шань-дуня, японское правительство заняло завоеванную полосу. По этому поводу Китай дѣлалъ энергичныя возраженія, на которыя не было обращено со стороны Японіи вниманія, на томъ основаніи, что „хотя Цинъ-дао и взятъ, однако военныя дѣйствія Японіи противъ Германіи еще не закончены, почему присутствіе японской арміи въ Шань-дунѣ представляется

[1]) „Сина" (Китай) яп. журн. I. II. 1915 г.
[1]) См. „L'Asie Française". № 163. 1915, p. p. 113—114.

Японіи необходимымъ [2]). Съ своей стороны китайскій министръ иностранныхъ дѣлъ Суньбаоци обѣщалъ японскому посланнику въ Пекинѣ Хіоки, что военная зона въ Шань-дунѣ будетъ уничтожена китайскимъ правительствомъ только послѣ полученія предварительнаго согласія японскаго правительства.

Но вотъ вдругъ 7 Января 1915 года китайское министерство иностранныхъ дѣлъ вручаетъ японскому посланнику Хіоки ноту слѣдующаго содержанія:

„Китайское правительство упразднило военную зону и требуетъ поэтому удаленія японскихъ войскъ, находящихся въ упомянутой зонѣ".

Извѣстно [4]), что такое смѣлое представленіе китайскаго правительства явилось результатомъ вспыхнувшаго, благодаря интригамъ германской газеты „Der Ostasiatische Lloyd" (20/XI 1914 г. № 40), требовавшей передачи японцами Циндао управленію международной внѣпартійной комиссіи до конца европейской войны, антияпонскаго движенія въ Шань-дунѣ. Отсюда въ Пекинъ была послана депутація изъ китайцевъ, которая и представила правительству требованіе объ удаленіи японскихъ войскъ изъ Шань-дуна. Это, какъ говорится въ газетѣ „Чженъ-гобао" (11/I 1915), и вынудило Юань-шикая предъявить Японіи знаменитую ноту отъ 7-го Января. „Такого высокомѣрія, говоритъ журналъ „Сина", Китай не проявлялъ со времени японо-китайской войны" [1]).

Японское правительство не знало, требуетъ ли Китай, чтобы ему была возвращена военная зона, поскольку она не входитъ въ предѣлы арендованной германцами территоріи, включая и Шаньдунскую желѣзную дорогу, которая была использована японцами въ качествѣ базы для дѣй-

---

[2]) „Лѣтопись Востока". 1915, стр. 22.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid, стр. 29.
[1]) „Hina", I—II, 1915 г.

ствій противъ Цинъ-дао, или же китайское правительство хочетъ полной эвакуаціи Шань-дуна и возвращенія Китаю арендованной Германіей территоріи.

Конечно, Японія не могла и выполнить такого страннаго предложенія Китая, который, при настоящихъ условіяхъ, совершенно не имѣлъ возможности воспрепятствовать возстановленію германскаго вліянія въ этой провинціи, что безусловно является источникомъ смуты на Дальнемъ Востокѣ. Вполнѣ естественно, поэтому, что Японія, которая съ огромными жертвами вытѣснила Германію изъ Шань-дуна, должна была, прежде чѣмъ вывести свои войска изъ Шань-дуна, опредѣлить, какъ должно быть поступлено съ правами, которыми обладали германцы, и принять мѣры для предупрежденія возобновленія германскаго вліянія.

Вотъ почему, по полученіи китайской ноты отъ 7-го января, Японія послала Юань-шикаю отвѣтную ноту, съ просьбою выяснить сущность китайскихъ притязаній и указать, какъ китайское правительство желало бы урегулировать вопросъ о Шань-дунѣ.

Послѣ замедленія отвѣтомъ, Китай, не отвѣчая по существу на предложенные ему вопросы, отвѣтилъ лишь на послѣдній, да и то въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ безусловной передачи ему Цзяо-Чжоу (Кіао-Чао) и покрытія ему убытковъ, причиненныхъ войною между Японіей и Германіей и, такимъ образомъ, съ перваго же момента доказалъ отсутствіе искренняго желанія достигнуть удовлетворительнаго заключенія переговоровъ [2]).

Тогда въ мартѣ 1915 г. японское правительство, съ своей стороны, предъявило нижеслѣдующія требованія къ Китаю:

1) въ отношеніи Шаньдунской провинціи требовалось отъ Китая дать свое согласіе по всѣмъ вопросамъ, по

[2]) Изв. М-ва Ин. Дѣлъ. Кн. III-я. 1915 г., стр. 100—103.

которымъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между японскимъ и германскимъ правительствомъ, относительно дальнѣйшей судьбы всѣхъ правъ, интересовъ и концессій, которыми въ силу договоровъ располагала Германія въ Шаньдунской провинціи;

2) обязательство не отчуждать и не сдавать въ аренду другой державѣ Шаньдунской провинціи, или же части ея, или какого-либо острова, лежащаго вблизи побережья названной провинціи;

3) передать Японіи право сооруженія желѣзнодорожной линіи, связывающей Чифу или Лунъ-коу съ Цзинань-Цзяочжоусской жел. дорогой;

4) Китайское правительство открываетъ главные города Шаньдунской провинціи для пребыванія и торговли иностранцевъ.

Въ отношеніи Маньчжуріи японскимъ правительствомъ также было предъявлено нѣсколько требованій: объ увеличеніи срока аренды Портъ-Артура и Дайрена вмѣстѣ съ Аньдунъ-Мукденской и южно-маньчжурскими желѣзными дорогами до 99 лѣтъ, а затѣмъ, выговаривалось о правѣ японцевъ пріобрѣтать въ собственность земельные участки и движимость, право жительства и свободнаго переѣзда по Китаю, право разработки нѣкоторыхъ рудниковъ (въ частности Ханьепинскіе рудники), объ обязательствѣ Китая испрашивать согласіе Японіи, въ случаѣ разрѣшенія желѣзнодорожныхъ концессій въ Маньчжуріи какой-либо третьей державѣ, или при приглашеніи инструкторовъ относительно политическихъ, финансовыхъ или военныхъ вопросовъ. Кромѣ того, контроль и управленіе Гирино-Чанчуньской желѣзнодорожной линіи передавалось бы Японіи на 99 лѣтъ.

Кромѣ того, Японія въ этомъ же актѣ предъявляла Китаю требованіе о неуступкѣ прибрежья Китая, или прибрежныхъ острововъ, какой-либо третьей державѣ въ аренду и представила нѣсколько предложеній о разрѣ-

шенiи частныхъ спорныхъ вопросовъ между японскими и китайскими правительствами.

Однимъ изъ серьезныхъ требованiй Японiи, предъявленныхъ къ Китаю, необходимо упомянуть: обязательство Китая о введенiи совмѣстнаго японо-китайскаго управленiя полицiей въ районѣ постояннаго мѣстожительства японцевъ не только въ полосѣ отчужденiя, но и во внутреннемъ Китаѣ; обязательство Китая покупать у Японiи извѣстное количество вооруженiя или соорудить въ Китаѣ арсеналъ; подъ совмѣстнымъ японо-китайскимъ управленiемъ; приглашать экспертовъ, а также получать матерiалы изъ Японiи и совѣтоваться съ Японiей, если нужно будетъ вложить иностранный капиталъ, въ связи съ желѣзными дорогами, копями и портовыми сооруженiями, включая даже доки и, наконецъ, признанiе Китаемъ права проповѣди въ Китаѣ японцевъ. Правда, эти требованiя были тяжелы для Китая, но все же можно было до чего-нибудь договориться путемъ взаимныхъ уступокъ. Если же Китай видѣлъ въ этихъ требованiяхъ японцевъ умаленiе своихъ верховныхъ правъ, какъ, напримѣръ, въ обязательствѣ не сдавать въ аренду, безъ согласiя Японiи, концессiй третьей державѣ, или обязательствъ покупать у Японцевъ оружiе, или брать отъ нихъ инструкторовъ, то нынѣ всѣ эти обязательства онъ выплачиваетъ въ отношенiи Германiи, снабжающей китайцевъ и деньгами, и инструкторами въ военномъ дѣлѣ въ настоящее время.

Всѣ эти переговоры, не смотря на ихъ секретный характеръ, умышленно сдѣлались достоянiемъ китайскихъ газетъ въ преувеличенныхъ формахъ, съ единственною цѣлью воспрепятствовать благополучному ходу переговоровъ фабрикацiей извѣстiй, дискредитирующихъ Японiю въ глазахъ Державъ. Китайская печать, по германскому наущенiю, снова требовала передачи Китаю Цзяо-чжоу и покрытiя убытковъ, причиненныхъ войною между Японiей и Германiей. Правительство Китая также, въ свою очередь,

затягивало переговоры. Состоялось около 25 совѣщаній, затянувшихся болѣе, чѣмъ на три мѣсяца, хотя Японія исчерпала всѣ средства, чтобы достигнуть удовлетворительниго разрѣшенія. Въ результатѣ всѣхъ этихъ затяжекъ, Китайское правительство, видя чуть ли не готовность Японіи выступить въ защиту своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, чего такъ желалъ Гинце, выразило согласіе на удовлетвореніе требованій относительно Шаньдунской провинціи, но относительно Южной Маньчжуріи и Восточной Монголіи и остальныхъ перечисленныхъ нами условій, Китай не соглашался на уступки, ссылаясь на свои суверенныя права.

Однако, желая уладить дѣло мирнымъ путемъ, Японія шла первая на уступки въ отношеніи пунктовъ о Внутренней Монголіи, ханьепинскихъ рудниковъ и неуступки другимъ державамъ побережья. Большинство другихъ пунктовъ (предложеніе о совѣтникахъ и инструкторахъ и Фуцзянской провинціи) были измѣнены въ желательномъ для Китая смыслѣ, а иные (проповѣдь японцевъ) и совсѣмъ отложены на далекое будущее. Эти уступки и были изложены въ японской нотѣ отъ 13 (26) Апрѣля 1916 года.

Вмѣстѣ съ представленіемъ новаго проекта японцы заявили китайскому правительству, что если на мирной конференціи, послѣ окончанія войны, Японія получитъ въ полное свое распоряженіе Кіао-Чао (Цзяо-Чжоу), то она вернетъ его Китаю на условіяхъ открытія бухты въ этомъ городѣ, установленія японской концессіи и учрежденія международнаго сеттльмента и при наличности заключенія между Китаемъ и Японіей соглашенія относительно судьбы германскихъ общественныхъ сооруженій и имущества.

Черезъ пять дней, т. е. 18 Апрѣля (1 Мая), Китай прислалъ свой окончательный контръ-проектъ, въ коемъ подтверждалъ свои безусловно непріемлемыя для Японіи предложенія относительно передачи ему арендованной территоріи Цзяо-Чжоу, уплаты убытковъ отъ войны и своего права на участіе въ будущей мирной конференціи

между Японіей и Германіей. Въ отношеніи Южной Маньчжуріи актомъ 18 числа китайцы готовы были признать право проживанія японцевъ и аренды для нихъ, но отнюдь не долгосрочной, но съ подчиненіемъ японскаго населенія этого края юрисдикціи китайскаго суда. Въ отношеніи В. Монголіи китайское правительство отказалось принять главный пунктъ японскихъ требованій о совмѣстныхъ предпріятіяхъ въ земледѣльческихъ и иныхъ промыслахъ.

Тогда японское правительство убѣдилось въ безполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ Китаемъ и рѣшило отложить наиболѣе спорныя требованія до будущаго времени, сообщивъ, однако, въ нотѣ отъ 23 Апрѣля, своему посланнику въ Пекинѣ указаніе предъявить ультиматумъ Китаю съ ожиданіемъ удовлетворительнаго отвѣта къ 6 ч. пополудни 26 Апрѣля (9 Мая) 1915 г.

Черезъ мѣсяцъ, 26 Мая 1915 г., было опубликовано китайско-японское соглашеніе, которое, какъ можно видѣть изъ особыхъ приложеній, также не привело къ желаннымъ результатамъ.

Неизвѣстно, какъ бы продолжалась эта сгущенная атмосфера далѣе, если бы въ Китаѣ не вспыхнули бунты на политической почвѣ, продолжающіеся и до сихъ поръ.

Дѣло въ томъ, что не смотря на подтвержденіе актомъ 1 Мая 1916 г. незыблемости республиканскаго строя въ Китаѣ, Юань-шикай рѣшилъ воспользоваться европейской войной и помощію Германіи, чтобы смѣнить республиканскій режимъ на монархическій.

Фонъ-Гинце, получавшій инструкціи изъ Берлина, вполнѣ одобрялъ эту точку зрѣнія Юань-шикая. Ему была очень выгодна эта затѣя и съ положительной, и съ отрицательной стороны.

Если бы Юань-шикай былъ провозглашенъ императоромъ Китая, при германскомъ содѣйствіи, конечно онъ былъ бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Вильгельма, въ смыслѣ проведенія въ Китаѣ германскихъ плановъ.

Если же получилось бы обратное и китайскій народъ воспротивился бы введенію у себя монархическаго строя, въ Китаѣ бы начались бунты и анархія, что, при антияпонскомъ настроеніи въ странѣ, легко могло перейти въ сторону эксцессовъ по адресу японскихъ подданныхъ. А эти послѣдніе вызвали бы активное вмѣшательство Японіи, а въ результатѣ начались бы японо-китайскія военныя дѣйствія. Вотъ о чемъ мечталъ въ Пекинѣ фонъ-Гинце. Ему такъ важно было прекратить японскую помощь союзникамъ и заставить Японію заняться сложнымъ китайскимъ вопросомъ. Ему важно было выиграть время до „окончательной германской побѣды надъ міромъ", какъ говорится часто въ нѣмецкой газетѣ въ Китаѣ „Deutsche Zeitung für China".

Германія обѣщала поддержать Юань-шикая матеріально въ его честолюбивомъ стремленіи къ трону и на эти деньги онъ принялся за тяжелую работу созданія въ Китаѣ монархіи. Было созвано особое совѣщаніе по выработкѣ монархическаго строя въ странѣ изъ лицъ, вполнѣ преданныхъ и извѣстныхъ Юаньшикаю.

Отъ имени совѣщанія составлялись къ народу посланія о томъ, что Китай есть страна самобытная, конфуціанская, не способная къ принятію и насажденію такихъ европейскихъ реформъ, какъ конституція или республика.

Совѣщаніе это, названное „Собраніемъ народныхъ представителей" (Yne assemblée de réprésentants du peuple tout entier), пришло къ тому выводу, что необходимо теперь же перейти къ монархическому строю въ Китаѣ, согласно „единодушному желанію китайскаго народа".

И вотъ 15 Декабря 1915 г. особая делегація этого національнаго собранія явилась предъ лицо Юаньшикая и собщила ему, что она уполномочена 1993 народными избранниками сообщить ему рѣшеніе о необходимости введенія монархіи въ Китаѣ и просила его принять корону

и возсѣсть на богдыханскій престолъ [1]). Юаньшикай отвѣтилъ въ особомъ декретѣ, что онъ, соглашаясь въ принципѣ съ рѣшеніемъ народныхъ избранниковъ на счетъ введенія монархіи въ странѣ. не можетъ, однако, дать согласіе на избраніе его императоромъ, такъ какъ онъ связанъ клятвою президента на вѣрность Республикѣ.

Національное собраніе поспѣшило, конечно, освободить Президента отъ клятвы и Юаньшикай превозгласилъ себя Императоромъ, назвавши годы своего правленія „Хунъ-сянъ".

Японія, по соглашенію съ Россіей, сдѣлала дружеское представленіе Китаю, совѣтуя Юаньшикаю не совершать государственнаго переворота, ибо послѣдній неминуемо поведетъ къ революціи, что совершенно нежелательно въ интересахъ мира на Дальнемъ Востокѣ. Къ представленію Японіи присоединились и Державы Согласія.

Правительство Китая не обратило на это вниманія и отъ имени Національнаго Собранія было распространено въ концѣ того же Декабря мѣсяца извѣщеніе, что взамѣнъ республики, въ Китаѣ вводится монархическій строй. при чемъ императоромъ избирается Юань-шикай. Далѣе циркулярно сообщалось, что восшествіе на престолъ бывшаго Президента откладывается независимо отъ препятствій со стороны Японіи и будетъ осуществлено при первой возможности.

Результатомъ такого образа дѣйствій китайскаго правительства явилось отклоненіе токійскимъ кабинетомъ прибытія въ Японію чрезвычайнаго китайскаго посольства для принесенія поздравленія по случаю коронованія Микадо. Вслѣдъ за тѣмъ Японское правительство объявило Китаю, что оно ни въ коемъ случаѣ не признаетъ избранія Юаньшикая на тронѣ. Если же онъ измѣнитъ республиканскій строй насильственно, то Японія будетъ считать его главою мятежниковъ. но не полномочнымъ правителемъ Китая.

[1]) L'Asie Française. Dec. 1915 p. 95.

Какъ и слѣдовало предвидѣть, въ Китаѣ вспыхнуло возстаніе, поднятое противниками монархическаго строя.

Началось оно на югѣ, въ Шанхаѣ. Въ Ноябрѣ 1915 г. шанхайскіе повстанцы убили мѣстнаго генералъ-губернатора, адмирала Цзэнъ-Жу-Чена, а затѣмъ подняли возстаніе моряки, которые съ крейсеровъ стрѣляли по городу.

Постепенно движеніе усиливалось и быстро южный Китай превозгласилъ свое отдѣленіе отъ сѣвера. Во главѣ революціонеровъ встали энергичные генералы, рѣшившіеся до конца бороться съ сѣверянами противъ монархіи и Юань-шикая.

Положеніе его пошатнулось. Правительственныя войска терпѣли пораженіе всюду на югѣ. Германская помощь оказалась безсильной.

Гуанъ-дунъ, Гуанъ-си, Фу-цзянъ, Юнь-нань, а за ними и провинція Гуй-чжоу, подняли знамя возстанія противъ Пекина. Цѣлые потоки крови и огня сокрушали Китай.

За Китаемъ началось движеніе въ Маньчжуріи противъ Юань-шикая, въ пользу возстановленія въ правахъ Императора Пу-и, послѣдняго отпрыска маньчжурской дайцинской династіи. Мятежное настроеніе не миновало и Внутренней Монголіи. Тамъ число повстанцевъ превышало 30.000 человѣкъ, во главѣ съ даотаемъ Бабучжао. Эта масса перешла великую китайскую стѣну на пути къ Пекину. 24 Марта с. г. провозгласили свою независимость отъ Пекина Гуанъ-дунъ и Кантонъ, 31 числа того же мѣсяца провинція Цзянъ-си, а всего уже 7 перечисленныхъ южныхъ провинцій произнесли свою независимость отъ Китая.

Революціонеры требовали удаленія Юань-шикая и образованія отвѣтственнаго министерства.

Какъ гласятъ телеграммы отъ 1 Апрѣля с. г., правительственные губернаторы названныхъ провинцій или бѣжали, или перешли на сторону республиканцевъ.

При помощи прибывшихъ изъ Америки инструкторовъ въ отложившихся провинціяхъ происходила спѣшная подготовка къ военнымъ дѣйствіямъ и обученіе стрѣльбѣ изъ винтовокъ и пулеметовъ.

Всѣ казенныя учрежденія были захвачены и южане обладали довольно солидными капиталами, позволявшими имъ дѣлать заказы боевого снаряженія въ Америкѣ.

Своими честолюбивыми затѣями Юаньшикай загналъ страну въ тупикъ.

Видя себя оставленнымъ и Германіей въ рѣшительную минуту; не имѣя возможности подавить возстаніе, Юаньшикай, наконецъ, вспомнилъ совѣтъ Россіи и Японіи. И вотъ 11 Марта текущаго года, Юаньшикай торжественно особымъ декретомъ заявилъ, что онъ ошибался въ требованіяхъ китайскимъ народомъ монархіи, понялъ, наконецъ, что это было желаніе только отдѣльныхъ группъ, а потому, имѣя въ виду узнать дѣйствительное мнѣніе всего Китая по вопросу о введеніи въ странѣ Монархіи, онъ запрещаетъ пока вести лѣтосчисленіе по годамъ новой имперіи, созываетъ вновь Цань-чженъ-юань для рѣшенія названнаго вопроса, самъ же лично склоняется къ республиканскому образу мыслей.

Такимъ образомъ, не установивъ опредѣленно ни монархію, ни республику, Юаньшикай все же не отказался окончательно отъ своихъ мечтаній о тронѣ, а лишь отложилъ эту затѣю въ болѣе долгій ящикъ.

Конечно такая мѣра не внесла бы успокоенія китайскихъ умовъ, если бы благодѣтельная судьба не послала странѣ неожиданнаго исхода въ маѣ мѣсяцѣ с. г., при загадочной обстановкѣ, скончался Юань-Шикай. Въ странѣ наступило затишье и, можетъ быть, надолго.

— —

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ японской провинціи Чоо-Сенѣ, т. е. о Кореѣ.

Въ ней такъ же развивалась германская пропаганда, съ цѣлью вызвать шовинистическіе эксцессы въ сторону Японіи, но успѣха она не имѣла, благодаря энергіи японскихъ властей.

Вслѣдствіе войны экономическія сношенія съ нами Кореи значительно сократились. Даже подвозъ скота, въ коемъ такъ нуждается Россія, сократился, дойдя до 3.000 головъ, вмѣсто прежнихъ 10.000 — 12.000 головъ. Дальность разстоянія черезъ Цуругу, а оттуда во Владивостокъ, а также строгости карантинныхъ властей въ послѣднемъ, вліяли на сокращеніе подвоза корейскаго скота. Поэтому цѣны на быка, напр. въ Кореѣ упали съ 50 — 55 іенъ на 35 — 40 іенъ. Для эксплоатаціи этого скота въ Японіи организуется нынѣ акціонерное общество изъ крупныхъ скотопромышленниковъ Токіо, Осака, Кіото и др. городовъ, съ капиталомъ въ 200.000 іенъ и числомъ акцій въ 400.

Но едва ли это общество удовлетворитъ интересы Россіи, такъ какъ, вслѣдствіе дороговизны перевозки, корейскій скотъ на владивостокскомъ рынкѣ идетъ не дешевле китайскаго и маньчжурскаго, а мясо послѣдняго скота гораздо лучше, ибо корейскій скотъ по преимуществу состоитъ изъ рабочаго, а потому его мясо грубо. Поэтому въ настоящее время на владивостокскомъ рынкѣ покупается почти только скотъ китайскій и маньчжурскій, идущій сюда изъ Тянь-Цзина, Цинъ-дао и др. мѣстъ Китая [1]).

С. Недачинъ.

2/IV 1916 года.
Петроградъ.

[1]) „Вѣстн. торг.-справ. бюро при Русско-Япон. об-вѣ“. № 1, стр. 55—56.

Историческіе матеріалы.

Къ исторіи сношеній Россіи съ Бухарой и Хивой конца XVIII вѣка.

Посольство Переводчика Бекчурина въ Бухару въ 1781 году.

Имя Бекчурина намъ не безызвѣстно. Оно неоднократно встрѣчалось въ исторіи сношеній Россіи съ Бухарой въ началѣ XIX столѣтія, но ниже печатаемые историческіе матеріалы проливаютъ новый свѣтъ на исторію нашихъ посольствъ въ Среднюю Азію въ концѣ XVIII вѣка и служатъ дополненіемъ къ даннымъ, помѣщеннымъ въ „Сношеніяхъ Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе“.

На стр. 89—91 этой работы сообщены были свѣдѣнія о посольствѣ Бекчурина въ 1781 году на основаніи рукописи, хранящейся въ библіотекѣ бывшаго Перваго Департамента (нынѣ Политическихъ Отдѣловъ) Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Имѣя подъ руками такой матеріалъ, я предполагалъ раньше опубликовать полностью находящійся въ этой рукописи лишь одинъ „Экстрактъ“ поѣздки Бекчурина въ Бухару. Въ настоящее время дѣло совершенно измѣнилось и является возможнымъ представить вниманію читателя не только „Экстрактъ“, а все дѣло объ „Отправленіи въ Бухарію Переводчика Бекчурина въ 1781 г.“. Послѣднее и есть одно изъ тѣхъ дѣлъ Главнаго Московскаго Архива, о которыхъ я упомянулъ въ предисловіи къ „Сношеніямъ“ и къ которому я имѣлъ въ виду вернуться еще въ 1914 году [1]). Дѣло это занимаетъ 59 листовъ рукописи, причемъ листы

[1]) См. Стр. 91 „Сношеній“.

41, 45, 46, 47, 51, 52 и 55 представляютъ собою подлинныя письма бухарскаго хана на имя Императрицы и бухарскаго сановника аталыка Даніяла на имя графа Панина, графа Остермана и оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа [1]).

Какой же интересъ представляетъ собою это дѣло? Изъ него мы узнаемъ нѣкоторыя новыя данныя относительно извѣстнаго намъ бухарскаго посланца Муллы Ирназара Максютова, впервые знакомимся подробно съ посольствомъ Бекчурина въ Бухару въ 1781 году, получаемъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о самомъ посланцѣ, имѣемъ подробное описаніе пути отъ Орской крѣпости до Бухары и обратно, описаніе города Бухары и торжественнаго пріема посланца у хана, нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи самого ханства и цѣлый рядъ другихъ данныхъ, могущихъ заинтересовать лицъ, занимающихся изученіемъ Средней Азіи во всѣхъ ея отношеніяхъ.

Въ общихъ чертахъ содержаніе нижеприводимыхъ историческихъ документовъ сводится къ слѣдующему.

Дважды бывшій посломъ въ Россіи въ 1774 и 1779 г.г. бухарскій купецъ Мулла Ирназаръ Максютовъ, какъ нынѣ выясняется, наряду съ другими порученіями, съ которыми онъ пріѣхалъ къ русскому двору, обращался еще къ Государынѣ, съ согласія хана, съ просьбой объ отпускѣ ему трехъ тысячъ пудовъ мѣди, на что Бекчуринъ привезъ разрѣшеніе, изложенное въ письмахъ Панина и Остермана на имя аталыка. Послѣдній въ отвѣтномъ письмѣ просилъ мѣдь эту, для доставки ея въ Бухару, передать брату посла Муллѣ Авизъ Бердыю, который очевидно находился въ то время въ Оренбургѣ по торговымъ дѣламъ. Посольство Ирназара Максютова, какъ извѣстно, съ разрѣшенія русскаго правительства, проѣхало чрезъ предѣлы Россіи въ Константинополь. Чтобы увѣдо-

[1]) Письма эти не приводятся здѣсь, за невозможностью по техническимъ условіямъ, въ связи съ обстоятельствами военнаго времени, воспроизвести восточный шрифтъ.

мить бухарскаго хана о пріемѣ, оказанномъ въ Россіи бухарскому посланцу и о его дальнѣйшемъ отправленіи въ турецкіе предѣлы, рѣшено было послать въ Бухару спеціальное лицо, появленіе котораго на мѣстѣ должно было возбудить возможно меньше подозрѣнія. Оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорпу было поручено найти подходящаго для этой поѣздки человѣка, бывавшаго въ далекихъ путешествіяхъ, знающаго мѣстныя условія и имѣющаго въ самой Бухарѣ знакомыхъ, которые могли бы быть ему полезными. Посланцу этому поручалось въ бытность его въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ возможно внимательнѣе обслѣдовать не только политическое, но и общее положеніе страны. При этомъ признано было необходимымъ принять цѣлый рядъ мѣръ, дабы посольствомъ этимъ не возбуждать умовъ бухарцевъ.

Для выполненія этого порученія выборъ оренбургскаго начальства палъ на „способнѣйшаго, благонадежнаго и въ ордахъ неоднократно бывавшаго“ мусульманина Оренбургской Губернской Канцеляріи татарскаго языка переводчика коллежскаго регистратора Мендіяра Бекчурина. Происходя изъ солдатскихъ дѣтей, на службѣ царской числился онъ съ 1760 года и состоялъ въ чинѣ коллежскаго регистратора съ 1777 года. Въ теченіе всего этого времени оренбургское начальство неоднократно посылало его съ разными порученіями въ киргизъ-кайсацкія орды и къ пограничнымъ народностямъ. Въ 1774 году Бекчуринъ былъ отправленъ къ „башкирцамъ“ для улаженія разнаго рода недоразумѣній и успокоенія вспыхнувшаго мятежа, а равно для полученія съ нихъ штрафного провіанта и фуража. Въ эту командировку онъ неоднократно подвергался сильнымъ опасностямъ и былъ даже раненъ саблею въ руку. Вскорѣ послѣ этого Бекчуринъ былъ посланъ въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду для возведенія мѣстнаго султана въ дарованное ему Государыней ханское достоинство. И наконецъ въ 1780 г. на его долю выпало ѣхать посланцемъ въ Бухару.

31 Октября 1780 года по именному Ея Императорскаго Величества Высочайшему рескрипту посольство Бекчурина выбыло изъ Оренбурга къ бухарскому хану Абуль Гази Мухаммедъ Бехадуръ Хану. Свита Бекчурина состояла изъ двухъ магометанъ, 3 киргизъ отъ киргизъ-кайсацкой меньшой орды Нурали Хана и 3 киргизъ отъ брата послѣдняго Эрали Султана. Выѣхавъ изъ Оренбурга по верхне-уральской линіи крѣпостей, посольство добралось послѣ 6 дней верховой ѣзды до Орской крѣпости. 9-го Ноября посольство отправилось въ дальнѣйшій путь и, сдѣлавъ около 1090 верстъ, прибыло благополучно 26 Декабря въ Бухару. По пріѣздѣ въ Бухару Бекчуринъ былъ помѣщенъ со свитою въ квартирѣ бывшаго въ Россіи посланникомъ Ирназара Максютова, причемъ къ нему былъ приставленъ караулъ изъ трехъ людей аталыка. Изъ дому его не выпускали въ теченіе шести дней и къ нему никого не пускали, приставленные же не только строго слѣдили за посланникомъ, но даже обходились съ нимъ весьма грубо. Причину такого содержанія подъ стражей и слишкомъ сквернаго къ Бекчурину отношенія объяснилъ находившійся въ числѣ караульныхъ плѣненный на сибирской линіи киргизами лѣтъ десять тому назадъ и проданный въ Бухару Ирназару Максютову изъ поляковъ омскаго баталіона русскій солдатъ Кириллъ. Онъ открылъ, что Ирназаръ, по отправленіи его изъ Россіи въ Константинополь, писалъ къ главному ихъ аталыку Даніялу письмо, въ которомъ предлагалъ содержать подъ стражею русскаго посла, когда таковой пріѣдетъ въ Бухару изъ Россіи. Такого рода свѣдѣніе подтвердилъ и находившійся въ плѣну тамъ же Нижне-Озерной крѣпости священникъ Василій Сергѣевъ. На седьмой день своего пребыванія въ Бухарѣ, т. е. 1 Января, Бекчуринъ былъ представленъ хану, которому и вручилъ привезенныя имъ письма. Въ теченіе послѣдующихъ 8 дней онъ имѣлъ возможность еще только одинъ разъ увидѣть аталыка, отъ котораго и получилъ 9-го числа

отвѣтныя письма и предложеніе отправиться возможно скорѣе обратно въ Россію. На слѣдущій же день, 10 Января Бекчуринъ былъ вынужденъ выѣхать изъ Бухары, 17 Марта прибылъ въ Орскую крѣпость, а 22-го числа того же мѣсяца благополучно возвратился въ Оренбургъ.

Какъ же объяснили себѣ бухарцы цѣлъ посольства Бекчурина и каковы были результаты этого посольства? По заявленіямъ состоявшихъ при Бекчуринѣ киргизовъ оказалось, что бухарцы сильно побаивались его пріѣзда и прибытіе посольства въ Бухару объясняли себѣ по разному. Одни говорили, что посолъ прибылъ для осмотра и описанія ихъ городскихъ укрѣпленій и количества войскъ, другіе—будто съ требованіемъ о выдачѣ русскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Бухарѣ. третьи—для объявленія бухарцамъ. что когда Россія будетъ мстить Хивѣ за убійство посланника Бековича, чтобъ Бухара за нее не вступалась. четвертые же полагали, что Россія намѣрена взять золото изъ горы, лежащей въ Хивѣ, такъ чтобъ Бухара и въ это дѣло не вмѣшивалась. Это объясненіе пріѣзда Бекчурина въ Бухару ходило по городу лишь до его представленія хану. Когда же содержаніе писемъ, привезенныхъ русскимъ посломъ, стало извѣстно, общее настроеніе нѣсколько измѣнилось, особенно же послѣ подкупа нѣкоторыхъ бухарцевъ отъ трехъ до семи червонцевъ каждому.

Въ высшей степени неблагожелательное отношеніе, которое Бекчуринъ встрѣтилъ со стороны всѣхъ бухарскихъ сановниковъ и мѣстнаго населенія и исключительное положеніе, въ которомъ онъ очутился въ Бухарѣ, конечно не дали ему возможности детально ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ ханствѣ. Поэтому всѣ его записки о самомъ пребываніи въ Бухарѣ далеко не полны.

Изъ доставленныхъ Бекчуринымъ документовъ мы усматриваемъ. насколько велики были въ то время закоренѣлость и невѣжество бухарцевъ и какія трудности приходилось испытывать русскимъ людямъ на чужбинѣ.

Что же касается поднятаго Бекчуринымъ вопроса о свободной русско-бухарской торговлѣ, то таковой остался открытымъ, такъ какъ въ письмѣ на имя графа Панина и въ другихъ аталыкъ отвѣчалъ, что по этому поводу имъ сдѣланъ запросъ среди 92 узбекскихъ родовъ и заключеніе объ этомъ будетъ сообщено русскому правительству при первой же возможности.

По возвращеніи своемъ въ Оренбургъ Бекчуринъ представилъ оренбургскому губернатору генералъ-маіору князю Хвабулову рапортъ о своей поѣздкѣ въ Бухару и вручилъ письма отъ бухарскаго хана на имя Государыни. отъ аталыка Даніяла на имя графа Панина и Остермана и покойнаго губернатора Рейнсдорпа.

Въ виду того, что во всѣхъ командировкахъ Бекчуринъ тратилъ сверхъ опредѣленнаго ему жалованья еще и собственныя деньги, въ послѣднюю же поѣздку понесъ снова матеріальные убытки и вошелъ въ неоплатные долги, онъ просилъ оренбургское начальство наградить его чиномъ титулярнаго совѣтника и деньгами для расплаты съ долгами и оставить его въ прежней должности.

Свѣдѣнія о дальнѣйшей дѣятельности Бекчурина, относящейся уже къ началу XIX столѣтія, сообщены мною въ „Сношеніяхъ Россіи и т. д.“ на стр. 97 и 101.

С. Жуковскій.

1 Ноября 1916 г.

Отправленіе въ Бухарію переводчика Бекчурина въ 1781 г.

Проектъ Рескрипта къ Оренбургскому Губернатору Генералу Поручику Рейнсдорпу. 1а

При отпускѣ бывшаго здѣсь въ пріѣздѣ Бухарскаго посланника Ірнезера Максютова въ Турецкую сторону. очемъ Ханъ его представилъ Намъ прошеніе чрезъ поданной симъ его посланникомъ листъ свой. какова дана резолюція посланнику какъ на то такъ и на учиненное въ слѣдствіе того имъ самимъ представлѣніе, относительно сего жъ пути и другихъ дѣлъ. хотя давно разсмотренныхъ но имъ на удачу нынѣ вновь поновленныхъ, все то увидитѣ вы изъ прилагаемой для вашего извѣстія записки, которая и вамъ имѣетъ служить правиломъ при встречающихся случаяхъ.

На оригинальномъ написано Собственной Ея Императорскаго Величества рукой тако: Быть посему. Въ Царскомъ Селѣ Августа 7-го 1780.

Полагая по прежнему Ірнезера Максютова купеческому состоянію, что онъ и въ явленіяхъ своихъ двоекратныхъ и ускоренныхъ одного за другимъ при дворѣ Нашемъ въ качествѣ посланника искалъ болше исполненія собственныхъ своихъ намереніи относимыхъ къ мелочной торговлѣ ибо остался притомъ въ разсуждѣніи своихъ переѣздовъ и содержанія. беззаботы и безъ издержекъ и искалъ свободнымъ быть и отъ пошлинъ, і что можетъ быть въ семъ же видѣ направлѣна его поѣздка и къ портѣ Оттоманской. но съ другой стороны видя. что онъ же сколко получаетъ изъ казны Нашей столко же и самъ издерживаетъ, представляется мысль. не имѣетъ ли онъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ то есть при Портѣ какого либо препорученія отъ своихъ одноземцовъ и другихъ жителѣй великой татаріи касательно до богомолія и торговли, или же только здѣлать первыя тому обозрѣнія, что бъ узнать возможность поколику сіи ихъ наме-

Отправленъ съ нарочнымъ куріеромъ Лейб Гвардіи сержатомъ Леняецевымъ 9-го Сентябри.

1б

2а

ренія исполнены быть могутъ по состоянію турковъ самаго пути и нашего соглашенія на сей первой его самаго пропускъ чрезъ Имперію Нашу, а въ сихъ обстоятельствахъ натурально что онъ отъ богомоловъ магометанскихъ. и отъ купцовъ тамошнихъ далѣе обыкновеннаго мыслящихъ могъ получить и помощь. которою живѣтъ, копя напротивъ того собственныя свои прибыли вместѣ.

2б Какъ бы то ни было, но Мы при всѣхъ Нашихъ учрежденіяхъ предпріемлемых къ ползѣ и славѣ отечества имѣя всегдашнѣе попеченіе и ораспространеніи торговли Нашихъ подданныхъ всеми возможными отраслями теперь еще или несуществующими вовсе илиже еще слабыми. какова и есть Бухарская производимая въ Оренбургѣ и въ троицкой крепости за нужно и пристойно почитаем, пользуясь двоекратнымъ сюда пріѣздомъ Посланника отъ Бухарскаго Хана, и какъ бы въ томъ вящшеѣ изьявленіе Императорскаго Нашего къ сему владѣтелю благоволѣнія за такое съ стороны его оказанное къ Намъ почтѣніе, отправить въ Бухарію нарочнаго
3а увѣдомляя его о бывшемъ здѣсь пріѣмѣ Посланника его и дальнѣйшемъ въ Турецкія предѣлы отправленіи, съ присовокупленнымъ къ тому возбуждѣніемъ къ содѣйствію съ его стороны въ распространеніи Бухарской при границахъ Имперіи Нашей торговли, дабы явленіе Нашего человѣка тѣмъ менше подозрительно показалось Бухарцамъ. но котораго напротивъ того настоящеѣ дѣло имѣетъ въ томъ состоять, чтобъ онъ старался доставить вѣрныя и обстоятельныя о всемъ нужномъ свѣдѣнія, слѣдовательно же и достаточныя къ разрѣшенію вопроса колико способны Бухарцы и протчія тамошнія Азіанѣ по всемъ своимъ обстоятельствамъ, къ заведенію связи чрезъ Нашу Имперію съ Портою Оттоманскою относительно своего богомолія и купечества и встречаются ли имъ сіи
3б понятія самимъ отъ себя, а буде нѣтъ, и они къ тому по чему либо не удобны, и не останется при такомъ ихъ

уже расположенiи и надежды видѣть подвигомъ ихъ вѣры умноженiя ихъ торговли при здѣшнихъ границахъ болше настоящей меры и степени, то сколко они покрайнѣй мерѣ удобны быть могутъ къ дачѣ дозволѣнiя, чтобъ заведенiемъ въ ихъ собственныхъ мѣстахъ здѣшнихъ конторъ испытанiе здѣлать было можно о обращенiи къ Нашимъ границамъ Азiатской торговли, въ болшей силѣ количествѣ ценѣ и пользѣ, нежели отсамихъ бухарцовъ ожидается. и для чего по сихъ первыхъ извѣстiяхъ и нарядное посолство съ Нашей стороны иногда отправлѣно быть моглобъ или же и по нихъ окажутся напротивъ того закоренелость и невежество ихъ Бухарцовъ толь великими, что всему предпрiятiю и въ последнемъ видѣ препятствiе же отъ нихъ встретится, и Бухарцы слѣдо- 4а вательно и впредь не будутъ болше въ здѣшней политикѣ занимать мѣста, нежели сколко теперь имѣютъ малаго и случайнаго.

Выборъ способнаго къ сей нужной и осторожности требующей коммисiи человѣка изъ находящихся въ Вашемъ вѣдомствѣ оставляется вашему разсмотрѣнiю, поколику непосредственное такого отъ сюда отправлѣнiе въ разсуждѣнiи прiисканiя его и другихъ сопряженныхъ съ темъ обстоятельствъ потребовалобъ не малаго времени, напротивъ того тѣмъ скорѣ вы найдетесь въ состоянiи посему исполнить чемъ болше могутъ у васъ обрестись люди въ такихъ дальнихъ и степныхъ путешествiяхъ бывалыя, знающiя употребленiе нужныхъ предосторожностей для своего сохраненiя, и прокормлѣнiя въ пустыхъ мѣстахъ а можетъ быть въ Бухарiи и въ другихъ тамошнихъ на- 4б родахъ и знакомыхъ имѣющiя. кои такъ же участвовать могутъ въ ихъ безопасности.

И такъ по полученiи сего имѣете вы старанiе приложить о прiисканiи и дѣйствительномъ отправлѣнiи въ Бухарiю нарочнаго съ прилагаемымъ здѣсь писмомъ отъ Нашего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Панина къ Хану Бухарскому, и коего содержанiе изъ-

являетъ выше сего уже изьясненныя поводы къ нарочной посылкѣ какъ вы и то въ подробности усмотритѣ изъ сообщаемой вамъ съ сего писма копіи.

Что касается до наставленія отъ васъ сему нарочному, и до снабдѣнія его на проѣздѣ денгами и препровождѣніемъ. то буде по ненадежности сего пути а паче еще по подозрителному нраву Бохарцовъ и другихъ тамошнихъ жителѣй, кои любятъ съ великими Государ-
5а ствами издали дѣлать дѣла вы усумнитесь дать ему писменное наставлѣніе, чтобъ какимъ либо незапнымъ случаемъ не вышло наружу, можете по нуждѣ удовольствоваться и словеснымъ въ выше сказанной силѣ, приказавъ ему для того обратить свои примѣчаніи не только на удобства и неудобства дороги ему предлѣжащей, ѣдучи въ Бухарію и назадъ возвращаясь, а еще лутче здѣлаетъ когда изберетъ разныя и чтобъ онъ въ бытность свою въ Бухаріи и въ околичностяхъ ея, естли иногда откроются и къ тому способы внятно и сколко возможно съ достовѣрностію разсмотрѣлъ не только Политическое но и физическое тамошнѣе состояніе, для произведѣнія изъ того надежныхъ правилъ и положеніи на будущеѣ время Нашего поведѣнія относительно сихъ лѣжащихъ въ ве-
5б ликой Татаріи земель и областѣй, по чему когда не будетъ ему предстоять опасности, надобно будетъ ему содержать всей тамошнѣй бытности повседневной журналъ, или же инако хотя и краткую записку и замѣчаніи, для помочи своей памяти къ составлѣнію изъ того по возвращеніи къ вамъ въ Оренбургъ нѣкотораго порядочнаго сочиненія, съ которымъ вы его по томъ или же и съ обстоятельнымъ журналомъ въ случаѣ возможности такого и сюда отправите, для словесныхъ дополнителныхъ изьясненіи, и чтобъ при открывающихся удобствахъ къ продолженію съ Бухаріею сношенія и къ отправленію туда непосредственно отъ двора Нашего нарочной особы въ публичномъ качествѣ сей напередъ отправляемой и обратно возвращающейся съ нужными для перваго случая

извѣстіями и проводникомъ для послѣдующей экспедиціи служить могъ.

Между тѣмъ не безприлично будетъ, чтобы и вы какъ 6а
пограничной началникъ такого мѣста, куда Бухарцы по болшой части въ пріѣздѣ бываютъ отъ себя съ нимъ къ Хану Бухарскому отправили писмо, примѣняясь къ содержанію писма Нашего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Панина, и рекомендуя особливо Хану. и съ стороны вашей, чтобъ вашъ нарочной хотя и въ скорости въ состояніи гонца или куріера, а не съ публичнымъ качествомъ отправлѣнной, но по Нашему особенному указу, принятъ былъ имъ съ пристойностію и съ безопасностію возвращенъ, почему небезнужно будетъ сему отъ васъ отправляемому человѣку есть ли особливо выборъ вашъ падетъ на какого либо чиновнаго примѣтить
и дать наставлѣніе и въ разсуждѣніи тамошнихъ церемоніаловъ, буде есть тамъ некоторыя и о чемъ на и болѣе вамъ извѣстно, быть можетъ, чтобъ онъ старался во всякихъ своихъ поступкахъ достоинство Нашей Имперіи сохранить и искалъ быть въ присудствіи Хана приниманъ съ нѣкоторою отличностію. 6б

Въ разсужденіи конвоя, и дачи на проѣздъ денегъ здѣсь вамъ ничего такъ же не предписывается, то и другое вамъ болше же извѣстно по чему и поступите вы въ томъ по собственному вашему разсуждѣнію, соображаясь съ тамошними обстоятельствами и примѣрами отправленіевъ въ Орды киргисъ касацкія и въ Хиву въ 1754 мъ году двухъ переводчиковъ Оренбургскихъ чтобъ безопасность доставилась посылаемому отъ васъ но безъ тревоги Бухарцамъ, кои какъ и всѣ азіанѣ обыкновенно и малое число людѣй особливо же военныхъ принимаютъ
за великое, и чтобъ и употребляемой въ сію коммисію 7а
человѣкъ, и все кои ему приданы будутъ съ удобностію сію дорогу совершили, но напрасной излишной издержки однакожъ на то не было, а денги можете употребить изъ наличныхъ въ вашей Губерніи въ Статъ не положенныхъ,

или же изъ опредѣленныхъ ежегодно на Киргисъ касацкія расходы по шести тысячъ рублевъ, буде изъ оныхъ что отъ прошлыхъ лѣтъ въ остаткѣ имѣетѣ.

Колико могутъ интересованы быть участіемъ и содѣйствіемъ своимъ въ безопасномъ препровождѣніи сего посылаемаго въ Бухарію нарочнаго, и въ такомъ же его и назадъ въ свое время возвращеніи, Нурали Ханъ Киргисъ касацкой, братья его и протчія тамошнія старшины
7б изъ лутчихъ. понуждѣ проѣзда чрезъ Киргисъ-касацкой народъ сего нарочнаго, вы такъ же пригласить и обязать ихъ къ тому не оставите, дѣлая и все уже отправлѣніе, съ болшимъ или меншимъ препровождѣніемъ померѣ возлагаемой вами на Киргисъ касакъ надежды.

О всехъ посему вамъ предписанныхъ исполненіяхъ Мы будемъ ожидать отъ васъ обстоятельнаго доношенія, коль скоро втомъ исправитесь, и къ чему вы безсумненія все должное раченіе употребить не преминете. и пребываемъ къ вамъ въ протчемъ Нашею Императорскою Милостію благосклонны данъ въ Санктъ Петербургѣ августа 18 дня 1780 года.

По имѣнному Ея Императорскаго Величества указу

Гр. Н. Панинъ.

Графъ Иванъ Остерманъ.

8а **Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Генералъ Порутчика Оренбургскаго Губернатора и Кавалера Рейнсдорпа.**

РАПОРТЪ.

Ея Императорскаго Величества Высочайшей Указъ 18 Августа состоявшейся о Всемилостивѣйшемъ воззреніи на Бухарскаго Посланника Ирназара Максютова, и о Высочайшемъ благоволеніи отпускомъ его со свитою въ Турецкую область до самого Константинополя; и объ отправленіи отсель Къ Бухарскому Абулгази Багадуръ Хану съ слѣдующимъ отъ господина Дѣйстви-

тельнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Графа Никиты
Ивановича Панина письмомъ нарочнаго благонадежнаго
человѣка съ препорученіемъ предписанныхъ тѣмъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Указомъ
развѣдываней и о пр. 22 Сентября я получить удостоился.

Къ точному исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повеленія тотъ часъ я приступить со всею готовностію почтился. По состоянію
сей нужной и осторожности требующей коммисіи избранъ
мною способнѣйшей благонадежной, и въ ордахъ неоднократно бывалой человѣкъ, татарскаго діалекта Переводчикъ Коллежской Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ,
отораго для натаціи письменнымъ а наиболѣе словес-
нымъ достаточнымъ наставленіемъ и всѣмъ потребнымъ 86
къ дорожному содержанію снабдить не оставилъ а къ
лутчему содѣйствію въ пути и во всѣхъ потребныхъ случаяхъ поможенія приданы ему изъ магометанцовъ же,
какого закона и самъ онъ Бекчуринъ, вѣрные и въ поведеніяхъ довольно испытанные два человѣка. Къ безопасному жъ въ пути препровожденію ожидаю вскоре обѣщанныхъ на требованіе мое отъ Киргискайсацкаго Меньшей Орды Нурали Хана провожатыхъ Киргисцовъ. И какъ
скоро они прибудутъ, то ни мало не мешкавъ Переводчикъ Бекчуринъ въ назначенной путь отправится. съ
которымъ и къ Бухарскому Абулгази Мухамметь Багадуръ Хану въ пристойныхъ терминахъ на повелѣнномъ
основаніи отписать я не оставлю. А съ какимъ успѣхомъ
онъ Бекчуринъ возвратится Государственной Коллегіи со
обстоятельствомъ донести почтусь.

Иванъ Рейнсдорпъ. (Подл. подп.).
Секретарь Фадей Чекаловъ. (Подл. подп).

Изъ Оренбурга
Октября 20-го Дня
1780 года.

Полученъ съ куріеромъ отъ Коллегіи посыланнымъ
въ 4 Ноября 1780 года.

9а Канцелярская Цыдула изъ Секретной Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Экспедиціи въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію.

Имяннымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ Рескриптомъ отъ 18 го Августа прошлаго 1780 го Года къ покойному Оренбургскому Губернатору Генералу Порутчику Рейнсдорпу съ нарочнымъ куріеромъ отправленнымъ дано было точное повелѣніе отправить въ Бехарію нарочнаго съ писмомъ къ тамошнему Хану отъ Его Сіятелства Графа Никиты Ивановича Панина, касательно до принятія здѣсь при Императорскомъ Дворѣ и отправленія отсюда въ Турецкую сторону Бухарскаго Посланника Ирназара Максютова и Помянутый Губернаторъ Репортомъ отъ 20-го Октября того жъ года въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ представилъ, что воисполненіе вышеписаннаго Рескрипта избранъ имъ былъ
9б для сей посылки способной и въ ордахъ бывалой Татарскаго языка переводчикъ Коллежской Регистраторъ Мендіаръ Бекчуринъ къ препровожденію котораго ожидалъ онъ толко обѣщанныхъ на требованіе его отъ Киргисъ касацкаго Нурали Хана Киргисцовъ, но что потомъ по сему дѣлу произошло, и отправленъ ли оной Переводчикъ въ Бухарію или же вопреки всякаго обѣщанія, того еще не воспослѣдовало, изачемъ имянно. и принятыли мѣры какія либо къ отвращенію встретившихся иногда препятствій, и коль скоро тотъ назначенной въ посылку
10а человѣкъ повеленной путь предпріять можетъ ни очемъ въ Коллегіи неизвѣстно, для чего симъ по приказу оной отъ Оренбургской губернской Канцеляріи, требуется надлежащаго увѣдомленія о всехъ послѣ репорта покойнаго Губернатора происшедшихъ всемъ дѣлѣ случаяхъ изчи-

ненныхъ воисполненіе имяннаго Ея Императорскаго Величества рескрипта распоряженіяхъ должныхъ.

Подлинная за скрепою секретаря Федора Козелскаго.
Въ Санктъ Петербургѣ

марта 4-го дня
1781 Года.

Отправлена попочте того жъ числа.

По секрету. **11а**

Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Генералъ Маіора Оренбургскаго Губернатора и Кавалера Князя Хвабулова.

РАПОРТЪ.

Воисполненіе Имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Рескрипта отъ 18 Августа 1780 года къ покойному Оренбургскому Губернатору Генералъ Порутчику и Кавалеру Рейнсдорпу присланного въ Бухарію съ письмомъ отъ господина Дѣйствительного Тайного Совѣтника и разныхъ орденовъ Кавалера Графа Никиты Ивановича Панина къ Бухарскому Абулгази Мухамметъ Багадуръ Хану отправленъ былъ съ наставленіемъ Магометанскаго закона Переводчикъ Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ, съ двумя тогожъ закона старшинами за препровожденіемъ присланныхъ Киргисъ-Кайсацкой меньшей орды отъ Нурали Хана трехъ, да отъ брата его Эрали Солтана на пути приданныхъ трехъ же Киргисцовъ: при чемъ и отъ покойнаго Губернатора къ нему Хану на повелѣнномъ основаніи, такъ же къ ихъ Аталыку Даніялу писано.

Сей Переводчикъ Бекчуринъ какъ до Бухаріи былъ препровожденъ, такъ и обратно чрезъ кочевья Эрали Солтана при посредствѣ усердного ево Эралія staранія благополучно на сихъ дняхъ сюда возвращенъ.

Онъ при рапортѣ своемъ представилъ мнѣ на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя отъ Бухарскаго Хана, а отъ Главнаго ихъ Аталыка Данияла Графу Никите Ивановичу Панину и покойному
116 Губернатору Рейнсдорпу присланные письма, и какъ лежащему до Бухаріи тракту маршрутъ, такъ и о испытанныхъ имъ сколько способы и возможность позволила Бухарскихъ обстоятельствахъ записки, изъ которыхъ письма съ переводомъ, а маршрутъ съ сочиненнымъ Экстрактомъ къ разсмотренію при семъ Государственной Коллегіи всепочтеннѣйше подношу.

Изъ всего того приложенія Государственная Коллегія изволитъ усмотреть, сколь велика закоренелость и невежество Бухарцовъ состоитъ. Они нетолько ни мало не согласны на заведѣніе въ ихъ мѣстахъ коммерческихъ нашихъ канторъ; но по варварскому своему состоянію не устыдились ево Бекчурина во всю въ Бухаріи бытность содержать подъ крепкою стражею: кчему однакожъ возбуждены были съ стороны ихъ посланника Ирназара Максютова. О семъ доказываютъ изъясненные въ рапорте его Бекчурина извѣстіи.

И такъ я по точной силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Рескрипта для словесныхъ дополнительныхъ изъясненей реченного Переводчика Бекчурина въ Государственную Коллегію съ симъ отправилъ, которому натри почтовые лошади до Санктпетербурга съ возвратомъ подлежащее число прогоновъ здѣсь выдано.

Князь Матвей Хвабуловъ (Подл. подп.).

Секретарь Фадей Чекаловъ (Подл. подп.).

Изъ Оренбурга.
Апрѣля 1-го дня
1781 года.

12а 1781 го Апрѣля 29 Дня полученъ съ нарочно присланнымъ переводчикомъ Бекчуринымъ.

Репортъ отъ Оренбургскаго Губернатора Князя Хвабулова изъ Оренбурга отъ 1 го Апрѣля съ восьмью приложеніями.

Поданъ марта 26 ч. 1781 года. **13а**

Его Сіятельству

Высокородному и превосходительному Господину Генералъ Маіору, Оренбургскому губернатору и кавалеру Князь Матвѣю Афанасьевичу Хвабулову,

Переводчика Коллежскаго Регистратора Бечкурина

РАПОРТЪ.

Съ даннымъ мнѣ отъ покойнаго здешняго Губернатора Господина Генералъ-Порутчика и кавалера Реинсдорпа наставленіемъ, 31 Октября 1780 года отправленъ я отсель чрезъ орскую крепость въ Бухарию, для исправленія порученнои мнѣ по Имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему рескрипту секретной коммисіи, о успехахъ и о исполненіи которой Вашему Сиятельству честь имѣю донести слѣдующее:

1 е. По отправленіи моемъ изъ орской крепости слѣдовалъ я степью чрезъ киргизкаисацкіе меншой Орды владенія Эрали Солтана кочевья, за препровожденiемъ улусныхъ и приданныхъ мнѣ ханскихъ и ево Эраліевскихъ людей до самои Бухарій, куда прибылъ благополучно 26 Декабря, исколь въ день удалось преодолеть пути, такъ же какой грунтъ въ техъ мѣстахъ земли и съ какими удобностями и неудобностями, учиненной мною журналъ присемъ Вашему Сиятельству подношу.

2 е. По прибытіи въ Бухарию поставленъ былъ я со всею свитою въ квартиру присыланного ко двору Ея

Императорскаго Величества отъ бухарского Хана. посланника Ирназара Максютова. где приставлены комне отъ Главного ихъ министра аталыка три человека караульныхъ. и содержанъ былъ шесть дней безъ малѣишаго выпуску изъ покоевъ, а сверхъ того и комне отнюдь никого недопущали. приставленные не только строго за-
136 мнои смотрели но и обходились весьма грубо, сколькобъ моего усилія и ласкательства ни было. ничто ихъ грубость преодолѣть не могло.

3 е. Въ седьмои день съ прибытия моего представленъ былъ въ присутствие Бухарскаго Хана и лутчихъ ево советниковъ. но съ какою церемониею меня туда вели и представляли. и что въ бытность мою въ Бухаріи разведано и примѣчено особое описание усего прилагаю.

4 е. Старался я всячески внимать о притчине толь крепкаго меня подстражею задержания, пощастию моему изъ приставленныхъ караульныхъ случился быть россиіскои изъ полякъ омскаго баталиона солдатъ Кирила чеи прозваньемъ неупомню, плененнои назадь тому лѣтъ съ десять съ сибирской линеи киргизцами и проданъ въ Бухарию Ирназару Максютову; онъ при удобномъ случае открылъ мне, Ирназаръ по отправленіи отъ россійскаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Двора въ Константинополь, писалъ къ главному ихъ аталыку Даниялу такое писмо, что когда отъ Россіи пришлется въ Бухарію нарочнои, тобъ къ свободному въ городе хождению отнюдь воли не давать, а содержать всегда до отправления подъ стражею, на спросъ же мои солдатъ объявилъ. что онъ о семъ слышалъ при разговорахъ у Ирназаровыхъ родственниковъ, а сверхъ того подался случаи избывшихъ при мнѣ сперва мещеряцкому старшине Тамирбаю Батыршину, а потомъ орскому атаману Касимову нечаянно видится съ находящимся тамъ вплену нижне озерной крепости священникомъ Васильемъ Сергѣевымъ, которои прислалъ комне два писма поздравительные съ наступившимъ тогда праздникомъ Рожде-

ства Христова, въ коихъ онъ тожъ самое о содержанiи меня подстражею, какъ и вышеписанный солдатъ пересказывалъ, подтверждаетъ. Я те писма къ разсмотрению присемъ представляю.

5 е. Во всю мою въ Бухарiи бытность къ Хану и аталыку представленъ я былъ по одному разу, хоть неоднократно прозбою и настоялъ, чтобъ еще допустить книмъ для разговоровъ; но по варварскому и грубому ихъ состоянию, зделанъ мнѣ такой отказъ, чтобъ я о семъ отнюдь не думалъ, и ни какъ къ Хану и аталыку не допускали, а спешили отправлениемъ изъ своихъ пределовъ. 14а

6 е. Чрезъ бывшихъ при мнѣ отправленныхъ отсель ханскихъ и Эралиевскихъ киргизцовъ (какъ они напослѣдокъ зделаны посвободнѣе) старался разведать, что бухарцы о моемъ приѣзде заключали, онѣ мнѣ сказали слѣдующее: Бухарцы состоятъ въ великой робости, и заключаютъ мой приѣздъ въ четыре вида: 1-е. Конечно я присланъ для осмотра и описания ихъ городскаго укрепления и количества воискъ. 2-е. съ требованиемъ овыдаче россiискихъ въ ихъ областяхъ находящихся пленниковъ, причемъ де многихъ киргизцамъ обратно отдавали, и ежели впредь привозить будутъ отъ покупки отрицались. 3-е. Якобы для объявления бухарцамъ, когда съ россiискои стороны за убивство въ давнихъ годехъ хивинцами посланника Бековича съ воискомъ, будет хивинцамъ отмщение, тобъ Бухария заниxъ невступилась. 4-е. Россiя намеряется доставать лежащую подъ Хивою съ золотою рудою гору, то бы такъ же Бухария зато невступалась.

Сие бухарцевъ сумнѣнiе и разные толки обо мнѣ произходили до представления меня къ Хану и получения привезенныхъ мною писемъ, а потомъ уже узнавъ изнихъ иное совсемъ содержание, стали нѣсколько приставленные комне поблагосклоннѣе а наивящшее побудилъ я шегаула и двухъ бывшихъ примнѣ есауловъ, дачею изнихъ

первому семи, а изъ послѣднихъ одному четырехъ, а другому трехъ червонцовъ золотыхъ.

7 е: Какъ скоро ответные писма мнѣ вручены, то на другои день изъ Бухарій и отправленъ, несмотря ни накакия мои просбы и отговорки.

8-е. Изъ находящихся примне приданныхъ отсель мещеряцкои старшина темирбаи батыршинъ задень выѣзда такъ тяжко заболелъ, что и не могъ ево съ собою уже взять, а оставилъ на попеченій у находящагося тамъ уфинскаго купца рафика абдряшитова прикащика бяшира беикина сдачею ему шести червонцовъ на путевое содержание и на покупку лошади, стемъ что когда онъ выздоровѣетъ, тобъ привести ево сюда непременно.

9 е. Асигнованные мнѣ переводомъ денги четыре ста пять десятъ рублей я отъ вышеписаннаго прикащика золотыми червонцами тамъ получилъ, икуда имянно вросходъ употреблены присемъ представляю щотъ.

Коллежскій Регистраторъ Мендіаръ Бекчуринъ.

(Подл.) марта 26 дня 1781 года.

15а **Благородному и почтенному господину Капитану.**

Желаемъ въ прибытіи вашемъ здешнихъ местъ здравія и благополучія а притомъ имеемъ поздравить ваше Благородіе соднемъ праздника рождества Христова; да увѣдомляемъ Васъ до прибытія вашего прислано писмо отъ Мулы Іназара къ здешнему державцу, что де русскіе послы къ вамъ ідутъ то де ихъ всехъ моги удоволствовать а погороду имъ ходить непозволей, і пленныхъ русскихъ книмъ недопущай, а поотездѣ ихъ оберегайся съ восточной страны, и своихъ воиновъ хорошенко снарежай; а оплену доношу вашему Благородію что въ здѣшней Бухарій находится всякаго званія весма многое множество. Правда въ пріездъ вашъ на первый день пришелъ былоя нижеподписавшися со оренбург-

скимъ артилерискимъ кананеромъ гавриломъ книфевымъ по долгу христіанскаго закона вашему Благородію честь 15б воздать но отъ басурманскихъ акъсакаловъ приставленные къ вамъ эсаулы недопущая и палочьемъ прогоняютъ насъ бѣдно страждущихъ. не имея гдѣбъ случай ізыскать свидется съ вашимъ Благородіемъ; аще не могу тотъ случай ізыскать персонално увидется то просимъ всенижайше мы все пленные христіане вашего Благородія милостиваго отца хоть малою цѣдулочкой насъ бедныехъ увѣдомить о своемъ прибытіи. Затемъ остаюсь богомолецъ о здравіи вашемъ оренбургской нижнея дистаціи озѣрной крѣпости николаевскія церкви священникъ Василій Сергіевъ.

1780 году Декабря 26 числа.

Благородному і почтенному господину капитану. 16а

Желаемъ здравія і благополучія въ прибытіи Вашемъ здешнихъ местъ. а притомъ імеемъ честь поздравить Ваше благородіе соднемъ новаго года: правда въ прибытіи ваше напервы день пришелъ было я нижеподписавшейся сооренбургскимъ кананеромъ Гавриломъ Кныфевымъ подолгу христіанскаго закона вашему благородію честь воздать но приставленные басурманы не могли допустять до васъ; но тепере мы зде находящійся бѣдно плачущійся і зде страждущій пленные православные христіане, просятъ слезно вашего благородія увѣдомить хотя малою цѣдулочкою естьли намъ пленныемъ хотя малая отрада іли уже мы вовсе запропали фтиранскихъ басурманскихъ ру- 16б
кахъ; да сіе до васъ 2-е пясмо пишу невѣдая то дошло іли нетъ, а которые писмы чрезъвасъ мы получили то вниxъ о себѣ ползы неимеемъ писано что навыкупъ а хто выкупитъ здесь богу вѣдающу а зде находясь въ плену какъ духовнаго чина такъ оберафицерскихъ чиновъ. гвардейцовъ драгунъканарееровъ і салдатовъ і казаковъ поляковъ і саксоновъ чувашъ имордвы женскаго пола и малаго

возраста детей; премного множество по нашему недоразумію и исъчислить неможемъ; да увѣдомляемъ васъ до прибытія вашего прислано писмо отъ муллы Ирназара къ здешнему державцу что де рускіе послы къ намъ ѣдутъ то де ихъ всехъ удоволствуй а погороду гулять непущай і рускихъ пленныехъ книмъ недопущай а поотпускѣ ихъ самихъ обрегайся съвосточной страны і своихъ воиновъ хорошенко снаряжай.

и тако воожиданіи остаюсь отвашего благородія благосклоннаго увѣдомленія Богомолецъ оздравіи вашемъ Оренбургской нижнія дистанціи озърной крѣпости николаевскія церкви священникъ Василій Сергіевъ. 1781 года Генваря І ч.

вручить сіе писмо орскому атаману зіеберде касимовичу авасъ передать благородному господину капитану.

Бухарія.

17а Экстрактъ, учиненной въ Оренбурегѣ въ заграничной экспедиціи изъ представленныхъ переводчикомъ Коллежскимъ Регистраторомъ Мендіяромъ Бекчуринымъ записокъ и словесного объявленія, о испытанныхъ имъ во время бытности въ Бухаріи разныхъ подробностяхъ, о состояніи сего города и ихъ обращеніяхъ.

При въѣздѣ въ городъ Бухарію, какъ онъ веденъ былъ по улицѣ черезъ рынокъ, смотрилъ городское укрѣпленіе, кое состоитъ въ слѣдующемъ.

Городовые ворота съ самого фундамента кирпишные на сводахъ, стѣна глиненая тонкая, около города ровъ, въ немъ пущена не большая вода, въ городѣ домы мазанки, улицы весьма тесны, самые большіе въ 2, а другіе въ $1^1/_2$ сажень. Площадь называется Регистанъ, тутъ построены небольшіе лавки, народъ збирается съ разными товарами и мелочью. Сей городъ окружностью (какъ я нижеписанные есаулы объявляли) половину дни конной

ѣзды, и въ немъ домовъ кирпишныхъ и мазанковыхъ съ
10,000. Предъ воротами на площаде у кремля пушакъ
медныхъ большихъ 5, малыхъ трехъ фунтовыхъ 8, мар-
тиръ медныхъ 7; хотя они и на лафетахъ, но колесы не
кованые и къ движенію неспособны. Поставили ево въ
домъ Ирназара Максютова, гдѣ и былъ Генваря по 1-ое
всего 6 дней.

Генваря 1-го 1781 года позванъ чрезъ присланныхъ
отъ хана, Шегаула съ четыремя ясаулами въ ханской
дворъ, съ коими онъ на верховой лошаде по улицѣ ѣхалъ.
Тутъ по обѣ стороны поставлено было вооруженнаго пе-
шаго войска съ 5000, между ими простаго народа съ
30,000 человѣкъ или болѣе, не щитая на домахъ, башняхъ
и на стенахъ стоящихъ, коихъ обоего пола тысячъ съ 20
или болѣе для зренія собралось. Путешествіе ихъ было
не скоро—а шагомъ. Доѣхавъ до воротъ города кремля 176
кой обнесенъ глиненою стеною, по въѣздѣ вели ево
площадью, гдѣ усмотрелъ по лѣвую руку стоящихъ
пушакъ медныхъ 4; величиною первая полукартаульной
единорогъ, два—шести-фунтовыхъ, да одна самая тонкая
и ліогкая на лафетахъ длиною по примѣру въ четыре
аршина или съ половиной, въ кою вложиться можетъ ядро
величиною немного по больше куринаго яйца. Какъ пере-
ѣхали мостъ наведенный чрезъ канаву, то остановясь
есаулъ слезъ съ коня и велъ ево Бекчурина лошадь учти-
вымъ образомъ. Доведенъ имъ до покоя ханскаго, гдѣ
стоящіе изъ свиты ханское немалое количество людей
смотрели на него со удивленіемъ. Принявъ его Шегаулъ
съ лошади ввели въ полату, коя убрана персидскими
коврами и бумажными полосатыми кошмами, а панели
обиты китайскою съ золотомъ парчею, гдѣ за седали въ
присудствіи ханъ съ его совѣтниками и духовными. Ханъ
сиделъ въ большемъ возвышенномъ мѣстѣ, кое покрыто
золотою парчею, и самъ онъ одетъ въ собольей, крытой
парчею жъ шубѣ, въ собольей шапкѣ и при кинжалѣ, а
совѣтники ево такъ же въ хорошемъ платье одеты си-

дели по сторонамъ. Встретилъ ево Мендіяра въ дверяхъ Джарчи Баши, т. е. главный Церемонимейстеръ которой не дойдя до мѣста ханскаго въ трехъ саженяхъ ево Мендіяра остановилъ, и принелъ отъ него слѣдующіе къ хану два письма. При подаче писемъ здѣлавъ онъ Мендіяръ должной хану комплементъ, объявилъ отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Высочайшее хану благоволеніе, за оказанное со стороны его двукратною присылкою ко двору Ея Величества посла, почтеніе.

18а После сего те письма дошли вруки сидящаго по лѣвую сторону хана уденчію, а уденчи доставилъ стоящему противъ хана датхе, датха отдалъ инаку, а инакъ отдалъ стоящему по правую сторону весьма въ блискомъ разстояніи за ханскимъ плечомъ кушбеку, кушбекъ уже вручилъ ихъ самому хану, ханъ принявши положилъ предъ себя. При семъ церемонимейстеръ сказалъ, чтобъ ханъ съ присудствующими съ нимъ за здравіе Всероссійской Великой Государыни Императрицы прочитали молитву. Ханъ тотъ часъ по обычаю своему поднявъ руки молитву прочелъ, а съ нимъ сидящіе поднявъ же руки повторяли аминь.

Слѣдующее отъ Оренбургскаго Губернатора Аталыку Даніялу письмо церемонимейстеръ по вышеописанному жъ обряду доставилъ ему въ руки. Потомъ посадили его Мендіяра ниже Аталыка въ седьмой персонѣ и вскорѣ собрали для всѣхъ сидящихъ по правую сторону духовнаго чина 22, по лѣвую съ аталыкомъ и съ нимъ 18-ти человѣкъ кушанье приготовленное пловъ и жареные бараны предъ каждого по два фарфоровые и муравленые блюда, а лошки у хана и у всѣхъ были большіе, деревяные. При сей процессіи заиграли въ два найбалаба называемые габои и въ двѣ флейки да въ дибъ, который здѣланъ на круглой бечайке обтянутъ кожею и съ желѣзными кольцами съ припѣвомъ поминая древнихъ воиновъ своихъ и хановъ уподобляя ихъ Александру Маке-

донскому, а по томъ припѣвали настоящему хану и совѣтникамъ своимъ многолѣтное здравіе. Затѣмъ вскорѣ убравши те кушанья подошедъ къ нему Мендіяру ихъ церемонимейстеръ объявилъ, чтобъ слѣдовать въ квартиру. Ставъ онъ съ мѣста, по здѣланіи надлежащаго хану комплемента препровожденъ Шегауломъ съ ясау- 18б
лами къ лошади и тѣмъ же порядкомъ какъ приведенъ былъ до квартиры препроводили.

Въ бытность ево въ присудствіи хана время провождали все въ молчаніи, ни ханъ ни съ нимъ Мендіяромъ ни сидящіе никто ничего между себя не говорили.

Будучи при ханскомъ присудствіи съ крайнимъ вниманіемъ смотрелъ на ихъ политическое обращеніе и поступки; но благопристойности и страха противъ хана и ево совѣтниковъ отъ служащихъ тутъ ясауловъ ни малѣйшаго нѣтъ, а по суровому и невежественному своему обычаю съ приходящимъ съ прозбами кричатъ и шумятъ; рвущихся въ двери просителей бьютъ палками. Хотя главные ясаулы отъ того и стараются унимать всячески, но успѣху—весьма мало. Ханъ и все сидящіе при немъ чиноначальники сіе безобразіе въ предосужденіе никакъ не поставляютъ.

Тотъ пріемной покой гораздо великъ каменной еще Абулъ фаизъ Ханомъ построенъ, чему почитаютъ съ лишкомъ 100 лѣтъ. Мечетей въ городѣ и кремле соборныхъ съ 360; школъ главныхъ съ 30. Воротъ городовыхъ 12 изъ нихъ одни въ бытность Рахимъ Хана закладены.

2-го Генваря пріѣхалъ въ квартиру Ево. Аталыковъ секретарь; имянуемой Мирзаишъ Мунши объявилъ отъ Хана и аталыка за доставленные письма благодареніе и отмѣнное удовольствіе, при чемъ спрашивалъ для чего отъ лица Ея Величества Всемилостивѣйшей Государыни къ хану ихъ письма не прислано. На сіе онъ здѣлалъ ему такой отвѣтъ что отъ Графа Никиты Ивановича Панина и отъ Губернатора Оренбургскаго письма отправ-

19а лены точно по имянному Ея Величества повелѣнію, съ чемъ означенной Мирзаишъ отъ него и возвратился.

3-го и 4-го числъ старался онъ Мендіяръ всячески испытать о притчинѣ отправленія Ирназара чрезъ Россійскіе границы въ Царьградъ, и для чего прямымъ отъ себя чрезъ Персію трактомъ ево не отправили. Къ щастію ево нашелъ случай познакомится съ Ирназаровымъ зятемъ, Ходжой, которой человѣкъ благосклонной, здѣлався ему откровеннымъ, между разговоровъ объявилъ, что Ирназаръ поѣхалъ къ турецкому Двору подъ видомъ богомолія, а въ самомъ дѣлѣ побудило слѣдующее.

Изъ числа Бухарскихъ жителей одинъ нашелъ случай пробратся въ Царь Градъ на богомоліе и тамъ призыванъ былъ къ турецкому Двору для отобранія извѣстія о состояніи Бухаріи, и какъ онъ все ихъ пребываніе пересказалъ, то назадъ тому два года сей бухарецъ присланъ отъ турецкого двора съ однимъ армяниномъ къ бухарскому ихъ хану съ письмами такими чтобы прислать туда для нѣкоторыхъ ему ходже неизвѣстныхъ совѣтовъ означенного Ирназара, съ которымъ де турецкой посланникъ въ бытность по замиреніи турокъ съ Россіею въ Москвѣ видился, почему онъ туда и отправленъ. До Царя града хотя отъ нихъ и есть чрезъ Персію трактъ, но въ разсужденіи живущаго тутъ непостоянного персидскаго народа богатые купцы никакъ неограбленные проѣхать не могутъ, а только бѣдные бухарцы для богомолія туда съ нуждою пробираются, почему де Ирназаръ въ разсужденіи мною оказанныхъ ему отъ Всемилостивѣйшей Государыни высочайшихъ милостей чрезъ Россію для безъ опасности и отправленъ.

Неувѣрясь Онъ Мендіяръ на семъ объявленіи еще уловлялъ въ свой кредитъ ясауловъ Мухамметь Аминь Джана и дусбая, которымъ подарилъ 7 червонцовъ якобы въ знакъ дружбы и особливаго къ нимъ усердія.

19б Разсуждая съ ними о разныхъ свѣтскихъ обращеніяхъ вызвалъ ихъ и о притчинѣ отъѣзда Ирназара. Они

тожъ самое ему Мендіяру повторили что и зять Ирназаровъ Ходжа сказывалъ.

5 числа есаулъ Мухаммедъ Джанъ на вопросъ о правленіи ихъ общественныхъ дѣлъ объявилъ. что ханъ у нихъ никакой власти не имѣетъ, а правитъ всѣми дѣлами Аталыкъ. Онъ властенъ хана пожаловать и розжаловать, а только де держутъ хана для одного виду, и Аталыкъ ему дѣлаетъ почтеніе приватно. Судъ и расправу ведутъ на основаніи ихъ Алкорана при Аталыковомъ домѣ въ особо построенныхъ покояхъ. куда все ихъ начальники каждодневно съѣзжаются для судовъ и общественныхъ дѣлъ.

6-го } ничего развѣдать не удалось по недопуску къ
7-го } нему людей.

8-го Означенные Шегаулъ и ясаулы между протчимъ о смежныхъ персидскихъ городахъ объявили. 1-й Мешедъ (Мяшедъ) городъ отъ Бухаріи въ 20-дневной ѣздѣ. гдѣ дѣлаютъ фарфоровую посуду. въ немъ одна каменная мечеть, никто взять ее не можетъ. 2. Городъ Ирадъ съ мѣсяцъ отъ Бухаріи до него ѣзды, а между ними довольно мелкихъ крѣпостей персидскихъ.

А къ Индѣйской сторонѣ городъ Кабулъ состоитъ на границѣ Индіи съ Бухаріей, до него конной ѣзды мѣсяцъ, мѣста гористые. каменистые и пещаные. Въ окружности Бухаріи подданныхъ ей городовъ 1-й Шарзябзъ, въ немъ съ 20000 дворовъ обнесенъ глиненой стѣной. 2-й Карши въ трехъ дневной отъ Бухаріи ѣздѣ, укрѣпленъ двумя глиняными стенами и водяными каналами тутъ содержутъ арсеналъ, пороху довольно и пушакъ до двусотъ. Начальникомъ въ немъ Аталыковъ внукъ 20а
Абдулъ Гафуръ Бекъ. съ небольшимъ числомъ изъ Мангытскаго народа войска. А въ самомъ городѣ Бухаріи войска на непремѣнномъ содержаніи для отрядовъ 40000. На сіе де число какъ жалованье такъ и платье съ ханского двора производится. По большой части вся конница.

Изъ нихъ при ханѣ и Аталыкѣ съ 3.000 человѣкъ, набранные изъ разныхъ пленниковъ.

9 числа позванъ для полученія отвѣтныхъ писемъ къ Аталыку Даніялу коимъ по пріѣздѣ принять весма пріятнымъ образомъ, онъ по нѣкоторомъ времяни подарилъ ему Мендіяру отъ лица Хана и всѣхъ министровъ въ награжденіе 100 червонцовъ золотыхъ бухарскихъ да 2 халата. 2 кушака и одни сапоги зеленые. Киргискимъ старшинамъ также дано по халату да по кушаку и шапкѣ. Потомъ взялъ онъ Аталыкъ ево въ особую комнату на аудіенцію, оставилъ обѣдать съ своими министрами. Кушанье первое изюмъ въ сорочинской крупе съ разными фруктами, потомъ пловъ и дыни. Послѣ обѣда вручилъ ему слѣдующія писма съ приношеніемъ Ея Императорскому Величеству за высочайшую Ея милость, оказанную отправленіемъ въ Турецію посланника ихъ и за присылку къ нимъ ево Мендіяра со увѣдомленіемъ усерднѣйшаго благодаренія, признаваясь на послѣдокъ, что онъ Аталыкъ противъ требованія между протчимъ отъ Всероссійскаго Двора о купеческомъ умноженіи безъ Генеральнаго Совѣта всѣхъ Министровъ и князей рѣшиться и точно отвѣтствовать не можетъ однакожде коммерція отъ настоящаго время впредь не сумненно умножится.

206 При семъ случае доводилъ онъ Мендіяръ Ево Аталыка разными разговорами на согласіе къ заведенію у нихъ съ Россійской стороны купеческихъ канторъ для общественной въ Коммерціи пользы, изъясняя примѣры Европейскихъ и другихъ знатныхъ государствъ. Онъ Аталыкъ вдругъ огорчась отвѣчалъ ему сурово, что коммерція и безъ того умножится, а на заведеніе канторъ никакъ согласится они не могутъ, и сего де у нихъ во обычае никогда не бывало: чемъ сей разговоръ и прекратилъ. Видя онъ Мендіяръ его огорченного и грубостью наполненного, не могъ больше о томъ изъяснятся съ чемъ уже и разстались.

Тотъ же день пріѣзжалъ къ нему съ прозбою отъ Аталыка Мехтеръ, т. е. коммерческій директоръ, чтобъ купечеству ихъ безъ обидно и безъ препятственно во всѣхъ россійскихъ городахъ торговать было позволено, и никто бъ имъ въ торговле запрещенія не дѣлалъ. На сіе здѣланъ ему отзывъ что бухарцы довольно видеть могутъ оказываемую съ россійской стороны ласку и во всѣхъ случаяхъ справедливость.

Въ проѣздъ Ево къ Аталыку и обратно виделъ при рынке Регистанскомъ выкладной столбъ кирпишной вышиной по примѣру съ 25 сажень. Рынокъ называемый чарсу, передъ коимъ построены двѣ школы кирпишные съ лица выдѣланы штукатурной работой и выкрашены зеленой и лазоревой краской. Сверхъ сихъ школъ съ наружной стены кирпишные щиты отъ земли по примѣру на 10 сажень.

На городовыхъ стенахъ пушакъ и никакихъ орудей нѣтъ и ставить никакъ не можно, потому что стены весьма тонки, уски и высоки съ выкладкой зубчиками.

Ясаулы между разговоровъ сказывали Ему, что Аталыковъ сынъ Шамуратъ Бекъ приказалъ слесарямъ дѣлать о двухъ и трехъ стволахъ ружья безперестанно (что въ точности и бывшіе съ нимъ киргисцы кои ходили для починки своихъ ружей, видели). Между политическихъ ево разговоровъ нечаянно выговорился при Шагауле находящейся ясаулъ, что реченной Шамуратъ бекъ чрезъ 6 лѣтъ будетъ дѣлать свои распоряженіи а какія не объявилъ. 21a

По многому Ево испытанію и вѣрнымъ примѣчаніямъ не предвидитъ онъ въ симъ грубомъ и непостоянномъ народѣ нималой надежды къ подвигамъ ихъ вѣры и умноженія ихъ торговли при здѣшнихъ границахъ больше настоящей степени, да и ожидать не можно потому 1-ое училищи и мечети у нихъ въ городѣ и во всей области заведены исправные и содержатся на хорошемъ трактаменте. 2-ое фабрикъ знатныхъ нѣтъ, а только небольшія

шелковые и бумажные содержать вольные люди по своей охоте, ткутъ бязи и выбойки, по большой части въ своихъ домахъ и то лѣтомъ а въ зимнѣе время за стужею ничѣмъ не промышляютъ а пекутся объ одной своей пище и одеяніи. 3-ье Заведенной издавна обрядъ отпускомъ только въ Россію въ караванахъ товара никакъ переменить не могутъ, а идутъ они торговать кто когда похочетъ.

Медныхъ, желѣзныхъ и никакихъ металическихъ заводовъ не имѣютъ, желѣзная руда хотя и есть отъ Бухаріи въ недальномъ разстояніи, но изъ нѣе выплавляютъ чугунъ разными мѣхами въ малыхъ горнахъ. Медь достаютъ изъ города Ирата Персидскаго, а больше заимствуютъ изъ Россіи изъ коего льютъ пушки своими ма-
216 стерами. Золото и серебро достаютъ отъ персіанъ и отъ китайскаго государства чрезъ купечество покупкою. На торгъ къ нимъ пріѣзжаютъ персіана, индейцы и Авганцы, а китайцовъ въ пріѣздѣ не бываетъ. Мельницъ мутовокъ съ 200; земледѣльцовъ въ городѣ и за городомъ съ 10.000 дворовъ, подать съ народа збираютъ разную смотря по промыслу и по владѣнію земель и угодей, а подушные берутъ по небольшому числу съ однихъ жидовъ, коихъ въ самомъ городе и за городомъ поселено съ 700 дворовъ.

Съ абработанного шолку берутъ въ казну четвертую часть, шелковыхъ же червяковъ позволено имѣть всякому, которые стараются въ началѣ Марта мѣсяца изъ семянъ червячьихъ вынашивать въ пазухахъ 12 дней въ хлопчатой бумагѣ. По окончаніи термина кормятъ ихъ листьями дерева называемого по персидски тута рубкою въ мелчайшіе куски.

Пословъ въ Бухарію ни откоторого Государства въ присылкѣ не бываетъ, а потому они будучи удалены отъ благопристойнаго обхожденія, Ево Мендіяра съ самого прибытія отнюдъ ни куда изъ квартиры не выпускали, а содержали за приставомъ; да и къ нему допускать ни-

кого не велѣно-жь, почему и не удалось ему Мендіяру более ни о чемъ тамъ развѣдать.

(Подп.). Кназь Хвабуловъ. (Подп.). Чекаловъ.

Переводъ съ листа присланнаго отъ Бухарскаго Хана Абулгазія Мухамметь Багадуръ. 22а

Всеблагодатнѣйшая, Всесправедливѣйшая, Всепресвѣтлѣйшая, въ желаніяхъ Споспѣшествующая Великая Государыня, въ щастіи произрастающая, свѣтлостію небѣсной звездѣ Уподобляющаяся Государству Надежнѣйшая справѣдливѣйшаго трона геройскому престолу Достойнѣйшая, Нужнѣйшая Совѣтница Валкиссы *), Мѣстнѣйшая, да продолжитъ Богъ въ цвѣтущемъ и спокойномъ и навсегда радостномъ правленіе престола пребываніи.

Предъ симъ о пропускѣ отправленного отъ стороны нашей въ знакѣ посла, почтенного, надежного и добродѣтельного муллу Ирназара Максютова въ предѣлы Царяграда въ Высочайшему Двору подобного силою Небу, великого, Храброго, Щедрого, тени Божіей Халифы, сухопутного и водяного Властителя Солтана Мекки и Мядины служителя, прошено было Васъ Всемѣстнѣйшую Великостепѣннѣйшую и подобную Валкиссе чтобъ онъ Ирназаръ спокойно по безъ опасному тракту въ сходность ево желанія съ полнымъ удовольствіемъ отправленъ былъ, а по тому нынѣ извѣстно намъ, 22б
что реченной Ирназаръ по Высочайшей милости и щедроте Вашей съ полнымъ удовольствіемъ и наградою съ правожатымъ въ те предѣлы отправленъ, что почитая знакомъ союза весьма довольными отзываемся. И есть ли

*) Сіе разумѣется о бывшей при Соломонѣ Самодержицѣ.

Всещедрому Богу соизволившу, то такое у насъ упованіе есть, чтобъ быть намъ наивсегда въ крепкомъ и непоколебимомъ союзѣ и при благополучномъ Вашемъ пребываніи дабы бѣдной купеческой народъ безсумнѣнія на торгъ ѣздилъ, и тѣмъ достохвальность и вящшее увеличиваніе и щастіе Двору быть могли желаемъ.

Переводилъ переводчикъ Коллежскій Регистраторъ Мендіаръ Бекчуринъ (подл. под.).

На куверте написано по исчисленію мухаметовой Эгиры 1195 года.

23а **Переводъ съ листа присланного отъ Бухарскаго Аталыка Даніялъ Бека, чрезъ Коллежскаго Регистратора и Переводчика Мендіяра Бекчурина въ Оренбургѣ Марта 22 числа 1781 года полученнаго.**

Высокопочтейннѣйшей, надежнѣйшей правосуднѣйшей, добродѣтельнѣйшей, при сраженіяхъ мужество подающей, храбростей полный распоряжатель, храбрымъ воинамъ въ платье подавающей сугубое украшеніе, Государевымъ воинамъ блистаніе и славу дѣлающей, въ Государевыхъ дѣлахъ вольной управитель, законы въ порядкѣ содержащей, Главнѣйшей и Великой Канцлеръ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, да буди всегда награжденъ въ желаніяхъ.

Да не будетъ скрытно, что дружески отправленное отъ Вашего Графскаго Сіятельства, чрезъ надежнаго въ поведѣніяхъ и почтеннаго Вашего человѣка Мендіяра Бекчурина писаніе въ хорошее время сюда доставлено, кое извѣщаетъ особливо о пропускѣ почтеннаго, добродѣтельнаго и Сіятельного муллу Ирназара Максютова въ предѣлы Царя града, къ высокому Двору держателя вѣрныхъ Государей, подобного высотою нѣбу, сіящаго яко солнце, въ величествѣ сходного Александре, въ храбростяхъ Соломону, законохранителя, времянныхъ Госу-

дарей, покровителя, сухопутного и водяного властителя, двухъ *) градовъ служителя, и времянного Халифы **). И что онъ отправленъ по благополучному тракту тѣмъ мы весьма довольны. А притомъ открыть изволили о коммерціи, чтобъ купечество добровольно пріѣзжая находили себе пользу, обнадеживая что оному въ проѣздахъ и при границахъ ни откого вреда быть не можетъ, и чемубъ прилагать сугубое стараніе къ безпрерывному пріѣзду. А какъ уже нашихъ границъ купцы отъ давнихъ времянъ для произвожденія торга ѣздя добровольно благополучно въ отечество свое возвращаются, не видя до нынѣ ни малѣйшаго вреда, за что мы Всевышнему возсылая благодареніе уповаемъ, что и впредь оного быть не можетъ. 23б

Еще писать изволили, что для пользы купечества потребны способы, но какія о томъ намъ не извѣстно, почему мы о семъ всѣхъ 92-хъ радовъ Узбекскимъ главнымъ начальникамъ, Бекамъ, то есть Князьямъ и старшимъ людямъ совѣтъ нашъ написавъ на письме отправили, съ тѣмъ чтобъ на сіе они отвѣтствовали; ибо въ Узбекскомъ народе такое обыкновеніе что всякое дѣло и совѣтъ дѣлается по согласію другъ друга. Въ разсужденіи сего и мы къ нимъ о томъ писали. А какъ сего Узбекскаго народа составляетъ не малое число, и земля ихъ обширная, такъ что въ одинъ путь не менѣе трехъ и 4-хъ мѣсячной ѣзды пространства. Народъ же 24а
ихъ слѣдующихъ названей, а имянно: Катагайцы, Кунгракцы, Кыргызы, Мянкейна, Трукменцы, а протчихъ отечество имянуется Балхъ, Бадакшанъ, Кулябъ, Кандузъ, Куканъ, Ташкентъ, Харезмъ, которые состоятъ въ подданствѣ и повелѣніяхъ того Государя, которой хранитъ законъ, пребывающаго на мѣстѣ Халифы, и имѣетъ знаки храбрости Камяръ-Габи-Галія, и что отъ нихъ на то въ совѣтъ получимъ, о томъ писменно увѣдомить не оста-

*) Оное значитъ Ерусалима и Мекки.
**) Сіе значитъ Солтанъ Турецкой.

вимъ. А есть ли по прежде того почтенной нашъ посолъ Мулла Ирназаръ изъ Царя града возвратится, то о потребности тѣхъ способовъ чрезъ него письменно изволте изъяснить. Но когда жъ означенной нашъ посолъ по другому тракту буде возвращатся, въ такомъ случае чрезъ одного сущаго татарина, а такого которой будетъ въ сію область для торгу, или чрезъ находящихся для того у Васъ нашей области людей открытнче описать, чтобу существо оного намъ ясно было.

Переводилъ Переводчикъ Коллежскій Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ.

На куверте написано

по исчисленію мухаметовой Эгиры 1195 года.

25а **Переводъ съ листа присланного отъ Бухарскаго Аталыка Даніялъ Бека, чрезъ Коллежскаго Регистратора и Переводчика Мендіяра Бекчурина полученного въ Оренбургѣ Марта 22 числа 1781 года.**

Высокопревосходительному, добродѣтельному и высокопочитаемому господину Великому Канцлеру Графу Никите Ивановичу Панину. Да не будетъ скрытно, что дружески отправленное отъ Вашего Графскаго Сіятельства чрезъ надежнаго въ поведеніяхъ и почтеннаго Вашего человѣка Мендіяра Бекчурина писаніе въ хорошее время сюда доставлено, кое извѣщаетъ особливо о пропускѣ почтенного, добродѣтельнаго и Сіятельного муллу Ирназара Максютова въ предѣлы Царя града къ Высокому Двору Держателя вѣрныхъ Государей подобного высотою неба, Сіяющаго яко солнца, въ величествѣ сходного Александре въ Храбростяхъ Соломону, законохранителя, времянныхъ Государей покровителя, двухъ градовъ *) служителя и времянного Халифы **). И что онъ

*) Оное разумѣется Ерусалима и Мекки

**) Сіе значитъ Солтанъ Турецкой.

отправленъ по благополучному тракту, тѣмъ мы весма довольны. А при томъ открыть изволили о коммерціи, чтобъ купечество добровольно пріѣзжая находило себѣ пользу, обнадеживая, что оному въ пріѣздахъ и при границахъ ни откого вреда быть не можетъ, и чемубъ 25б
прилагать сугубое стараніе къ безперерывному пріѣзду. А какъ уже нашихъ границъ купцы отъ давнихъ времянъ для произвожденія торга ѣзда добровольно, благополучно въ отечество свое возвращаются, не видя до нынѣ ни малѣйшаго вреда, за что мы Всевышнему возсылая благодареніе уповаемъ что и впредь оного быть не можетъ.

Еще писать изволили, что для ползы купечества потребны способы, но какія о томъ намъ не изъяснено, почему мы о семъ тѣхъ 92-хъ родовъ узбекскимъ главнымъ начальникамъ Бекамъ то есть Князьямъ и старшимъ людямъ совѣтъ нашъ написавъ на писме отправили, стемъ чтобъ на сіе они отвѣтствовали: ибо въ Узбекскомъ народѣ такое обыкновеніе, что всякое дѣло и совѣтъ дѣлается по согласію другъ друга, въ разсужденіи сего и мы къ нимъ о томъ писали. А какъ сего Узбекскаго народа составляетъ не малое число и земля ихъ обширная такъ что въ одинъ путь не менѣе трехъ и четырехъ мѣсячной ѣзды простирается. Народъ же ихъ слѣдующихъ названей, а имянно: Катарайцы, Кунератцы, Кыргызы. Мянкеяна, Трукменцы, а протчихъ отечество имянуется Балхъ. Бадахшанъ, Кулябъ, Кандузъ, Куканъ,
Ташкентъ, Харезмъ. которые состоятъ въ подданствѣ и 26а
повелѣніяхъ того Государя которой хранитъ законъ пребывающаго на мѣсте Халифы и имѣетъ знаки храбрости Камяръ-Габи-Галія. И что отъ нихъ на то въ совѣтъ получимъ. о томъ писменно увѣдомить не оставимъ. А естьли по прежде того почтенной нашъ посолъ мулла Ирназаръ изъ Царя града возвратится, то о потребности тѣхъ способовъ чрезъ него писменно изволте изьяснить. Но когдажъ означенной нашъ посолъ по другому тракту будетъ возвращатся. въ такомъ случае чрезъ одного су-

щаго татарина и такого которой будетъ въ сію область для торгу, или чрезъ находящихся для оного у васъ нашей области людей открытнѣе описать чтобъ существо оного намъ ясно было.

Переводилъ переводчикъ Коллежскій Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ.

На куверте написано по исчисленію мухаметовомъ Эгиры 1195 года.

27а **Переводъ съ листа присланнаго отъ Бухарскаго Аталыка Даніялъ Бека чрезъ Коллежскаго Регистратора и Переводчика Мендіяра Бекчурина полученного въ Оренбургѣ Марта 22 числа 1781 года.**

Высоконадеждный, Превосходительный почтенномѣстный полный въ свѣденіи высокородный въ похвалахъ достойный носящей на себе всегда Государевы милости Іванъ Андрѣевичъ Реинсдорпъ. Да не будетъ скрытно, что дружески отправленное отъ Вашего Высокопревосходительства чрезъ надежнаго въ поведеніяхъ и почтеннаго Вашего человѣка Мендіяра Бекчурина писаніе въ хорошее время сюда доставлено, кое извѣщаетъ особливо о пропускѣ почтеннаго добродѣтельнаго и Сіятельнаго муллу Ирназара Максютова въ предѣлы Царя града къ высокому двору держателя вѣрныхъ Государей, подобного высотою нѣбу, сіяющаго яко солнца, въ величествѣ сходного Александре, въ храбростяхъ Соломону законохранителя, времянныхъ Государей покровителя, сухопутного и водяного властителя, двухъ градовъ *) служителя и времянтракту, тѣмъ мы весма довольны. А при томъ открыть изволили о коммерціи, чтобъ купечество добровольного Халифы **), что онъ отправленъ по благополучному

*) Оное разумѣется Ерусалима и Мекки.
**) Сіе значитъ Солтанъ Турецкой.

пріѣзжая находило себѣ пользу, обнадеживая, что оному въ проѣздахъ и при границахъ ни откого вреда быть не можетъ, ачемубъ прилагать сугубое стараніе къ безпрерывному пріѣзду. А какъ уже нашихъ границъ купцы отъ давнихъ времянъ для произвожденія торга ѣздя добровольно благополучно въ отечество свое возвращаются, не видя до нынѣ ни малѣйшаго вреда. За что мы всевышнему возсылая благодареніе уповаемъ, что и впредь оного быть не можетъ. 27б

Еще писать изволили, что для ползы купечества потребны способы, но какія о томъ намъ не изъяснено, по чему мы о семъ тѣхъ 92-хъ годовъ Узбекскимъ главнымъ начальникамъ, Бекамъ то есть Князьямъ и старшимъ людямъ совѣтъ нашъ написавъ на письмѣ отправили съ тѣмъ чтобъ на сіе они отвѣтствовали, ибо въ Узбекскомъ народѣ такое обыкновеніе, что всякое дѣло и совѣтъ дѣлается по согласію другъ друга, въ разсужденіи сего и мы къ нимъ о томъ писали, а какъ сего Узбекскаго народа составляетъ не малое число и земля ихъ обширная, такъ что въ одинъ путь не менѣе трехъ и четырехъ мѣсячной ѣзды простирается. Народъ же ихъ слѣдующихъ названей, а имянно; Катагаицъ, Кунгратцы. Кыргызы, Мянкеяна, Трукменцы, а протчихъ отечество имянуется: Балхъ, Бадахшанъ, Кулябъ, Кандузъ, Куканъ. Ташкентъ, Харезмъ, которые состоятъ въ подданствѣ и повеленіяхъ того Государя, которой хранитъ законъ пребывающаго на мѣстѣ Халифы, и имѣетъ знаки храбрости Камяръ-Габигалія. И что отъ нихъ на то въ совѣтъ получимъ, о томъ писменно увѣдомить не оставимъ. А естли по прежде того почтенной нашъ посолъ мулла Ирназаръ изъ Царя града возвратится, то о потребности тѣхъ способовъ чрезъ него писменно извольте изъяснить, но когдажъ означенной нашъ посолъ по другому тракту будетъ возвращатся, въ такомъ случае чрезъ одного сущаго татарина и такого которой будетъ въ сію область для торгу или чрезъ находящихся для оного у васъ нашей 28а

области людей открытнѣе описать, чтобы существо оного намъ ясно было.

Переводилъ переводчикъ Коллежскій Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ.

29а **Переводъ съ листа присланнаго отъ Бухарскаго Аталыка Данияла Бѣка, чрезъ Коллежскаго Регистратора и Переводчика Мендіяра Бекчурина полученного въ Оренбургѣ Марта 22 числа 1781 года.**

Высокородному и высокопревосходительному добродѣтельному господину Генералу Порутчику Ивану Андрѣевичу Реинсдорпу. Да не будетъ скрытно, что дружески отправленное отъ Вашего Высокопревосходительства чрезъ надежного въ поведеніяхъ и почтенного Вашего человѣка Мендіяра Бекчурина писаніе въ хорошее время сюда доставлено, кое извѣщаетъ особливо о пропускѣ почтенного добродѣтельного и Сіятельного муллу Ирназара Максютова въ предѣлы Царя града къ высокому двору держателя вѣрныхъ государей подобнаго высотою неба сіяющаго яко солнца, въ величествѣ сходнаго Александре, въ храбростяхъ Соломону, законохранителя, времянныхъ государей покровителя, сухопутного и водяного властителя, двухъ градовъ *) служителя, и времянного Халифы **) и что онъ отправленъ по благополучному тракту тѣмъ мы весьма довольны. А при томъ открыть изволили о коммерціи, чтобъ купечество добровольно пріѣзжая находило себе пользу, обнадеживая что оному въ проѣздахъ и при границахъ ни откого вреда быть не можетъ, къ чемубъ прилагать сугубое стараніе, къ безпрерывному
29б пріѣзду. А какъ уже нашихъ границъ купцы отъ давняхъ времянъ для производженія торга ѣздя добровольно, благополучно въ отечество свое возвращаются не видя до нынѣ

*) Оное разумѣется Ерусалима и Мекки.

**) Сіе значитъ Солтанъ Турецкой.

ни малѣйшаго вреда, зачто мы всевышнему возсылая благодареніе уповаемъ что и впредь оного быть не можетъ.

Еще писать изволили, что для ползы купечества потребны способы, но какія о томъ намъ не изъяснено: почему мы о семъ всѣхъ 92-хъ годовъ Узбекскимъ главнымъ начальникамъ Бекамъ то есть Князьямъ и Старшимъ людямъ совѣтъ нашъ написавъ на письмѣ отправили, съ тѣмъ чтобъ на сіе они отвѣтствовали. Ибо въ Узбекскомъ народѣ такое обыкновеніе, что такое дѣло и совѣтъ дѣлается по согласію другъ друга въ разсужденіи сего и мы къ нимъ о томъ писали. А какъ сего Узбекскаго народа составляетъ не малое число и земля ихъ обширная, такъ что въ одинъ путь не мѣнее трехъ и четырехъ мѣсячной ѣзды простирается. Народъ же ихъ слѣдующихъ названей, а имянно: Катагайцы, Кунгратцы, Кыргызы, Мянкеяна, Трукменцы, а протчихъ отечество имянуется Балхъ, Бадахшанъ, Кулябъ, Кандузъ, Куканъ, Ташкентъ, Харезмъ, которые состоятъ въ подданствѣ и повелѣніяхъ того Государя которой хранитъ законъ, пре- 30а
бывающаго на мѣстѣ Халифы, и имѣетъ знаки храбрости Камяръ-Габи-Галія. И что отъ нихъ на то въ совѣтъ получимъ, о томъ писменно увѣдомить не оставимъ: А естли по прежде того почтенной нашъ посолъ мулла Ирназаръ изъ Царя града возвратится, то о потребности тѣхъ способовъ чрезъ него писменно извольте изъяснить. Но когдажъ означенной нашъ посолъ по другому тракту будетъ возвращатся: въ такомъ случае чрезъ одного сущаго татарина и такого которой будетъ въ сію область для торгу или чрезъ находящихся для оного у Васъ нашей области людей открытнѣе описать, чтобъ существо оного намъ ясно было.

Переводилъ переводчикъ Коллежскій Регистраторъ Мендіяръ Бекчуринъ.

На куверте написано по исчисленію мухаметовой Эгиры 1195 года.

31a Журналъ учиненной со описаніемъ изъ держенныхъ Коллежскимъ Регистраторомъ и Переводчикомъ Мендіяромъ Бекчуринымъ, во время путешествія по порученной Ему секретной Экспедиціи въ Бухарію, по возвращеніе въ Оренбургъ записокъ, лежащему тракту.

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	Изъ Оренбурга со всѣю свитою отправился 31 Октября 1780 по верхо уральской линіи Крѣпостми, поспѣлъ до Орской Крѣпости въ 6 дней верховою ѣздою здѣлавъ тутъ три дни раздыха.	
Ноября. 9	Выѣхалъ изъ Орской крѣпости и переначевалъ по Оре рѣке противъ выпавшей по правую сторону рѣки Ори рѣчки Минглибайки	20
10	По рѣке Оре въ улусахъ Киргисца Карабая	20
11	При Урочище Бишъ Агасе . . . . подъ сими урочищами грунтъ земли красной местами и черной солончатой, лѣсу по рѣке Оре весма мало.	20
12	При Урочище Кизилъ-Кибязе при озере. . Грунтъ земли красной отчасти пригористой.	30
13	Въ вершине рѣчки Бакшаише при Озерѣ . лѣсу кромѣ чилижнику нѣтъ, грунтъ земли красной, Орь рѣка остается въ правой сторонѣ въ 20 верстахъ, а трактъ простирается прямо сыртами.	30

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.	
14	Противъ вершинъ рѣки Иргиза . . . . . на сыртахъ воды и лѣсу нѣтъ, кромѣ чилижника, места гористые, грунтъ земли красной, мелкокаменистой, не болшіе на пути два озера.	25	
15	Въ вершинѣ рѣчки называемой Карабутакѣ на пути 4 озера, оная рѣчка теченіе имѣетъ къ востоку въ рѣку Иргизъ, лѣсу нѣтъ, грунтъ земли желтой, мѣстами находится вохры не малое число кучами оной грунтъ перемешенъ мелкимъ камнемъ, а притомъ и пригорки некрутія.	25	316
16	При двухъ рѣчкахъ Каиракле . . . . . . лѣсу нѣтъ кромѣ чилижнику грунтъ земли желтой пещаной и гористой, оные рѣчки вытекаютъ съ западной стороны изъ горы Мугалджары и впадаютъ въ лѣсу Иреизъ.	25	
17	При рѣчкѣ Таллыкѣ . . . . оная также вытекаетъ изгоры мугильджары и впадаетъ въ Иргизъ, грунтъ земли желтой пещаной гористой изволоками.	30	
18	При урочище ачисае . . . . грунтъ земли желтой пещаной осыпанъ галкою, места гористые, причемъ урочище Мугалджарскіе жилы; а изгоры Мугалджары выпала рѣка называемая Болшей Таллыкъ простирается квосто-	15	

	Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
		ку, трава произрастаетъ отъ Орской до сего места полынь по ордински называемая джусань, и другія тому подобныя горкіе съ солончагами лѣсу нѣтъ кромѣ чилижника на семъ месте Эрали солтань кочевье имѣетъ.	
	19 20 21	находился при Эрали Солтанѣ для полученія отнего провожатыхъ.	
	22	По луча отъ Эрали Солтана провожатыхъ выѣхалъ изъ Улуса Ево и начевалъ при рѣке Иргизе противъ бишмулинской горы	15
32a	23	Противъ горы называемой Темиръ-Ашлау при рѣке Иргизе . . . . течение оная имѣетъ къ востоку грунтъ земли отъ улусовъ Эрали Солтана пещаной лѣсу нѣтъ, кромѣ чилижнику, трава произрастаетъ побольшей части полынь и тому подобные, не редко местами оказываются солонцы по примѣру версты на 2.	20
	24	При рѣкѣ Иргизе . . . . лѣсу нѣтъ кромѣ чилижника и Таволожнику грунтъ земли пещаной желтой. Иргизъ рѣка берега имѣетъ крутые и высокіе, на воду оной местами солонцы оказываются, трава обыкновенная полынь, и насолонцахъ произрастающія.	15
	25	Слѣдуя по рѣкѣ Иргизу, оставя ее въ лѣвой сторонѣ при горѣ на зываемой Кула-	

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	каиче, отталь теченіе оная имѣетъ на полночъ, проѣхавъ только Кугурданъ рѣчку въ 8 верстахъ на сыртахъ къ Сыръ Дарье начлегъ учинилъ.	
	На пути грунтъ земли до означенной рѣчки Кугурданъ подлѣ рѣки Иргиза весма топкой Иловатой глины желтой солончатой, на семъ воду немалое число изрыты водопропускаемыя каналъ, тутъ хлебопашенные земли древнихъ ногайцовъ, а отъ речки по правую сторону гора называемая буканбайчука, по левуюжъ Кабанъ-Кулакъ, до ночлега грунтъ земли местами пещаной, а местами солончатой и иловатой, пригористой, лѣсу нѣтъ кромѣ чилижника. Купкекъ Тюя Сыныръ, то есть верблюжьи жилъ, трава полынь, Юшанъ и боюргень.	326
	Проѣхавъ гору называемую Джабытау версты съ 4 оставя оную въ правой сторонѣ на хребте былъ начлегъ всего	30
26	Отсель ѣхали горами съ 5 верстъ Кочкарникомъ топью рытвинами съ 10 ровнымъ чистымъ местомъ 10 грунтъ земли пещаной иловатой, глина вяская, лѣсу нѣтъ кромѣ называемаго Суксауля и Терикана, около горы Джабутаува суксаула весма много	25
27	Слѣдуя потракту повстречалась рѣчка называемая Джабы Улуталлы Кугурданъ, теченіе имѣетъ весною къ востоку, а влет-	

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	нѣе время пересыхаетъ. Вода держится въ бакалдинахъ местами, грунтъ земли серой, глины вяской лѣсъ по большей части Суксаулъ, переѣхавъ тое речку выѣхалъ на болшую пробойную Караванную къ Бухаріи дорогу, положеніе ровное, горъ нѣтъ, при начлеге водъ не было, а питались снегомъ, начлегъ былъ пригорѣ Чакаксае перешолъ по примѣру	30
28	Начлегъ былъ при Каракуме **) совъѣзду въ пески въ 7 верстахъ напескижъ лѣсу нѣтъ кроме чилижника на степи дерева суксауля довольно переходъ по примѣру	30
	на пескахъ въ двухъ местахъ колодцы вырытые киргисцами для довольствія скота.	
33a 29	При солонце, около онаго выросъ камышъ густой солонецъ длиною слишкомъ наверсту, насамомъ тракте грунтъ земли тогожъ песку, песокъ лѣжитъ валами и горами, лѣсу нѣтъ, воды въ колодцахъ довольно. маршъ по примѣру . . .	30
30	На степь въѣхали и песку по примѣру . .	40
	на половинѣ пути гора называемая Кундумбакъ на горѣ киргискіе кладбища, подле той горы соленое озеро простирается длиною наверсту, отсель киргисцы получаютъ для своего довольствія	

**) Чернопесокъ.

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.	
Декабря.	соль, а подлѣ того озера въ 3 саженяхъ отводъ два колодца пресной воды, сверхъ онаго озера еще на пути шесть колодцовъ сухіе побудило меня любопытство взойти на тое гору для обозренія положенія местъ, отколь видна губа аральскаго моря по примѣру въ 20 верстахъ отъ караванной дороги, на семъ месте грунтъ земли пещаной, лѣсу нѣтъ кромѣ саксаула, отначлегу помянутая губа въ 8 верстахъ.		
1	Въ степи на сырту пещаномъ лѣсу и воды нѣтъ грунтъ земли пещаной маршъ былъ по примѣру	35	
2	Слѣдуя потракту начлегъ былъ на пещаныхъ горахъ лѣсъ густой саксаульникъ, подобенъ жестокостію дубу и сандалу, коего топоромъ рубить ни какъ не можно, а лѣтнимъ времянемъ вырывая искорню иломить руками кропокъ, употребляютъ проѣзжающія съ Караванами на дрова, место положеніе гористое, водъ нѣтъ, а вблизости колодцы имѣются, маршъ былъ по примѣру.	30	336
3	Противъ урочища называемаго Бухаръ белги лѣсъ Суксаульникъ, грунтъ земли пещаной, воды нѣтъ.	30	
4	Переѣхали Сыръ дарью, при перевозѣ называемомъ Учургу, потомъ слѣдовали къ Озеру называемому Айкугурданъ. на-		

	Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
		пути лѣсъ суксаулъ отперваго начлега до Сыръ дарьи 20: а отъ рѣки до озера съ 20	40
		посыръ дарье лѣсъ густой дикой финикникъ.	
	5	Слѣдуя потракту съ 10 верстъ переправился чрезъ рѣку называемую Куть Малды. теченіе имѣетъ съ востоку на западъ отъ оной до рѣки Куванъ 15 верстъ, которая также течетъ съ востоку на западъ. по нихъ лѣсу нѣтъ, кромѣ камыша. начлегъ былъ отъ рѣки встепи въ 10 верстахъ	35
		оныя рѣки переѣзжали лдомъ. а грунтъ земли пещаной между рѣками озеръ потракту довольно.	
	6	Маршъ по большей къ Бухаріи пробойной дорогѣ коею телегою ѣздить способно. лѣсъ Саксаулъ, начлегъ былъ на пещаныхъ горахъ, воды нѣтъ	52
	7	Перешли до урочища на зываемаго Банбича съ	15
		мѣсто положеніе пещаныхъ горъ, лѣсъ суксаулъ воды довольно.	
34a	8	Маршъ былъ по примѣру	30
		место положеніе гористое пещаное, лѣсъ съ ряду густой Суксаульникъ, начлегъ былъ при рѣкѣ называемой Янысу при урочище Акмуле, то есть кладбище, покоторымъ кочуютъ кибитками каракал-	

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	паки, а потому и называется Каракалпацкая земля, которыя производятъ по оной хлѣбопашество, числомъ сего народа кибитокъ съ 200 сей народъ подвластенъ Эрали Солтану отъкоихъ онъ и дань хлѣбомъ получаетъ по некоторому числу.	
9	Слѣдуя въ верхъ по рѣке Янасу верстъ съ 10 переправился на бухарскую сторону, начлегъ былъ при урочище называемомъ Джингильдыбаше маршъ по примѣру место положеніе пещаныхъ горъ, лѣсъ сряду суксаулъ оная рѣка Янасу выпала изъ рѣкижъ Кубань, лѣсу по оной нѣтъ кромѣ камыша, изъ которой каракалпаки воду пропускаютъ на хлѣбопатныя свои места.	20
10	Слѣдуя чрезъ пещаныя валы, начлегъ былъ въ вершинахъ рѣки называемой Бурлыбашъ . . . . на горахъ лѣсъ сряду густой суксаульникъ.	20
11	На пещаныхъ горахъ. . . . . начлегъ былъ по притчинѣ не обычайнаго бурана лѣсъ на семъ мѣсте Суксаулъ трава полынь и ешань, воды нѣтъ по обе сторонъ горъ вышла степь ровная къ Бухаріи и Хиве.	10
12	Слѣдуя потракту начлегъ имѣлъ миновавъ рѣку Янадарью степью на пещаныхъ горахъ при Игизъ Куке	25

34б

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстоянiи верстъ.
	оная хотя сперва теченіе имѣла, но заметана пескомъ а третей годъ на задъ тому вытекла изъ рѣки Куванъ по которой на пути 3 глинянье мазанки древнихъ жителей бухарскихъ и хивинскихъ народовъ, четвертая мазанка на подобіе городка длиною во 150 шириною въ 50 шаговъ. Крѣпость кирпишная на глинѣ кладеная развалилась, по обѣ стороны оной рѣки водовыпускные на хлебопахотные земли вырыты глубокіе каналы, на кои вода впускалась оными. лѣсъ мелкой Суксаулъ, грунтъ земли пещаной. Жителижъ древнихъ народовъ киргисцы говорятъ во время Баракъ Хана согнать съ сего места змеиной толпой, а другіе киргисцы сказываютъ якобы непріятель ихъ текущую рѣку запрудилъ, по неименію воды стого жительства всѣ разъѣхались. Сія рѣка теченіе имѣетъ съ востоку на западъ, разбились на два устья. часть впала въ озеро горное, а другая стремится въ рѣку Аму, но недойдя до нея въ дневной ѣздѣ остановилась.	
13.	Маршъ былъ съ . . . . место положеніе пещаныхъ горъ дорога пробойная, весма на телегахъ ѣздить способная, лесъ суксаулъ воды нѣтъ.	25
35а 14.	Маршъ былъ съ . . . . место положеніе такоежъ, сей начлегъ попритчинѣ опасности отнападенія Трухменцовъ.	15

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
15	Маршъ былъ съ . . . . грунтъ земли пещаной волнистой, лесъ Суксаулъ, воды нетъ. начлегъ былъ при урочище Кашка-Тубе Кизилкакъ съ 5 верстъ дорога пробойная и къ ѣздѣ способная.	30
16	Маршъ былъ по примѣру . . . . грунтъ земли такой же какъ и вышезначится, начлегъ былъ не доѣзжая горы называемой Ирляръ Ата съ 5 верстъ, при выѣзде испеска, сія гора высокая раздробилась почастямъ шоломами, изъ подгоры вытекаетъ родникъ, ключевая вода къ подошве оной где та вода и уходи тъ вземлю, на семъ месте трухменцы подъѣзжаютъ толпами и разбиваютъ иногда идущіе караваны, такіе кои малолюдны, а когда усмотрятъ превосходство втакомъ случае остаются на горахъ, Киргисцыжъ на торгъ въ Бухарію ѣздящіе отнедавняго времяни начали сіе урочище проѣзжать большимъ собраніемъ въ 500 въ 300 а покрайней мѣре во 100 человѣкахъ, посылая на передъ подзоры, и подъѣзжая ко оной водѣ совсѣю толпою во оруженный поятъ то и сами довольствуются разставя въ открытыхъ местахъ пикеты.	30
17	Маршъ былъ по примѣру . . . . место положеніе ровное, чистая степь, лѣсу и воды нѣтъ, начлегъ былъ приконце вышеписанной горы Ирляръ въ безъ опасномъ и открытомъ месте.	30

356

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
18	Маршъ былъ по примѣру съ . . . . . . отперваго начлега въ 10 верстахъ на дорогѣ колодезь называемой Юзъ-Кудукъ то есть сто колодцовъ, при семъ колодце гора высокая по примѣру съ 30 саженъ вышины, на горѣ каменной стеной обложенъ форпостъ для прекращенія отнабеговъ трухменскихъ древними Бухарскими ханами, въ длину 10, а вширину 5 сажень место положенія хотя гористо но къ ѣздѣ на телегахъ способно. Грунтъ земли крепкаго песка местами каменистой съ вострыми мелкими галками, на члегъ былъ при урочище Капкаташе, воды хотя нѣтъ, но вырыть способно, лѣсу нѣтже, сіе названіе Капкаташъ на переводе значитъ каменные ворота, потому что между двумя каменными горами, состоящими одна отдругой по примѣру въ 10 саженяхъ имѣется способный проѣздъ где также хищные Трухменцы караулятъ проѣзжающія караваны.	25
19.	Маршъ былъ съ . . . . начлегъ былъ по сю сторону песка кубаши, место положеніе ровное, грунтъ пещаной, лѣсу, воды, травъ кромѣ и то рѣдкой полыни нѣтъ.	20
36а 20	Переѣхавъ песокъ Кубашъ (что на переводе значитъ сухая голова) начлегъ былъ покрай онаго къ бухарской сторонѣ противъ горы называемой Бытбылдыкъ, сія	

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	гора попримѣру вышиною со 100 сажень, къ которой пріѣзжаютъ для грабежа каравановъ Буркутцы, около ее мелкихъ горъ состоитъ не малое число и простираются къ востоку и подались къ Индѣйской сторонѣ, маршъ по примѣру съ	15
	влетнее время караваны ходятъ чрезъ помянутую гору бутбулдыкъ, где и водою изобильно, место положеніе не ровное, а наносные ветромъ высокіе сыпучіе пещаные бугры, между ими глубокіе рвы ни какой травы и воды нѣтъ толко лѣсъ саксаулъ къ ѣздѣ влетнемъ времяни весма трудно, простирается оной песокъ до Хивы, болшая жъ дорога лѣжитъ чрезъ помянутую гору бутбулдыкъ где какъ выше значитъ воды ключевой довольно.	
21	Маршъ былъ до горы Су-Сызъ-Кары по примѣру	15
	место положеніе съ 10 верстъ хотя плоское, но толко рытвинами, грунтъ земли пещаной горами съ 5 верстъ, место каменистое, на половине пути искраснаго песку бугоръ круглой вышиною съ 10 саженъ, по правую сторону отъѣхавъ отъ онаго верстъ по примѣру съ 15 ввиду остается въ сторонѣ гора называемая Алтынъ-Тау, то есть Золотая гора (сіе званіе дано, что въ древнее время на сей горѣ комъ золота найдено) отъ оной къ Бухаріи лѣжатъ чистыя отлогія горы	

366

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	по обе стороны съ открытыми местами, воды и лесу нѣтъ кроме саксаула лѣтомъ въ дождливое время настекаетъ вода нискіе места коею питаются тарпаны и Сангаки, то есть дикіе лошади и козы, а въ проѣзды карavановъ люди и скотъ.	
22	Маршъ былъ по примѣру . . . . Место положеніе хотя гористое но къ къ ѣзде весма способно, грунтъ земли пещаной, начлегъ близь урочища называемаго Кара-акъ-аты не доѣхавъ оной съ 5 верстъ воды и лѣсу нѣтъ, къ любопытству достойнаго ничего непредъусмотрено.	25
23	Маршъ былъ по примѣру . . . . место положеніе отъ Кара-акъ-аты гористое, а местами ровное къ ѣздѣ способное, въ симъ урочище Кара-акъ-аты ключь выбиваетъ изъ пещанаго бугорка. квостоку протекаетъ вода на плоское место саженъ 50 где искрывается въ землю. водажъ гораздо теплая для человѣка больного весьма лечительна, о чемъ мне персонально доказывали бывшіе одержимы болѣзнію киргисцы. на семъ бугорчикѣ пещера вкоторую весма пространно ходить человѣку даже до подошвы можно. близь онаго бугорчика въ 10 саженяхъ къ восточной сторонѣ кладбище древнихъ людѣй пустынника называемаго Кара-акъ-аты укотораго проѣзжающія бухарцы мертвыхъ тѣлъ	35

37a

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
	погребли не мало. бухарцыжъ и киргисцы пріѣзжая читаютъ знающія грамоте изъалкорана молитвы, а незнающія прикладываются къ могиле и почитаютъ за святаго. грунтъ земли пещаной, лѣсъ местами суксаулъ, начлегъ былъ проѣхавъ ключь называемой агвТму съ 5 верстъ, ключь также выбиваетъ подле пещанаго бугра изравнаго места съ восточной стороны, теченіе имѣетъ на западъ сажень съ 80: гдеискрывается въ землю вода солоновата и теплая.	
24	Маршъ былъ по примѣру съ . . . . . . место положеніе сыпучаго желтаго песку съ 5 верстъ по томъ ровная степь даже до первыхъ жилищъ города Бухаріи. сіи жители находятся отъ города въ дневной ѣздѣ, производятъ хлѣбопашество, сады разнаго рода фруктовъ, всѣ сады и пашни обгорожены глиненой стеной мазанками, сами жители поделали глиненые крепостцы и мазанковыя внихъ домы, тутъ теченіе имѣетъ рѣка 376 Кучанъ, чрезъ нее каменной мостъ о двенадцати сводахъ, изнихъ 6 водою повреждены, а другіе 6 укреплены на связяхъ, по обеимъ сторонамъ моста здѣланы каменныя щиты съ двумя каменными жъ бутками накаждой стороне.	35
25	Начлегъ былъ въ загородномъ домѣ Муллы Ирназара. которой построенъ по примѣру отгорода въ 3-хъ верстахъ.	

	Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
		Итого отъ Орской крѣпости по примѣрному численію разстоянія	1090
	26	При былъ къ городу Бухаріи, отколь присланы были для встречи два Эсаула при одномъ Шегаулѣ. Они меня въ вели въ городъ, квартиру указали въ домѣ тогожъ Муллы Ирназара.	
	27, 28, 29, 30, 31	Находился тутъ же въ квартирѣ безвыпуску.	
	1781 г. Генваря 1	Былъ представленъ къ Бухарскому Хану въ собраніи.	
	2	Находился въ квартире своей, занятъ былъ разговоромъ съ присыланнымъ отъ Аталыка Секретаремъ Мирзаишъ Муншіемъ.	
	3, 4, 5, 6, 7, 8	Находился въ квартирежъ своей упражняясь въ разныхъ разговорахъ съ пріѣзжающими помнѣ посланника Ирназара Максютова зятемъ Ходжею, Шегауломъ и бывшими принемъ Эсаулами, также и съ присыланнымъ отъ Аталыка Секретаремъ Мурзаишемъ.	
38а	9	Призванъ былъ къ Аталыку, гдѣ по обеденномъ столе получа ответные писма возвратился вквартиру.	

Мѣсяцы числа.	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.	Число по разстояніи верстъ.
10	Отправился изъ Бухаріи совсѣю свитою начевалъ въ местечке Убгамте отъ города въ	20
11	Начлегъ былъ въ крѣпосце Чагильбаше. До сихъ местъ провожалъ меня главной бухарской Эсаулъ Авязъ Карача, а всимъ месте поповеленію Ево даны въ канвой при одномъ сотникѣ 40 человѣкъ стрелцовъ нааргамакахъ, которыми препровожденъ доместечка Кубашъ верстъ со 140 отколь они и возвратились.	
12	Отъѣхавъ отъ чигильбаша 10 верстъ имѣли начлегъ на степи, за позднимъ выѣздомъ съ 1 мѣста.	

Мѣсяцы числа	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.
13	Ночлегъ былъ при ключе Агытме.
14	По сю сторону Кара ака, съ 20 верстъ на степи.
15	По сю сторону Кубаша.
16	Близь Капкаташа.
17	По сю сторону Юзъ-Кудука съ 15 верстъ на степи.
18	По сю сторону Ирлялъ въ 20 верстахъ въ пескахъ.
19	При биштюбе.
20	По сю сторону Яны дарьи, по коей древнихъ каналовъ по ту сторону болшихъ 2: по сю сторону 12. прудъ толщиною съ 4 сажени чрезъ рѣку 35 по примѣру саженъ.

	Мѣсяцы числа	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.
	21	При джингильбаше.
	22	Укиргисца Саламата.
	23 24	У него жъ.
38б	25	У ахтамъ бія при озерѣ Куртлыкуле, гдѣ каракалпаки производятъ хлѣбопашество, прорывая водопропускаемыя каналы.
	26	У негожъ ахтама.
	27	При урочище банбиче.
	28	Не доѣхавъ Култубы на степи.
	29	Переѣхавъ рѣку Куванъ и Кутылъ Алды, начевалъ при акъ-Кугурданте.
	30	При сыръ дарье.
	31	Переѣхавъ оную начевалъ противъ Ургинтау.
	Февраля.	
	1	Противъ Акча Булака.
	2	Противъ Аккудуке.
	3	При Тауашармуле.
	4	Про тивъ Кукъ Думбаке.
	5	По сю сторону Кукъ Думбака на степи.
	6	При Мурзагуловой Акчи, то есть Камышъ.
	7 8	За вѣликимъ бураномъ былъ приместе.
	9	При Тиряклѣ.
	10	При чекатаве.
	11	При томъ же месте за великимъ бураномъ.
	12	Передневалъ завеликимъ бураномъ.
	13	При солонце называемомъ Тамгакле.
	14	Противъ горы джабытавы.
	15	Между джабытавы и буканбай-чуки.
	16 17 18	При томъ же месте.

Мѣсяцы числа	Званіе местъ, сколько въ день удалось подвинутся и гдѣ раздыхи были.
19	Недоѣзжая рѣки Иргиза съ 5 верстъ.
20	По сю сторону рѣки Иргиза укиргисца Казыя на пескахъ. 39а
21	Унегожъ.
22	При рѣкѣ Иргизѣ укиргисца Минлибая.
23	Унегожъ.
24	По рѣкѣ Иргизу противъ горы называемой Мяни.
25	По рѣкѣ Иргизужъ не доѣхавъ до Бишмулы верстъ съ 5 на пескахъ.
26	Противъ Бишъ-Мулы.
27	При рѣкѣ Таллы Иргизе Укиргисца Кабланбая.
28	Унегожъ.
Марта.	
1	По рѣкѣ Таллыкѣ Укиргисца Дюрбеня.
2	На степи между рѣкъ Таллы и Кайраклы.
3	При рѣчкѣ Кайраклѣ.
4	Тутъ же Укиргисца Табулдыя.
5	При речкѣ Яманъ-Кайраклѣ.
6	При рѣчке Карабутаке Укиргисца Тутач.
7, 8, 9, 10, 11	У негожъ Тутая завеликимъ бураномъ, тутъ лѣсу нѣтъ кромѣ чилижника.
12	При озере Билкупѣ.
13	При рѣкѣ Оре противъ урочища Катынъ-Адыра.
14	По оной же рѣкѣ выше урочища Кизилъ-Кибязи, укиргисца Чагира.
15	По той же рѣкѣ, при урочище Киниръ-агаче укиргисца Табай балвана.
16	По рекѣ Оре ниже устья рѣчки камышлака укиргисца ишкильдыя.
17	Въ Орской крѣпости.

Будучи въ пути Киргизецъ дюрткаринскаго рода курлыбай уверялъ, что въ верхъ по рекѣ сыръ дарье лѣсу довольно, а особливо осоковника и ветелника.

39б Проѣзжая мѣсто по Сыръ-Дарье, усмотрено самимъ мною, что она впадаетъ въ Аральское море, коимъ весма способно водяную коммуникацiю имѣть, во первыхъ въ Хиву, а отъ толь въ верхъ по рѣке аму дарье въ Бухарiю.

Место положенiе по Сыръ дарье весма хорошее и ровное где кочуютъ и земледельствуютъ Каракалпаки.

Бывшей въ препровожденiи сотникъ при разговорахъ сказывалъ, что отъ Бухарiи въ 40 дневной ѣздѣ живутъ въ горахъ Галчинцы мухаметанскаго закона, а въ другой сторонѣ кочуютъ въ горахъ же дарджарбазцы идолопоклонники, отъ Бухарiи въ 50 дневнойѣздѣ; бухарцы воровски набегая нанихъ пленятъ ихъ людѣй, коихъ въ Бухарiи продаютъ.

За темъ уже изъ Орской отправясь 18 прибылъ чрезъ линейныя крѣпости въ Оренбургъ благополучно 22 числа Марта 1781 года.

Мендiаръ Бекчуринъ.

(Подпись manu propria).

40а **Переводъ въ Коллегiи учиненной съ присланнаго къ ЕЯ IМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ отъ Бухарскаго Эбуль Гази Мугаммедъ Бегадуръ Хана листа.**

Великая ИМПЕРАТРИЦА

Преизящнѣйшая Государей Государыня, преизбраннѣйшая прещастливѣйшихъ и прехвальныхъ Монарховъ Монархиня, просвѣщающая благочестiе и благодѣнствiе, великая и храбрая и благоспоспѣшествующая Героиня, превосходнѣйшая препочтеннѣйшая и высокопрепочтен-

нѣйшая Монаршимъ престоломъ правительница, предостойнѣйшая и всепресвѣтлѣйшая яко непоколѣбимо пребывающая въ небѣсахъ пресвѣтлая утренняя звѣзда управляющая Самодержавствомъ.

Да пребудетъ царствованіе ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА во всегдашнемъ полновластіи съ веселіемъ и благоденствіемъ управляемо, и съ достиженіемъ во всехъ высочайшихъ высокомонаршихъ вашихъ предпріятіяхъ успѣхами.

По приношеніи сего вамъ всепресвѣтлѣйшей Великой Монархинѣ съ почтеніемъ объявляю, что съ самаго начала какъ непостижимый творецъ и безсравненныя всея твари создатель своимъ превѣчнымъ промысломъ и предѣломъ вручилъ мнѣ правленіе народа, чтобы все вообще какъ знатнаго и незнатнаго состоянія словомъ и всякаго званія люди подъ покровительствомъ Нашего Величества пребывали въ благоденствіи и покое, то все къ милости склонныя наши мѣры состоятъ въ томъ, чтобы издревлѣ продолжающейся между Вашимъ и нашимъ высокими и превѣчными дворами дружественной союзъ — которой предками моими Великими Государями наблюдаемъ бывалъ не только въ таковой же силѣ и постановленіи іновящше и преизящнее того не нарушимо і непоколебимо пребывалъ. 40б

А какъ мы предъ симъ къ великомочному двору сени Божіей премилостивѣйшему Калифѣ обладателю землями и морями і начальнико служителю священныхъ мѣстъ Султану въ Константинополь почтеннѣйшаго и наиблагожелательнаго Муллу Ірнезера сына Максютова Посломъ отправили, и о томъ ВАШЕМУ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ просительно изьяснились, чтобы тотъ Посолъ пропущенъ и со всякою безпѣчностью туда препровожденъ по приличности его состоянія чрезъ Вашу Імперію былъ, то я нынѣ ізвѣстился, что ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всякое монаршеѣ Милосердіе оказать ему благоволили и изволили съ награ- 42а

жденіемъ и со всякою безпѣчностію такъ же и съ пристойнымъ конвоемъ туда его отправить чему я съ удовольствіемъ моимъ порадовался, и почелъ за истинной знакъ союза и дружества, да и желаю чтобы всевышній Господь Богъ во всю нашу жизнь непоколѣбимо и нена-
42б рушимо оное сохранилъ, а подданные своихъ высокихъ нашихъ державъ, пребывали бы въ покое и производили между собою щастливую комерцію и торговлю, а наши бы высокія дворы изъ того получили себѣ славу и благознаменитое имя.

Въ прочемъ дни Государствованія вашего въ ненарушимомъ благоденствіи, щастіи и благополучіи дапродолжатся. писано „1195 го“ отъ Гиджеры Мугамедовой, а по христіянскому счислѣнію „1781 го“ Года отъ Рождества Христова.

На кувертѣ сего листа приложена чернильная печать съ именемъ Бухарскаго Эбуль Гази Мугаммедъ Бегадуръ Хана.

43а **Переводъ въ Коллегіи учиненной съ присланнагс листа къ Графу Никитѣ Івановичу Панину отъ Дядьки и Первенствующей при Бухарскомъ Ханѣ особы Мугаммедъ Даніяла.**

Первенствующій Министръ Графъ Никита Панинъ.

Сіятельнѣйшей, препочтеннѣйшей, преблагодѣтельнѣйшей, превосходнѣйшей Герой, предводитель Храбрыхъ, учредитель и установитель Государственныхъ Дѣлъ.

Желаю Вашему Сіятельству за всегда пользоваться высокомонаршимъ благоволѣніемъ и милостями.

По засвидѣтельствованіи сего приношенія Вашему Сіятельству объявляю, что предсимъ отправленное отъ васъ комнѣ пріятное и дружеское писаніе, я въ самое благополучное время съ порадованіемъ моимъ чрезъ по-

чтеннаго и благонадежнаго Мугаммедъ Яра сына Бекчурина получить удостоился и всѣ пріятныя и дружескія 43б
Его содержанія я со удовольствіемъ моимъ прочиталъ и понелъ, а особливо я въ сугубое восхищеніе радости пришелъ когда усмотрелъ въ ономъ дружескомъ вашемъ начертаніи, что почтеннѣйшей прищастливѣйшей Мулла Ірнезеръ сынъ Муллы Максютова отпущенъ со всякимъ удовольствіемъ и безпечностію въ Константинополь, ко Всевысочайшему и Всепресвѣтлѣйшему великолѣпіемъ Александру, славою Соломону подобному Его Величества покровителю Государей обладателю землями и морями и начальнико служителю священныхъ мѣстъ нынѣшнему Калифѣ Двору.

По томъ еще опріохочиваніи къ комуникаціи и номераціи подданныхъ обоихъ державъ упомянуть соизво- 44а
лили, чтобы онѣ со всякою безпечностію и благонадѣжіемъ вящше прежняго въ купечествѣ и торгахъ своихъ упражняясь пользовались обоюдно інтересами и пребывали бы отъ того въ благодѣнственномъ и спокойномъ состояніи, и на такой все полѣзной случай приложено бы было о безъ опасности ихъ проѣзжихъ дорогъ надлѣжащеѣ стараніе что бы имъ ни кто въ проѣздахъ ихъ не чинилъ вреда и раззоренія, а какъ поднесь несколько уже лѣтъ прошло, что здѣшняго владѣнія Бухарскія народы во областяхъ Всевысочайшей Россійской Імперіи съ безпечностію и всякимъ спокойствіемъ и съ безвредностію отъ здѣшнихъ границъ торги и комуникацію свою отправляли и отправляютъ: то и нынѣ да и впредь при Божескомъ благо- 44б
воленіи о безъопасности проѣзжихъ ихъ путей, я по возможности моей всякое стараніе и домогательство прилагать непремину.

Еще же во ономъ писмѣ Ваше Сіятельство упомянуть соизволили, что отъ произведѣнія и распространенія комерціи обоимъ великимъ державамъ послѣдуетъ польза и великое Государственному интересу приращеніе, подданнымъ же обогащеніе, я сіе Вашего Сіятельства пред-

ложеніе за само спрведливое почтя, иа на основаніи сего важнаго и полѣзнаго обоимъ Монархіямъ дѣла, во все Богомъ хранимыя здѣшняго Государства отдаленныя предѣлы такъ же къ Узбѣгскому народу, котораго числомъ
48а девяосто два племяни находится, словомъ и ко всемъ всякаго обиталища и селѣнія здѣшнихъ странъ первенствующимъ начальникамъ до которыхъ разстоянія отъ нашего столичнаго Города мѣсяца на три на четыре ѣзды быть имѣетъ яко то къ народу Кадганскому, Канкаранскому, Менкійскому, Киргыскому, Туркеманскому и прочимъ обитающимъ въ Городахъ Бѣлхѣ. Бѣдогшанѣ, Кандѣ, Кулатѣ, Куканѣ. Харезмѣ и такшандѣ, и ко всѣмъ подвластнымъ Его Величества моему Милостивѣйшему Государю. въ разныхъ селеніяхъ жителямъ отправилъ отсебя наполненныя о томъ совѣтами писма, и ожидаю на оныя отъ нихъ отвѣтовъ, пополученіи же сихъ отъ нихъ отвѣтовъ непремину я и Ваше Сіятельство о томъ съ подробностію увѣдомить.

48б Что же касается до народа Узбѣкскаго, то онъ въ количествѣ своемъ безчисленъ, а право и поведѣніе такое имѣетъ, что одинъ безъ совѣту другаго ни къ какому дѣлу не приступаетъ. Чего ради я къ нимъ на положеніе и установленіе сего полезнаго дѣла особливой голосъ и совѣтъ свой послалъ.

И такъ прошу Ваше Сіятельство естли препочтеннѣйшей и благожелательнѣйшей Мулла Ірнезеръ отправившейся къ высочайшему нынѣшняго Калифы Двору Посломъ возвратится въ Высочайшую Россійскую Імперію, то благоволитѣ меня съ нимъ о вашемъ на сіе полѣзное дѣло намереніи и мнѣніи увѣдомить, буде же онъ почтеннѣйшей Посолъ Мулла Ірнезеръ не чрезъ Россійскую
49а Імперію а другимъ трактомъ сюда обратно проѣдетъ то благоволитѣ Ваше Сіятельство меня съ достовѣрнымъ изъ Нагайцовъ человѣкомъ, или нашимъ Бухарскимъ купцомъ торгующимъ въ вашей Россійской Імперіи на сіе благополѣзное дѣло вашимъ пріятнымъ соотвѣтствіемъ

удостоить, чтобы я по сему дѣлу о мнѣніи и предпріятіи Вашего Сіятельства былъ свѣдомъ.

На кувертѣ сего листа приложена чернильная печать съ именемъ онаго Мугаммедъ Даніяла.

Переводъ съ Персидскаго письма присланнаго къ ихъ Сіятельствамъ Графу Никитѣ Ивановичу Панину и Графу Ивану Андрѣевичу Остерману отъ Бухарскаго первенствующаго при тамошнемъ Ханѣ Министра Мугамеда Даніялъ Аталыка. 50а

Управляющія съ правосудіемъ высокою Министеріею препочтеннѣйшія, и преизящнѣйшія изъ преизбраннѣйшихъ фамилій первенствующія и высокознаменитыя Министры Графъ Никита Ивановичъ Панинъ и Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ всевышній Господь да сохранитъ васъ на всегда отъ земныхъ и небѣсныхъ бѣдственныхъ приключеній подъ своимъ всемогущимъ покровительствомъ.

По засвидѣтельствованіи чрезъ сіе вамъ моего дру- 50б
жескаго добро усердія объявляю, что при поспѣшествующей Божіей милости я въ состояніи своемъ нахожусь безъ всякія мнѣ противности благополучнымъ и во всегдашнее время упражняюсь въ моленіи Господа пріемлющаго прошеніи о здравіи и осугубости Вашей дражайшихъ и препочтеннѣйшихъ моихъ пріятелей чести чтобы вы на всегда въ ненарушимомъ здравіи и въ непоколебимомъ почтеніи пребывали.

А какъ Вашимъ высокознаменитымъ Сіятельствамъ довольно извѣстно, что съ стороны нашего хана Посолъ
Иръ Незеръ Би съ дозволенія Ханскаго у Великія Госу- 53а
дарыни просилъ три тысячи пудъ меди и вы сами о благоволеніи Монаршемъ изволили меня увѣдомить, что то его прошеніе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ милостивѣйше уважено и повелѣно уже означенную мѣдь пожаловать,

то на основанiи сего и прошу васъ препоручить ее Послову брату Мулле Авизъ Бердыю, а онъ какъ изъ числа служащихъ здѣшней сторонѣ то и имѣетъ ту мѣдь доставить сюда и есть ли о чемъ будетъ Вашимъ Сiятельствамъ онъ предлагать словесно благоволить въ томъ ему
53б вѣрить. Сiе письмо писано 7-го дня мѣсяца джемадiель Санiя 1195-го года то есть Маiя 14-го 1781 года.

У подлиннаго писма на оборотѣ при окончанiи приложена чернильная печать съ именемъ онаго Мугаммедъ Данiялъ Аталыка.

54а **Переводъ въ Коллегiи учиненной съ присланнаго писма Кпокойному Оренбургскому Губернатору Реинсдорпу отъ Дятки и первенствующей при Бухарскомъ Ханѣ особы Мугамедъ Данiяла.**

Iванъ Реинсдорпъ.

Почтенной благожелательной о дружбѣ и единосердечiи свѣдущей высокомѣстной и достохвальной о состоянiи народнаго благоденствiя и согласiя установитель и учредитель.

Желаю вамъ за всегда высокомонаршими щедротами и милостями пользоваться, и достигать во всехъ благихъ вашихъ предпрiятiяхъ вождѣленныя вами успѣхи.

Засимъ по засвидѣтельствованiи сего искренняго и дружескаго доброжелательства вамъ объявляю, что предъ симъ отправленное отъ васъ ко мнѣ прiятное и друже-
54б ское писанiе, я въ самое благополучное время съ порадованiемъ моимъ чрезъ почтеннаго и благонадежнаго Мугаммедъ Яра сына Бекчурина получилъ, и все прiятныя и дружескiя его содержанiя я соудовольствiемъ моимъ прочиталъ и понялъ. А особливо я въ сугубое восхищенiе радости пришелъ когда усмотрелъ по оному дружескомъ вашемъ начертанiи что почтеннѣйшей и прещастливѣйшей

Мулла Ірнезеръ сынъ Муллы Максютова отпущенъ совсякимъ удовольствіемъ и безпечностію въ Константинополь, ко Всевысочайшему и Всепресвѣтлѣйшему великолѣпіемъ Александру, славою соломону подобному Его Величества покровителю Государей обладателю землями и морями и начальнико служителю священныхъ мѣстъ нынѣшнему калифѣ двору.

Протчеѣ содержаніе писма къ Оренбургскому Губернатору одинакаго съ писмомъ къ Графу Никитѣ Івано- 56а
вичу.

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ 57а

Всеподданнѣйшій Докладъ.

Коллегіи Іностранныхъ дѣлъ.

Возвратившейся предъ нѣкоторымъ временемъ изъ Бухаріи съ извѣстными ВАШЕМУ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ депешами, Оренбургской Губернской Канцеляріи Татарскаго языка Переводчикъ Регистраторъ Мендіаръ Бекчуринъ, поданною въ Коллегію Іностранныхъ Дѣлъ челобитною представляетъ, что въ службѣ ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА находится онъ съ „1760“ го Года изъ солдатскихъ дѣтей, въ настоящемъ же чинѣ состоитъ съ „1777“ го Года; и въ продолженіе его службы употребляемъ онъ былъ отъ Оренбургскихъ начальниковъ къ посылкамъ въ Орды Киргисъ касацкіе и къ другимъ тамошнимъ пограничнымъ народамъ, былъ такъ же посыланъ во время быв- 57б
шаго въ прошломъ „1774“ мъ Году въ Оренбургской сторонѣ замѣшательства къ Башкирцамъ, для успокоенія мятежнаго сего народа, и для изысканія съ нихъ штрафнаго провіанта и фуража, гдѣ былъ опасностямъ подверженъ и раненъ саблею въ руку, потомъ былъ въ посылкѣ въ Среднюю Киргисъкасацкую Орду, для пріуготовленія

Аблай Солтана, къ воспріятію высочайше пожалованныхъ ему отъ ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА знаковъ на Ханское достоинство, а въ прошломъ 1780 мъ Году отправленъ былъ и въ Бухарію, гдѣ по жестокости зимняго времяни претерпѣлъ немалую нужду; во всѣхъ же сихъ посылкахъ издерживая сверхъ опредѣленнаго ему жалованья и собственное иждивеніе, пришелъ въ убытокъ и неоплатные долги и проситъ онъ, чтобъ за всѣ понесенные во время службы труды, наградить его чиномъ Титулярнаго Совѣтника и денежнымъ на оплату долговъ воздаяніемъ, и оставить его въ прежнѣй переводческой должности

Коллегія Іностранныхъ Дѣлъ будучи, по донесеніямъ
58a Оренбургскихъ начальниковъ не безызвѣстна, о способности сего Переводчика къ употребленію съ пользою по дѣламъ Киргисъ касацкимъ, и коимъ образомъ онъ и при нынѣшней его посылкѣ въ Бухарію возложенное на него служеніе исправилъ съ надлежащимъ раченіемъ и ревностію, и въ разсужденіи понесенныхъ имъ, какъ въ сей послѣднѣй, такъ и вомногихъ другихъ экспедиціяхъ убытковъ, пріемлетъ смѣлость сіе всеподданнѣйшее его прошеніе предать ВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА матернему милосердію.

Петръ Бакунинъ.

59a ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО высочайше указать соизволила упоминаемаго въ репортѣ Князя Хвабулова Переводчика Мендіара Бекчурина прислать завтра . . . . къ Генералъ-Маіору Безбородко. Репорты же съ приложеніями посланы на прошеніе Князю Григорію Александровичу Потемкину.

Мая 5, 1781.
Въ Царскомъ Селѣ.

Труды Идзава Сюдзи по живому китайскому языку.

Интересъ къ Китаю, охватившій въ настоящее время Японію, не остался безрезультатнымъ и въ дѣлѣ изученія живого китайскаго языка. Поскольку могутъ быть показательны для интереса къ Китаю цифры желающихъ поступить на китайское отдѣленіе Токіоскаго Института Иностранныхъ Языковъ, я отмѣчу чрезвычайный ростъ числа подаваемыхъ прошеній, который можетъ сравниться только съ ростомъ прошеній на русское отдѣленіе. Въ 1911 году было только 24 желавшихъ поступить на китайское отдѣленіе, въ 1912—50, въ 1913—66, въ 1914—83, въ 1915—107, въ 1916—146 *). Нужно имѣть въ виду, что изученію Китая посвящено еще особое учебное заведеніе—Шанхайскій Институтъ Общества То-а-до-бун-каи (названіе Института: То-а-до-бун-сёин), выпускъ котораго въ 1916 году (тринадцатый по счету) состоялъ изъ 37 человѣкъ. Естественно надо было ожидать и появленія пособій, обслуживающихъ изучающихъ китайскій языкъ японцевъ, и именно пособій по живому китайскому языку.

По морфологіи (или синтаксису) можно назвать, напримѣръ, работы *Окамото* Масабуми (профессора Инсти-

*) Приведу для сравненія цифры прошеній на другія отдѣленія въ 1916 году: на англійское—293, французское—132, нѣмецкое—170, итальянское—26, испанское—105, монгольское—40, корейское—19. Ростъ прошеній на русское отдѣленіе выражается слѣдующими цифрами: въ 1912 году—27, въ 1913—76, въ 1914—93, въ 1915—172 и въ 1916—242.

тута Иностранныхъ Языковъ), по фонетикѣ же—труды С. Идзава.

Г. Идзава, ученикъ знаменитаго фонетика A. Bell'a, является въ Японіи піонеромъ фонетики и за свою долгую жизнь работалъ въ различныхъ практическихъ областяхъ, съ которыми соприкасается фонетика: и въ дѣлѣ обученія глухонѣмыхъ и исправленія заикающихся, и надъ объединеніемъ японскаго языка, занимаясь съ этой цѣлью истребленіемъ діалектовъ, и наконецъ, надъ упорядоченіемъ преподаванія живыхъ иностранныхъ языковъ. Взглядъ на необходимость единаго опредѣленнаго японскаго разговорнаго языка является общепринятымъ въ Японіи, и почти нѣтъ разногласія въ томъ, что таковымъ долженъ быть естественно завоевывающій себѣ господство говоръ Токіо. Потому дѣятельность „объединителей японскаго языка“ должна свестить, во первыхъ, къ выясненію фонетическихъ и иныхъ элементовъ говора Токіо, во вторыхъ—къ истребленію діалектовъ. Въ разработкѣ первой задачи нельзя было обойти необслѣдованный вопросъ о японскомъ ударенiи, тѣмъ болѣе, что наиболѣе устойчивыя діалектическія черты произношенія и состоятъ главнымъ образомъ въ неправильной постановкѣ ударенія. Книгой, которая должна была проводить въ жизнь объединеніе японскаго языка, естественно явился Токухонъ, т. е. общепринятая въ японскихъ школахъ начальная хрестоматія. И вотъ вниманіе „объединителей“ направляется на фонетическое обслѣдованіе текста этой книги. Появляется цѣлый рядъ попытокъ канонизировать ударенія въ текстѣ Токухона, куда относится и работа С. Идзава—Кокутэи-сёгаку-токухон-сэидоку-хо („Методъ правильнаго чтенія Токухона“). Что касается второй задачи—непосредственнаго истребленія діалектовъ, то здѣсь Идзава является единственнымъ активнымъ работникомъ. Съ этой цѣлью имъ устраивались лѣтніе курсы для провинціальныхъ учителей и издана книга: Сива-оё тохоку-хацуон кёсэи-хо („Способъ исправленія сѣверо-восточнаго произ-

ношенія съ примѣненіемъ транскрипціи Bell'a: Visible Speech").

Къ обслѣдованію фонетической стороны живыхъ языковъ—въ цѣляхъ содѣйствія правильному ихъ преподаванію, относятся работы г. Идзава по китайскому (пекинскому нарѣчію). Въ будущемъ онъ намѣренъ заняться составленіемъ фонетическаго руководства по русскому языку. Главнѣйшими изъ работъ г. Идзава въ китайской области являются:

1) Добун-син-дзитэнъ *) („Новый Словарь Объединенной письменности"), гдѣ даны японскія, китайскія и корейскія чтенія іероглифовъ. Фонетическая цѣнность работы состоитъ въ обозначеніи китайскаго призношенія особой, выработанной г Идзава транскрипціей.

2) Сина-го сэи-он-хацуби („Курсъ китайскаго произношенія"), Токіо, Ракусэки-ся 1916. 473 стр. Книга содержитъ разговорные тексты въ іероглифическомъ напиписаніи и въ фонетической транскрипціи.

Въ связи съ послѣднимъ трудомъ надо разсматривать еще: Сина-го сэи-он-рэнсю-сё („Книга упражненія по китайскому произношенію). Токіо, Ракусэки-ся 1914. 110 стр. Здѣсь даны примѣры всѣхъ существующихъ въ Пекинскомъ слоговыхъ комплексовъ подъ каждымъ изъ тоновъ, и такимъ образомъ описана (при помощи той-же транскрипціи) фонетическая система говора. Кромѣ того подсчетъ слоговыхъ комплексовъ представленъ на отдѣльной таблицѣ – Сива-ой сина-го сэи-он-инкё („Таблица китайскихъ звуковъ по системѣ Bell'a: Visible Speech), 1916 года.

Транскрипція Идзава создана въ подражаніе Visible Speech'y Bell'a и, несмотря на совершенную условност обозначеній, не представляетъ особыхъ трудностей. Во

---

*) Работѣ этой посвящена статья Д. М. Позднѣева въ Зап. Вост. Отд. Арх. Общества, томъ XX, 1910 г.: „Новый іероглифическій японо-корейско-китайскій словарь, какъ попытка опредѣленія минимальнаго числа іероглифовъ, общихъ для трехъ языковъ".

всякомъ случаѣ она вполнѣ удовлетворяетъ анализу китайскихъ звуковъ, и учебникъ Идзава вполнѣ можетъ быть сравниваемъ съ фонетическими книгами упражненій по европейскимъ языкамъ, опубликовываемыми на Западѣ. Въ этомъ отношеніи японское китаевѣдѣніе сдѣлало крупный шагъ, во всякомъ случаѣ опережающій то состояніе, въ которомъ находится въ Японіи наука о родномъ разговорномъ языкѣ.

Е. Поливановъ.

Гласные корейскаго языка.

1. Современное произношеніе гласныхъ.

Въ корейскомъ языкѣ различаются десять гласныхъ фонемъ. Изъ нихъ только три находятъ подходящія соотвѣтствія въ русской гласной системѣ; это — *i*, *u* (рус. *у*). *a*. Прочія я обозначу алфавитомъ международной фонетической ассоціаціи такъ: *ɯ*, *o*, ɔ, *e*, *ɛ*, *ÿ*, *y*, Означаютъ эти символы слѣдующее:

1) *ɯ* — звукъ, который произносится при томъ положеніи языка, которое имѣется при *u* (рус. *у*), но безъ округленія губъ; онъ напоминаетъ русское *ы*, но отличенъ отъ него тѣмъ, что къ небу приподнята болѣе задняя часть языка.

2) *o* — звукъ болѣе закрытый (губы болѣе сближены), чѣмъ рус. *o*.

3) ɔ) — звукъ, напоминающій русское *o*, но въ корейскомъ положеніе языка нѣсколько другое, чѣмъ при русскомъ звукѣ: языкъ не настолько отодвинутъ назадъ. Губы сближены очень мало. Въ зависимости отъ предшествующаго согласнаго фонема ɔ имѣетъ два оттѣнка: послѣ „мягкаго" согласнаго языкъ еще менѣе отодвинутъ назадъ, такъ что слышится нѣчто похожее на рус. *э*. Есть говоры, гдѣ этимъ различіямъ соотвѣтствуютъ еще болѣе рѣзкіе: именно произошло совпаденіе звука ɔ послѣ „твердыхъ" согласныхъ съ звукомъ *ɯ*.

4) *e* — закрытое *э* (съ высокимъ поднятіемъ языка).

5) *ε* — открытое *э*.

6) *ɸ*) — звукъ, сходный съ гласнымъ, выражаемымъ во французскомъ языкѣ буквами *eu* (напр, въ *peu*).

7) *y* — звукъ, сходный съ французскимъ *u* (напр. въ *tu*).

Дифтонги существуютъ двухъ родовъ:

1) дифтонги, первый элементъ которыхъ — неслоговое *u*, которое въ международномъ фонетическомъ алфавитѣ обозначается черезъ *w*. Это — *wa*, *wɔ*, *we*, *wε*, *wi*. Ближайшую параллель къ этому роду дифтонговъ мы находимъ во французскомъ языкѣ, гдѣ имѣется *wa* (напр. въ *moi* — *mwa*, *toi* — *twa*), *we* (напр. въ *roué*—*rwe*), *wε* (напр. въ *rouette*—*rwεt*) *wi* (напр. въ *Louis* — *lwi*).

2) дифтонгъ *oe*. Дифтонгъ *oe* произносится въ перемежку съ гласнымъ *ɸ*.

Долгія гласныя отсутствуютъ; равнымъ образомъ ни мелодическія, ни экспираторно-акцентныя различія не могутъ служить словоразличительнымъ средствомъ: законы ударяемости одинаковы для всѣхъ словъ, независимо отъ ихъ значенія. Они состоятъ въ выдѣленіи, какъ начала, такъ и конца слова, но въ различной степени въ зависимости отъ положенія слова 1) на концѣ фразы и тогда, когда слово произносится изолированно, 2) передъ другимъ словомъ той же фразы, 3) въ вопросительномъ предложеніи, не имѣющемъ спеціальныхъ вопросительныхъ частицъ.

На концѣ фразы и въ изоляціи слово „баритонно". Въ односложныхъ это выражается пониженіемъ тона внутри гласнаго. Въ двухсложныхъ — мелодическимъ и силовымъ выдѣленіемъ перваго слога, что можно сравнить съ западно-японскимъ типомъ ⌈*ha*⌊*na*. Въ трехсложныхъ — пониженіемъ отъ перваго къ третьему, что колеблется между западно-японскими типами ⌈*a*⌊*bura* и ⌈*mame*⌉⌊*na*; экспираторно преобладаетъ первый слогъ. Въ четырехъ- и болѣе сложныхъ имѣется аналогичное по-

ниженіе отъ третьяго съ конца къ послѣднему слогу, очень похожее на западно-японскій типъ [*omo*][*muki*.

Внутри фразы слово „окситонно“: конечный слогъ выдѣляется 1) повышеніемъ, 2) усиленіемъ, 3) количествомъ гласнаго при реторическихъ остановкахъ; подъ эмфазомъ возможно кромѣ того экспираторное выдѣленіе перваго слога.

Слово, произносимое подъ вопросомъ, но въ которомъ вопросъ морфологически не выраженъ, также окситонно, но съ особой вопросной интонаціей.

Нужно имѣть въ виду, что акцентологическое слово можетъ состоять изъ нѣсколькихъ морфологическихъ словъ. Напримѣръ

kwabusurumun toqmugwabuga anda „только вдова понимаетъ горе другой вдовы“.

II. Происхожденіе современныхъ корейскихъ гласныхъ.

Гласные *ɛ*, *e*, *ö*, *y*, какъ видно изъ туземнаго алфавита, — новаго происхожденія и восходятъ къ дифтонгамъ:

ɛ < **ai*, напр, въ *ċ*ᶜ*ɛk* „книга“.

e < **əi*, напр. въ ⁿ*dye* „шелковичный червь“.

ö (состоящее въ факультативномъ чередованіи съ *oe*) < **oi* напр. въ *ċö* „грѣхъ“.

y < **ui*, но только послѣ переднезычныхъ, напр. въ ⁿ*dye* „шелковичный червь“, *ċy* „крыса“, *ty* „сзади“, *t*ᶜ*yzən* „игральныя карты“, *ŝyn* „пятьдесятъ“; послѣ другихъ согласныхъ въ соотвѣтствіи данному начертанію имѣется дифтонгъ *wi*, напр. въ *k*ᶜ*wik*ᶜ*wi* „непріятный запахъ“.

Гласный *a* восходитъ къ двумъ звукамъ, одинъ изъ которыхъ можно считать исконнымъ * *a* на основаніи транскрипціи китайскихъ словъ; другой имѣвшійся напр. въ *mal* „лошадь“ я буду условно изображать черезъ **a*ˣ (праформа для *mal* — **ma*ˣ*r*).

Гласный *ɔ* я позволяю себѣ считать рефлексомъ древняго **ɛ* главнымъ образомъ потому, что онъ состоитъ въ сингармонистическомъ чередованіи съ *a* (изъ **a*, не изъ **a*ˣ), напр. въ суффиксѣ *-at:a/-ɔt:a* — *ćabat:a* отъ *ćap*- „ловить“, но *mɔgɔt:a* отъ *mɔk*- „ѣсть“.

Е. Поливановъ.

Имамура Акицунэ, докторъ естественныхъ наукъ. Токіоскій говоръ (Токёбэн). Токіо, Нихон-ромадзи-ся, іюль 1915 г. XV + 186 стр.

Среди японскихъ работъ, посвященныхъ токіоской фонетикѣ и въ частности акцентологіи *), работѣ г. Имамура принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Она содержитъ рядъ разговорныхъ текстовъ (стр. 16—103), записанныхъ съ указаніемъ удареній и такой-же словарикъ (стр. 104—186), а также введеніе, трактующее во 1) о роли ударенія въ токіоскомъ говорѣ (стр. 1—12), во 2) объ нѣкоторыхъ особенностяхъ различныхъ мѣстностей (стр. 13—15). Изъ предисловія, занимающаго десять страницъ (стр. I—X) и говорящаго главнымъ образомъ о практической важности усвоенія провинціаломъ токіоскаго говора, между прочимъ видно, что авторъ — уроженецъ Кюсю, самъ совершившій переходъ отъ родного языка къ общепринятому стандартному.

Однако возможный упрекъ, что книгу о токіоскомъ говорѣ написалъ южанинъ, устраняется участіемъ въ ней исконныхъ токіосцевъ — гг. Тодзё и Доки. Работа находится также подъ вліяніемъ и въ связи съ акцентуированнымъ изданіемъ Токухон'а (т. е. общепринятой хрестоматіи), печатающимся въ журналѣ Ромадзи Сэкаи (нач. съ апрѣля 1912 г.), о чемъ и упоминаетъ авторъ.

*) Онѣ перечислены въ Изв. И. А. Н. 1915 г. стр. 1617. „Музыкальное удареніе въ говорѣ Токіо" Е. Поливанова.

Что касается до исчерпывающаго различенія акцентуаціонныхъ типовъ словъ, то работѣ г. Имамура пришлось заполнить только небольшой пробѣлъ, имѣвшійся, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ изданіи Токухон'а въ журналѣ Ромадзи-Сэкаи *). Обслѣдованіе же фонетическихъ деталей акцентуаціи не входитъ въ задачу г. Имамура и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обращаться къ другимъ, болѣе позднимъ японскимъ работамъ — укажу на статьи г. Сакума въ журналѣ Синри-Кэнкю (Психологическія изслѣдованія) и г. О. Иноуэ въ журналѣ Кокугакуин-дзасси — въ 1916 г.

Наиболѣе цѣннымъ пунктомъ работы Имамура является акцентуація грамматическихъ парадигмъ — спряженія глаголовъ и прилагательныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ дополняетъ приложеніе къ словарю Ямада „нихон-онтёрон" („о японскомъ удареніи") и обѣ работы необходимо имѣть въ виду при изученіи токіоской морфологіи.

Правда, морфологическій матеріалъ обѣихъ работъ чрезвычайно кратокъ, разсматриваются только нѣкоторыя изъ громаднаго количества формъ, и описанія токіоской морфологіи въ ея цѣломъ придется создавать не на основаніи японскихъ изслѣдованій, а на непосредственномъ экспериментированіи надъ живымъ языкомъ. Но во всякомъ случаѣ канва по вопросу о роли акцента въ морфологіи уже намѣчена. Указано, напримѣръ, на существованіе двухъ акцентуаціонныхъ типовъ глаголовъ внутри каждаго изъ спряженій, сообразно которымъ различаются по акценту большинство формъ.

*) Трехсложныя имена существительныя, имѣющія въ склоненіи удареніе на третьемъ слогѣ (конечномъ слогѣ основы) обозначаются въ этомъ изданіи Токухона одинаково съ тѣми трехсложными, которыя остаются безударными, какъ въ изоляціи, такъ и въ склоненіи: напр. слово хакама обозначено одинаковымъ по ударенію со словомъ хаори, именно ровнымъ (———), тогда какъ склоненіе обоихъ словъ будетъ различнымъ. Имамура исправляетъ это, обозначая въ словарной части хакама, какъ — —′ хаори, какъ ———. Въ этомъ отношеніи его показанія согласуются со словаремъ Ямада, также различающимъ оба типа.

Например, отъ глаголовъ, которые безударны въ простомъ Praesens'ѣ, какъ яру, агэру, Praeterita будутъ также безударны, а формы условныя (Conditionalis) ударены на первомъ слогѣ суффикса -эба, тогда какъ отъ глаголовъ. ударенныхъ въ Praesens'ѣ на предпослѣднемъ слогѣ, какъ ханàсу, комàру, Praeterita будутъ ударены на 3 съ конца морѣ, а условныя формы на послѣднемъ слогѣ основы.

Praes. агэру, яру	ханàсу, комàру
Praet. агэта, ятта	ханàсита, комàтта
Cond. агэрэ̀ба, ярэ̀ба	ханàсэба, комàрэба.

Равнымъ образомъ существуютъ и два акцентуаціонныхъ типа спряженія прилагательныхъ:

Praes. акаи	сири
Praet. акàкатта	сѝрокатта
Cond. акàкэрэба	сѝрокэрэба.

Ор. Плетнеръ.

